

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ V.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая ул., с. л.
Москва.— 1914.

ТРИЛОГІЯ

ХРИСТОСЪ и АНТИХРИСТЪ.

- I. СМЕРТЬ БОГОВЪ (ЮЛІАНЪ-ОТСТУПНИКЪ).
- II. ВОСКРЕСШІЕ БОГИ (ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ).
- III. АНТИХРИСТЪ (ПЕТРЪ и АЛЕКСЪЙ).

III.

АНТИХРИСТЪ.

(ПЕТРЪ и АЛЕКСЪЙ).

ШЕСТАЯ КНИГА.

Царевичъ въ бѣгахъ.

І.

Царевичъ съ Евфросиньей катались въ лодкѣ лунною ночью по Неаполитанскому заливу.

Онъ испытывалъ чувство подобное тому, которое рождаетъ музыка: музыка—въ трепетѣ луннаго золота, что протянулось, какъ огненный путь по водѣ, отъ Позилиппо до края небесъ; музыка — въ ропотѣ моря и въ чуть слышномъ дыханіи вѣтра, приносившаго, вмѣстѣ съ морскою соленою свѣжестью, благоуханіе апельсиновыхъ и лимонныхъ рощъ отъ береговъ Сорренто; и въ серебристо-лазурныхъ, за мѣсячной мглою, очертаніяхъ Везувія, который курился бѣлымъ дымомъ и вспыхивалъ краснымъ огнемъ, какъ потухающій жертвенникъ умершихъ, воскресшихъ и вновь умершихъ боговъ.

— Маменька, другъ мой сердешный, хорошо-то какъ!— прошепталъ царевичъ.

Евфросинья смотрѣла на все съ такимъ же равнодушнымъ видомъ, какъ, бывало, на Неву и Петропавловскую крѣпость.

— Да, тепло; на водѣ, а не сыро, — отвѣтила она, подавляя зѣвоту.

Онъ закрылъ глаза, и ему представилась горница въ домѣ Вяземскихъ на Малой Охтѣ; косые лучи весенняго вечерняго солнца; дворовая дѣвка Афроська въ высоко подо-

ткнутой юбкѣ, съ голыми ногами, низко нагнувшись, моетъ мочалкою полъ. Самая обыкновенная деревенская дѣвка изъ тѣхъ, о которыхъ парни говорятъ: вишь, ядреная, кругла, бѣла, какъ мытая рѣпка. Но иногда, глядя на нее, вспоминалъ онъ о видѣнной имъ въ Петергофѣ у батюшки старинной голландской картинѣ—Искушеніе св. Антонія: передъ отшельникомъ стоитъ голая рыжая дьяволица съ раздвоенными козьими копытами на покрытыхъ шерстью ногахъ, какъ у самки фавна. Въ лицѣ Евфросиньи — въ слишкомъ полныхъ губахъ, въ немного вздернутомъ носѣ, въ большихъ свѣтлыхъ глазахъ съ поволокою и слегка скошеннымъ, удлинненнымъ разрѣзомъ — было что-то козье, дикое, невинно-безстыдное. Вспоминалъ онъ также изреченія старыхъ книжниковъ о бѣсовской прелести женъ: отъ жены начало грѣху, и тою мы всѣ умираемъ; въ огонь и въ жену впасть едино есть.

Какъ это случилось, онъ и самъ не зналъ, но почти сразу полюбилъ ее грубою, нѣжною, сильною, какъ смерть, любовью.

Она была и здѣсь, на Неаполитанскомъ заливѣ, все та же Афроська, какъ въ домикѣ на Малой Охтѣ; и здѣсь, точно такъ же, какъ, бывало, сидя по праздникамъ на завалинкѣ съ дворнею, — грызла, за неимѣніемъ подсолнуховъ, кедровые орѣшки, выплевывая скорлупу въ лунно-золотыя волны; только, наряженная по французской модѣ, въ мушкахъ, фижмахъ и робронѣ, казалась еще болѣе непристойно - соблазнительной, невинно - безстыдною. Не даромъ пялили на нее глаза два цесарскихъ драбанта и самъ изящный молоденькій графъ Эстергази, который сопровождалъ царевича во всѣхъ его выѣздахъ изъ крѣпости Сантъ-Эльмо. Алексѣю были противны эти мужскіе взоры, которые вѣчно льнули къ ней, какъ мухи къ меду.

— Такъ какъ же, Езопка, надоѣло тебѣ здѣшнее житье, хочется, небось, домой? — проговорила она лѣнивымъ пѣвучимъ голосомъ, обращаясь къ сидѣвшему рядомъ съ нею въ лодкѣ маленькому, плюгавенькому человѣку, корабельному ученику, Алешкѣ Юрову; Езопкою звали его за шутство.

— Ей, матушка Евфросинья Федоровна, житіе намъ здѣсь пришло самое бѣдственное. Наука опредѣлена такая премудрая, что, хотя намъ всѣ дни жизни на той наукѣ трудить, а не принять будетъ, для того — не знамо, учиться языка, не знамо — науки. А въ Венеціи ребята наши помирають, почитай, съ голоду — даютъ всего по три копейки на день, и воистину уже пришли такъ, что пить, ѣсть нечего, и одежишки нѣтъ, ходять срамно и наго. Оставляютъ насъ бѣдныхъ помирать какъ скотину. А паче всего въ томъ тягость моя, что на морѣ мнѣ быть невозможно, того ради, что весьма боленъ. Я человѣкъ не морской! Моя смерть будетъ, ежели не покажутъ надо мною милосердія божескаго. Въ Питербурхъ радъ и готовъ пѣшкомъ итти, только чтобъ моремъ не ѣхать. Милостыню буду просить на дорогѣ, а моремъ не поѣду — воля его величества!..

— Ну, братъ, смотри, попадешь изъ кулька въ рожку: въ Петербургѣ-то тебя плетми выпорють за то, что сбѣжалъ отъ ученія, — замѣтилъ царевичъ.

— Плохо твое дѣло, Езопка! Что же съ тобой, сиротой, будетъ? Куда дѣнешься? — сказала Евфросинья.

— А куда мнѣ, матушка, дѣваться? Либо удавлюсь, либо на Авоонъ уйду, постригусь...

Алексѣй посмотрѣлъ на него съ жалостью и невольно сравнилъ судьбу бѣглаго навигатора съ судьбою бѣглаго царевича:

— Ничего, братъ, дастъ Богъ, счастливо вмѣстѣ вернемся въ отечество! — молвилъ онъ съ доброю усмѣшкою.

Выѣхавъ изъ луннаго золота, возвращались они къ темному берегу. Здѣсь, у подошвы горы, была запустѣвшая вилла, построенная во времена Возрожденія, на развалинахъ древняго храма Венеры.

По обѣимъ сторонамъ полуразрушенной лѣстницы къ морю тѣснились, какъ факельщики похороннаго шествія, исполинскіе кипарисы; ихъ растрепанныя острыя верхушки, вѣчно нагибаемая вѣтромъ съ моря, такъ и оставались навсегда склоненными, точно грустно поникшія головы. Въ черной тѣни изваянія боговъ бѣлѣли какъ призраки.

И струя фонтана казалась тоже блѣднымъ призракомъ. Свѣтляки подъ лавровою кущею горѣли, какъ погребальныя свѣчи. Тяжелый запахъ магнолій напоминалъ благовоніе, которымъ умащаютъ мертвыхъ. Одинъ изъ павлиновъ, жившихъ на виллѣ, пробужденный голосами и шумомъ веселья, выйдя на лѣстницу, распустилъ хвостъ, заигравшій въ лунномъ сіяньи, какъ опахало изъ драгоценныхъ камней, тусклою радугою. И жалобные крики павъ похожи были на пронзительные вопли плакальщицъ. Воды фонтана, стекая съ нависшей скалы по длиннымъ и тонкимъ, какъ волосы, травамъ, падали въ море, капля за каплей, какъ тихія слезы, — словно тамъ, въ пещерѣ, плакала нимфа о своихъ погибшихъ сестрахъ. И вся эта грустная вилла напоминала темный Элизіумъ, подземную рошу тѣней, кладбище умершихъ, воскресшихъ и вновь умершихъ боговъ.

— Вѣришь ли, государыня милостивая, — въ банѣ вотъ ужъ третій годъ не парился! — продолжалъ Езопка свои жалобы.

— Охъ, вѣничковъ бы свѣженькихъ березовыхъ да послѣ баньки медку вишневаго! — вздохнула Евфросинья.

— Какъ здѣшнюю кислятину пьешь да вспомнишь о водкѣ, индо заплачешь! — простоналъ Езопка.

— Икорки бы паюсной! — подхватила Евфросинья.

— Балычка бы соленькаго!

— Сниточковъ бѣлозерскихъ!

Такъ они перекликались, растравляя другъ другу сердечныя раны.

Царевичъ слушалъ ихъ, глядѣлъ на виллу и невольно усмѣхался: странно было противорѣчіе этихъ будничныхъ грезъ и призрачной дѣйствительности.

По огненной дорогѣ въ морѣ двигалась другая лодка, оставляя черный слѣдъ въ дрожащемъ золотѣ. Послышался звукъ мандолины и пѣсня, которую пѣлъ молодой женскій голосъ:

Quant è bella giovenezza,
Che si fugge tuttavia.
Chi vuol esser lieto, sia —
Di doman non c'è certezza.

Эту пѣсню любви сложилъ Лоренцо Медичи Великолѣпный для тріумфальнаго шествія Вакха и Аріадны на флорентинскихъ праздникахъ. Въ ней было краткое веселье Возрожденія и вѣчная грусть о немъ.

Царевичъ слушалъ, не понимая словъ; но музыка наполняла душу его сладкою грустью.

О, какъ молодость прекрасна,
Но мгновенна! Пой же, смѣйся,
Счастливъ будь, кто счастья хочетъ,
И на завтра не надѣйся.

— А ну-ка, матушка, русскую! — взмолился Езопка, хотѣлъ даже стать на колѣни, но покачнулся и едва не упалъ въ воду: онъ былъ нетвердъ на ногахъ, потому что все время тянулъ «кислятину» изъ плетеной фляжки, которую стыдливо пряталъ подъ полой кафтана. Одинъ изъ гребцовъ, полуголый смуглый красавецъ, понялъ, улыбнулся Евфросиньѣ, подмигнулъ Езопкѣ и подалъ ему гитару. Онъ забренчалъ на ней, какъ на трехструнной балалайкѣ.

Евфросинья усмѣхнулась, поглядѣла на царевича и вдругъ запѣла громкимъ, немного крикливымъ, бабьимъ голосомъ, точно такъ же, какъ пѣвала въ хороводахъ на вечерней зарѣ весною у березовой роши надъ рѣчкою. И берега Неаполя, древней Партенопеи, огласились неслыханными звуками:

Ахъ, вы сѣни мои, сѣни, сѣни новыя мои,
Сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя!

Безконечная грусть о прошломъ была въ пѣснѣ чужой:

Chi vuol esser lieto, sia —
Di doman non c'è certezza.

Безконечная грусть о будущемъ была въ пѣснѣ родной:

Полети ты, мой соколъ, высоко и далеко,
И высоко, и далеко, на родиму сторону!
На родимой, на сторонкѣ грозень батюшка живетъ;
Онъ грозень, сударь, грозень, да немилостивый.

Обѣ пѣсни, своя и чужая, сливались въ одну.

Царевичъ едва удерживалъ слезы. Никогда еще, казалось, онъ такъ не любилъ Россію, какъ теперь. Но онъ любилъ ее новою всемірною любовью, вмѣстѣ съ Европою; любилъ чужую землю, какъ свою. И любовь къ родной, и любовь въ чужой землѣ сливались, какъ эти двѣ пѣсни, въ одну.

II.

Цесарь, принявъ подъ свое покровительство царевича, поселилъ его, чтобы вѣрнѣе укрыть отъ отца, подъ видомъ нѣкотораго венгерскаго графа, или, какъ самъ царевичъ выражался, подъ невольничьимъ лицомъ, въ уединенномъ, неприступномъ замкѣ Эренбергѣ, настоящемъ орлиномъ гнѣздѣ, на вершинѣ высокой скалы, въ горахъ Верхняго Тироля, по дорогѣ отъ Фюссена къ Инспруку.

«Немедленно, по полученіи сего, — сказано было въ цесарской инструкціи коменданту крѣпости, — прикажи изготвить для главной особы двѣ комнаты, съ крѣпкими дверями и желѣзными въ окнахъ рѣшетками. Какъ солдатамъ, такъ и женамъ ихъ, не дозволять выходить изъ крѣпости, подъ опасеніемъ жестокой казни, даже смерти. Если главный арестантъ захочетъ говорить съ тобою, ты можешь исполнить его желаніе, какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ другихъ: если, на примѣръ, онъ потребуетъ книгъ, или чего-либо иного къ своему развлеченію, даже если пригласить тебя къ обѣду или какой-нибудь игрѣ. Можешь, сверхъ того, дозволить ему прогулку въ комнатахъ, или во дворѣ крѣпости, для чистаго воздуха, но всегда съ предосторожностью, чтобъ не ушелъ».

Въ Эренбергѣ прожилъ Алексѣй пять мѣсяцевъ — отъ декабря до апрѣля.

Несмотря на всѣ предосторожности, царскіе шпіоны, гвардіи капитанъ Румянцевъ съ тремя офицерами, имѣвшіе тайное повелѣніе схватить «извѣстную персону», во что бы то ни стало, и отвезти ее въ Мекленбургію, узнали о пребываніи царевича въ Эренбергѣ, прибыли въ Верхній Тироль

и поселились тайно въ деревушкѣ Рейте, у самой подошвы Эренбергской скалы.

Резидентъ Веселовскій объявилъ, что государю его будетъ «зѣло чувственно слышать отвѣтъ министровъ именемъ цесаря, будто извѣстной персоны въ земляхъ цесарскихъ не обрѣтается, между тѣмъ, какъ посланный курьеръ видѣлъ людей ея въ Эренбергѣ, и она находится на цесарскомъ коштѣ. Не только капитанъ Румянцевъ, но и вся, почитай, Европа вѣдаетъ, что царевичъ въ области цесаря. Если бы эрцгерцогъ, отлучась отца своего, искалъ убѣжища въ земляхъ Россійскаго государя, и оно было бы дано тайно, сколь болѣзненно было бы это цесарю!»

«Ваше величество, — писалъ Петръ императору, — можете сами разсудить, коль чувственно то намъ, яко отцу, быть имѣеть, что нашъ первородный сынъ, показавъ намъ такое непослушаніе и уѣхавъ безъ воли нашей, содержится подъ другою протекціею или арестомъ, чего подлинно не можемъ признать и желаемъ на то отъ вашего величества изъясненія».

Царевичу объявили, что императоръ предоставляетъ ему возвратиться въ Россію или остаться подъ его защитою, но въ послѣднемъ случаѣ признаетъ необходимымъ перевести его въ другое, отдаленнѣйшее мѣсто, именно въ Неаполь. вмѣстѣ съ тѣмъ дали ему почувствовать желаніе цесаря, чтобы онъ оставилъ въ Эренбергѣ или вовсе удалилъ отъ себя своихъ людей, о которыхъ съ неудовольствіемъ отзывался отецъ его въ письмѣ, дабы тѣмъ отнять у царя всякій поводъ къ нареканію, будто императоръ принимаетъ подъ свою защиту людей непотребныхъ. То былъ намекъ на Евфросинью. Казалось, въ самомъ дѣлѣ, непристойнымъ, что, умоляя цесаря о покровительствѣ именемъ покойной Шарлотты, сестры императрицы, царевичъ держитъ у себя «зазорную дѣвку», съ коей вступилъ въ связь, какъ молва гласила, еще при жизни супруги.

Онъ объявилъ, что готовъ ѣхать, куда цесарь прикажетъ, и жить, какъ велитъ, — только бы не выдавали его отцу.

15-го апрѣля, въ 3 часа ночи, царевичъ, невзирая на шпионовъ, выѣхалъ изъ Эренберга подъ именемъ императорскаго офицера. При немъ былъ только одинъ служитель—Евфросинья, переодѣтая пажемъ.

«Наши неаполитанскіе пилигримы благополучно прибыли,—доносилъ графъ Шенборнъ. При первой возможности пришлю секретаря моего съ подробнымъ донесеніемъ объ этомъ путешествіи, столь забавномъ, какъ только можно себѣ представить. Между прочимъ, нашъ маленькій пажъ, наконецъ, признанъ женщиною, но безъ брака, повидимому, также и безъ дѣвства, такъ какъ объявленъ любовницей и необходимой для здоровья». «Я употребляю всѣ возможные средства, чтобы удержать наше общество отъ частаго и безмѣрнаго пьянства, но тщетно», доносилъ секретарь Шенборна, сопровождавшій царевича.

Онъ ѣхалъ черезъ Инспрукъ, Мантую, Флоренцію, Римъ. Въ полночь 6-го мая 1717 года прибылъ въ Неаполь и остановился въ гостиницѣ *Трехъ Королей*. Вечеромъ на слѣдующій день вывезенъ въ наемной каретѣ изъ города къ морю, затѣмъ тайнымъ ходомъ введенъ въ королевскій дворецъ, и оттуда, черезъ два дня, по изготовленіи особыхъ покоевъ, въ крѣпость Сантъ-Эльмо, стоявшую на высокой горѣ надъ Неаполемъ.

Хотя и здѣсь онъ жилъ подъ «невольничьимъ лицомъ», но не скучалъ и не чувствовалъ себя въ тюрьмѣ; чѣмъ выше были стѣны и глубже рвы крѣпости, тѣмъ надежнѣе они защищали его отъ отца.

Въ покояхъ окна съ крытымъ ходомъ передъ ними выходили прямо на море. Здѣсь проводилъ онъ цѣлые дни; кормилъ такъ же, какъ, бывало, въ Рождественѣ, отовсюду слетавшихся къ нему и быстро прирученныхъ имъ голубей, читалъ историческія и философскія книги, пѣлъ псалмы и акаѳисты, глядѣлъ на Неаполь, на Везувій, на горѣвшія голубымъ огнемъ, точно сапфирныя, Исхію, Прочиду, Капри, но больше всего на море—глядѣлъ и не могъ наглядѣться. Ему казалось, что онъ видитъ его въ первый разъ. Сѣверное, сѣрое, торговое, военное море Корабельнаго Ре-

гламента и петербургскаго Адмиралтейства, то, которое любилъ отецъ,—непохоже было на это южное, синее, вольное.

Съ нимъ была Евфросинья. Когда онъ забывалъ объ отцѣ, то былъ почти счастливъ.

Ему удалось, хотя съ большимъ трудомъ, выхлопотать для Алексѣя Юрова пропускъ въ Сантъ-Эльмо, несмотря на строжайшіе караулы. Езопка сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ: потѣшалъ Евфросинью, которая скучала, игралъ съ нею въ карты и шашки, забавлялъ ее шутками, сказками и баснями, какъ настоящій Эзопъ.

Охотнѣе всего рассказывалъ онъ о своихъ путешествіяхъ по Италіи. Царевичъ слушалъ его съ любопытствомъ, снова переживая свои собственныя впечатлѣнія. Какъ ни стремился Езопка въ Россію, какъ ни тосковалъ о русской банѣ и водкѣ, видно было, что и онъ, подобно царевичу, полюбилъ чужую землю, какъ родную, полюбилъ и Россію, вмѣстѣ съ Европою, новою всемірною любовью.

— Альпенскими горами путь зѣло прискорбенъ и труденъ,—описывалъ онъ переваль черезъ Альпы.—Дорога самая тѣсная. Съ одной стороны—горы, облакамъ высокостью подобныя, а по другую сторону—пропасти зѣло глубокия, въ которыхъ отъ теченья быстрыхъ водъ шумъ непрестанный, какъ на мельницѣ. И отъ видѣнья той глубокости приходитъ человѣку великое ужасаніе. И на тѣхъ горахъ всегда лежитъ много снѣговъ, потому что солнце промежъ ими никогда лучами своими не осѣняетъ...

— А какъ съѣхали съ горъ—на горахъ еще зима, а внизу ужъ лѣто красное. По обѣ стороны дороги виноградовъ и деревъ плодовыхъ, лимоновъ, померанцевъ и всякихъ иныхъ множество, и лозное плетеніе около деревъ изрядными фигурами. Вся, почитай, Италія—единый садъ, подобье рая Божьяго! Марта въ седьмой день видѣли плоды—лимоны и померанцы зрѣлые и мало недозрѣлые, и гораздо зеленые, и завязь, и цвѣтъ—всѣ на одномъ деревѣ...

— Тамъ, у самыхъ горъ, на мѣстѣ красовитомъ, построенъ нѣкій домъ, именуемый виллою, зѣло господственный, изрядною архитектурою. И вокругъ того дома—пре-

дивные сады и огороды: ходять въ нихъ гулять для прохладу. И въ тѣхъ садахъ деревья учинены по препорціи, и листья на нихъ обрываютъ по препорціи-жъ. И цвѣты и травы сажены въ горшкахъ и ставлены архитектурально. Першпектива зѣло изрядная! И въ тѣхъ же садахъ подѣлано фонтанъ преславныхъ множество, изъ коихъ воды истекають зѣло чистыя всякими хитрыми штуками. И вмѣсто столповъ, по дорогамъ ставлены мужики и дѣвки мраморные: Ювишъ, Бахусъ, Венусъ и иные всякіе боги поганскіе работы изрядной, какъ живые. А тѣ подобья древнихъ лѣтъ изъ земли вырыты...

О Венеціи онъ сказывалъ такія чудеса, что Евфросинья долго не вѣрила и смѣшивала Венецію съ Леденцомъ-городомъ, о которомъ говорится въ русскихъ сказкахъ.

— Врешь ты все, Езопка!—смѣялась она, но слушала съ жадностью

— Венеція вся стоитъ на морѣ, и по всѣмъ улицамъ и переулкамъ—вода морская, и ѣздятъ въ лодкахъ. А лошадей и никакого скота нѣтъ; также каретъ, колясокъ, телѣгъ никакихъ нѣтъ, а саней и не знаютъ. Воздухъ лѣтомъ тягостенъ, и бываетъ духъ зѣло грубый отъ гнилой воды, какъ и у насъ, въ Питербурхѣ, отъ канавы Фонтанной, гдѣ засорено. И по всему городу есть много извозчичьихъ лодокъ, которыя называются гундалами, а сдѣланы особою модою: длинны да узки, какъ бываютъ ододеревыя лодки; носъ и корма острые, на носу желѣзный гребень, а на серединѣ чердакъ съ окончинами хрустальными и завѣсами камчатными; и тѣ гундалы всѣ черныя, покрыты черными сукнами, похожи на гробы; а гребцы—одинъ человѣкъ на носу, другой на кормѣ гребетъ, стоя, тѣмъ же весломъ и править; а руля нѣтъ, однакожъ, и безъ него управляютъ изрядно...

«Въ Венеціи оперы и комедіи предивныя, которыхъ въ совершенство описать никто не можетъ, и нигдѣ во всемъ свѣтѣ такихъ предивныхъ оперъ и комедій нѣтъ и не бываетъ. И тѣ палаты, въ которыхъ тѣ оперы дѣйствуютъ,—великія, округлыя, и называютъ ихъ итальяне театрумъ.

И въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе, въ пять рядовъ вверхъ, прехитрыми золочеными работами. А играютъ на тѣхъ операхъ во образъ древнихъ гишторій о преславныхъ мужахъ и богахъ эллинскихъ да римскихъ: кто которую гишторію излюбитъ, тотъ въ своемъ театрумѣ и сдѣлаетъ. И приходитъ въ тѣ оперы множество людей въ машкерахъ, по-славянски въ харяхъ, чтобы никто никого не позналъ. Также и все время карнавала, сирѣчь масляной, ходятъ въ машкерахъ и въ странномъ платьѣ; и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ хочетъ, и ѣздятъ въ гундалахъ съ музыкою, и танцуютъ, и ѣдятъ сахара, и пьютъ всякіе изрядные лимонаты и чекулаты. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и не хотятъ быть никогда безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много, понеже, когда сойдутся въ машкерахъ, то многія жены и дѣвицы берутъ за руки иноземцевъ и гуляютъ съ ними, и забавляются безъ стыда. А народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ, высокъ и строенъ, и тонокъ, и политиченъ, убирается зѣло чисто, а къ ручному дѣлу не охочъ, больше заживають въ прохладахъ, всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ, и ко грѣху тѣлесному слабы, ни для чего иного, токмо для богатства, что тѣмъ богатятся, а иного никакого промысла не имѣють. И многія дѣвки живутъ особыми домами и въ грѣхъ, и въ стыдъ себѣ того не вмѣняють, ставятъ себѣ то вмѣсто торговаго промыслу; а другіе, у которыхъ своихъ домовъ нѣтъ, тѣ живутъ въ особыхъ улицахъ, въ поземныхъ малыхъ палатахъ; изъ каждой палаты подѣланы на улицу двери, и когда увидятъ человѣка приходящаго къ нимъ, того съ великимъ прилежаніемъ каждая къ себѣ зазываетъ; и на который день у которой будетъ приходящихъ больше, и та себѣ тотъ день вмѣняетъ за великое счастье; и отъ того сами страждутъ францоватыми болѣзнями, также и приходящихъ тѣмъ своимъ богатствомъ надѣляютъ довольно и скоро. А духовныя особы имъ въ томъ возбраняють поученіемъ, а не принужденіемъ. А болѣзней францоватыхъ въ Венеціи лѣчитъ зѣло гораздо...

Съ такимъ же сочувствіемъ, какъ венеціанскія увеселенія, описывалъ онъ и всякія церковныя святыни, чудеса и мощи.

— Сподобился видѣть крестъ; въ ономъ крестѣ подь стекломъ устроено и положено: часть Пупа Христова и часть Обрѣзанія. А въ иномъ крестѣ—часть малая отъ святого Крестителява носа. Въ городѣ Барѣ видѣлъ муроточивыя мощи св. Николы Чудотворца: видна кость ноги его; и стоитъ надъ оною костью муро святое, видомъ подобно чистому маслу, и никогда не оскудѣваетъ; множественное число того святого мюра молебщики пріѣзжіе на всякій день разбираютъ; однакожь, никогда не умаляется, какъ вода изъ родника течетъ; и весь міръ тѣмъ святымъ муромъ преизобилуетъ и освящается. Видѣлъ также кипѣніе крови св. Януарія и кость св. мученика Лаврентія—положена та кость въ хрусталь, а какъ поцѣлуешь, то сквозь хрусталь является тепло, чему есть немалое удивленіе...

Съ меньшимъ удивленіемъ описывалъ онъ и чудеса науки:

— Въ Падвѣ, въ академіи дохтурской, бальзамныя младенцы, которые бывають выкидки, а другіе выпоротыя изъ мертвыхъ матерей, въ спиртусахъ плавають въ склянницахъ стеклянныхъ, и стоятъ такъ, хотя тысячу лѣтъ, не испортятся. Тамъ же, въ библіотекѣ, видѣлъ зѣло великія глобусы, земныя и небесныя, изряднымъ математицкимъ мастерствомъ устроенныя...

Езопка былъ классикъ. Средневѣковое казалось ему варварскимъ. Восхищало подраженіе древнему зодчеству—всякая правильность, прямолинейность, «препорція»—то, къ чему глазъ его привыкъ уже и въ юномъ Петербургѣ.

Флоренція ему не понравилась.

— Домовъ самыхъ изрядныхъ, которые были бы нарочитой препорціи, мало; всѣ дома флоренціе древняго зданія; палаты есть и высокія, въ три, четыре жилья, да строены просто, не по архитектурѣ...

Больше всего поразилъ его Римъ. Онъ рассказывалъ о немъ съ тѣмъ благоговѣйнымъ, почти суевѣрнымъ чувствомъ, которое Вѣчный Городъ всегда внушалъ варварамъ.

— Римъ есть мѣсто великое. Нынѣ еще значитя стараго Риму околичность—и знатно, что былъ Римъ неудобь-сказуемаго величества; которыя мѣста были древле въ се-рединѣ города, на тѣхъ мѣстахъ нынѣ великія поля и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы и винограды заведены многіе, и буйво-ловъ, и быковъ, и всякой иной животины пасутся стада; и на тѣхъ же поляхъ есть много древняго строенія камен-наго, безмѣрно великаго, которое отъ многихъ лѣтъ разва-лилось, преславнымъ мастерствомъ построеннаго, по самой изрядной препорціи, какъ нынѣ уже никто строить не можетъ. И отъ горъ до самаго Риму видны древняго строенія столбы каменные съ перемычками, а вверху тѣхъ столбовъ колоды каменные, по которымъ изъ горъ текла ключевая вода, зѣло чистая. И тѣ столбы—акведуки именуется, а поля—Кам-панья-ди-Рома...

Царевичъ только мелькомъ видѣлъ Римъ; но теперь, когда онъ слушалъ и вспоминалъ,—словно какая-то грозная тѣнь «неудобь-сказуемаго величества» проносилась надъ нимъ.

— И на тѣхъ поляхъ межъ разваленнаго зданья рим-скаго есть входъ въ пещеры. Въ пещерахъ тѣхъ скрывались христіане во время гоненій, и были мучены; и донынѣ тамъ обрѣтаются многія кости тѣхъ святыхъ мучениковъ. Кото-рыя пещеры, именуемы катакумбы, такъ велики, что подъ землею, сказываютъ, проходъ къ самому морю; и другіе есть проходы неисповѣдимые. И близъ тѣхъ катакумбовъ, въ единой малой церковкѣ, стоитъ гробъ Бахусовъ, изъ камня порфира высѣченъ, зѣло великій, и въ томъ гробу нѣтъ никого—стоитъ пустъ. А въ древнія лѣта, сказываютъ, было въ немъ тѣло нетлѣнное, лѣпоты неописуемой, на-важденіемъ дьявольскимъ богу нечистому Бахусу видомъ подобилось. И святые мужи ту погань извергли, и мѣсто освятили, и церковь построили...

«Потомъ пріѣхалъ я въ иное мѣсто, именуемое Ку-лизей, гдѣ, при древнихъ цесаряхъ римскихъ, которые были гонители на христіанскую вѣру и мучители за имя Хри-стово, святыхъ мучениковъ отдавали на съѣденіе звѣрямъ.

То мѣсто сдѣлано округло — великая машина — вверхъ будетъ сажень пятнадцать; стѣны каменные, по которымъ оныя древніе мучители ходили и смотрѣли, какъ святыхъ мучениковъ звѣри терзали. И при тѣхъ стѣнахъ въ землѣ подѣланы печуры каменные, въ коихъ жили звѣри. И въ ономъ Кулизеѣ съѣденъ отъ звѣрей св. Игнатій Богоносецъ; и земля въ томъ мѣстѣ вся обагрена есть кровью мучениковъ...

Царевичъ помнилъ, какъ твердили ему съ дѣтства, что одна на свѣтѣ Русь — земля святая, а всѣ остальные народы — поганые. Помнилъ и то, что самъ говорилъ однажды фрейлинъ Арнгеймъ на голубятнѣ въ Рождественѣ: «только съ нами Христось». — «Полно, такъ ли? — думалъ онъ теперъ. Что, если у нихъ тоже Христось, и не только Россія, но и вся Европа — святая земля? Земля въ томъ мѣстѣ вся обагрена кровью мучениковъ. Можетъ ли быть такая земля поганою?»

Что третьему Риму, какъ называли Москву старики, далеко до перваго настоящаго Рима, такъ же какъ и Петербургской Европѣ до настоящей, — въ этомъ онъ убѣдился воочію.

— Какъ Москвы еще початку не слыхивано, — утверждалъ Езопка, — на западѣ много было иныхъ государствъ, которыя старѣе и честнѣе Москвы...

Описаніе венеціанскаго карнавала заключилъ онъ словами, которыя запомнились царевичу:

— Такъ всегда веселятся и ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ, и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страха никто не имѣетъ: всякій дѣлаетъ по своей волѣ, кто что хочетъ. И та вольность въ Венеціи всегда бываетъ, и живутъ венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды, и безъ тягостныхъ податей...

Недосказанная мысль была ясна: «не то-де, что у насъ на Руси, гдѣ никто ни о какой вольности пикнуть не смѣй».

— Особливо же тотъ порядокъ у всѣхъ европейскихъ народовъ хваленъ есть, — замѣтилъ однажды Езопка, — что дѣти ихъ никакой косности, ни ожесточенія отъ своихъ ро-

дителей, ни отъ учителей не имѣютъ, но отъ добраго и остраго наказанія словеснаго, паче нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются. И вѣдая то, въ старину люди московскіе для науки въ чужія земли дѣтей своихъ не посылали вовсе, страшась того: узнавъ тамошнихъ земель вѣры и обычаи, и вольность благую, начали бѣ свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили. А нынѣ, хотя и посылаютъ, да все толку мало, понеже, какъ птицѣ безъ воздуха, такъ наукамъ безъ воли быть не можно; а у насъ-де и новому учать по-старому: палка нѣма, да дасть ума; нѣтъ того спорѣе, что кулакомъ по шеѣ...

Такъ оба они—и бѣглый навигаторъ, и бѣглый царевичъ—смутно чувствовали, что та Европа, которую вводилъ Петръ въ Россію—цифирь, навигація, фортификація — еще не вся Европа и даже не самое главное въ ней; что у настоящей Европы есть высшая правда, которой царь не знаетъ. А безъ этой правды, со всѣми науками, вмѣсто стараго московскаго варварства, будетъ лишь новое петербургское хамство. Не обращался ли къ ней, къ этой вольности благой, и самъ царевичъ, призывая Европу разсудить его съ отцомъ?

Однажды Езопка разсказалъ *Гисторію о россійскомъ матросѣ Василии Коріотскомъ и о прекрасной королевноѣ Иракліи Флоренской земли.*

Слушателямъ, можетъ-быть, такъ же какъ самому разсказчику, темень и все же таинственно-внятенъ былъ смыслъ этой сказки: вѣнчаніе россійскаго матроса съ королевною Флоренціи, весенней земли Возрожденія — прекраснѣйшимъ цвѣтомъ европейской вольности — какъ прообразъ еще не извѣстнаго, грядущаго соединенія Россіи съ Европою.

Царевичъ, выслушавъ *Гисторію*, вспомнилъ объ одной картинѣ, привезенной отцомъ изъ Голландіи: царь, въ матросскомъ платьѣ, обнимающій здоровенную голландскую дѣвку. Алексѣй невольно усмѣхнулся, подумавъ, что этой краснорожей дѣвкѣ такъ же далеко до «сіящей, аки солн-

це неодѣянное», королевы Флоренской, какъ и всей Россійской Европѣ — до настоящей.

— А небось, въ Россію-то матросъ твой не вернулся? — спросилъ онъ Езопку.

— Чего онъ тамъ не видѣлъ? — проворчалъ тотъ, съ внезапнымъ равнодушіемъ къ той самой Россіи, въ которую еще недавно такъ стремился. — Въ Питербурхѣ-то его, пожалуй, по указу о бѣглыхъ, кошками бы выдрали, да на Рогервикъ сослали, а королеву Флоренскую — на прядильный дворъ, яко дѣвку зазорную!..

Но Евфросинья заключила неожиданно:

— Ну, вотъ видишь, Езопка,—наукою какихъ чиновъ матросъ твой достигъ; а если бъ отъ ученія бѣгалъ, какъ ты, — не видать бы ему королевы Флоренской, какъ ушей своихъ. Что же здѣшнюю вольность хвалишь,—такъ не вороньему клюву рябину клевать. Дай вамъ волю — совсѣмъ измотаетесь. Какъ же васъ, дураковъ, не учить палкою, коли добромъ не хотите? Спасибо царю-батюшкѣ. Такъ васъ и надо!

III.

Тихій Донъ-рѣка,
Родной батюшка,
Ты обмой меня,
Сырая земля,
Мать родимая,
Ты прикрой меня.

Евфросинья пѣла, сидя у окна за столомъ въ покояхъ царевича въ крѣпости Сантъ-Эльмо и спарывая красную тафтяную подкладку съ песочнаго камзола своего мужского наряда; она объявила, что ни за что больше не будетъ рядиться шуткомъ гороховымъ.

На ней былъ шелковый, грязный, съ оторванными пуговицами шлафоръ, серебряныя, стоптанныя, на босую ногу туфли. Въ стоящей передъ ней жестяной скринѣ — рабочей шкатулкѣ валялись въ беспорядкѣ пестрые лоскутки и лен-

точки, «махальце женское» — вѣрь, «рукавицы» лайковые — перчатки, любовныя письма царевича и бумажки съ курительнымъ порошкомъ, ладанъ отъ святого старца и пудра Марешаль отъ знаменитаго парикмахера Фризонъ съ улицы Сентъ-Онорэ, аѳонскія четки и парижскія мушки и баночки съ «поматомъ». Цѣлые часы проводила она въ притираніяхъ и подкрашиваніяхъ, вовсе ненужныхъ, потому что цвѣтъ лица у нея былъ прекрасный.

Царевичъ за тѣмъ же столомъ писалъ письма, которыя предназначались для того, чтобы ихъ «въ Питербурхѣ подметывать», а также подавать архіереямъ и сенаторамъ.

«Превосходительнѣйшіе господа сенаторы!

«Какъ вашей милости, такъ, чаю, и всему народу не безъ сумлѣнія мое отъ Россійскихъ краевъ отлученіе и пребываніе безвѣстное, на что меня принудило не что иное, только всегдашнее мнѣ безвинное озлобленіе и непорядокъ, а паче же, что было въ началѣ прошлаго года — едва было и въ черную одежду не облекли меня силою, безъ всякой, какъ вамъ всѣмъ извѣстно, моей вины. Но всемилостивый Господь, молитвами всѣхъ оскорбляемыхъ Утѣшительницы, Пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ, избавилъ меня отъ сего и далъ мнѣ случай сохранить себя отлученіемъ отъ любезнаго отечества, котораго, если бы не сей случай, никогда бы не хотѣлъ оставить. И нынѣ обрѣтаюся благополучно и здорово подъ храненіемъ нѣкотораго великаго государя, до времени, когда сохранившій меня Господь повелитъ явиться мнѣ паки въ Россію, при которомъ случаѣ прошу, не оставьте меня забвенна. Буде же есть какія вѣдомости обо мнѣ, дабы память обо мнѣ въ народѣ изгладить, что меня въ живыхъ нѣтъ, или иное что зло, не извольте вѣрить и народъ утвердите, чтобы не имѣли вѣры. Богу хранящу мя, живъ есмь и пребываю всегда, какъ вашей милости, такъ и всему отечеству доброжелательный до гроба моего Алексѣй».

Онъ взглянулъ сквозь открытую дверь галлерей на море. Подъ свѣжимъ сѣвернымъ вѣтромъ оно было синее,

мглистое, точно дымящееся, бурное, съ бѣлыми барашками и бѣлыми парусами, надутыми вѣтромъ, крутогрудыми какъ лебеди. Царевичу казалось, что это то самое синее море, о которомъ поется въ русскихъ пѣсняхъ и по которому Вѣщій Олегъ со своею дружиной ходилъ Царьградъ.

Онъ досталъ нѣскольکو сложенныхъ вмѣстѣ листовъ, исписанныхъ его рукою по-нѣмецки крупнымъ, словно дѣтскимъ почеркомъ. На поляхъ была приписка: «Nehmen sie nicht Ubel, das ich so schlecht geschrieben, weil ich kann nicht besser.—Не посѣтуйте, что я такъ плохо написалъ, потому что не могу лучше». Это было длинное письмо къ цесарю, цѣлая обвинительная рѣчь противъ отца. Онъ давно уже началъ его, постоянно поправлялъ, перечеркивалъ, снова писалъ и никакъ не могъ кончить: то, что казалось вѣрнымъ въ мысляхъ, оказывалось невѣрнымъ въ словахъ; между словомъ и мыслью была неодолимая преграда — и самага главнаго нельзя было сказать никакими словами.

«Императоръ долженъ спасти меня, — перечитывалъ онъ отдѣльныя мѣста. — Я не виноватъ передъ отцомъ; я былъ ему всегда послушенъ, любилъ и чтилъ его, по заповѣди Божьей. Знаю, что я человѣкъ слабый. Но такъ воспиталъ меня Меньшиковъ: ничему не училъ, всегда удалялъ отъ отца, обходился, какъ съ холопомъ или собакой. Меня нарочно спаивали. Я ослабѣлъ духомъ отъ смертельнаго пьянства и отъ гоненій. Впрочемъ, отецъ въ прежнее время былъ ко мнѣ добръ. Онъ поручилъ мнѣ управление государствомъ, и все шло хорошо,—онъ былъ мною доволенъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ у жены моей пошли дѣти, а новая царица также родила сына, съ кронпринцессой стали обращаться дурно, заставляли ее служить, какъ дѣвку, и она умерла отъ горя. Царица и Меньшиковъ вооружили противъ меня отца. Оба они исполнены злости, не знаютъ ни Бога, ни совѣсти. Сердце у царя доброе и справедливое, ежели оставить его самому себѣ; но онъ окруженъ злыми людьми, къ тому же неимовѣрно вспыльчивъ и во гнѣвѣ жестокъ, думаетъ, что, какъ Богъ, имѣетъ право на жизнь и смерть людей. Много пролилъ крови невинной и даже часто собственными руками

пыталъ и казнилъ осужденныхъ. Если императоръ выдастъ меня отцу, то все равно, что убьетъ. Если бы отецъ и пощадилъ, то мачеха и Меншиковъ не успокоятся, пока не запоятъ или не отравятъ меня. Отречение отъ престола вынудили у меня силою; я не хочу въ монастырь; у меня довольно ума, чтобы царствовать. Но свидѣтельствуюсь Богомъ, что никогда не думалъ я о возмущеніи народа, хотя это нетрудно было бы сдѣлать, потому что народъ меня любить, а отца ненавидитъ за его недостойную царицу, за злыхъ и развратныхъ любимцевъ, за поруганіе церкви и старыхъ добрыхъ обычаевъ, а также за то, что, не щадя ни денегъ, ни крови, онъ есть тиранъ и врагъ своего народа»...

«Врагъ своего народа?» повторилъ царевичъ, подумалъ и вычеркнулъ эти слова: они показались ему лживыми. Онъ вѣдь зналъ, что отецъ любить народъ, хотя любовь его иногда беспощаднѣе всякой вражды: кого люблю, того и бью. Ужъ лучше бы, кажется, меньше любилъ. И его, сына, тоже любить. Если бы не любилъ, то не мучилъ бы такъ. И теперь, какъ всегда, перечитывая это письмо, онъ смутно чувствовалъ, что правъ передъ отцомъ, но не совсѣмъ правъ; одна черта, одинъ волосокъ отдѣлялъ это «не совсѣмъ правъ» отъ «совсѣмъ не правъ», и онъ постоянно, хотя и невольно, въ своихъ обвиненіяхъ переступалъ за эту черту. Какъ будто у каждаго изъ нихъ была своя правда, и эти двѣ правды были навѣки противоположны, навѣки непримиримы. И одна должна была уничтожить другую. Но, кто бы ни побѣдилъ, виноватъ будетъ побѣдитель, побѣжденный — правъ.

Все это не могъ бы онъ сказать словами даже самому себѣ, не то что другимъ. Да и кто понялъ бы, кто повѣрилъ бы? Кому, кромѣ Бога, быть судьей между сыномъ и отцомъ?

Онъ отложилъ письмо съ тягостнымъ чувствомъ, съ тайнымъ желаніемъ его уничтожить, и прислушался къ пѣсни Евфросиньи, которая, кончивъ пороть, примѣряла передъ зеркаломъ новыя французскія мушки. Это вѣчное тихое пѣніе въ тюремной скукѣ у нея было невольчо, какъ

пѣніе птицы въ клѣткѣ: она пѣла, какъ дышала, почти сама не сознавая того, что поетъ. Но царевичу страннымъ казалось противорѣчье между вознею съ французскими мушками и родною унылою пѣсней:

Сырая земля,
Мать родимая,
Ты прикрой меня.
Соловей въ бору,
Милый братецъ мой,
Ты запой по мнѣ.
Кукушечка въ лѣсу,
Во дубровушкѣ,
Сестрица моя,
Покукуй по мнѣ.
Бѣлая березушка,
Молода жена,
Пошуми по мнѣ.

По гулкимъ переходамъ крѣпости слышались шаги, перекликанье часовыхъ, звонъ отпираемыхъ замковъ и засововъ. Караульный офицеръ постучалъ въ дверь и доложилъ о Вейнгартѣ, [кригсъ-фельдъ-конципистѣ, секретарѣ вице-короля по русскому произношенію, вице-роя, цесарскаго намѣстника въ Неаполѣ.

Въ комнату вошелъ, низко кланяясь, толстякъ съ одышкою, съ лицомъ краснымъ, какъ сырое мясо, съ отвислою нижнею губою и заплывшими свинными глазками. Какъ многіе плуты, онъ имѣлъ видъ простодушный. «Этотъ претолстый нѣмецъ—претонкая бестія», говорилъ о немъ Езопка.

Вейнгартъ принесъ ящикъ стараго фалернскаго и мозельвейна въ подарокъ царевичу, котораго называлъ, соблюдая инкогнито при постороннихъ, высокороднымъ графомъ; а Ефросиньѣ, у которой поцѣловалъ ручку—онъ былъ большой дамскій угодникъ,—корзину плодовъ и цвѣтовъ.

Передалъ также письмо изъ Россіи и на словахъ порученія изъ Вѣны.

— Въ Вѣнѣ охотно слышали, что высокородный графъ въ добромъ здравіи и благополучьи обрѣтается. Нынѣ на-

добно еще терпѣніе, и болѣе нежели до сихъ поръ. Сообщить имѣю, какъ новую вѣдомость, что уже въ свѣтѣ начинаютъ говорить: царевичъ пропалъ. Одни полагаютъ, что онъ отъ свирѣпости отца ушелъ; по мнѣнію другихъ, лишенъ жизни его волею; иные думаютъ, что онъ умерщвленъ въ пути убійцами. Но никто не знаетъ подлинно, гдѣ онъ. Вотъ копія съ донесенія цесарскаго резидента Плейера на тотъ случай, ежели любопытно будетъ высокорожденному графу узнать, что пишутъ о томъ изъ Петербурга. Его величества, цесаря, слова подлинныя: милому царевичу къ пользѣ совѣтуется держать себя весьма скрытно, потому что, по возвращеніи государя, отца его, въ Петербургъ, будетъ великій розыскъ.

И, наклонившись къ уху царевича, прибавилъ шопотомъ:

— Будьте покойны, ваше высочество! Я имѣю самыя точныя свѣдѣнія: императоръ ни за что васъ не покинетъ, а ежели будетъ случай, послѣ смерти отца, то и вооруженною рукою хочетъ вамъ помогать на престолъ...

— Ахъ, нѣтъ, что вы, что вы! Не надо...—остановилъ его царевичъ съ тѣмъ же тягостнымъ чувствомъ, съ которымъ только что отложилъ письмо къ цесарю.—Дастъ Богъ, до того не дойдетъ, войны изъ-за меня не будетъ. Я васъ не о томъ прошу—только чтобъ содержать меня въ своей протекціи! А этого я не желаю... Я, впрочемъ, благодаренъ. Да наградить Господь цесаря за всю его милость ко мнѣ!

Онъ велѣлъ откупорить бутылку мозельвейна изъ подареннаго ящика, чтобы выпить за здоровье цесаря.

Выйдя на минуту въ сосѣднюю комнату за какими-то нужными письмами и вернувшись, засталъ Вейнгарта объясняющимъ mademoiselle Eufrosyne съ галантною любезностью, не столько, впрочемъ, словами, сколько знаками, что напрасно не носитъ она больше мужского платья—оно ей очень къ лицу.

— L'Amour même ne saurait se presenter avec plus de grâces!—заклучилъ онъ по-французски, глядя на нее въ

упоръ свинными глазками тѣмъ особеннымъ взоромъ, который такъ противенъ былъ царевичу.

Евфросинья, при входѣ Вейнгарта, успѣла накинуть на грязный шлафоръ новый щегольской кунтышъ тафты двуличневой, на нечесанные волосы — чепецъ дорогого брабантскаго кружева, припудрилась и даже налѣпила мушку надъ лѣвою бровью, точно такъ, какъ видѣла на Корсо въ Римѣ у одной прїѣзжей изъ Парижа дѣвки. Выраженіе скуки исчезло съ лица ея, она вся оживилась, и хотя ни слова не понимала ни по-нѣмецки, ни по-французски, поняла и безъ словъ то, что говорилъ нѣмецъ о мужскомъ нарядѣ, и лукаво смѣялась, и притворно краснѣла, и закрывалась рукавомъ, какъ деревенская дѣвка.

«Этакая туша свиная! Тѣфу, прости Господи! Нашла съ кѣмъ любезничать, — посмотрѣлъ на нихъ царевичъ съ досадою.— Ну, да ей все равно кто, только бы новенькій. Охъ, Евины дочки, Евины дочки! Баба да бѣсъ, одинъ въ нихъ вѣсъ»...

По уходѣ Вейнгарта, онъ сталъ читать письма
Всего важнѣе было донесеніе Плейера.

«Гвардейскіе полки, составленные большею частью изъ дворянъ, вмѣстѣ съ прочею арміею, учинили заговоръ въ Мекленбургіи, дабы царя убить, царицу привезти сюда и съ младшимъ царевичемъ и обѣими царевнами заточить въ тотъ самый монастырь, гдѣ нынѣ старая царица, а ее освободивъ, сыну ея, законному наслѣднику, правленіе вручить».

Царевичъ выпилъ залпомъ два стакана мозельвейна, всталъ и началъ ходить быстро по комнатѣ, что-то бормоча и размахивая руками.

Евфросинья молча, пристально, но равнодушно слѣдила за нимъ глазами. Лицо ея, по уходѣ Вейнгарта, приняло обычное выраженіе скуки.

Наконецъ, остановившись передъ ней, онъ воскликнулъ:
— Ну, маменька, сниточковъ бѣлозерскихъ скоро кушать будешь! Вѣсти добрыя. Авось, Богъ дастъ намъ случай возвратиться съ радостью...

И онъ разскалъ ей подробно все донесеніе Плейера; послѣднія слова прочелъ по-нѣмецки, видимо, не нарадуясь на нихъ:

— «Alles zum Aufstand allhier sehr geneiget ist». Всѣ-де въ Питербурхѣ къ бунту зѣло склонны. Всѣ жалуются, что знатныхъ съ незнатными въ равенствѣ держать, всѣхъ равно въ матросы и солдаты пишутъ, а деревни отъ строенія городовъ и кораблей разорились.

Евфросинья слушала молча, все съ той же равнодушной скукой на лицѣ, и только когда онъ кончилъ, спросила своимъ протяжнымъ, лѣнивымъ голосомъ:

— А что, Алексѣй Петровичъ, ежели убьютъ царя и за тобой пришлютъ, — къ бунтовщикамъ пристанешь?

И посмотрѣла на него сбоку такъ, что, если бы онъ меньше былъ занятъ своими мыслями, то удивился бы, можетъ-быть, даже почувствовалъ бы въ этомъ вопросѣ тайное жало. Но онъ ничего не замѣтилъ.

— Не знаю, — отвѣтилъ, подумавъ немного. — Ежели присылка будетъ по смерти батюшки, то, можетъ-быть, и пристану... Ну, да что впередъ загадывать. Буди воля Господня!—какъ будто спохватился онъ.—А только вотъ, говорю я, видишь, Афросьюшка, что Богъ дѣлаетъ: батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ—Свое!

И, усталый отъ радости, опустился на стулъ и опять заговорилъ, не глядя на Евфросинью, какъ будто про себя:

— Есть вѣдомость печатная, что шведскій флотъ пошелъ къ берегу лифляндскому транспортировать людей на берегъ. Велико то худо будетъ, ежели правда: у насъ въ Питербурхѣ не согласится у князя Меншикова съ сенаторами. А войско наше главное далеко. Они другъ на друга сердятся, помогать не станутъ,—великую бѣду шведы починить могутъ. Питербурхъ-то подъ бокомъ! Когда зашли далеко въ Копенгагенъ, то не потерять бы и Питербурха, какъ Азова. Недолго ему быть за нами: либо шведы возьмутъ, либо разорится. Быть ему пусто, быть пусто! — повторялъ онъ, какъ заклинаніе, пророчество тетушки, царевны Марѣи Алексѣевны.

«А что нынѣ тамъ тихо — и та тишина не даромъ. Вотъ дядя Аврамъ Лопухинъ пишетъ: всѣхъ чиновъ люди говорятъ обо мнѣ, спрашиваютъ и жалѣютъ всегда, и стоять за меня готовы, а кругомъ-де Москвы уже заворачиваются. И на низу, на Волгѣ, не безъ замѣшанья будетъ въ народѣ. Чему дивить? Какъ и по сю пору еще терпятъ? А не пройдетъ даромъ. Я чай, не стерпя, что-нибудь да сдѣлаютъ. А тутъ и въ Мекленбургіи бунтъ, и шведы, и цесарь, и я! Со всѣхъ сторонъ бѣда! Все мятется, мятется, шатается. Какъ затрещитъ, да ухнетъ — только пыль столбомъ. Такая раскачка пойдетъ, что ай, ай! Не сдобровать и батюшкѣ!..

Первый разъ въ жизни онъ чувствовалъ себя сильнымъ и страшнымъ отцу. Какъ тогда, въ ту памятную ночь, во время болѣзни Петра, когда за морознымъ окномъ играла лунная вьюга, синяя, точно горящая синимъ огнемъ, пьяная — у него захватило духъ отъ радости. Радость опьяняла сильнѣе вина, которое онъ продолжалъ пить, почти самъ того не замѣчая, стаканъ за стаканомъ, глядя на море, тоже синее, точно горящее синимъ огнемъ, тоже пьяное и опьяняющее.

— Въ нѣмецкихъ курантахъ пишутъ: младшаго-то братца моего, Петеньку, нынѣшнимъ лѣтомъ въ Петергофѣ чуть громомъ не убило; мама на рукахъ его держала, такъ едва жива осталась; а солдата караульнаго зашибло до смерти. Съ той поры младенецъ все хирѣетъ да хирѣетъ — видно, не жилецъ на свѣтѣ. А ужъ вѣдь какъ берегли, какъ холили! Жаль Петеньки. Младенческая душенька, предъ Богомъ неповинная. За чужіе грѣхи терпитъ, за родительскіе, бѣдненькій. Спаси его Господь и помилуй! А только вотъ, говорю, воля-то Божья, чудо-то, знаменье! И какъ батюшка не вразумится? Страшно, страшно впасть въ руки Бога Живаго!..

— А кто изъ сенаторовъ станетъ за тебя? — спросила вдругъ Евфросинья, и опять та же странная искра промелькнула въ глазахъ ея и тотчасъ потухла — словно пронесли свѣчу за темнымъ пологомъ.

— А тебѣ для чего? — посмотрѣлъ на нее царевичъ съ удивленіемъ, какъ будто совсѣмъ забылъ о ней и теперь только вспомнилъ, что она его слушаетъ.

Евфросинья больше не спрашивала. Но едва уловимая чуждая тѣнь прошла между ними.

— Хоть и не всѣ мнѣ враги, а всѣ злодѣйствуютъ, въ угоду батюшкѣ, потому что трусы, — продолжалъ царевичъ. — Да мнѣ никого и не нужно. Плюну я на всѣхъ — здорова бы мнѣ чернь была! — повторилъ онъ свое любимое слово. — Какъ буду царемъ, старыхъ всѣхъ выведу, а изберу себѣ новыхъ, по своей волѣ. Облегчу народъ отъ тягостей — пусть отдохнетъ. Боярскую толщу поубавлю, будетъ имъ жиру нагуливать — о крестьянствѣ порадѣю, о слабыхъ и сирыхъ, о меньшей братьѣ Христовой. И церковный и земскій соборъ учиню, отъ всего народа выборныхъ: пусть всѣ доводятъ правду до царя, безъ страха, самымъ вольнымъ голосомъ, дабы царство и церковь исправить многосовѣтіемъ общимъ и Духа Святаго нашествіемъ на вѣки вѣчные!..

Онъ грезилъ вслухъ, и грезы становились все туманнѣе, все сказочнѣе.

Вдругъ злая острая мысль ужалила сердце, какъ оводъ: ничему не бывать; все врешь; славу пустила синица, а моря не зажгла.

И представилось ему, что рядомъ съ отцомъ — исполиномъ, кующимъ изъ желѣза новую Россію — самъ онъ, со своими грезами — маленькій мальчикъ, пускающій мыльные пузыри. Ну, куда ему тягаться съ батюшкой?

Но онъ тотчасъ прогналъ эту мысль, отмахнулся отъ нея, какъ отъ назойливой мухи: буди воля Божья во всемъ; пусть батюшка куетъ желѣзо на здоровье, онъ дѣлаетъ свое, а Богъ—Свое; захочетъ Богъ—и лопнетъ желѣзо, какъ мыльный пузырь.

И онъ еще слаще отдался мечтамъ. Чувствуя себя уже не сильнымъ, а слабымъ—но эта была пріятная слабость—съ улыбкой, все болѣе кроткой и пьяной, слушалъ, какъ море шумитъ, и чудилось ему въ этомъ шумѣ что-то зна-

комое, давнее - давнее — то ли бабушка баюкаетъ, то ли Сиринь, птица райская, поетъ пѣсни царскія.

— А потомъ, какъ землю устрою и народъ облегчу, — съ великимъ войскомъ и флотомъ пойду на Царьградъ. Турокъ повыбью, славянъ изъ-подъ ига невѣрныхъ освобожу, на св. Софїи крестъ водружу. И соберу вселенскій соборъ для воссоединенія церквей. И дарую миръ всему міру, да притекутъ народы съ четырехъ концовъ земли подъ сѣнь Софїи, Премудрости Божьей, въ царство священное, вѣчное, во срѣтеніе Христу Грядущему!..

Евфросинья давно уже не слушала, — все время зѣвала и крестила ротъ; наконецъ встала, потягиваясь и почесываясь.

— Разморило меня что-то. Съ обѣда, чай, нѣмца-то ждавши, не выспалась. Пойду-ка-съ я, Петровичъ, лягу, что ль?

— Ступай, маменька, спи съ Богомъ. Можетъ, и я приду, погода — только вотъ голубковъ покормлю.

Она вышла въ сосѣднюю комнату — спальню, а царевичъ — на галлерею, куда уже слетались голуби, ожидая обычнаго корма.

Онъ разбрасывалъ имъ крошки и зерна съ тихимъ ласковымъ зовомъ:

— Гуль, гуль, гуль!

И такъ же, какъ, бывало, въ Рождественѣ, голуби, воркуя, толпились у ногъ его, летали надъ головой, садились на плечи и руки, покрывали его, точно одѣвали, крыльями. Онъ глядѣлъ съ высоты на море, и въ трепетномъ вѣяньи крыльевъ казалось ему, что онъ самъ летитъ на крыльяхъ туда, въ безконечную даль, черезъ синее море, къ свѣтлой, какъ солнце, Софїи Премудрости Божьей.

Ощущеніе полета было такъ сильно, что сердце замирало, голова кружилась. Ему стало страшно. Онъ зажмурилъ глаза и судорожно схватился рукою за выступъ ограды: почудилось, что онъ уже не летитъ, а падаетъ.

Нетвердыми шагами вернулся онъ въ комнату. Туда же изъ спальни торопливо вышла Евфросинья уже, совсѣмъ

раздѣтая, въ одной сорочкѣ, съ босыми ногами, взлѣзла на стуль и стала заправлять лампадку передь образомъ. Это была старинная любимая царевичева икона Всѣхъ Скорбящихъ Матери; всюду возилъ онъ ее за собою и никогда не разставался съ нею.

— Грѣхъ-то какой! Завтра Успеніе Владычицы, а я и забыла. Такъ бы и осталась безъ лампадки Матушка. Часы-то, Петровичъ, будешь читать? Налой готовить ли?

Передь каждымъ большимъ праздникомъ, за неимѣніемъ попа, онъ самъ справлялъ службы, читалъ часы и пѣлъ стихеры.

— Нѣтъ, маменька, развѣ къ ночи. Усталъ я что-то, голова болить.

— Вина бы меньше пилъ, батюшка!

— Не отъ вина, чай, отъ мыслей: вѣсти-то больно радостныя!..

Засвѣтивъ лампадку и возвращаясь въ спальню, она остановилась у стола, чтобы выбрать въ подаренной нѣмцемъ корзинѣ самый спѣлый персикъ: въ постели передь сномъ любила ѣсть что-нибудь сладкое.

Царевичъ подошелъ къ ней и обнялъ ее.

— Афросьюшка, другъ мой сердешненькій, аль не рада? Вѣдь будешь царицею, а Селебеньй...

«Серебряный» или, нѣжнѣе, какъ выговариваютъ маленькія дѣти — «Селебеньй» было прозвище ребенка, непременно, думалъ онъ, сына, который долженъ былъ родиться у Евфросиньи: она была третій мѣсяць беременна. «Ты у меня золотая, а сынокъ будетъ серебряный», говорилъ онъ ей въ минуты нѣжности.

— Будешь царицею, а Селебеньй наслѣдникомъ! — продолжалъ царевичъ. — Назовемъ его Ванечкой — благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій царь всея Россіи, Іоаннъ Алексѣевичъ!..

Она освободилась тихонько изъ его объятій, оглянулась черезъ плечо, хорошо ли лампадка горить, закусила персикъ и, наконецъ, отвѣтила ему спокойно:

— Шутить изволишь, батюшка! Гдѣ мнѣ, холопкѣ, царицею быть?

— А женюсь, такъ будешь. Вѣдь и батюшка такимъ же образомъ учинилъ. Мачеха-то, Катерина Алексѣевна тоже не знамо какого роду была — сорочки мыла съ чухонками, въ одной рубахѣ въ полонъ взята, — а вѣдь вотъ же царствуетъ. Будешь и ты, Евфросинья Федоровна, царицею, небось, не хуже другихъ!..

Онъ хотѣлъ и не умѣлъ сказать ей все, что чувствовалъ: за то, можетъ-быть, и полюбилъ онъ ее, что она простая холопка; вѣдь и онъ, хотя царской крови — тоже простой, спѣси боярской не любитъ, а любитъ чернь; отъ черни-то и царство приметъ; добро за добро: чернь сдѣлаетъ его царемъ, а онъ ее, Евфросинью, холопку изъ черни, — царицею.

Она молчала, потупивъ глаза, и по лицу ея видно было только, что ей хочется спать. Но онъ обнималъ ее все крѣпче и крѣпче, ощущая сквозь тонкую ткань упругость и свѣжесть голаго тѣла. Она сопротивлялась, отталкивая руки его. Вдругъ нечаяннымъ движеніемъ потянулъ онъ внизъ полуразстегнутую, едва державшуюся на одномъ плечѣ сорочку. Она совсѣмъ разстегнулась, соскользнула и упала къ ея ногамъ.

Вся обнаженная, въ тускломъ золотѣ рыжихъ волосъ, какъ въ сіяньѣ, стояла она передъ нимъ. И странною, и соблазнительною казалась черная мушка надъ лѣвою бровью. И въ скошенномъ, удивленномъ разрѣзѣ глазъ было что-то козье, чуждое и дикое.

— Пусти, пусти же, Алешенька! Стыдно...

Но если она стыдилась, то не очень: только немного отвернулась со своей обычною, лѣнивою, какъ будто презрительной усмѣшкою, оставаясь, какъ всегда подъ ласками его, холодною, невинною, почти дѣвственной, несмотря на чуть замѣтную округлость живота, которая предрекала полноту беременности. Въ такія минуты казалось ему, что тѣло ея ускользаетъ изъ рукъ его, таетъ, воздушное, какъ призракъ.

— Афрося! Афрося! — шепталь онъ, стараясь поймать, удержать этотъ призракъ, и вдругъ опустился передъ ней на колѣни.

— Стыдно, — повторяла она. — Передъ праздникомъ. Вонъ и лампада горить... Грѣхъ, грѣхъ!

Но тотчасъ опять равнодушно, безпечно поднесла закушенный персикъ ко рту, полураскрытому, алому и свѣжему, какъ плодъ.

«Да, грѣхъ, — мелькнуло въ умѣ его, — отъ жены начало грѣху, и тою мы всѣ умираемъ»...

И онъ тоже невольно оглянулся на образъ, и вдругъ вспомнилъ, какъ точно такой же образъ въ Лѣтнемъ саду, ночью, во время грозы, упалъ изъ рукъ батюшки и разбился у подножія Петербургской Венусъ — Бѣлой Дьяволицы.

Въ четырехугольникѣ дверей, открытыхъ на синее море, тѣло ея выступало, словно выходило, изъ горящей синевы морской, золотисто-бѣлое, какъ пѣна волнъ. Въ одной рукѣ держала она плодъ, другую опустила, цѣломудреннымъ движеніемъ закрывая наготу свою, какъ пѣнорожденная. А за нею играло, кипѣло синее море, какъ чаша амброзіи, и шумъ его подобенъ былъ вѣчному смѣху боговъ.

Это была та самая дворовая дѣвка Афроська, которая однажды весеннимъ вечеромъ въ домикѣ Вяземскихъ на Малой Охтѣ, наклонившись низко въ подоткнутой юбкѣ, мыла полъ шваброю. Это была дѣвка Афроська и богиня Афродита — вмѣстѣ.

«Венусъ, Венусъ, Бѣлая Дьяволица!» — подумалъ царевичъ въ суетвѣрномъ ужасѣ и готовъ былъ вскочить, убѣжать. Но отъ грѣшнаго и все-таки невиннаго тѣла, какъ изъ раскрытаго цвѣтка, пахнуло на него знакомымъ, упоительнымъ и страшнымъ запахомъ, и, самъ не понимая, что дѣлаетъ — онъ еще ниже склонился передъ ней и поцѣловалъ ея ноги, и заглянулъ ей въ глаза, и прошепталъ, какъ молящійся:

— Царица! Царица моя!..

А тусклый огонекъ лампадки мерцалъ передъ святымъ и скорбнымъ Ликомъ.

IV.

Намѣстникъ цесаря въ Неаполѣ, графъ Даунъ пригласилъ царевича на свиданіе къ себѣ въ Королевскій дворецъ вечеромъ 26-го сентября.

Въ послѣдніе дни въ воздухѣ чувствовалось приближеніе сирокко, африканскаго вѣтра, приносящаго изъ глубинъ Сахары тучи раскаленнаго песка. Должно-быть, ураганъ уже разразился и бушевалъ въ высочайшихъ воздушныхъ слояхъ, но внизу была бездыханная тишь. Листья пальмъ и вѣтви мимозъ висѣли недвижные. Только море волновалось грамадными безпѣнными валами мертвой зыби, которые разбивались о берегъ съ потрясающимъ грохотомъ. Даль была застлана мутною мглою, и на безоблачномъ небѣ солнце казалось тусклымъ, какъ сквозь дымчатый опаль. Воздухъ — пронизанъ тончайшею пылью. Она проникала всюду, даже въ плотно запертыя комнаты, покрывала сѣрымъ слоемъ бѣлый листъ бумаги и страницы книгъ; хрустѣла на зубахъ; воспаляла глаза и горло. Было душно, и съ каждымъ часомъ становилось все душнѣе. Въ природѣ чувствовалось то же, что въ тѣлѣ, когда нарываеъ нарывъ. Люди и животныя, не находя себѣ мѣста, метались въ тоскѣ. Народъ ожидалъ бѣдствій — войны, чумы или изверженія Везувія.

И дѣйствительно, въ ночь съ 23-го на 24-е сентября жители Торре-дель-Греко, Резины и Портичи почувствовали первые подземные удары. Появилась лава. Огненный потокъ уже приближался къ самымъ верхнимъ, расположеннымъ по склону горы, виноградникамъ. Для умилоствленія гнѣва Господня совершались покаянныя шествія съ зажженными свѣчами, тихимъ пѣніемъ и громкими воплями самоубиющихся. Но гнѣвъ Божій не утолялся. Изъ Везувія днемъ валилъ черный дымъ, какъ изъ плавильной печи, разстилаясь длиннымъ облакомъ отъ Каstellамаре до Позиллиппо, а ночью вздымалось красное пламя, какъ зарево под-

земнаго пожара. Мирный жертвенникъ боговъ превращался въ грозный факель Евменидъ. Наконецъ въ самомъ Неаполѣ слышались, точно подземные грома, первые гулы землетрясенія, какъ будто снова пробуждались древніе титаны. Городъ былъ въ ужасѣ. Вспоминались дни Содома и Гоморры. А по ночамъ, среди мертвой тишины, гдѣ-нибудь въ щеляхъ окна, подъ дверью, или въ трубѣ очага, раздавался тонкій-тонкій, ущемленный визгъ, точно пойманный комаръ жужжалъ: то сирокко заводило свои пѣсни. Звукъ разрастался, усиливался, и, казалось, вотъ-вотъ разразится неистовымъ воемъ, но вдругъ замиралъ, обрывался — и опять наступала тишина, еще болѣе мертвая. Какъ будто злые духи, и внизу и вверху, перекликались, совѣщались о страшномъ днѣ Господнемъ, которымъ долженъ кончиться міръ.

Всѣ эти дни царевичъ чувствовалъ себя больнымъ. Но врачъ успокоилъ его, сказавъ, что это съ непривычки отъ сирокко, и прописалъ освѣжающую кислую микстуру, отъ которой ему, дѣйствительно, сдѣлалось легче. Въ назначенный день и часъ поѣхалъ онъ во дворецъ на свиданіе съ намѣстникомъ.

Встрѣтившій его въ передней караульный офицеръ передалъ ему почтительнѣйшее извиненіе графа Дауна, что его высочеству придется нѣсколько минутъ подождать въ пріемной залѣ, такъ какъ намѣстникъ принужденъ былъ отлучиться по важному и неотложному дѣлу.

Царевичъ вошелъ въ огромную и пустынную пріемную залу, убранную съ мрачною, почти зловѣщею, испанскою роскошью: кроваво-красный шелкъ обоевъ, обиліе тяжелой позолоты, рѣзные шкапы изъ чернаго дерева, подобные гробницамъ, зеркала, такія тусклыя, что въ нихъ, казалось, отражались только лица призраковъ. По стѣнамъ — большія, темныя полотна — благочестивыя картины старинныхъ мастеровъ: римскіе солдаты, похожіе на мясниковъ, жгли, сѣкли, рѣзали, пилили и всякими иными способами терзали христіанскихъ мучениковъ: это напоминало бойню или застѣнки Святѣйшей Инквизиціи. А вверху, на потолкѣ, среди раззолоченныхъ завитковъ и раковинъ — Триумфъ олимпій-

скихъ боговъ: въ этомъ жалкомъ ублюдкѣ Тиціана и Рубенса виденъ былъ конецъ Возрожденія — въ утонченной изнѣженности варварское одичанье и огрубѣніе искусства; груди голаго тѣла, голаго мяса — жирныя спины, пухлые, въ складкахъ, животы, раскоряченные ноги, чудовищно-отвислыя женскія груди. Казалось, что всѣ эти боги и богини, откормленные, какъ свиныя туши, и маленькіе амуры, похожіе на розовыхъ поросятъ — весь этотъ скотоподобный Олимпъ предназначался для христіанской бойни, для пыточныхъ орудій Святѣйшей Инквизиціи.

Царевичъ долго ходилъ по залѣ, наконецъ, усталъ и сѣлъ. Въ окна вползали сумерки, и сѣрыя тѣни, какъ пауки ткали паутину по угламъ. Кое-гдѣ лишь выступала, свѣтлѣя, позолоченная львиная лапа и острогрудый грифъ, которые поддерживали яшмовую или малахитовую доску круглаго стола, да закутанныя кисеею люстры тускло поблескивали хрустальными подвѣсками, какъ исполинскіе коконы въ капляхъ росы. Царевичу казалось, что удушье сирокко увеличивается отъ этого множества голаго тѣла, голаго мяса, упитаннаго, языческаго — вверху, и страдальческаго, христіанскаго — внизу. Разсѣянный взглядъ его, блуждая по стѣнамъ, остановился на одной картинѣ, непохожей на другія, выступавшей среди нихъ, какъ свѣтлое пятно: обнаженная до пояса дѣвушка съ рыжими волосами, съ почти дѣтскою, невинною грудью, съ прозрачно-желтыми глазами и безсмысленной улыбкою: въ приподнятыхъ углахъ губъ и въ слегка скошенномъ, удлиненомъ разрѣзѣ глазъ было что-то козье, дикое и странное, почти жуткое, напоминавшее дѣвку Афроську. Ему вдругъ смутно почуялась какая-то связь между этою усмѣшкою и нарывающимъ удушеніемъ сирокко. Картина была плохая, снимокъ со стариннаго произведенія ломбардской школы, ученика учениковъ Леонардо. Въ этой обезмысленной, но все еще загадочной усмѣшкѣ отразилась послѣдняя тѣнь благородной гражданки Неаполя, моны Лизы Джіоконды.

Царевичъ удивлялся, что намѣстникъ, всегда изысканно вѣжливый, заставляетъ его ждать такъ долго; и куда запро-

пастился Вейнгартъ, и почему такая тишина—весь дворець точно вымеръ?

Хотѣлъ встать, позвать кого-нибудь, велѣть принести свѣчи. Но на него напало странное оцѣпенѣніе, какъ будто и онъ былъ затканъ, облѣпленъ тою сѣрою паутиною, которую тѣни, какъ пауки, ткали по угламъ. Лѣнь было двинуться. Глаза слипались. Онъ открывалъ ихъ съ усиліемъ, чтобы не заснуть. И все-таки заснулъ на нѣсколько мгновеній. Но, когда проснулся, ему показалось, что прошло много времени.

Онъ видѣлъ во снѣ что-то страшное, но не могъ вспомнить что. Только въ душѣ осталось ощущение несказанной тяжести, и опять почудилась ему связь между этимъ страшнымъ сномъ, бессмысленной усмѣшкой рыжей дѣвушки и нарывающимъ удушьемъ сирокко. Когда онъ открылъ глаза, то увидѣлъ прямо передъ собою лицо блѣдное-блѣдное, подобное призраку. Долго не могъ понять, что это. Наконецъ понялъ, что это его же собственное лицо, отраженное въ тускломъ простѣночномъ зеркалѣ, передъ которымъ, сидя въ креслѣ, онъ заснулъ. Въ томъ же зеркалѣ, какъ разъ у него за спиною, видна была закрытая дверь. И ему казалось, что сонъ продолжается, что дверь сейчасъ откроется и въ нее войдетъ то страшное, что онъ только что видѣлъ во снѣ и чего не могъ вспомнить.

Дверь отворилась беззвучно. Въ ней появился свѣтъ восковыхъ свѣчей и лица. Глядя попрежнему въ зеркало, не оборачиваясь, онъ узналъ одно лицо, другое, третье. Вскочилъ, обернулся, выставивъ руки впередъ, съ отчаянною надеждою, что это ему только почудилось въ зеркалѣ, но увидѣлъ въ дѣйствительности то же, что въ зеркалѣ — и изъ груди его вырвался крикъ безпредѣльнаго ужаса:

— Онъ! Онъ! Онъ!

Царевичъ упалъ бы навзничь, если бы не поддержалъ его сзади секретарь Вейнгартъ.

— Воды! Воды! Царевичу дурно!

Вейнгартъ бережно усадилъ его въ кресло, и Алексѣй увидѣлъ надъ собою склоненное доброе лицо стараго графа

Дауна. Онъ гладилъ его по плечу и давалъ ему нюхать спиртъ.

— Успокойтесь, ваше высочество! Ради Бога, успокойтесь! Ничего дурного не случилось. Вѣсти самыя добрыя...

Царевичъ пилъ воду, стуча зубами о края стакана. Не отводя глазъ отъ двери, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ непрерывною мелкою дрожью, какъ въ сильномъ ознобѣ.

— Сколько ихъ? — спросилъ онъ графа Дауна шопотомъ.

— Двое, ваше высочество, всего двое.

— А третій? Я видѣлъ третьяго...

— Вамъ, должно-быть, почудилось.

— Нѣтъ, я видѣлъ его! Гдѣ же онъ?

— Кто, онъ?

— Отецъ!..

Старикъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Это отъ сирокко, — объяснилъ Вейнгартъ — Маленькій приливъ крови къ головѣ. Часто бываетъ. Вотъ и у меня съ утра нынче все какіе-то синіе зайчики въ глазахъ прыгаютъ. Пустить кровь — и какъ рукой сниметь.

— Я видѣлъ его! — повторилъ царевичъ. — Клянусь Богомъ, это былъ не сонъ. Я видѣлъ его, графъ, вотъ какъ васъ теперь вижу...

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — воскликнулъ старикъ съ искреннимъ огорченіемъ, — если бы я только зналъ, что ваше высочество не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ, я ни за что не допустилъ бы... Можно, впрочемъ, и теперь еще отложить свиданіе?..

— Нѣтъ, не надо — все равно. Я хочу знать, — проговорилъ царевичъ. — Пусть подойдетъ ко мнѣ одинъ старикъ. А того, другого, не допускайте...

Онъ судорожно схватилъ его за руку:

— Ради Бога, графъ, не допускайте того!.. Онъ — убійца!.. Видите, какъ онъ смотритъ... Я знаю: онъ посланъ царемъ, чтобъ зарѣзать меня!..

Такой ужасъ былъ въ лицѣ его, что намѣстникъ подумалъ: «а кто ихъ знаетъ, этихъ варваровъ, можетъ-быть,

и въ самомъ дѣлѣ?».. — и вспомнились ему слова императора изъ подлинной инструкціи:

«Свиданіе должно быть устроено такъ, чтобы никто изъ москвитянъ (отчаянные люди и на все способные) не напалъ на царевича и не возложилъ на него рукъ, хотя я того не ожидаю».

— Будьте покойны, ваше высочество: жизнью и честью моею отвѣчаю, что они не сдѣлаютъ вамъ никакого зла.

И намѣстникъ шепнулъ Вейнгарту, чтобы онъ велѣлъ усилить стражу.

А въ это время уже подходилъ къ царевичу неслышными скользящими шагами, выгнувъ спину съ почительнѣйшимъ видомъ и низжайшими поклонами, Петръ Андреевичъ Толстой.

Спутникъ его, капитанъ гвардіи, царскій денщикъ исполинскаго роста съ добродушнымъ и красивымъ лицомъ не то римскаго легионера, не то русскаго Иванушки-дурачка, Александръ Ивановичъ Румянцевъ, по знаку намѣстника, остановился въ отдаленіи у дверей.

— Всемилостивѣйшій государь царевичъ, ваше высочество! Письмо отъ батюшки, — проговорилъ Толстой и, склонившись еще ниже, такъ что лѣвою рукою почти коснулся пола, правою передалъ ему письмо.

Царевичъ узналъ въ написанномъ на оберткѣ одномъ только словѣ *Сыну* почеркъ отца, дрожащими руками распечаталъ письмо и прочелъ:

«Мой сынъ!

«Понеже всѣмъ есть извѣстно, какое ты непослушаніе и презрѣніе воли моей дѣлалъ, и ни отъ словъ, ни отъ наказанія не послѣдовалъ наставленію моему; но, наконецъ, обольстя меня и заклинаясь Богомъ при прощаніи со мною, потомъ что учинилъ? Ушелъ и отдался, яко измѣнникъ, подъ чужую протекцію! Что не слыхано не точію между нашихъ дѣтей, но ниже между нарочитыхъ подданныхъ. Чѣмъ какую обиду и досаду отцу своему и стыдъ отечеству своему учинилъ. Того ради, посылаю нынѣ сіе послѣднее къ тебѣ, дабы ты по волѣ моей сдѣлалъ, о чемъ тебѣ господинъ Толстой и Румянцевъ будутъ говорить и предлагать.

Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обѣщаю Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ; но лучшую любовь покажу тебѣ, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то яко отецъ, данною мнѣ отъ Бога властію, проклинаяю тебя вѣчно; а яко государь твой, за измѣнника объявляю и не оставляю всѣхъ способовъ тебѣ, яко измѣннику и ругателю отцову, учинить, въ чемъ Богъ мнѣ поможетъ въ моей истинѣ. Къ тому помяни, что я все не насильствомъ тебѣ дѣлалъ; а когда бѣ захотѣлъ, то почто на твою волю полагаться? Что бѣ хотѣлъ, то бѣ сдѣлалъ.

Петръ».

Прочитавъ письмо, царевичъ взглянулъ опять на Румянцева. Тотъ поклонился и хотѣлъ подойти. Но царевичъ поблѣднѣлъ, задрожалъ, привсталъ въ креслѣ и проговорилъ:

— Петръ Андреичъ... Петръ Андреичъ... не вели ему подходить! А то уйду... уйду сейчасъ... Вотъ и графъ говоритъ, чтобъ не смѣлъ...

По знаку Толстого, Румянцевъ опять остановился, съ недоумѣніемъ на своемъ красивомъ и неумномъ лицѣ.

Вейнгартъ подалъ стулъ. Толстой придвинулъ его къ царевичу, сѣлъ почтительно на самый кончикъ, наклонился, заглянулъ ему прямо въ глаза простодушнымъ доверчивымъ взоромъ и заговорилъ такъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось, и они сошлись для пріятной бесѣды.

Это былъ все тотъ же изящный и превосходительный господинъ тайный совѣтникъ и кавалеръ, Петръ Андреевичъ Толстой: черныя бархатныя брови, мягкій бархатный взглядъ, ласковая бархатная улыбка, вкрадчивый бархатный голосъ—бархатный весь, а жальце есть.

И хотя царевичъ помнилъ изреченіе бабушки: «Толстой—умный человекъ; но когда съ нимъ говоришь, слѣдуетъ держать камень за пазухой»—онъ все-таки слушалъ его съ удовольствіемъ. Умная, дѣловитая рѣчь успокаивала его, пробуждала отъ страшныхъ видѣній, возвращала къ дѣйствительности. Въ этой рѣчи все умягчалось, углажива-

лось. Казалось, можно было устроить такъ, что и волки будутъ сыты, и овцы цѣлы. Онъ говорилъ, какъ опытный старый хирургъ, который убѣждаетъ больного въ почти пріятной легкости труднѣйшей операціи.

«Употреблять ласку и угрозы, приводя, впрочемъ, удобными вымышленными рачіи и аргументы»—сказано было въ царской инструкціи, и если бы царь его слышалъ, то остался бы доволенъ.

Толстой подтвердилъ на словахъ то, что было въ письмѣ—совершенную милость и прощеніе въ томъ случаѣ, ежели царевичъ вернется.

Затѣмъ привелъ подлинныя слова царя изъ данной ему, Толстому, инструкціи о переговорахъ съ цесаремъ, при чемъ въ голосѣ его сквозь прежнюю увѣтливую ласковость зазвучала твердость.

— «Буде цесарь станетъ говорить, что сынъ нашъ отдался подъ его протекцію, что онъ не можетъ противъ воли его выдать, и иныя отговорки и затѣйныя опасенія будетъ объявлять,—представить, что намъ не можетъ то иначе, какъ чувственно быть, что онъ хочетъ меня съ сыномъ судить, понеже, по натуральнымъ правамъ, особливо же нашего государства, никто и межъ партикулярными подданными особами отца съ сыномъ судить не можетъ: сынъ долженъ повиноваться воли отцовой. А мы, самодержавный государь, ничѣмъ цесарю не подчинены, и вступаться ему не слѣдуетъ, а надлежитъ его къ намъ отослать; мы же, какъ отецъ и государь, по должности родительской, его милостиво паки примемъ и тотъ его проступокъ простимъ, и будемъ его наставлятъ, чтобы, оставивъ прежнія непотребныя дѣла, поступалъ въ пути добродѣтели, послѣдовалъ нашимъ намѣреніямъ; такимъ образомъ можетъ привратить къ себѣ паки наше отеческое сердце; чѣмъ его царское величество покажетъ и надъ нимъ милость и заслужитъ себѣ отъ Бога воздаяніе, а отъ насъ благодареніе; да и отъ сына нашего болѣе будетъ за то вѣчно возблагодаренъ, нежели за то, что нынѣ содержится, какъ невольникъ или злодѣй, за крѣпкимъ карауломъ, подъ именемъ нѣкотораго бунтов-

щика, графа венгерскаго, къ предосужденію чести нашей и имени. Но буде, паче чаянія, цесарь въ томъ весьма откажетъ,—объявить, что мы сіе примемъ за явный разрывъ и будемъ предъ всѣмъ свѣтомъ на цесаря чинить жалобы и искать неслыханную и несносную намъ и чести нашей обиду отомстить».

— Пустое!—перебилъ царевичъ.—Николи изъ-за меня батюшка съ цесаремъ войны не начнетъ.

— Я чаю, войны не будетъ,—согласился Толстой.— Да цесарь и безъ войны тебя выдастъ. Никакой ему пользы нѣтъ, но больше есть трудность, что ты въ его области пребываешь. А свое обѣщаніе тебѣ онъ уже исполнилъ, протектоваль, доколѣ батюшка изволилъ простить, а нынѣ, какъ простилъ, то уже повинности цесаревой нѣтъ, чтобы противъ всѣхъ правъ удерживать тебя и войну съ царемъ чинить, будучи и кромѣ того въ войнѣ съ двухъ сторонъ, съ турками да гишпанцами: и тебѣ, чай, вѣдомо, что флотъ гишпанскій стоитъ нынѣ между Неаполемъ и Сардиніей и намѣренъ атаковать Неаполь, понеже тутошняя шляхта сдѣлала комплотъ и желаетъ быть лучше подъ властью гишпанскою, нежели цесарскою. Не вѣришь мнѣ, такъ спроби вице-роя: онъ получилъ отъ цесаря письмо саморучное, дабы всѣми мѣрами склонялъ тебя ѣхать къ батюшкѣ, а по послѣдней мѣрѣ, куды ни есть, только бы изъ его области выѣхалъ. А когда добромъ на выдадутъ, то государь намѣренъ тебя доставать и оружіемъ; конечно, для сего и войска свои въ Польшѣ держитъ, чтобы ихъ вскорѣ поставить на квартиры зимовыя въ Слезію, а оттуда недалече и до владѣній цесарскихъ.

Толстой заглянулъ ему въ глаза еще ласковѣе и тихонько дотронулся до руки его:

— Государь-царевичъ батюшка, послушай-ка увѣщанія родительскаго, вазвратись къ отцу! «А мы, говоритъ царь,— слова его величества подлинныя,—простимъ и примемъ его паки въ милость нашу, и обѣщаемъ содержать отечески во всякой свободѣ и довольствѣ, безъ всякаго гнѣва и принужденія».

Царевичъ молчалъ.

— Буде же, говорить, къ тому весьма не склонится,— продолжалъ Толстой съ тяжелымъ вздохомъ,—объявить ему именемъ нашимъ, что мы, за такое преслушаніе, предавъ его клятвѣ отеческой и церковной, объявимъ во все государство наше измѣнникомъ; пусть-де разсудить, какой ему будетъ животъ? Не думалъ бы, что можетъ быть безопасенъ; развѣ вѣчно въ заключеніи и за крѣпкимъ карауломъ. И такъ душѣ своей въ будущемъ, а тѣлу и въ семь еще вѣкѣ мученіе заслужить. Мы же искать не оставимъ всѣхъ способовъ къ наказанію непокорства его; даже вооруженною рукою цесаря къ выдачѣ его принудимъ. Пусть разсудить, что изъ того послѣдуетъ».

Толстой умолкъ, ожидая отвѣта, но царевичъ тоже молчалъ. Наконецъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на Толстого пристально.

— А сколько тебѣ лѣтъ, Петръ Андреичъ?

— Не при дамахъ будь сказано, за семьдесятъ перевалило,—отвѣтилъ старикъ съ любезною улыбкою.

— А кажись, по Писанію-то, семьдесятъ — предѣлъ жизни человѣческой. Какъ же ты, Петръ Андреичъ, одной ногой во гробѣ стоя, за этакое дѣло взялся? А я-то еще думалъ, что ты любишь меня...

— И люблю, родимый, видитъ Богъ, люблю! Ей, до послѣдняго издыханія служить тебѣ радъ. Одно только въ мысляхъ имѣю—помирить тебя съ батюшкой. Дѣло святое: блаженны-де, сказано, миротворцы...

— Полно-ка врать, старикъ! Аль думаешь, не знаю, зачѣмъ вы сюда съ Румянцевымъ присланы? На него, разбойника, дивить нечего. А ты, ты, Андреичъ!.. На будущаго царя и самодержца руку поднялъ! Убійцы, убійцы вы оба! Зарѣзать меня батюшкой присланы!..

Толстой въ ужасѣ всплеснулъ руками.

— Богъ тебѣ судья, царевичъ!..

Такая искренность была въ лицѣ его и въ голосѣ, что, какъ ни зналъ его царевичъ, все-таки подумалъ: не ошибся ли, не сбидѣлъ ли старика напрасно? Но тотчасъ разсмѣ-

ялся—даже злоба прошла: въ этой лжи было что-то простодушное, невинное, почти плѣнительное, какъ въ лукавствѣ женщинъ и въ игрѣ великихъ актеровъ.

— Ну, и хитерь же ты, Петръ Андреичъ! А только никакой, братъ, хитростью въ волчью пасть овцу не заманишь....

— Это отца-то волкомъ разумѣешь?

— Волкъ—не волкъ, а попадись я ему—и костей моихъ не останется! Да что мы другъ друга морочимъ? Ты и самъ, чай, знаешь...

— Алексѣй Петровичъ, ахъ, Алексѣй Петровичъ, батюшка! Когда моимъ словамъ не вѣришь, такъ вѣдь вотъ же въ письмѣ собственной его величества рукой написано: *объщаю Богомъ и судомъ Его*. Слышишь, Богомъ заклинается. Ужли же царь клятву преступить передъ всею Европою?..

— Что ему клятвы!—перебилъ царевичъ.—Если самъ не разрѣшитъ, такъ Федоска. За архіереями дѣло не станетъ. Разрѣшать соборнѣ. На то самодержецъ російскій! Два человѣка на свѣтѣ, какъ Боги—царь Московскій да папа Римскій: что хотятъ, то и дѣлаютъ... Нѣтъ, Андреичъ, даромъ словъ не трать—живымъ не дамся!

Толстой вынулъ изъ кармана золотую табакерку съ пастушкомъ, который развязываетъ поясъ у спящей пастушки, не торопясь привычнымъ движеніемъ пальцевъ размялъ понюшку, склонилъ голову на грудь и произнесъ, какъ будто про себя, въ глубокомъ раздумьи:

— Ну, видно, быть такъ. Дѣлай, какъ знаешь. Меня, старика, не послушалъ, можетъ-быть, отца послушаешь. Онъ и самъ, чай, скоро будетъ здѣсь...

— Гдѣ здѣсь?.. Что ты врешь, старикъ?—произнесъ царевичъ, блѣднѣя, и оглянулся на страшную дверь.

Толстой, попрежнему не торопясь, засунулъ понюшку сначала въ одну ноздрю, потомъ—въ другую, затянулся, стряхнулъ платкомъ табачную пыль съ кружева на груди и произнесъ:

— Хотя объявлять не велѣно, да ужъ, видно, все равно, проговорился. Получилъ я намедни отъ царскаго величества

письмо саморучное, что изволить немедленно ѣхать въ Италію. А когда прїѣдетъ самъ, кто можетъ возбранить отцу съ тобою видѣться? Не мысли, что сему нельзя сдѣлаться, понеже ни малой въ томъ дѣликульты нѣтъ, кромѣ токмо изволенія царскаго величества. А то тебѣ и самому извѣстно, что государь давно въ Италію ѣхать намѣренъ, нынѣ же наипаче для сего случая всемѣрно поѣдетъ.

Еще ниже опустилъ онъ голову, и все лицо его вдругъ сморщилось, сдѣлалось старымъ-престарымъ; казалось, онъ готовъ былъ заплакать—даже какъ будто слезинку смахнулъ. И еще разъ услышалъ царевичъ слова, которыя такъ часто слышалъ:

— Куда тебѣ отъ отца уйти? Развѣ въ землю, а то вездѣ найдетъ. У царя рука долга. Жаль мнѣ тебя, Алексѣй Петровичъ, жаль, родимый...

Царевичъ всталъ, опять, какъ въ первыя минуты свиданія, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Подожди, Петръ Андреичъ! Мнѣ надобно графу два слова сказать.

Онъ подошелъ къ намѣстнику и взялъ его за руку.

Они вышли въ сосѣднюю комнату. Убѣдившись что двери заперты, царевичъ разсказалъ ему все, что говорилъ Толстой, и въ заключеніе, схвативъ руки старика похолодѣвшими руками, спросилъ:

— Ежели отецъ будетъ требовать меня вооруженною рукою, могу ли я положиться на протекцію цесаря?

— Будьте покойны, ваше высочество! Императоръ довольно силенъ, чтобы защищать принимаемыхъ имъ подъ свою протекцію, во всякомъ случаѣ...

— Знаю, графъ! Но говорю вамъ теперь, не какъ намѣстнику императора, а какъ благородному кавалеру, какъ доброму человѣку. Вы были ко мнѣ такъ добры всегда. Скажите же всю правду, не скрывайте отъ меня ничего, ради Бога, графъ! Не надо политики! Скажите правду!.. О Господи!.. Видите, какъ мнѣ тяжело!..

Онъ заплакалъ и посмотрѣлъ на него такъ, какъ смотрятъ затравленные звѣри. Старикъ невольно потупилъ глаза.

Высокій, худощавый, съ блѣднымъ, тонкимъ лицомъ, нѣсколько похожимъ на лицо Донъ-Кихота, человѣкъ добрый, но слабый и нерѣшительный, съ двоящимися мыслями, рыцарь и политикъ графъ Даунъ вѣчно колебался между старымъ неполитичнымъ рыцарствомъ и новою нерыцарской политикой. Онъ чувствовалъ жалость къ царевичу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, страхъ, какъ бы не впутаться въ отвѣтственное дѣло—страхъ пловца, за котораго хватается утопающій.

Царевичъ опустился передъ нимъ на колѣни.

— Умоляю императора именемъ Бога и всѣхъ святыхъ не покидать меня! Страшно подумать, что̀ будетъ, если я попадусь въ руки отцу. Никто не знаетъ, что это за человѣкъ... я знаю... Страшно, страшно!..

Старикъ наклонился къ нему, со слезами на глазахъ.

— Встаньте, встаньте же, ваше высочество! Богомъ клянусь, что говорю вамъ всю правду, безъ всякой политики: насколько я знаю цесаря, ни за что не выдастъ онъ васъ отцу; это было бы унижительно для чести его величества и противно всесвѣтнымъ правамъ—знакомъ варварства!

Онъ обнялъ царевича и поцѣловалъ его въ лобъ съ отеческой нѣжностью.

Когда они вернулись въ пріемную, лицо царевича было блѣдно, но спокойно и рѣшительно. Онъ подошелъ къ Толстому и, не садясь и его не приглашая сѣсть, видимо, давая понять, что свиданіе кончено, сказалъ:

— Возвратиться къ отцу опасно и предъ разгнѣванное лицо явиться не безстрашно; а почему не смѣю возвратиться, о томъ донесу письменно протектору моему, цесарскому величеству. Отцу, можетъ-быть, буду писать, отвѣтствуя на его письмо, и тогда уже дамъ конечный отвѣтъ. А сего часу не могу ничего сказать, понеже надобно мыслить о томъ гораздо.

— Ежели, ваше высочество,—началь опять Толстой вкрадчиво,—какія предложить имѣешь кондиціи, можешь и мнѣ объявить. Я чай, батюшка на все согласится. И на Евфросиньѣ жениться позволитъ. Подумай, подумай, родной!

Утро вечера мудрѣе. Ну, да мы еще поговорить успѣемъ. Не въ послѣдній разъ видимся...

— Говорить намъ, Петръ Андреичъ, больше не о чемъ и видѣться не зачѣмъ. Да ты долго ли здѣсь пробу-дешь?

— Имѣю повелѣніе, — возразилъ Толстой тихо и по-смотрѣлъ на царевича такъ, что ему казалось, будто изъ глазъ его глянули глаза батюшки, — имѣю повелѣніе не удаляться отсюда, прежде чѣмъ возьму тебя, и если бы перевезли тебя въ другое мѣсто, — и туда буду за тобою слѣдовать.

Потомъ прибавилъ еще тише:

— Отецъ не оставитъ тебя, пока не получитъ живымъ или мертвымъ.

Изъ-подъ бархатной лапки высунулись когти, но тотчасъ же спрятались. Онъ поклонился, какъ при входѣ, глубочайшимъ поклономъ, хотѣлъ даже поцѣловать руку царевича, но тотъ ее отдернулъ.

— Всемиловѣйшей особы вашего высочества всепокорный слуга!

И вышелъ съ Румянцевымъ въ ту же дверь, въ которую вошелъ.

Царевичъ проводилъ ихъ глазами и долго смотрѣлъ на эту дверь неподвижнымъ взоромъ, словно промелькнуло передъ нимъ опять ужасное видѣніе.

Наконецъ опустился въ кресло, закрылъ лицо руками и согнулся, съежился весь, какъ будто подъ страшною тяжестью.

Графъ Даунъ положилъ руку на плечо его, хотѣлъ сказать что-нибудь въ утѣшеніе, но почувствовалъ, что сказать нечего, и молча отошелъ къ Вейнгарту.

— Императоръ настаиваетъ, — шепнулъ онъ ему, — чтобъ царевичъ удалилъ отъ себя ту женщину, съ которой живетъ. У меня не хватило духу сказать ему объ этомъ сегодня. Когда-нибудь, при случаѣ, скажите вы.

V.

«Мои дѣла въ великомъ находятся затрудненіи,—писаль Толстой резиденту Веселовскому въ Вѣну.—Ежели не отчаится наше дитя протекціи, подъ которою живетъ, никогда не помыслить ѣхать. Того ради, надлежитъ вашей милости во всѣхъ мѣстахъ трудиться, чтобы ему явно показали, что его оружіемъ защищать не будутъ; а онъ въ томъ все свое упованіе полагаетъ. Мы должны благодарствовать усердіе здѣшняго вице-роя въ нашу пользу; да не можемъ преломить замерзѣлаго упрямства. Сего часу не могу больше писать, понеже ѣду къ нашему звѣрю, а почта отходить».

Толстому случалось не разъ бывать въ великихъ затрудненіяхъ, и всегда выходилъ онъ сухъ изъ воды. Въ молодости участвовалъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ—всѣ погибли, онъ спасся. Сидя на Устюжскомъ воеводствѣ, пятидесяти лѣтъ отроду, имѣя жену и дѣтей, вызвался ѣхать, вмѣстѣ съ прочими «россійскими младенцами», въ чужіе края для изученія навигаціи—и выучился. Будучи посломъ въ Константинополѣ, трижды попадалъ въ подземныя тюрьмы Семибашеннаго замка и трижды выходилъ оттуда, заслуживъ особую милость царя. Однажды собственный секретарь его написалъ на него доносъ въ растратѣ казенныхъ денегъ, но, не успѣвъ отослать, умеръ скоропостижно; а Толстой объяснилъ: «вздумалъ подьячій Тимошка обусурманиться, познакомившись съ турками; Богъ мнѣ помогъ объ этомъ свѣдать; я призвалъ его тайно и началъ говорить, и заперъ въ своей спальнѣ до ночи, а ночью выпилъ онъ рюмку вина и скоро умеръ: такъ его Богъ сохранилъ отъ бѣды».

Не даромъ онъ изучалъ и переводилъ на русскій языкъ «Николы Махіавеля, мужа благороднаго, флорентинскаго, увѣщанія политическія». Самъ Толстой слылъ Махіавелемъ Россійскимъ. «Голова, голова, кабы не такъ умна

ты была, давно бѣ я отрубить тебя велѣлъ!» говорилъ о немъ царь.

И вотъ теперь боялся Толстой, какъ бы въ дѣлѣ царевича эта умная голова не оказалась глупою, Макиавель Россійскій—въ дуракахъ. А между тѣмъ онъ сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать: опуталъ царевича тонкою и крѣпкою сѣтью; внушилъ каждому порознь, что всѣ остальные тайно желаютъ выдачи его, но сами, стыдясь нарушить слово, поручаютъ это сдѣлать другимъ: цесарева—цесарю, цесарь—канцлеру, канцлеръ — намѣстнику, намѣстникъ — секретарю. Послѣднему Толстой далъ взятку въ 160 червонныхъ и пообѣщавъ прибавить, ежели онъ увѣритъ царевича, что цесарь протектовать его больше не будетъ. Но всѣ усилія разбивались о «замерзѣлое упрямство».

Хуже всего было то, что онъ самъ напросился на эту поѣздку. «Должно знать свою планету», говаривалъ онъ. И ему казалось, что его планета есть поимка царевича, и что ею увѣнчаетъ онъ все свое служебное поприще, получить андреевскую ленту и графство, сдѣлается родоначальникомъ новаго дома графовъ Толстыхъ, о чемъ всю жизнь мечталъ.

Что-то скажетъ царь, когда онъ вернется ни съ чѣмъ?

Но теперь онъ думалъ не о потерѣ царской милости, андреевской ленты, графскаго титула,—какъ истинный охотникъ, все на свѣтѣ забывъ, думалъ онъ только о томъ, что *звѣрь* уйдетъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго свиданія съ царевичемъ Толстой сидѣлъ за чашкой утренняго шоколада на балконѣ своихъ роскошныхъ покоевъ въ гостиницѣ Трехъ Королей на самой бойкой улицѣ Неаполя, Віа-Толедо. Въ ночномъ шлафорѣ, безъ парика, съ голымъ черепомъ, съ остатками сѣдыхъ волосъ только на затылкѣ, онъ казался очень старымъ, почти дряхлымъ. Молодость его — вмѣстѣ съ книгой «Метаморфозеосъ, или Премѣненіе Овидіево», которую онъ переводилъ на русскій языкъ — его собственная метаморфоза, баночки, кисточки и великолѣпный алонжевый парикъ съ юношескими черными какъ

смоль кудрями — лежали въ уборной на столикѣ передъ зеркаломъ.

На сердцѣ кошки скребли. Но, какъ всегда, въ минуты глубокихъ раздумій о дѣлахъ политики, имѣлъ онъ видъ безпечный, почти легкомысленный; переглядывался съ хорошенькою сосѣдкой, тоже сидѣвшею на балконѣ въ домѣ черезъ улицу, смуглолицею черноглазою испанкою изъ тѣхъ, которыя, по слову Езопки, «къ ручному труду не охочи, а заживаютъ больше въ прохладахъ», улыбался ей съ галантною любезностью, хотя улыбка эта напоминала улыбку мертваго черепа, и напѣвалъ своего собственнаго сочиненія любовную пѣсенку *Къ дѣвицѣ*, подражаніе Анакреону:

Не бѣгай ты отъ меня,
Видя сѣду голову;
Ни затѣмъ, что красоты
Блится въ тебѣ весна,
Презирай мою любовь.
Посмотри хотя въ вѣнцахъ
Сколь красивы, съ бѣлыми
Ландышами смѣшанны,
Розы намъ являются!

Капитанъ Румянцевъ рассказывалъ ему о своихъ любовныхъ приключеніяхъ въ Неаполѣ.

По опредѣленію Толстого, Румянцевъ «былъ человекъ сложенія веселаго, жизнь оказывалъ пріятную къ людямъ и паче касающееся до компаніи; но болѣе былъ счастливъ, нежели къ высокимъ дѣламъ способенъ — только имѣлъ смѣлство добраго солдата» — попросту, значить, дуракъ. Но онъ его не презиралъ за это, напротивъ, всегда слушалъ и порою слушался: «дураками-де свѣтъ стоитъ, — замѣчалъ Петръ Андреевичъ. — Катонъ, совѣтникъ римскій, говаривалъ, что дураки умнымъ нужнѣе, нежели умные дуракамъ».

Румянцевъ бранилъ какую-то дѣвку Камилку, которая вытянула у него за одну недѣлю больше сотни ефимокъ.

— Тутешнія дѣвки къ нашему брату зѣло грабительны.

Петръ Андреевичъ вспомнилъ, какъ самъ былъ влюбленъ много лѣтъ назадъ, здѣсь же, въ Неаполѣ; про эту любовь рассказывалъ онъ всегда одними и тѣми же словами:

— Былъ я инаморать въ синьору Франческу, и оную имѣлъ за метресу во всю ту свою бытность. И такъ былъ инаморать, что не могъ ни часу безъ нея быть, которая коштовала мнѣ въ два мѣсяца 1000 червонныхъ. И разстался съ великою печалью, ажъ до сихъ поръ изъ сердца моего тотъ аморъ не можетъ вытти...

Онъ томно вздохнулъ и улыбнулся хорошенькой сосѣдкѣ.

— А что нашъ *звѣрь*? — спросилъ вдругъ съ видомъ небрежнымъ, какъ будто это было для него послѣднее дѣло.

Румянцевъ рассказаль ему о своей вчерашней бесѣдѣ съ навигаторомъ Алешкой Юровымъ, Езопкою то-жъ.

Напуганный угрозою Толстого схватить его и отправить въ Петербургъ, какъ бѣглаго, Юровъ, несмотря на свою преданность царевичу, согласился быть шпиономъ, доносить обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ у него въ домѣ.

Румянцевъ узналъ отъ Езопки много любопытнаго и важнаго для соображеній Толстого о чрезмѣрной любви царевича къ Евфросиньѣ.

— Оная дѣвка весьма въ амурѣ профитуеть и, въ большой конфиденціи плезировъ ночныхъ, такую надъ нимъ силу взяла, что онъ передъ ней пикнуть не смѣеть. Подъ башмакомъ держать. Что она скажетъ, то онъ и дѣлаеть. Жениться хочеть, только попа не найдетъ, а то бѣ ужъ давно повѣнчались.

Рассказаль также о своемъ свиданіи съ Евфросиньей, устроенномъ, благодаря Езопкѣ и Вейнгарту, тайно отъ царевича, во время его отсутствія.

— Персона знатная во всѣхъ статьяхъ — только волосомъ рыжая. По виду тиха, воды, кажись, не замутишь, а должно-быть, бѣдовая, въ тихомъ-то омутѣ черти водятся.

— А какъ тебѣ показалось, — спросилъ Толстой, у котораго мелькнула внезапная мысль, — къ амуру инклинацію имѣеть?

— То-есть, чтобы нашего-то звѣря съ рогами сдѣлать? — усмѣхнулся Румянцевъ.—Какъ и всѣ бабы, чай, рада. Да вѣдь не съ кѣмъ...

— А хотя бы съ тобой, Александръ Ивановичъ! Небось, съ этакимъ-то молодцомъ всякой лестно! — лукаво подмигнуль Толстой.

Капитанъ разсмѣялся и самодовольно погладилъ свои тонкіе, вздернутые кверху, такъ же какъ у царя, кошачьи усики.

— Съ меня и Камилки будетъ! Куда мнѣ двухъ!

— А знаешь, господинъ капитанъ, какъ въ пѣсенкѣ поется:

Перестань противляться сугубому жару:
Двѣ дѣвы въ твоёмъ сердцѣ вмѣстятся безъ свару.
Не печалься, что будешь столько любви имѣть,
Ибо можно съ услугой къ той и другой поспѣть;
Уволивъ первую, уволь и вторую,
А хотя бъ и десятокъ — немного сказую.

— Вишь ты какой, ваше превосходительство, бѣдовый! — захохоталъ Румянцевъ, какъ истый денщикъ, показывая свои бѣлые ровные зубы. — Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро!

Толстой возразилъ ему другою пѣсенкою:

Говорятъ мнѣ женщины:
«Анакреонъ, ты ужъ старъ.
«Взявъ зеркало, посмотришь,
«Волосовъ ужъ нѣтъ надъ лбомъ».
Я не знаю, волосы
На головѣ ль, иль сошли;
Одно только знаю — то,
Что наипаче старику
Должно веселиться,
Ибо къ смерти ближе онъ.

— Послушай-ка, Александръ Ивановичъ, — продолжалъ онъ, уже безъ шутки,—замѣсто того, чтобъ съ Камилкой-то безъ-толку хороводиться, лучше бы ты съ оною знатною персоною поамурился. Большая изъ того польза для дѣла была бъ. Дитя наше такъ жалюзіей опутали бы, что никуда

не ушелъ бы, самъ въ руки дался. На нашего брата, кавалера, нѣтъ лучше приманки, какъ баба!

— Что ты, что ты, Петръ Андреичъ? Помилуй! Я думалъ, шутить изволишь, а ты и впрямь. Это дѣло щекотное. А ну, какъ онъ царемъ будетъ да про тотъ амуръ узнаетъ — такъ вѣдь на моей шеѣ мѣста не хватитъ, гдѣ топоровъ ставить...

— Э, пустое! Будетъ ли Алексѣй Петровичъ царемъ, это, братъ, вилами на водѣ писано, а что Петръ Алексѣевичъ тебя наградить, то вѣрно. Да еще какъ наградить-то! Александръ Ивановичъ, батюшка, пожалуй, учини дружбу, родной, въ вѣкъ не забуду!..

— Да я, право, не знаю, ваше превосходительство, какъ за этакое дѣло и взяться?..

— Вмѣстѣ возьмемся! Дѣло не мудреное. Я тебя научу, ты только слушайся...

Румянцевъ еще долго отнѣкивался, но, наконецъ, согласился, и Толстой разсказалъ ему планъ дѣйствій.

Когда онъ ушелъ, Петръ Андреевичъ погрузился въ раздумье, достойное Макиавеля россійскаго.

Онъ давно уже смутно чувствовалъ, что одна только Евфросинья могла бы, если бы захотѣла, убѣдить царевича вернуться — ночная-де кукушка дневную перекукуетъ — и что, во всякомъ случаѣ, на нее — послѣдняя надежда. Онъ и царю писалъ: «невозможно описать, какъ царевичъ оную дѣвку любить и какое объ ней попеченье имѣеть». Вспомнилъ также слова Вейнгарта: «больше всего боится онъ ѣхать къ отцу, чтобъ не отлучилъ отъ него той дѣвки. А я-де намѣренъ его нынѣ постращать, будто отнять ее немедленно, ежели къ отцу не поѣдетъ; хотя и не можно мнѣ сего безъ указа учинить, однакожъ, увидимъ, что изъ того будетъ».

Толстой рѣшилъ ѣхать тотчасъ къ вице-рою и требовать, чтобы онъ велѣлъ царевичу, согласно съ волей цесаря, удалить отъ себя Евфросинью. — «А тутъ-де еще и Румянцевъ со своимъ амуромъ,—подумалъ онъ съ такою надеждою, что сердце у него забилось. — Помоги, матушка

Венусъ! Авось-де, чего умные съ политикой не сдѣлали, то сдѣлаеть дуракъ съ амуромъ».

Онъ совсѣмъ развеселился и, поглядывая на сосѣдку, напѣвалъ уже съ непритворною рѣзвостью:

Посмотри хотя въ вѣнцахъ
Сколь красивы, съ бѣлыми
Ландышами смѣшанны,
Розы намъ являются!

А плутовка, закрываясь вѣеромъ, выставивъ изъ-подъ чернаго кружева юбки хорошенькую ножку въ серебряной туфелькѣ, въ розовомъ чулочкѣ съ золотыми стрѣлками, дѣлала глазки и лукаво смѣялась, — какъ будто въ образѣ этой дѣвочки сама богиня Фортуна, опять, какъ уже столько разъ въ жизни, улыбалась ему, суля успѣхъ, андреевскую ленту и графскій титулъ.

Вставая, чтобы итти одѣваться, онъ послалъ ей черезъ улицу воздушный поцѣлуй, съ галантнѣйшей улыбкой: казалось, Фортунѣ-блудницѣ улыбается безстыдною улыбкой мертвый черепъ.

Царевичъ подозрѣвалъ Езопку въ шпионствѣ, въ тайныхъ сношеніяхъ съ Толстымъ и Румянцевымъ. Онъ прогналъ его и запретилъ приходить. Но однажды, вернувшись домой неожиданно, столкнулся съ нимъ на лѣстницѣ. Езопка, увидѣвъ его, поблѣднѣлъ, задрожалъ, какъ пойманный воръ. Царевичъ понялъ, что онъ пробирался къ Евфросинѣ съ какимъ-то тайнымъ порученіемъ, схватилъ его за шиворотъ и столкнулъ съ лѣстницы.

Во время встряски выпала у него изъ кармана круглая жестянка, которую онъ тщательно пряталъ. Царевичъ поднялъ ее. Это была коробка «съ французскимъ чекуладомъ лепешечками» и вложенною въ крышку запискою, которая начиналась такъ:

«Милостивая моя государыня, Евфросинья Θεодоровна!
«Поелику сердце во мнѣ не топорной работы, но рождено уже съ нѣжнѣйшими чувствованіями»...

А кончалась виршами:

Я не въ своей мочи огонь утушить,
Сердцемъ я болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно—безъ тебя скучно;
Легче бъ ты не знати, нежелъ такъ страдати.
Аще же отвергнешь, то въ Везувій ввергнешь.

Вмѣсто подписи — двѣ буквы: А. Р.—«Александръ Румянцевъ», догадался царевичъ.

У него хватило духу не говорить Евфросиньѣ объ этой находкѣ.

Въ тотъ же день Вейнгартъ сообщилъ ему полученный, будто бы, отъ цесаря указъ — въ случаѣ, ежели царевичъ желаетъ дальнѣйшей протекціи, немедленно удалить отъ себя Евфросинью.

На самомъ дѣлѣ указа не было; Вейнгартъ только исполнялъ свое обѣщаніе Толстому: «я-де намѣренъ его постращать и хотя мнѣ и не можно сего безъ указа учинить, однакожь, увидимъ, что изъ того будетъ».

VI.

Въ ночь съ 1 на 2 октября разразилось, наконецъ, сирокко.

Съ особенною яростью выла буря на высотѣ Сантъ-Эльмо. Внутри замка, даже въ плотно запертыхъ покояхъ, шумъ вѣтра былъ такъ силенъ, какъ въ каютахъ корабля подъ самымъ сильнымъ штормомъ. Сквозь голоса урагана—то волчій вой, то дѣтскій плачь, то бѣшенный топоть, какъ отъ бѣгущаго стада, то скрежетъ и свистъ, какъ отъ исполинскихъ птицъ съ желѣзными крыльями — гулъ морского прибоя похожъ былъ на далекіе раскаты пушечной пальбы. Казалось, тамъ, за стѣнами, рушилось все, наступилъ конецъ міра, и бушуетъ безпредѣльный хаосъ.

Въ покояхъ царевича было сыро и холодно. Но развести огонь въ очагѣ нельзя было, потому что дымъ изъ трубы выбивало вѣтромъ. Вѣтеръ пронизывалъ стѣны, такъ что

сквозняки ходили по комнатѣ, пламя свѣчей колебалось, и капли воска на нихъ застывали висячими, длинными иглами.

Царевичъ ходилъ быстрыми шагами взадъ и впередъ по комнатѣ. Угловатая черная тѣнь его мелькала по бѣлымъ стѣнамъ, то сокращалась, то вытягивалась и, упираясь въ потолокъ, переламывалась.

Евфросинья, сидя съ ногами въ креслѣ и кутаясь въ шубку, слѣдила за нимъ глазами, молча. Лицо ея казалось равнодушнымъ. Только въ углу рта что-то дрожало едва уловимою дрожью, да пальцы однообразнымъ движеніемъ то расплетали, то скручивали оторванный отъ застежки на шубѣ золотой шнурокъ.

Все было такъ же, какъ полтора мѣсяца назадъ, въ тотъ день, когда получилъ онъ радостныя вѣсти.

Царевичъ, наконецъ, остановился передъ ней и произнесъ глухо:

— Дѣлать нечего, маменька! Собирайся-ка въ путь. Завтра къ папѣ въ Римъ поѣдемъ. Кардиналъ мнѣ тутошній сказывалъ, папа-де приметъ подъ свою протекцію.

Евфросинья пожала плечами.

— Пустое, царевичъ! Когда и цесарь держать не хочетъ дѣвку зазорную, такъ гдѣ ужъ папѣ. Ему, чай, нельзя, и по чину духовному. И войска нѣтъ, чтобы защищать, коли батюшка тебя съ оружіемъ будетъ требовать.

— Какъ же быть, какъ же быть, Афросьюшка?... — всплеснулъ руками онъ въ отчаяніи. — Указъ полученъ отъ цесаря, чтобъ отлучить тебя немедленно. До утра едва ждать согласились. Того гляди, силой отнимутъ. Бѣжать, бѣжать надо скорѣе!..

— Куда бѣжать-то? Вездѣ поймаютъ. Все равно одинъ конецъ — поѣзжай къ отцу.

— И ты, и ты, Афрося! Напѣли тебѣ, видно, Толстой да Румянцевъ, а ты и уши развѣсила.

— Петръ Андреичъ добра тебѣ хочетъ...

— Добра!.. Что ты смыслишь? Молчи ужъ, баба — волосъ дологъ, умъ коротокъ! Аль думаешь, не запытаютъ

и тебя! Не мысли того. И на брюхо не посмотрятъ: у насъ-де то не диво, что дѣвки на дыбахъ раживали...

— Да вѣдь батюшка милость обѣщаль...

— Знаю, знаю батюшкины милости. Вотъ онѣ мнѣ гдѣ! — показаль онѣ себѣ на затылокъ. — Папа не приметъ — такъ во Францію, въ Англию, къ Шведу, къ Турку, къ чорту на рога, только не къ батюшкѣ. Не смѣй ты мнѣ и говорить объ этомъ никогда, Евфросинья! Слышишь, не смѣй!..

— Воля твоя, царевичъ! А только я съ тобой къ папѣ не поѣду,—произнесла она тихо.

— Какъ не поѣдешь? Это ты что еще вздумала?

— Не поѣду,—повторила она все такъ же спокойно, глядя ему въ глаза пристально. — Я ужъ и Петру Андреичу сказывала: не поѣду-де съ царевичемъ никуда, кромѣ батюшки; пусть ѣдетъ одинъ, куда знаетъ, а я не поѣду.

— Что ты, что ты, Афросьюшка? — заговорилъ онѣ, блѣднѣя, вдругъ измѣнившимся голосомъ. — Христось съ тобою, маменька! Да развѣ... о Господи!.. развѣ я могу безъ тебя?..

— Какъ знаешь, царевичъ! А только я не поѣду. И не проси.

Она оторвала отъ петли и бросила шнурокъ на полъ.

— Одурѣла ты, дѣвка, что ль? — крикнулъ онѣ, сжимая кулаки, съ внезапною злобою. — Возьму, такъ поѣдешь! Много ты на себя воли берешь! Аль забыла, кѣмъ была?

— Кѣмъ была, тѣмъ и осталась: его царскаго величества, государя моего Петра Алексѣича раба вѣрная. Куда царь велить, туда и поѣду. Изъ воли его не выйду. Съ тобой противъ отца не пойду.

— Вотъ ты какъ, вотъ ты какъ заговорила!.. Съ Толстымъ да съ Румянцевымъ снюхалась, со злодѣями моими, съ убійцами!.. За все, за все добро мое, за всю любовь!.. Змѣя подколотная! Хамка, отродіе хамово...

— Вольно тебѣ, царевичъ, лаяться? Да что-де толку? Какъ сказала, такъ и сдѣлаю.

Ему стало страшно. Даже злоба прошла. Онъ весь ослабѣлъ, изнемогъ, опустился въ кресло рядомъ съ нею, взялъ ее за руку и старался заглянуть ей въ глаза:

— Афросьюшка, маменька, другъ мой сердешненькій, что же, что же это такое? Господи! Время ли ссориться? Зачѣмъ такъ говоришь? Знаю, что того не сдѣлаешь—одного въ такой бѣдѣ не покинешь—не меня, такъ Селебенаго, чай, пожалѣешь?..

Она не отвѣчала, не смотрѣла, не двигалась—точно мертвая.

— Аль не любишь?—продолжалъ онъ съ безумно молящею ласкою, съ жалобной хитростью любящихъ.—Ну что жъ? Уходи, коли такъ, Богъ съ тобой! Держать силой не буду. Только скажи, что не любишь...

Она вдругъ встала и посмотрѣла, усмѣхаясь такъ, что сердце у него замерло отъ ужаса.

— А ты думалъ, люблю? Когда надъ глупой дѣвкой ругался, насильничалъ, ножомъ грозилъ,—тогда бъ и спрашивалъ, люблю аль нѣтъ!..

— Афрося, Афрося, что ты? Аль слову моему не вѣришь? Вѣдь женюсь на тебѣ, вѣнцомъ тотъ грѣхъ покрою. Да и теперь ты мнѣ все равно что жена!..

— Челомъ бью, государь, на милости! Еще бы не милость! На холопкѣ царевичъ изволить жениться! А вѣдь вотъ, поди же ты, дура какая—этакой чести не рада! Терпѣла, терпѣла—мочи моей больше нѣтъ! Что въ петлю, аль въ прорубь, то за тебя, постылаго! Лучше бъ ты и впрямь убилъ меня тогда, зарѣзалъ! Царицей-де будешь—вишь, чѣмъ вздумалъ манить. Да, можетъ, мнѣ дѣвичій-то стыдъ и воля дороже царства твоего? Насмотрѣлась я на ваши роды царскіе—срамники вы, поскудники! У васъ во дворѣ что въ волчьей норѣ: другъ за дружкой такъ и смотрите, кто кому горло перерветъ. Батюшка—звѣрь большой, а ты—малый: звѣрь звѣрушку и съѣсть. Куда тебѣ съ нимъ спорить? Хорошо государь сдѣлалъ, что у тебя наслѣдство отнялъ. Гдѣ этакому царствовать? Въ дѣячки ступай грѣхи замаливать, святоша! Жену уморилъ, дѣтей бросилъ, съ

дѣвкой приبلудной связался, отстать не можетъ! Ослабъ, совсѣмъ ослабъ, измотался, испаскудился! Вотъ и сейчасъ—баба ругаетъ въ глаза, а ты молчишь, пикнуть не смѣешь. У, безстыдникъ! Избей я тебя, какъ собаку, а потомъ помани только, свистни—опять за мной побѣжишь, языкъ высуня, что кобель за сукою! А туда же, любви захотѣлъ! Да развѣ этакихъ-то любятъ?..

Онъ смотрѣлъ на нее и не узнавалъ. Въ сіяніи огненно-рыжихъ волосъ, блѣдное, точно нестерпимымъ блескомъ озаренное лицо ея было страшно, но такъ прекрасно, какъ еще никогда. «Вѣдьма!» подумалъ онъ, и вдругъ ему почудилось, что отъ нея вся эта буря за стѣнами, и что дикіе вопли урагана повторяютъ дикія слова:

— Погоди, ужо узнаешь, какъ тебя люблю! За все, за все заплачу! Сама на плаху пойду, а тебя не покрою! Все расскажу батюшкѣ—какъ ты оружіе просилъ у цесаря, чтобы войной итти на царя, возмущенію въ войскѣ радовался, къ бунтовщикамъ пристать хотѣлъ, отцу смерти желалъ, злодѣй! Все, все донесу, не отвертишься! Запыгаетъ тебя царь, плетьми засѣчетъ, а я стану смотрѣть, да спрашивать: что, моль, свѣтъ Алешенька, другъ мой сердешненькій, будешь помнить, какъ Афрося любила?.. А щенка твоего, Селебенаго, какъ родится—я своими руками...

Онъ закрылъ глаза, заткнулъ уши, чтобъ не видѣть, не слышать. Ему казалось, что рушится все, и самъ онъ проваливается. Такъ ясно, какъ еще никогда, понялъ вдругъ, что нѣтъ спасенія—и какъ бы ни боролся, что бы ни дѣлалъ—онъ все равно погибъ.

Когда царевичъ открылъ глаза, Евфросиньи уже не было въ комнатѣ. Но виденъ былъ свѣтъ сквозь щель неплотно притворенной двери въ спальню. Онъ понялъ, что она тамъ, подошелъ и заглянулъ.

Она торопливо укладывалась, связывала вещи въ узелъ, какъ будто собиралась уходить отъ него тотчасъ. Узелъ былъ маленькій: немного бѣлья, два-три простыхъ платья, которыя она сама себѣ сшила, да слишкомъ ему памятная старенькая дѣвичья шкатулка, со сломаннымъ замкомъ и

облѣзлую птицей, клюющей кисть винограда, на крышкѣ—та самая, въ которой еще дворовою дѣвкою въ домѣ Вяземскихъ она копила приданое. Дорогія платья и другія вещи, подаренныя имъ, тщательно откладывала, должно-быть, не хотѣла брать его подарковъ. Это оскорбило его больше, чѣмъ всѣ ея злыя слова.

Кончивъ укладку, присѣла къ ночному столику, очинила перо и принялась писать медленно, съ трудомъ, выводя точно рисуя, букву за буквою. Онъ подошелъ къ ней сзади на цыпочкахъ, нагнулся, заглянулъ ей черезъ плечо и прочиталъ первыя строки:

«Александръ Ивановичъ.

«Понеже царевичъ хочить ехать хъ папе а я отгаваривала штопъ не ездиль токмо не слушаить зело сердитуйтъ то ісволь ваша мілость пріслати за мноі наіскаряі а лучшепъ самъ пріехалъ не увесбы мене сілоі а чаі без меня никуды не поедить».

Половица скрипнула. Евфросинья быстро обернулась, вскрикнула и вскочила. Они стояли, молча, не двигаясь, лицомъ къ лицу, и смотрѣли другъ другу въ глаза долгимъ взглядомъ, точно такъ же, какъ тогда, когда онъ бросился на нее, грозя ножомъ.

— Такъ ты и впрямь къ нему?—прошепталъ онъ хриплымъ шопотомъ.

Чуть-чуть поблѣднѣвшія губы ея искривились тихою усмѣшкою.

— Хочу—къ нему, хочу—къ другому. Тебя не спрошусь.

Лицо его исказилось судорогою. Одной рукой схватилъ онъ ее за горло, другою за волосы, повалилъ и началъ бить, таскать, топтать ногами.

— Тварь! Тварь! Тварь!

Тонкое лезвее кортика-грифа, который носила она, одѣваясь пажемъ, и которымъ только что, вмѣсто ножа, отрѣзала отъ большого листа бумаги четвертушку для письма,—сверкало на столѣ. Царевичъ схватилъ его, замахнулся. Онъ испытывалъ безумный восторгъ, какъ тогда, когда овладѣ-

валь ею силою; вдругъ понялъ, что она его всегда обманывала, не принадлежала ему ни разу, даже въ самыхъ страстныхъ ласкахъ, и только теперь, убивъ ее, овладѣть онъ ею до конца, утолить свое неимовѣрное желаніе.

Она не кричала, не звала на помощь, и боролась молча, ловкая, гибкая, какъ кошка. Во время борьбы онъ толкнулъ столъ, на которомъ стояла свѣча. Столъ опрокинулся. Свѣча упала и потухла. Наступилъ мракъ. Въ глазахъ его, быстро точно колеса, завертѣлись огненные круги. Голоса урагана завывали гдѣ-то совсѣмъ близко отъ него, какъ будто надъ самымъ ухомъ, и разразились неистовымъ хохотомъ.

Онъ вздрогнулъ, словно очнулся отъ глубокаго сна, и въ то же мгновеніе почувствовалъ, что она повисла на рукѣ его, не двигаясь, какъ мертвая. Разжалъ руку, которою все еще держалъ ее за волосы. Тѣло упало на полъ съ короткимъ безжизненнымъ стукомъ.

Его обуялъ такой ужасъ, что волосы на головѣ зашевелились. Онъ далеко отшвырнулъ отъ себя кортикъ, выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату, схватилъ шандаль съ нагорѣвшими свѣчами, вернулся въ спальню и увидѣлъ, что она лежитъ на полу, распростертая, блѣдная, съ кровью на лбу и закрытыми глазами. Хотѣлъ было снова бѣжать, кричать, звать на помощь. Но ему показалось, что она еще дышитъ. Онъ упалъ на колѣни, наклонился къ ней, обнялъ, бережно поднялъ и положилъ на постель.

Потомъ заметался по комнатѣ, самъ не помня, что дѣлаетъ: то давалъ ей нюхать спиртъ, то искалъ пера, вспомнивъ, что жженымъ перомъ пробуждаютъ отъ обморока, то мочилъ ей голову водою, то опять склонялся надъ нею, рыдая цѣловалъ ей руки, ноги, платье и звалъ ее, и бился головой объ уголь кровати, и рвалъ на себѣ волосы.

— Убилъ, убилъ, убилъ, окаянный!..

То молился:

— Господи Іисусе, Матерь Пречистая, возьми душу мою за нее!..

И сердце его сжималось съ такою болью, что ему казалось—онъ сейчасъ умереть.

Вдругъ замѣтилъ, что она открыла глаза и смотритъ на него со странною улыбкою.

— Афрося, Афрося... что съ тобою, маменька!.. Не послать ли за дохтуромъ...

Она продолжала смотрѣть на него молча, все съ тою же непонятною улыбкою.

Сдѣлала усиліе, чтобы приподняться. Онъ ей помогъ и вдругъ почувствовалъ, что она обвила его шею руками и прижалась щекой къ щекѣ его съ такою тихою, дѣтски-довѣрчивой ласкою, какъ еще никогда:

— Что, испугался небось? Думалъ, до смерти убилъ? Пустое! Не такъ-то легко бабу убить. Мы, что кошки, живучи. Милый ударить—тѣла прибавить!

— Прости, прости, маменька, родненькая!..

Она смотрѣла въ глаза его, улыбалась и гладила ему волосы съ материнскою нѣжностью.

— Ахъ, мальчикъ ты мой, мальчикъ глупенькій. Посмотрю я на тебя—совсѣмъ дитяtko малое. Ничего не смылишь, не знаешь ты нашего норова бабьяго. Ахъ, глупенькій, такъ вѣдь и повѣрилъ, что не люблю? Поди-ка, я тебѣ на ушко словечко скажу.

Она приблизила губы къ самому уху его и шепнула страстнымъ шопотомъ:

— Люблю, люблю, какъ душу свою, душа моя, радость моя! Какъ мнѣ на свѣтѣ быть безъ тебя, какъ живой быть? Лучше бы мнѣ—душа моя съ тѣломъ разсталась. Аль не вѣришь?

— Вѣрю, вѣрю!..—плакалъ онъ и смѣялся отъ счастья.

Она прижималась къ нему все крѣпче и крѣпче.

— Охъ, свѣтъ мой, батюшка мой, Алешенька, и за что ты мнѣ таковъ милъ?.. Гдѣ твой разумъ—тутъ и мой, гдѣ твое слово—тутъ и мое, гдѣ твое слово, тутъ и моя голова! Вся всегда въ волѣ твоей... Да вотъ горе мое: и всѣ-то мы, бабы, глупыя, злыя, а я пуще всѣхъ. Что же мнѣ дѣлать, коли такову меня Богъ несчастную родилъ? Далъ мнѣ сердце несытое, жадное. И вижу, что любишь меня, а мнѣ все мало, все мало, чего хочу, сама не знаю.

Что-то, думаю, что-то мальчикъ мой такой тихонькій да смирененькій, никогда поперекъ слова не молвить, не разсердится, не поучить меня, глупую? Рученьки его я надъ собою не слышу, грозы не чую. Не мимо-де молвится: кого люблю, того и бью. Аль не любить? А ну-ка разсержу его, попытаю, что изъ него будетъ... А ты—вотъ ты каковъ! Едва не убилъ! Совсѣмъ въ батюшку. Ажъ духъ изъ меня вонъ отъ страху-то. Ну, да впередъ наука, помнить буду и любить буду, вотъ какъ!..

Онъ какъ будто въ первый разъ видѣлъ эти глаза, горящія грознымъ тусклымъ огнемъ, эти полураскрытыя, жаркія губы; чувствовалъ это скользящее, какъ змѣя, трепещущее тѣло. «Вотъ она какая!» думалъ онъ съ блаженнымъ удивленіемъ.

— А ты думалъ, ласкать не умѣю?—какъ будто угадывая мысль его, засмѣялась она тихимъ смѣхомъ, который зажегъ въ немъ всю кровь.—Погоди, ужо такъ ли еще приласкаю... Только утоли ты, утоли мое сердце глупое, сдѣлай, о чемъ попрошу, чтобы знала я, что любишь ты меня, какъ я тебя—до смерти!.. Охъ, жизнь моя, любонька, лапушка!... Сдѣлаешь? сдѣлаешь?..

— Все сдѣлаю! Видитъ Богъ, нѣтъ того на свѣтѣ, чего бы не сдѣлалъ. На смерть пойду—только скажи...

Она не шепнула, а какъ будто вздохнула чуть слышнымъ вздохомъ:

— Вернись къ отцу!

И опять, какъ давеча, сердце у него замерло отъ ужаса. Почудилось что изъ-подъ нѣжной руки тянется и хватаетъ его за сердце желѣзная рука батюшки. «Лжетъ!—блеснуло въ немъ, какъ молнія.—Пусть лжетъ, только бы любила!» прибавилъ онъ съ безпечностью.

— Тошно мнѣ,—продолжала она,—охъ, смерть моя, тошнехонько—во грѣхѣ съ тобой да въ беззаконьи жить! Не хочу быть дѣвкою зазорною, хочу быть женою честною предъ людьми и предъ Богомъ. Говоришь: и нынѣ-де я тебѣ все равно что жена. Да полно, какая жена? Вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли. И мальчикъ-то нашъ, Селебеный, при-

блуднымъ родится. А какъ вернешься къ отцу, такъ и женишься. И Толстой говоритъ: пусть-де царевичъ предложитъ батюшкѣ, что вернется, когда позволятъ жениться; а батюшка, говоритъ, еще и радъ сему будетъ, только бѣ де онъ, царевичъ, отъ царства отрекся да жилъ въ деревняхъ на покоѣ. Что-де на рабѣ жениться, что клобукъ одѣтъ—едино,—не бывать ему уже царемъ. А мнѣ-то, свѣтикъ мой Алешенька, только того и надобно. Боюсь я, охъ, родненькій, царства-то я пуще всего и боюсь! Какъ станешь царемъ—не до меня тебѣ будетъ. Голова кругомъ пойдетъ. Царямъ любить некогда. Не хочу быть царицею постылою, хочу быть любонькой твоею вѣчною! Любовь моя—царство мое! Уѣдемъ въ деревни, либо въ Порѣцкое, либо въ Рождествено, будемъ въ тишинѣ да въ покоѣ жить, я да ты, да Селебеный — ни до чего намъ дѣла не будетъ... Охъ, сердце мое, жизнь моя, радость моя!.. Аль не хочешь? Не сдѣлаешь?.. Аль царства жаль?..

— Что спрашиваешь, маменька? Сама знаешь—сдѣлаю...

— Вернешься къ отцу?

— Вернусь.

Ему казалось, что теперь происходитъ обратное тому, что произошло между ними когда-то: уже не онъ—ею, а она овладѣвала имъ силою; ея поцѣлуи подобны были ранамъ, ея ласки—убійству.

Вдругъ она вся замерла, тихонько его отстраняя, отталкивая и вздохнула опять чуть слышнымъ вздохомъ:

— Клянись!

Онъ колебался, какъ самоубійца въ послѣднюю минуту, когда уже занесъ надъ собою ножъ. Но все-таки сказалъ:

— Богомъ клянусь!

Она потушила свѣчу и обняла его всего одной безконечною ласкою, глубокою и страшною какъ смерть.

Ему казалось, что онъ летитъ съ нею, вѣдьмою, бѣлою дьяволицею, въ бездонную тьму на крыльяхъ урагана.

Онъ зналъ, что это—погибель, конецъ всему, и радъ былъ концу.

VII.

На слѣдующій день, 3 октября, Толстой писалъ царю въ Петербургъ:

«Всемилоствѣйшій Государь!

«Симъ нашимъ всеподданѣйшимъ доносимъ, что сынъ вашего величества, его высочество государь царевичъ Алексѣй Петровичъ, изволилъ намъ сего числа объявить свое намѣреніе: оставя всѣ прежнія противленія, повинуется указу вашего величества и къ вамъ въ С.-Питербурхъ ѣдетъ непрекословно съ нами, о чемъ изволилъ къ вашему величеству саморучно писать и оное письмо изволилъ намъ отдать напечатанное, чтобы его къ вашему величеству подъ своимъ кувертомъ послали, съ котораго при семь копія приложена, а оригинальное мы оставили у себя, опасаясь при семь случаѣ отпустить. Изволить предлагать токмо двѣ кондиціи; первая: дабы ему жить въ его деревняхъ, которыя близъ С.-Питербурха; а другая: чтобъ ему жениться на той дѣвкѣ, которая нынѣ при немъ. И когда мы его сначала склоняли, чтобы къ вашему величеству поѣхалъ, онъ безъ того и мыслить не хотѣлъ, ежели вышеписанныя кондиціи ему позволены не будутъ. Зѣло, государь, стужаетъ, чтобы мы ему исходатайствовали отъ вашего величества позволенія обвѣнчаться съ тою дѣвкою, не доѣзжая до С.-Питербурха. И хотя сіи государственныя кондиціи паче мѣры тягостны, однакожъ, я и безъ указу осмѣлился на нихъ позволить словесно. О семъ я вашему величеству мое слабое мнѣніе доношу: ежели нѣтъ въ томъ какой противности,—чтобъ ему на то позволить, для того, что онъ тѣмъ весьма покажетъ себя во весь свѣтъ, какого онъ состоянія, еже не отъ какой обиды ушелъ, токмо для той дѣвки; другое, что цесаря весьма огорчитъ, и онъ уже никогда ему ни въ чемъ вѣрить не будетъ; третье, что уже отъимется опасность о его пристойной женитьбѣ къ доброду своему свойству, отчего еще и здѣсь не безопасно. И ежели

на то позволишь, государь,—изволилъ бы ко мнѣ въ письмѣ своемъ, при другихъ дѣлахъ, о томъ написать, чтобъ я ему могъ показать, а не отдать. А ежели ваше величество изволить разсудить, что непристойно тому быть, то не благоволишь ли его токмо нынѣ милостиво обнадежить, что можетъ то сдѣлаться не въ чужомъ, но въ нашемъ государствѣ, чтобъ онъ, будучи тѣмъ обнадеженъ, не мыслилъ чего иного и ѣхалъ къ вамъ безъ всякаго сумнѣнія. И благоволи, государь, о возвращеніи къ вамъ сына вашего содержать нѣсколько времени секретно для того: когда сіе разгласится, то не безопасно, дабы кто-либо, кому то есть противно, не написалъ къ нему какого соблазна, отъ чего (сохрани, Боже!) можетъ, устрашась, перемѣнить свое намѣреніе. Также, государь, благоволи прислать ко мнѣ указъ къ командирамъ войскъ своихъ, ежели которые обрѣтаются на томъ пути, которымъ поѣдемъ, буде понадобится конвой, чтобъ дали

«Мы уповаемъ выѣхать изъ Неаполя сего октября въ 6, или конечно въ 7 день. Однакожь, царевичъ изволить прежде съѣздить въ Баръ, видѣть мощи св. Николая, куда и мы съ нимъ поѣдемъ. Къ тому жъ дороги въ горахъ безмѣрно злыя, и хотя бъ, нигдѣ не медля, ѣхать, но поспѣшить невозможно. А оная дѣвка нынѣ брюхата уже четвертый, аль пятый мѣсяцъ, и сія причина путь нашъ продолжить можетъ, понеже онъ для нея скоро не поѣдетъ: ибо невозможно описать, какъ ее любить и какое объ ней попеченіе имѣетъ

«Итакъ, съ рабскою покорностью и высокимъ респектомъ всеподданнѣйше пребываемъ

Петръ Толстой.

«P. S. А когда, государь, благоволить Богъ мнѣ быть въ С.-Питербурхѣ, уже безопасно буду хвалить Италію и штрафу за то пить не буду, понеже не токмо дѣйствительный походъ, но и одно намѣреніе быть въ Италіи добрый эффе́ктъ вашему величеству и всему Россійскому государству принесло».

Онъ писалъ также резиденту Веселовскому въ Вѣну:

«Содержите все въ высшемъ секретѣ, изъ опасенія чтобы какой дьяволъ не написалъ къ царевичу и не утрашилъ бы его отъ поѣздки. Какія въ семь дѣлѣ чинились трудности, одному Богу извѣстно! О нашихъ чудесахъ истинно описать не могу».

Петръ Андреевичъ сидѣлъ ночью одинъ въ своихъ покояхъ въ гостиницѣ Трехъ Королей за письменнымъ столомъ передъ свѣчкой.

Окончивъ письмо государю и снявъ копию съ письма царевича, онъ взялъ сургучъ, чтобы запечатать ихъ вмѣстѣ въ одинъ конвертъ. Но отложилъ его, еще разъ перечелъ подлинное письмо царевича, глубоко, отрадно вздохнулъ, открылъ золотую табакерку, вынулъ понюшку, и, растирая табакъ между пальцами, съ тихой улыбкой задумался.

Онъ едва вѣрилъ своему счастью. Вѣдь еще сегодня утромъ онъ былъ въ такомъ отчаяннѣи, что, получивъ записку отъ царевича: «самую нужду имѣю съ тобою говорить, что не безъ пользы будетъ»,—не хотѣлъ къ нему ѣхать: «только-де разговорами время продолжается».

И вотъ вдругъ «замерзѣлаго упрямства» какъ не бывало,—онъ согласенъ на все. «Чудеса, истинно чудеса! Никто, какъ Богъ, да св. Никола!.. Не даромъ Петръ Андреевичъ всегда особенно чтить Николу и уповалъ на «святую протекцію» чудотворца. Радъ былъ и нынѣ ѣхать съ царевичемъ въ Баръ. «Есть-де за что угоднику свѣчку поставить!» Ну, конечно, кромѣ св. Николы, помогла и богиня Венусъ, которую отъ тоже чтить усердно: не постыдилатаки, вывезла, матушка! Сегодня на прощанье поцѣловалъ онъ ручку дѣвкѣ Афроськѣ. Да что ручку—онъ бы и въ ножки поклонился ей, какъ самой богинѣ Венусъ. Молодецъ дѣвка! Какъ оплела царевича! Вѣдь не такой онъ дуракъ, чтобъ не видѣть, на что идетъ. Въ томъ-то и дѣло, что слишкомъ уменъ. «Сія генеральная регула,—вспомнилъ Толстой одно изъ своихъ изреченій,—что мудрыхъ легко обмануть, понеже они, хотя и много чрезвычайно знаютъ, однакожь ординарнаго въ жизни не вѣдаютъ, въ чемъ наи-

большая нужда; вѣдать разумъ и нравъ человѣческій—великая философія, и труднѣе людей знать, нежели многія книги наизусть помнить».

Съ какою безпечною легкостью, съ какимъ веселымъ лицомъ объявилъ сегодня царевичъ, что ѣдетъ къ отцу. Онъ былъ точно сонный или пьяный; все время смѣялся какимъ-то жуткимъ, жалкимъ смѣхомъ.

«Ахъ, бѣдненькій, бѣдненькій!» сокрушенно покачалъ Петръ Андреевичъ головою и, затянувшись понюшкою, смахнулъ слезинку, которая выступила на глазахъ не то отъ табаку, не то отъ жалости. «Яко агнецъ безгласный ведомъ на закланіе. Помоги ему, Господь!»

Петръ Андреевичъ имѣлъ сердце доброе и даже чувствительное.

«Да, жаль, а дѣлать нечего,—утѣшился онъ тотчасъ,—на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ! Дружба дружбою, а служба службою». Заслужилъ-таки онъ, Толстой, царю и отечеству, не ударилъ лицомъ въ грязь, оказался достойнымъ ученикомъ Николаы Макіавеля, увѣнчалъ свое поприще: теперь уже сама планета счастья сойдетъ къ нему на грудь андреевской звѣздою—будутъ, будутъ графами Толстые и ежели въ вѣкахъ грядущихъ прославятся, достигнутъ чиновъ высочайшихъ, то вспомнятъ и Петра Андреевича! Нынѣ отпускаеши раба твоего, Господи!

Мысли эти наполнили сердце его почти шаловливою рѣзвостью. Онъ вдругъ почувствовалъ себя молодымъ, какъ будто лѣтъ сорокъ съ плечъ долой. Кажется, такъ бы и пустился въ плясъ, точно на рукахъ и ногахъ выросли крылышки, какъ у бога Меркурія.

Онъ держалъ сургучъ надъ пламенемъ свѣчи. Пламя дрожало, и огромная тѣнь голаго черепа—онъ снялъ на ночь парикъ—прыгала на стѣнѣ, словно плясала и корчила шутовскія рожи, и смѣялась, какъ мертвый черепъ. Закипѣли, закапали красныя, какъ кровь, густыя капли сургуча. И онъ тихонько напѣвалъ свою любимую пѣсенку:

Покинь, Купидо, стрѣлы:
Уже мы всѣ не цѣлы,
Но сладко уязвленны
Любовною стрѣлою
Твоею золотою,
Любви всѣ покоренны.

Въ письмѣ, которое Толстой отправлялъ государю,
царевичъ писалъ:

«Всемиловѣйшій государь-батюшка!

«Письмо твое, государь, милостивѣйшее чрезъ господъ Толстого и Румянцева получилъ, изъ котораго—также изъ устнаго мнѣ отъ нихъ — милостивое отъ тебя, государя, мнѣ, всякой милости недостойному, въ семь моемъ своевольномъ отъѣздѣ, буде я возвращуся, прощеніе принялъ; о чемъ со слезами благодаря и припадая къ ногамъ милосердія вашего, слезно прошу о оставленіи преступленій моихъ мнѣ, всякихъ казней достойному. И, надѣясь на милостивое обѣщаніе ваше, полагаю себя въ волю вашу и съ присланными отъ тебя, государя, поѣду изъ Неаполя на сихъ дняхъ къ тебѣ, государю, въ Санктпитебургъ.

Всенижайшій и непотребный рабъ и недостойный назватися сыномъ

Алексѣй».

СЕДЬМАЯ КНИГА.

Петръ Великій.

I.

Петръ всталъ рано. «Еще черти въ кулачки не били», ворчалъ сонный денщикъ, затоплявшій печи. Ноябрьское черное утро глядѣло въ окна. При свѣтѣ сальнаго огарка, въ ночномъ колпакѣ, халатѣ и кожаномъ передникѣ, царь сидѣлъ за токарнымъ станкомъ и точилъ изъ кости паникадило въ соборъ Петра и Павла, за полученное отъ Марціальныхъ водъ облегченіе болѣзни; потомъ изъ корельской березы — маленькаго Вакха съ виноградною гроздью — на крышку бокала. Работалъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто добывалъ этимъ хлѣбъ насущный.

Въ половинѣ пятаго пришелъ кабинетъ-секретарь, Алексѣй Васильевичъ Макаровъ. Царь сталъ къ налою — орѣховой конторкѣ, очень высокой, человѣку средняго роста по шею, и началъ диктовать указы о коллегіяхъ, учреждаемыхъ въ Россіи по совѣту Лейбница, «по образцу и прикладу другихъ политизованныхъ государствъ».

«Какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, — говорилъ философъ царю, — такъ въ великой государственной машинѣ одна коллегія должна приводить въ движеніе другую, и если все устроено съ точною соразмѣрностью и гармоніей, то стрѣлка жизни непремѣнно будетъ показывать странѣ счастливые часы».

Петръ любилъ механику, и его плѣняла мысль превратить государство въ машину. Но то, что казалось легкимъ въ мысляхъ, оказывалось труднымъ на дѣлѣ.

Русскіе люди не понимали и не любили коллегій, называли ихъ презрительно калѣгами и даже калѣками. Царь пригласилъ иностранныхъ ученыхъ и «въ правостяхъ искусныхъ людей». Они отправляли дѣла черезъ толмачей. Это было неудобно. Тогда посланы были въ Кенигсбергъ русскіе молодые подьячіе «для наученія нѣмецкому языку, дабы удобнѣе въ коллегіумъ были, а за ними надзиратели, чтобъ не гуляли». Но надзиратели гуляли вмѣстѣ съ надзираемыми. Царь далъ указъ: «Всѣмъ коллегіямъ надлежитъ нынѣ на основаніи шведскаго устава сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ регламентъ по пунктамъ; а которые пункты въ шведскомъ регламентѣ не удобны, или съ ситуаціею здѣшняго государства несходны,—оные ставить по своему разсужденію». Но своего разсужденія не было, и царь предчувствовалъ, что въ новыхъ коллегіяхъ дѣла пойдутъ такъ же, какъ въ старыхъ приказахъ. «Все тщетно, думалъ онъ, пока у насъ не познаютъ прямую пользу короны, чего и во сто лѣтъ неуповательно быть».

Денщикъ доложилъ о переводчикѣ чужестранной коллегіи, Василіи Козловскомъ. Вошелъ молодой человекъ, блѣдный, чахоточный. Петръ отыскалъ въ бумагахъ и отдалъ ему перечеркнутую, со многими отмѣтками карандашомъ на поляхъ, рукопись — трактатъ о механикѣ.

— Переведено плохо, исправь.

— Ваше величество! — залепеталъ Козловскій, робѣя и заикаясь. — Самъ творецъ той книги такой стилусъ положилъ, что зѣло трудно разумѣть, понеже писалъ сокращенно и прикрито, не столько зря на пользу людскую, сколько на subtilность своего философскаго письма. А мнѣ за краткостью ума моего невозможно понять.

Царь терпѣливо училъ его.

— Не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить, но самый смыслъ выразишь, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе, только храня то, чтобы дѣла не проронить, а за

штилемъ ихъ не гнаться. Чтобъ не праздно ради красоты, но для пользы было, безъ излишнихъ разсказовъ, которые время тратятъ и у читающихъ охоту отнимаютъ. Да не высокимъ славянскимъ штилемъ, а простымъ русскимъ языкомъ пиши, высокихъ словъ класть ненадобно, посольскаго приказу употреби слова. Какъ говоришь, такъ и пиши, просто. Понялъ?

— Точно такъ, ваше величество! — отвѣтилъ переводчикъ, какъ солдатъ по командѣ, и понурилъ голову съ унылымъ видомъ, какъ будто вспомнилъ своего предшественника, тоже переводчика иностранной коллегіи, Бориса Волкова, который, отчаявшись надъ французскою *Огородною книгою*, *Le jardinage de Quintiny*, и убоясь царскаго гнѣва, перерѣзалъ себѣ жилы.

— Ну, ступай съ Богомъ. Явись же со всеѣмъ усердіемъ. Да скажи Аврамову: печать въ новыхъ книгахъ передъ прежней толста и нечиста. Литеры *буки* и *покой* переправить — почеркомъ толсты. И переплеть дурень, а паче оттого, что въ корнѣ гораздо узко вяжетъ — книги таращатся. Надлежитъ слабо и просторно въ корнѣ вязать.

Когда Козловскій ушелъ, Петръ вспомнилъ мечты Лейбница о всеобщей русской энциклопедіи, «квинтэссенціи наукъ, какой еще никогда не бывало», о Петербургской Академіи, верховной коллегіи ученыхъ правителей съ царемъ во главѣ, о будущей Россіи, которая, опередивъ Европу въ наукахъ, поведетъ ее за собою.

«Далеко кулику до Петрова дня! — усмѣхнулся царь горькою усмѣшкою.—Прежде чѣмъ просвѣщать Европу надо самимъ научиться говорить по-русски, писать, печатать, переплетать, дѣлать бумагу»

Онъ продиктовалъ указъ:

— Въ городахъ и уѣздахъ по улицамъ пометный негодный всякій холстъ и лоскутья собирая, присылать въ Санктпетербургскую канцелярію, а тѣмъ людямъ, кто что рнаго собравъ объявитъ, платить по осьми денегъ за пудъ.

Эти лоскутья должны были ити на бумажныя фабрики.

Потомъ указы — о сальномъ топлениі, объ изрядномъ плетеніи лаптей, о выдѣлкѣ юфти для обуви: «понеже юфть, которая употребляется на обуви, весьма негодна къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватить, распалзывается, и вода проходитъ, того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваньимъ саломъ».

Заглянулъ въ аспидную доску, которую вѣшалъ съ грифелемъ на ночь у изголовья постели, чтобы записывать, просыпаясь, приходившія ему въ голову мысли о будущихъ указахъ. Въ ту ночь было записано:

«Гдѣ класть навозъ? — Не забывать о Персіи. — О рогахъ».

Велѣлъ Макарову прочитать вслухъ письмо посланника Волынскаго о Персіи.

«Здѣсь такая нынѣ глава, что, чаю, рѣдко такого дурачка можно сыскать и между простыхъ, не только изъ коронованныхъ. Богъ ведетъ къ паденію сію корону. Хотя настоящая война наша шведская намъ и возбраняла бѣ, однако, какъ я здѣшнюю слабость вижу, намъ не только цѣлою арміею, но и малымъ корпусомъ великую часть Персіи присовокупить безъ труда можно, къ чему удобнѣе нынѣшняго времени не будетъ»

Отвѣчая Волынскому, приказалъ отпустить купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ, дабы до Индіи путь водяной сыскать, и все описывая, дѣлать карту; заготовить также грамоту къ Моголу — далай-ламѣ Тибетскому.

Путь въ Индію, соединеніе Европы съ Азіей было давнею мечтой Петра.

Еще двадцать лѣтъ тому назадъ въ Пекинѣ основана была православная церковь во имя св. Софіи, Премудрости Божьей. «Le czar peut unir la Chine avec l'Europe—Царь можетъ соединить Китай съ Европою», предсказывалъ Лейбницъ. «Завоеваніями царя въ Персіи основано будетъ государство сильнѣе Римскаго», предостерегали своихъ государей иностранные дипломаты. «Царь, какъ другой Александръ, старается всѣмъ свѣтомъ завладѣть», говорилъ султанъ.

Петръ досталъ и развернулъ карту земного шара, которую самъ начертилъ однажды, размышляя о будущихъ судьбахъ Россіи: надпись *Европа* — къ западу, надпись *Азія* — къ югу, а на пространствѣ отъ Чукотскаго мыса до Нѣмана и отъ Архангельска до Арарата — надпись *Россія* — такими же крупными буквами, какъ *Европа*, *Азія*. «Всѣ ошибаются, — говорилъ онъ, — называя Россію государствомъ, она — часть свѣта».

Но тотчасъ, привычнымъ усиліемъ воли, отъ мечты вернулся къ дѣлу, отъ великаго — къ малому.

Началъ диктовать указы о «мѣстѣ, приличномъ для навозныхъ складовъ»; о замѣнѣ рогожныхъ мѣшковъ для сухарей на галеры — волосяными; для крупъ и соли — бочками или мѣшками холщевыми; «а рогожъ отнюдь бы не было»; о сбереженіи свинцовыхъ пулекъ при ученіи солдатъ стрѣльбѣ; о сохраненіи лѣсовъ; о недѣланіи выдолбленныхъ гробовъ — «дѣлать только изъ досокъ сшивные»; о выпискѣ въ Россію образца англійскаго гроба.

Перелистывалъ записную книжку, провѣряя не забылъ ли чего-нибудь нужнаго. На первой страницѣ была надпись: *In Gotes Namen!* — *Во имя Господне!* Слѣдовали разнообразныя замѣтки; иногда въ двухъ, трехъ словахъ обозначался долгій ходъ мысли:

«О нѣкоторомъ вымысленіи, черезъ которое многія разныя таинства природы можно открывать.

«Пробовательная хитрость. Какъ тушить нефть купоросомъ. Какъ варить пеньку въ селитренной водѣ. Купить секретъ, чтобъ кишки заливныя дѣлать.

«Чтобъ мужикамъ учинить какой маленькой регуль о законѣ Божіемъ и читать по церквамъ для вразумленія.

«О подкидныхъ младенцахъ, чтобъ воспитывать.

«О заведеніи китовой ловли.

«Паденіе греческой монархіи отъ презрѣнія войны.

«Чтобы присылали французскія вѣдомости.

«О пріисканіи въ Нѣмецкой землѣ комедіантовъ за большую плату.

«О русскихъ пословицахъ. О лексиконѣ русскомъ.

«О химическихъ секретахъ, какъ руду пробовать.

«Буде мнѣть, законы естества смышленные, то для чего животныя одно другое ѣдятъ, и мы на что имъ такое бѣдство чинимъ?»

«О нынѣшнихъ и старыхъ дѣлахъ противъ аееистовъ.

«Сочинить самому молитву для солдатъ: *Боже великій, вѣчный, и святой, и проч.*».

Дневникъ Петра напоминалъ дневники Леонардо да Винчи.

Въ шесть часовъ утра сталъ одѣваться. Натягивая чулки, замѣтилъ дыру. Присѣлъ, досталъ иголку съ клубкомъ шерсти и принялся чинить. Размышляя о пути въ Индію, по слѣдамъ Александра Македонскаго, штопалъ чулки.

Потомъ выкушалъ анисовой водки съ кренделемъ, закурилъ трубку, вышелъ изъ дворца, сѣлъ въ одноколку съ фонаремъ, потому что было еще темно, и поѣхалъ въ Адмиралтейство.

II.

Игла Адмиралтейства въ туманѣ тускло рдѣла отъ пламени пятнадцати горновъ. Недостроенный корабль чернѣлъ голыми ребрами, какъ остовъ чудовища. Якорные канаты тянулись, какъ исполинскія змѣи. Визжали блоки, гудѣли молоты, грохотало желѣзо, кипѣла смола. Въ багровомъ отблескѣ люди сновали какъ тѣни. Адмиралтейство похоже было на кузницу ада.

Петръ обходилъ и осматривалъ все.

Провѣрялъ въ оружейной палатѣ, точно ли записанъ калибръ чугунныхъ ядеръ и гранатъ, сложенныхъ пирамидами подъ кровлями, «дабы ржа не брала»; налиты ли внутри саломъ флинты и мушкеты; исполненъ ли указъ о пушкахъ: «надлежитъ зеркаломъ высмотрѣть, гладко ль проверчено, и нѣтъ ли какихъ раковинъ или зацѣпокъ отъ ушей къ дулу; ежели явятся раковины, надлежитъ освидѣтельствовать трещоткою, сколь глубоки».

По запаху различалъ достоинство моржоваго сала, наощупь — легкость парусныхъ полотень: отъ тонкости ли нитокъ или отъ рѣдкости тканья эта легкость. Говорилъ съ мастерами, какъ мастеръ.

— «Доски притесывать плотно. Выбирать, хотя бѣ двухгодовалыя, а что болѣе, то лучше, понеже когда не высохнуть и выконопачены будутъ, то не токмо разсохнутся, но еще отъ воды разбухнуть и конопать сдавятъ»...

— «Вегерсы сшивать нагелями сквозь бортъ. По концамъ класть букбанды, крѣпить въ баркгоуты и внутри расклепывать»...

— «Дубъ надлежитъ въ дѣло самый добрый зеленецъ, видомъ бы просинь, а не красенъ былъ. Изъ такого дуба корабль уподобится желѣзному, ибо и пуля фюзейная не весьма его возьметъ, полувершка не проѣстъ»...

Въ пеньковыхъ амбарахъ бралъ изъ бунтовъ горсти пеньки между колѣнъ, тщательно разсматривалъ, встряхивалъ и разнималъ по-мастерски:

— «Канаты корабельные становые дѣло великое и страшное: дѣлать надлежитъ изъ самой доброй и здоровой пеньки. Ежели канатъ надеженъ, кораблю спасеніе, а ежели худъ, кораблю и людямъ погибель».

Всюду слышались гнѣвные окрики царя на поставщиковъ и подрядчиковъ:

— «Вижу я, въ мой отъѣздъ все дѣло роковымъ ходомъ пошло!»

— «Принужденъ буду васъ великимъ трудомъ и непощаднымъ штрафомъ живота паки въ порядокъ привести!»

— «Погодите, задамъ я вамъ памятку, до новыхъ вѣниковъ не забудете!»

Длинныхъ разговоровъ не терпѣлъ. Важному иностранцу, который говорилъ долго о пустякахъ, плюнулъ въ лицо, выругалъ его матернымъ словомъ и отошелъ.

Плутоватому подьячему замѣтилъ:

— Чего не допишешь на бумагѣ, то я тебѣ допишу на спинѣ!

На ходатайство объ увеличеніи годовыхъ окладовъ господамъ адмиралтейцъ-совѣтникамъ положилъ резолюцію:

— Сего не надлежитъ, понеже болѣе клонится къ лакомству и карману, нежели къ службѣ.

Узнавъ, что на нѣсколькихъ судахъ галернаго флота «солонина явилась гнилая, пять недѣль однихъ снитковъ ржавыхъ и воду солдаты употребляли, отчего 1000 чело-вѣкъ заболѣло и службы лишились», — разгнѣвался не на шутку. Старога почтеннаго капитана, отличившагося въ битвѣ при Гангутѣ, едва не ударилъ по лицу:

— Ежели впредь такъ станешь глупо дѣлать, то не пеняй, что на старости лѣтъ обезчестенъ будешь! Для чего съ такимъ небреженіемъ дѣлается главное дѣло, которое тысячи разъ головы твоей дороже? Знать, что уставъ воинскій рѣдко чтешь! Повѣшены будутъ офицеры оныхъ галеръ, и ты за слабую команду едва не тому жъ послѣдовать будешь!..

Но опустилъ поднятую руку и сдержалъ гнѣвъ.

— Никогда бъ я отъ тебя того не чаялъ, — прибавилъ уже тихо, съ такимъ упрекомъ, что виновному было бы легче, если бы царь его ударилъ.

— Смотри же, — сказала Петръ, — дабы отнынѣ такого немилосердія не было, ибо сіе предъ Богомъ паче всѣхъ грѣховъ. Слышалъ я намедни, что и здѣсь, въ Питербурхѣ, при гаванной работѣ, лѣтошній годъ такъ безъ призрѣнія люди были, особливо больные, что по улицамъ мертвые валялись, что противно совѣсти и виду не только христіанъ, но и варваровъ. Какъ у васъ жалости нѣтъ? Вѣдь не скоты, а души христіанскія. Богъ за нихъ спросить!

III.

Въ своей одноколкѣ Петръ ѣхалъ по набережной въ Лѣтній дворецъ, гдѣ въ тотъ годъ зажился до поздней осени, потому что въ Зимнемъ шли перестройки.

Думалъ о томъ, почему прежде возвращаться домой къ обѣду и свиданію съ Катенькой было радостно, а теперь почти въ тягость. Вспомнилъ подметныя письма съ намеками

на жену и молоденькаго смазливаго нѣмчика, камеръ-юнкера Монса.

Катенька всегда была царю вѣрною женою, доброю помощницей. Дѣлила съ нимъ всѣ труды и опасности. Слѣдовала съ нимъ въ походахъ, какъ простая солдатка. Въ Прутскомъ походѣ, «поступая по-мужски, а не по-женски», спасла всю армію. Онъ звалъ ее своею «маткою». Оставаясь безъ нея, чувствовалъ себя безпомощнымъ, жаловался, какъ ребенокъ: «Матка! обшить, обмыть некому».

Они ревновали другъ друга, шутя. «Письмо твое прочитавъ, гораздо я задумался. Пишешь, чтобъ я не скоро къ тебѣ пріѣзжалъ, якобы для лѣкарства, а дѣломъ знатно, сыскала кого-нибудь моложе меня; пожалуй, отпиши, изъ нашихъ или изъ нѣмцевъ? Такъ-то вы, Евины дочки, дѣлаете надъ нами, стариками!» — «Старикомъ не признаваю, — возражала она, — и напрасно затѣяно, что старикъ, а надѣюсь, что и вновь къ такому дорогому старику съ охотою сыщутся. Таково то мнѣ отъ васъ! Да и я имѣю вѣдомость, будто королева шведская желаетъ съ вами въ амурѣ быть: и мнѣ въ томъ не безъ сумнѣнія».

Во время разлуки обмѣнивались, какъ женихъ и невеста, подарками. Катенька посылала ему за тысячи верстъ венгерскаго, водки — «крѣпыша», свѣжепросольныхъ огурцовъ, «цытроновъ», «аплицыновъ», — «ибо наши вамъ пріятнѣе будутъ. Даруй Боже во здравіе кушать».

Но самые дорогіе подарки были дѣти. Кромѣ двухъ старшихъ, Лизаньки и Аннушки, рождались они хилыми и скоро умирали. Больше всѣхъ любилъ онъ самаго послѣдняго, Петеньку, «Шишечку», «Хозяина Питербурхскаго», объявленнаго, вмѣсто Алексѣя, наслѣдникомъ престола. Петенька родился тоже слабымъ, вѣчно болѣлъ и жилъ одними лѣкарствами. Царь дрожалъ надъ нимъ, боялся, что умереть. Катенька утѣшала царя: «я чаю, что ежели бъ нашъ дорогой старикъ былъ здѣсь, то и другая шишечка на будущій годъ поспѣла».

Въ этой супружеской нѣжности была нѣкоторая слащавость — неожиданная для грознаго царя, галантная чув-

ствительность. «Я здѣсь остригся, и хотя непріятно, будетъ однакожь обрѣзанные свои волосища посылаю тебѣ». — «Дорогіе волосочки ваши я исправно получила и о здоровьѣ вашемъ довольно увѣдомилась». — «Посылаю тебѣ, другъ мой сердешненькой, цвѣтокъ да мяты той, что ты сама садила. Слава Богу, все весело здѣсь, только когда на загородный дворъ придешь, а тебя нѣтъ, очень скушно», писалъ онъ изъ Ревеля, изъ ея любимаго сада Катериненталя. Въ письмѣ были засохшій голубенькій цвѣтокъ, мята и выписка изъ англійскихъ курантовъ: «Въ прошломъ году, октября 11 дня, прибыли въ Англію изъ провинці Моумуть два человекъ, которые по женитьбѣ своей жили 110 лѣтъ, а отъ рожденія мужска полу — 126 лѣтъ, женска — 125 лѣтъ». Это значило: дай Боже и намъ съ тобою прожить такъ же долго въ счастливомъ супружествѣ.

И вотъ теперь, на склонѣ лѣтъ, въ это унылое осеннее утро, вспоминая прожитую вмѣстѣ жизнь и думая о томъ, что Катенька можетъ ему измѣнить, промѣнять своего «старика» на перваго смазливаго мальчишку, нѣмца подлой породы, онъ испытывалъ не ревность, не злобу, не возмущеніе, а беззащитность ребенка, покинутаго «маткою».

Отдалъ возжи денщику, согнулся, сгорбился, опустилъ голову, и отъ толчковъ одноколки по неровнымъ камнямъ, голова его качалась, какъ будто отъ старческой слабости. И весь онъ казался очень старымъ, слабымъ.

Куранты за Невою пробили одиннадцать. Но свѣтъ утра похожъ былъ на взглядъ умирающаго. Казалось, дня совсѣмъ не будетъ. Шель снѣгъ съ дождемъ. Лошадиныя копыта шлепали по лужамъ. Колеса брызгали грязью. Сѣрыя тучи, медленно-ползущія, пухлыя, какъ паучьи брюха, такія низкія, что застилали шпигъ Петропавловской крѣпости, сѣрыя воды, сѣрые дома, деревья, люди — все, расплываясь въ туманѣ, подобно было призракамъ.

Когда въѣхали на деревянный подъемный мостикъ Лебязей канавки, изъ Лѣтняго сада запахло земляною, точно могильною, сыростью и гнилыми листьями — садовники въ аллеяхъ сметали ихъ метлами въ кучи. На голыхъ

липахъ каркали вороны. Слышался стукъ молотковъ: то мраморныя статуи на зиму, чтобъ сохранить отъ снѣга и стужи, заколачивали въ узкіе длинные ящики. Казалось, воскресшихъ боговъ опять хоронили, заколачивали въ гробы.

Межъ лилово-черныхъ мокрыхъ стволовъ мелькнули свѣтло-желтыя стѣны голландскаго домика съ желѣзною крышею шашечками, жестянымъ флюгеромъ въ видѣ Георгія Побѣдоносца, бѣлыми лѣпными барельефами, изображавшими басни о чудрахъ морскихъ, тритонахъ и nereидaxъ, съ частыми окнами и стеклянными дверями прямо въ садъ. Это былъ Лѣтній дворецъ.

IV.

Во дворцѣ пахло кислыми щами. Щи готовились къ обѣду. Петръ любилъ ихъ, такъ же какъ другія простыя солдатскія кушанья.

Въ столовую черезъ окно прямо изъ кухни, очень опрятной, выложенной изразцами, съ блестящей мѣдной посудой по стѣнамъ, какъ въ старинныхъ голландскихъ домахъ, подавались блюда быстро, одно за другимъ — царь не охотникъ былъ долго сидѣть за столомъ — кромѣ щей и каши, фленсбургскія устрицы, студень, салакуша, жареная говядина съ огурцами и солеными лимонами, утиныя ножки въ кисломъ соусѣ. Онъ вообще любилъ кислое и соленое; сладкаго не терпѣлъ. Послѣ обѣда — орѣхи, яблоки, лимбургскій сыръ. Для питья квасъ и красное французское вино — эрмитажъ. Прислуживалъ одинъ только денщикъ.

Къ обѣду, какъ всегда, приглашены были гости: Яковъ Брюсъ, лейбъ-медикъ Блюментрость, какой-то англійскій шкиперъ, камеръ-юнкеръ Монсъ и фрейлина Гамильтонъ. Монса пригласилъ Петръ неожиданно для Катеньки. Но, когда она узнала объ этомъ, то пригласила въ свою очередь фрейлину Гамильтонъ, можетъ-быть, для того, чтобы дать понять мужу, что и ей кое-что извѣстно объ его «метресишкахъ». Это была та самая Гамильтонъ «дѣвка Га-

ментова», шотландка, по виду, гордая, чистая и холодная, какъ мраморная Діана, о которой шептались, когда нашли въ водопроводѣ фонтана въ Лѣтнемъ саду трупъ младенца, завернутый въ дворцовую салфетку.

За столомъ сидѣла она, блѣдная, ни кровинки въ лицѣ, и все время молчала.

Разговоръ не клеился, несмотря на усилія Катеньки. Она рассказала свой сегодняшній сонъ: сердитый звѣрь, съ бѣлою шерстью, съ короной на головѣ и тремя зажженными свѣчами въ коронѣ, часто кричалъ: *салдорефъ! салдорефъ!*

Петръ любилъ сны и самъ нерѣдко ночью записывалъ ихъ грифелемъ на аспидной доскѣ. Онъ тоже рассказалъ свой сонъ: все — вода, морскія экзерциціи, корабли, галіоты; замѣтилъ во снѣ, что «паруса да мачты не по препорціи».

— Ахъ, батюшка! — умилилась Катенька. — И во снѣ-то тебѣ нѣтъ покою: о дѣлахъ корабельныхъ печешься!

И когда онъ опять угрюмо замолчалъ, завела рѣчь о новыхъ корабляхъ.

— Нептунъ зѣло изрядный корабль и такъ ходокъ, что, почитай, лучшій во флотѣ. Гангутъ также хорошо ходитъ и послушенъ рулю, только для своей высоты не гораздо штейфъ — отъ легкаго вѣтру болѣе другихъ нагибается; что-то будетъ на нарочитой погодѣ? А большой шлюпсъ-ботъ, что дѣлалъ бась Фонъ-Рень, я до вашего прибытія не спускала и на берегу, чтобы не разохся, велѣла покрыть досками.

Она говорила о корабляхъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ:

— Гангутъ да Лѣсной — два родные братца, имъ другъ безъ друга тошно; нынѣ же, какъ вмѣстѣ стоятъ, воистину радостно на нихъ смотрѣть. А покупные противъ нашихъ подлинно достойны званія — пріемыши, ибо столь отстоятъ отъ нашихъ, какъ отцу пріемышъ отъ родного сына!..

Петръ отвѣчалъ неохотно, какъ будто думалъ о другомъ. Поглядывалъ украдкою то на нее, то на Монса. Съ твердымъ и гладкимъ, точно изъ розоваго камня выточеннымъ лицомъ, съ голубыми, точно бирюзовыми глазами, изящный камеръ-юнкеръ напоминалъ фарфоровую куклу.

Катенька чувствовала, что «старикъ» наблюдаетъ за ними. Но владѣла собой въ совершенствѣ. Если и знала о доносѣ, то не обнаружила ничѣмъ своей тревоги. Только развѣ въ глазахъ, когда глядѣла на мужа, была болѣе вкрадчивая ласковость, чѣмъ всегда; да говорила, можетъ-быть, черезчуръ много, — быстро переходя отъ одного къ другому, какъ будто искала, чѣмъ бы занять мужа, — «заговариваетъ зубы», могъ бы онъ подумать.

Не успѣла кончить о корабляхъ, какъ начала о дѣтяхъ, Лизанькѣ и Аннушкѣ, которыя лѣтомъ «едва оспую личикъ своихъ не повредили», о Шишечкѣ, который «въ здоровьѣ своемъ къ послѣднимъ зубкамъ слабенекъ сталъ».

— Однакожъ нынѣ, при помощи Божьей, въ свое состояніе приходитъ. Ужъ пятый зубокъ благополучно вырѣзался — дай Боже, чтобъ и всѣ такъ! Только вотъ глазокъ правый болитъ.

Петръ опять на минуту оживился, началъ спрашивать лейбъ-медика о здоровьѣ Шишечки.

— Глазку его высочества есть легче, — сообщилъ Блюментрость. — Также и зубокъ на другой сторонѣ внизу оказался. Изволить нынѣ далѣе пальчиками щупать — знатно, что и коренные хотятъ выходить.

— Храбрый будетъ генераль!—вмѣшалась Катенька.— Все бы ему играть въ солдатики, непрестанно веселиться муштрованьемъ рекрутъ да пушечною стрѣльбою. Рѣчи же его: папа, мама, солдатъ! Да прошу, батюшка мой, обороны, понеже немалую имѣетъ со мною ссору за васъ, когда уѣзжаете. Какъ помяну, что папа уѣхалъ, то не любить той рѣчи, но болѣе любить и радуется, какъ молвишь, что здѣсь папа, — протянула она пѣвучимъ голоскомъ и заглянула въ глаза мужу съ приторною улыбочкой.

Петръ ничего не отвѣтилъ, но вдругъ посмотрѣлъ на нее и на Монса такъ, что всѣмъ стало жутко. Катенька потупилась и чуть-чуть поблѣднѣла. Гамильтонъ подняла глаза и усмѣхнулась тихою усмѣшкой. Наступило молчаніе. Всѣмъ стало страшно.

Но Петръ, какъ ни въ чемъ не бывало, обратился къ Якову Брюсу и заговорилъ объ астрономіи, о системѣ Ньютона, о пятнахъ на солнцѣ, которыя видны въ зрительную трубу, ежели покоптить ближайшее ко глазу стекло, и о предстоящемъ солнечномъ затменіи. Такъ увлекся разговоромъ, что не обращалъ ни на что вниманія до конца обѣда. Тутъ же, за столомъ, вынувъ изъ кармана памятную книжку, записалъ:

«Объявлять въ народахъ о затменіяхъ солнечныхъ, дабы въ чудо не ставили, понеже, когда люди про то вѣдаютъ прежде, то не есть уже чудо. Чтобъ никто ложныхъ чудесъ вымышлять и къ народному соблазну оглашать не дерзалъ».

Всѣ облегченно вздохнули, когда всталъ Петръ изъ-за стола и вышелъ въ сосѣдную комнату.

Онъ сѣлъ въ кресло у топившагося камина, надѣлъ круглыя желѣзныя очки, закурилъ трубку и началъ просматривать новые голландскіе куранты, отмѣчая карандашомъ на поляхъ, что надо переводить въ русскія вѣдомости. Опять вынулъ книжку и записалъ:

«О счастье и несчастье все печатать, что дѣлается и не утаивать ничего».

Блѣдный лучъ солнца блеснулъ изъ-за тучъ, робкій, слабый, какъ улыбка смертельно больного. Свѣтлый четырехугольникъ отъ оконной рамы протянулся по полу до камина, и красное пламя сдѣлалось жиже, прозрачнѣе. За окномъ на расплавленно-серебряномъ небѣ вырѣзались тонкіе сучья, какъ жилки. Апельсинное деревцо въ кадкѣ, которое садовники переносили изъ одной оранжереи въ другую, нѣжное, зябкое, обрадовалось солнцу, и плоды зардѣли въ темной подстриженной зелени, какъ золотые шарики. Межъ черныхъ стволовъ забѣлѣли мраморные боги и богини, послѣдніе еще не заколоченные въ гробы — тоже зябкіе, голые — какъ будто торопясь погрѣться на солнцѣ.

Въ комнату вбѣжали двѣ дѣвочки. Старшая, девятилѣтняя Аннушка — съ черными глазами, съ очень бѣлымъ лицомъ и яркимъ румянцемъ, тихая, важная, полная, немного тяжелая на подъемъ — «дочка-бочка», какъ звалъ ее

Петръ. Младшая, семилѣтняя Лизанька — золотокудрая, голубоглазая, легкая, какъ птичка, рѣзвая шалунья, лѣнивая къ ученью, любившая только игры, танцы да пѣсенки, очень хорошенькая и уже кокетка.

— А, разбойницы! — обернулся Петръ и, отложивъ куранты, протянулъ къ нимъ руки съ нѣжною улыбкою. Обнялъ ихъ, поцѣловалъ и усадилъ одну на одно, другую на другое колѣно.

Лизанька стащила съ него очки. Они ей не нравились, потому что старили его — онъ казался въ нихъ дѣдушкой. Потомъ зашептала ему на ухо, повѣряя свою давнюю мечту:

— Сказывалъ голландскій шкиперъ Исай Конигъ, есть въ Амстердамѣ мартышечка зеленаго цвѣта, махонькая-махонькая, что входитъ въ индійскій орѣхъ. Вотъ бы мнѣ эту мартышечку, папа, папочка миленькій!

Петръ усомнился, чтобы мартышки могли быть зеленаго цвѣта, но обѣщавъ торжественно—трижды долженъ былъ повторить: «ей-Богу!»—со слѣдующей почтой написать въ Амстердамъ. И Лизанька въ восторгѣ занялась игрой: старалась просунуть ручку, какъ въ ожерелья, въ голубыя кольца табачнаго дыма, которыя вылетали изъ трубки Петра.

Аннушка рассказывала чудеса объ умѣ и кротости любимца своего Мишки, ручного тюленя въ среднемъ фонтанѣ Лѣтняго сада.

— Отчего бы, папочка, не сдѣлать Мишкѣ сѣдло и не ѣздить на немъ по водѣ, какъ на лошади?

— А ну, какъ нырнетъ, вѣдь утонешь? — возражалъ Петръ.

Онъ болталъ и смѣялся съ дѣтьми, какъ дитя.

Вдругъ увидѣлъ въ простѣночномъ зеркалѣ Монса и Катеньку. Они стояли рядомъ въ сосѣдней комнатѣ передъ баловнемъ царицы, зеленымъ гвинейскимъ попугаемъ и кормили его сахаромъ.

«Ваше величество... дуракъ!» пронзительно хрипѣлъ попугай. Его научили кричать: «здравіа желаю, ваше вели-

чество!» и «попка дуракъ!», но онъ соединилъ то и другое вмѣстѣ.

Монсъ наклонился къ царицѣ и говорилъ ей почти на ухо. Катенька опустила глаза, чуть-чуть зарумянилась и слушала съ жеманною сладенькой улыбочкой пастушки изъ *Бзды на островъ Любви*.

Лицо Петра внезапно омрачилось. Но онъ все-таки поцѣловалъ дѣтей и отпустилъ ихъ ласково:

— Ну, ступайте, ступайте съ Богомъ, разбойницы! Мишкѣ отъ меня поклонись, Аннушка!

Лучъ солнца померкъ. Въ комнатѣ стало мрачно, сыро и холодно. Надъ самымъ окномъ закаркала ворона. Застучалъ молотокъ. То заколачивали въ гробы, хоронили воскресшихъ боговъ.

Петръ сѣлъ играть въ шахматы съ Брюсомъ. Игралъ всегда хорошо, но сегодня былъ разсѣянъ. Съ четвертаго хода потерялъ ферязь.

— Шахъ королевѣ! — сказалъ Брюсъ.

«Ваше величество дуракъ!» кричалъ попугай.

Петръ, нечаянно поднявъ глаза, опять увидѣлъ въ томъ же зеркалѣ Монса съ Катенькой. Они такъ увлеклись бесѣдою, что не замѣтили, какъ маленькая, похожая на бѣсенка, мартышка подкралась къ нимъ сзади и, протянувъ лапку, скорчивъ плутовскую рожицу, приподняла подолъ платья у Катеньки.

Петръ вскочилъ и опрокинулъ ногою шахматную доску— всѣ фигуры полетѣли на полъ. Лицо его передернула судорога. Трубка выпала изо рта, разбилась, и горящій пепелъ рассыпался. Брюсъ тоже вскочилъ въ ужасѣ. Царица и Монсъ обернулись на шумъ.

Въ то же время въ комнату вошла Гамильтонъ. Она двигалась, какъ сонная, словно ничего не видя и не слыша. Но, проходя мимо царя, чуть-чуть склонила голову и посмотрѣла на него пристально. Отъ прекраснаго, блѣднаго, точно мертваго лица ея вѣяло такимъ холодомъ, что, казалось, то была одна изъ мраморныхъ богинь, которыхъ заколачивали въ гробы.

Царь проводилъ ее глазами до двери. Потомъ оглянулся на Брюса, на опрокинутую шахматную доску, съ виноватою улыбкой:

— Прости, Яковъ Вилимовичъ... нечаянно!

Вышелъ изъ дворца, сѣлъ въ шлюпку и поѣхалъ отдыхать на яхту.

V.

Сонъ Петра былъ болѣзненно чутокъ. Ночью запрещено было ѣздить и даже ходить мимо дворца. Днемъ, такъ какъ нельзя въ жиломъ домѣ избѣгнуть шума, онъ спалъ на яхтѣ.

Когда легъ, почувствовалъ сильную усталость: должно-быть, слишкомъ рано всталъ и замучился въ Адмиралтействѣ. Сладко зѣвнуль, потягиваясь, закрылъ глаза и уже началъ засыпать, но вдругъ весь вздрогнуль, какъ отъ внезапной боли. Эта боль была мысль о сынѣ, царевичѣ Алексѣѣ. Она всегда въ немъ тупо ныла. Но порою, въ тишинѣ, въ уединеніи, начинала болѣть съ новою силою, какъ разбереженная рана.

Старался заснуть, но сна уже не было. Мысли сами собой лѣзли въ голову.

На - дняхъ получилъ онъ письмо, которымъ Толстой извѣщалъ, что Алексѣй ни за что не вернется. Неужели придется самому ѣхать въ Италію, начинать войну съ цесаремъ и Англіей, можетъ-быть, со всей Европою, теперь, когда надо бы думать только объ окончаніи войны со шведами и о мирѣ? За что наказалъ его Богъ такимъ сыномъ?

— Сердце Авессаломле, сердце Авессаломле, всѣ дѣла отеческія возненавидѣвшее и самому отцу смерти желающее!.. — глухо простоналъ онъ, сжимая голову руками.

Вспомнилъ, какъ сынъ передъ цесаремъ, передъ всѣмъ свѣтомъ называлъ его злодѣемъ, тираномъ, безбожникомъ; какъ друзья Алексѣя, «длинные бороды», старцы да монахи, ругали его, Петра, «антихристомъ».

«Глупцы!» подумалъ со спокойнымъ презрѣніемъ. Да развѣ могъ бы онъ сдѣлать то, что сдѣлалъ, безъ помощи Божьей? И какъ ему не вѣрить въ Бога, когда Богъ— вотъ Онъ — всегда съ нимъ, отъ младенческихъ лѣтъ до сего часа.

И, пытая совѣсть свою, какъ бы самъ себя исповѣдуя, припоминалъ всю свою жизнь.

Не Богъ ли вложилъ ему въ сердце желанье учиться? Шестнадцати лѣтъ едва умѣлъ писать, зналъ съ грѣхомъ пополамъ сложеніе и вычитаніе. Но тогда уже смутно чужалъ то, что потомъ ясно понялъ: «спасеніе Россіи—въ наукѣ; всѣ прочіе народы политику имѣютъ, чтобъ Россію въ невѣдѣніи содержать и до свѣта разума, во всѣхъ дѣлахъ, а наипаче въ воинскомъ, не допускать, чтобы не познала силы своей». Рѣшилъ ѣхать самъ въ чужіе края за наукою. Когда узнали о томъ на Москвѣ,— патриархъ и бояре, и царицы, и царевны пришли къ нему, положили къ ногамъ его сына Алешеньку и плакали, били челомъ, чтобъ не ѣздилъ къ нѣмцамъ—отъ начала Руси того не бывало. И народъ, плача, провожалъ его, какъ на смерть. Но онъ все-таки уѣхалъ— и неслыханное дѣло совершилось: царь, вмѣсто скипетра взялъ въ руки топоръ, сдѣлался простымъ работникомъ. «Азъ есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую. Того никакою цѣною не купишь, что сдѣлалъ самъ». И Богъ благословилъ труды его: изъ потѣшныхъ, которыхъ Софья съ презрѣніемъ называла «озорниками-конюхами», вышло грозное войско; изъ маленькихъ игрушечныхъ стружковъ, въ которыхъ плавалъ онъ по водовзводнымъ прудамъ Краснаго сада,—побѣдоносный флотъ.

Первый бой со шведомъ, пораженіе при Нарвѣ. «Все то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида. И нынѣ, какъ о томъ подумаю, за милость Божию почитаю, ибо когда сіе несчастіе получили, тогда неволя лѣнность отогнала и къ трудолюбію и къ искусству день и ночь принудила». Пораженіе казалось отчаяннымъ. «Русскую каналью,—хвасталъ Карлъ,—мы могли бы не шпагой, а плетью изъ всего свѣта, — не то что изъ собственной земли ихъ

выгнать!» Если бы Господь не помогъ Петру тогда, онъ бы погибъ.

Не было мѣди для пушекъ; велѣлъ переливать колокола на пушки. Старцы грозили—Богъ-де накажетъ. А онъ зналъ, что Богъ съ нимъ. Не было коней; люди, впрягаясь, тащили на себѣ орудія новой артиллеріи, «слезами омоченной».

Всѣ дѣла «идутъ, какъ молодая брага». Извнѣ—война, внутри—мятежъ. Астраханскій, булавинскій бунтъ. Карлъ перешелъ Вислу, Нѣманъ, вступилъ въ Гродно, два часа спустя послѣ того, какъ Петръ оттуда выѣхалъ. Онъ ждалъ со дня на день, что шведы двинутся на Петербургъ или Москву, укрѣплялъ оба города, готовилъ къ осадѣ. И въ это же время былъ боленъ, такъ что «весьма отчаялся жизни». Но опять — чудо Божіе. Карлъ, наперекоръ всѣмъ ожиданіямъ и вѣроятіямъ, остановился, повернулъ и пошелъ на юго-востокъ, въ Малороссію. Бунтъ самъ собою потухъ. «Господь чуднымъ образомъ огонь огнемъ затушить изволилъ, дабы могли мы видѣть, что вся не въ человѣческой, но въ Его суть волѣ».

Первыя побѣды надъ шведами. Въ битвѣ при Лѣсномъ, поставивъ позади фронта казаковъ и қалмыковъ съ пиками, далъ повелѣніе колоть бѣглецовъ нещадно, не исключая и его самого, царя. Весь день стояли въ огнѣ, шеренгъ не помѣшали, пядени мѣста не уступили; четыре раза отъ стрѣльбы ружья разгорались, четыре раза сумы и карманы патронами наполняли. «Я, какъ сталъ служить, такой игрушки не видалъ; однако сей танецъ въ очахъ горячаго Карлуса изрядно станцовали!» Отнынѣ «шведская шея мягче гнуться стала».

Полтава. Никогда во всю свою жизнь не чувствовалъ онъ такъ помогающей руки Господней, какъ въ этотъ день. Опять—чуду подобное счастье. Карлъ наканунѣ ночью раненъ шальною казацкою пулей. Въ самомъ началѣ боя ударило ядро въ носилки короля; шведы подумали, что онъ убитъ—ряды ихъ смѣшались. Петръ глядѣлъ на бѣгущихъ шведовъ, и ему казалось, что его несутъ невидимыя крылья;

зналъ, что день Полтавы—«день русскаго воскресенія», и лучезарное солнце этого дня—солнце всей новой Россіи.

«Нынѣ уже совершенно камень во основаніе Санкт-питербурха положенъ. Отселѣ въ Питербурхѣ спать будетъ покойно». Этотъ городъ, созданный, наперекоръ стихіямъ, среди болотъ и лѣсовъ—«яко дитя въ красотѣ растущее, святая земля, Парадизъ, рай Божій»—не есть ли тоже великое чудо Божье, знаменье милости Божіей къ нему—уже непрестанное, явное, предъ лицомъ грядущихъ вѣковъ?

И вотъ теперь, когда почти все сдѣлано,—рушится все. Богъ отступилъ, покинулъ его. Давъ побѣды надъ врагами внѣшними, поразилъ внутри сердца, въ собственной крови и плоти его—въ сынѣ.

Самые страшные союзники сына—не полки чужеземные, а кишашія внутри государства полчища плутовъ, тунеядцевъ, взяточниковъ и всякихъ иныхъ непотребныхъ людишекъ. По тому, какъ шли дѣла въ послѣдній отъѣздъ его изъ Россіи, Петръ видѣлъ, какъ они пойдутъ, когда его не станетъ: за эти нѣсколько мѣсяцевъ все заскрипѣло, зашаталось, какъ въ старой гнилой баркѣ, сѣвшей на мель, подъ штормомъ.

«Явилось воровство превеликое». О взяточникахъ слѣдовали указы за указами, одинъ жесточе другого. Почти каждый начинался словами: «ежели кто презреть сей нашъ послѣдній указъ»; но за этимъ послѣднимъ слѣдовали другіе съ тѣми же угрозами и прибавленіемъ, что послѣдній.

Иногда опускались у него руки въ отчаяніи. Онъ чувствовалъ страшное безсиліе. Одинъ противъ всѣхъ. Какъ большой звѣрь, заѣденный на-смерть комарами да мошками.

Видя, что ничего не возьмешь силою, прибѣгалъ къ хитростямъ. Поощрялъ доносы. Учредилъ особую должность фискаловъ. Тогда началась по всей странѣ кляуза и ябеда. «Фискалы ничего не смотрятъ, живутъ, какъ сущіе тунеядцы, и покрываютъ другъ друга, потому что у нихъ общая компанія». Плуты доносятъ на плутовъ, доносчики — на доносчиковъ, фискалы—на фискаловъ, и самъ архифискаль, кажется,—архиплуть.

Гнусная пропасть, бездонная помойная яма, Авгіевы конюшни, которыхъ никакой Геркулесъ не вычистить. Все течетъ грязью, расплзается, какъ въ оттепель. Выходить наружу «древняя гнилость». Такой смрадъ по всей Россіи— какъ послѣ сраженія подъ Полтавою, откуда армія должна была уйти, потому что люди задыхались отъ смрада безчисленныхъ труповъ

Тьма въ сердцахъ, потому что тьма въ умахъ. Добра не хотятъ, потому что добра не знаютъ. Шляхта и простой народъ какъ Ерема да Өома въ присловьи: «Ерема не учитъ Өома не умѣетъ». Ничего никакими указами и тутъ не подѣлаешь.

— — Разумы наши тупы и руки неумѣтельны; люди нашего народа суть коснаго разума,—говорили ему старики.

Однажды слышалъ онъ отъ голландскаго шкипера старинное преданіе: корабельщики увидѣли среди океана невѣдомый островъ, причалили, высадились и развели костеръ, чтобы сварить пищу; вдругъ земля заколебалась, опустилась въ воду, и они едва не утонули: то, что казалось имъ островомъ, было спиною спящаго кита. Все новое просвѣщеніе Россіи не есть ли огонь, разведенный на спинѣ Левиаѳана, на косной громадѣ спящаго народа?

Проклятая Сизифова работа, подобная работѣ каторжныхъ на Рогервикѣ, гдѣ строятъ молъ; не успѣетъ подняться буря, какъ въ одинъ часъ разрушить все, что годами воздвигнуто; опять строить, опять рушится—и такъ безъ конца.

— Видимъ мы всѣ,—говорилъ ему однажды умный мужикъ,—какъ ты великій государь, трудишь себя; да ничего не успѣешь, потому что пособниковъ мало: ты на гору еще и самъ-десять тянешь, а подъ гору миллионы,—то какое дѣло споро будетъ?

— Бремя, бремя несносное!..—лежа на койкѣ безъ сна, стоналъ Петръ въ такой тоскѣ, какъ будто вправду навалилась на него одного вся тяжесть Россіи.

— «Для чего ты мучишь раба Твоего? -- повторялъ слова Моисея къ Богу. -- И почему я не нашель милости

предъ очами Твоими, и Ты возложилъ и на меня бремя всего народа сего? Развѣ я носилъ во чревѣ весь народъ сей и развѣ я родилъ его, что Ты говоришь мнѣ: неси его на рукахъ твоихъ, какъ нянька носить ребенка, къ землѣ, которую Ты обѣщаль? Я одинъ не могу нести всего народа сего, потому что онъ тяжелъ для меня. Когда Ты такъ поступаешь со мною, то лучше умертви меня, если я не нашель милости предъ очами Твоими, чтобъ мнѣ не видѣть бѣдствія моего».

Вдругъ опять вспомнилъ сына, и почувствовалъ, что вся эта страшная тяжесть, мертвая косность Россіи — въ немъ, въ немъ одномъ—въ сынѣ.

Наконецъ неимовѣрнымъ усиліемъ воли овладѣлъ собою, позвалъ денщика, одѣлся, сѣлъ въ шлюпку и вернулся во дворецъ, гдѣ ожидали его вызванные по дѣлу о плутовствѣ и взяткахъ сенаторы.

VI.

Князь Меншиковъ, князь Яковъ и Василій Долгорукіе, Шереметевъ, Шафировъ, Ягужинскій, Головкинъ, Апраксинъ и прочіе тѣснились въ маленькой пріемной рядомъ съ токарною.

Всѣ были въ страхѣ. Помнили какъ года два назадъ двухъ взяточниковъ, князя Волконскаго и Опухтина публично сѣкли кнутомъ, жгли имъ языки раскаленнымъ желѣзомъ. Передавались шопотомъ странные слухи: будто бы офицеры гвардіи и другіе военные чины назначены судьями сенаторовъ.

Но за страхомъ была надежда, что минуетъ гроза, и все пойдетъ по-старому. Успокаивали изреченія древней мудрости: «кто предъ Богомъ не грѣшенъ, кто предъ царемъ не виновать? Неужто всѣхъ станутъ вѣшать? У всякаго Ермишки свои дѣлишки. Всяка жива душа колачика хочетъ. Грѣшный честенъ, грѣшный плуть, яко всѣ грѣхомъ живутъ».

Вошелъ Петръ. Лицо его было сурово и неподвижно; только глаза блестѣли, да въ лѣвомъ углу рта была легкая судорога.

Ни съ кѣмъ не здороваясь, не приглашая сѣсть, обратился онъ къ сенаторамъ съ рѣчью, видимо заранѣе обдуманной:

— Господа Сенать! Понеже я писалъ и говорилъ вамъ сколько кратъ о нерадѣніи вашемъ и лакомствѣ, и презрѣніи законовъ гражданскихъ; но ничего слова не пользуютъ и всѣ указы въ ничто обращаются, того ради, нынѣ паки и въ послѣдній подтверждаю: всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ. Что же изъ сего послѣдуетъ? Видя воровство ненаказанное, рѣдкій кто не прельстится—и такъ мало-по-малу всѣ въ безстрашіе придутъ, людей разорятъ, Божій гнѣвъ подвигнутъ, и сіе паче партикулярной измѣны можетъ быть всему государству не токмо бѣдство, но и конечное паденіе. Того ради, надлежитъ взяточниковъ такъ наказывать, якобы кто въ самый бой должность свою преступилъ, или какъ самого государственнаго измѣнника...

Онъ говорилъ не глядя имъ въ глаза. Опять чувствовалъ свое безсиліе. Всѣ слова, какъ объ стѣну горохъ. Въ этихъ покорныхъ, испуганныхъ лицахъ, смиренно опущенныхъ глазахъ — все та же мысль: «Грѣшный чистень, грѣшный плуть, яко всѣ грѣхомъ живутъ».

— Отнынѣ чтобъ никто не надѣялся ни на какія свои заслуги! — заключилъ Петръ, и голосъ его задрожалъ гнѣвомъ. — Симъ объявляю: воръ въ какомъ бы званіи ни былъ, хотя бы и сенаторъ, судимъ быть имѣеть военнымъ судомъ...

— Нельзя тому стать! — заговорилъ князь Яковъ Долгорукій, грузный старикъ, съ длинными бѣлыми усами на одутловатомъ, сизо-багровымъ лицѣ, съ дѣтски-ясными глазами, которые смотрѣли прямо въ глаза царю. — Нельзя тому стать, государь, чтобъ солдаты судили сенаторовъ.

Те токмо чести нашей, но и всему государству Россійскому симъ афронтъ учинишь неслыханный!

— Правъ князь Яковъ! — вступился Борисъ Шереметевъ, рыцарь мальтійскаго ордена. — Нынѣ вся Европа Россійскихъ людей за добрыхъ кавалеровъ почитаетъ. Для чего же ты безчестишь насъ, государь, кавалерскаго званія лишаешь? Не всѣ же воры...

— Кто не воръ, — измѣнникъ! — крикнулъ Петръ, съ лицомъ искаженнымъ яростью. — Аль, думаешь, не знаю васъ? Знаю, братъ, вижу насквозь! Умри я сейчасъ — ты первый станешь за сына моего, злодѣя! Всѣ вы съ нимъ заодно!..

Но опять неимовѣрнымъ усиленіемъ воли побѣдилъ свой гнѣвъ. Отыскалъ глазами въ толпѣ князя Меншикова и проговорилъ глухимъ, сдавленнымъ, но уже спокойнымъ голосомъ:

— Александра, ступай за мною!

Они вмѣстѣ вышли въ токарную. Князь, маленькій, сухонькій, съ виду хрупкій, на самомъ дѣлѣ, крѣпкій какъ желѣзо, подвижный какъ ртуть, съ худощавымъ, пріятнымъ лицомъ, съ необыкновенно живыми быстрыми и умными глазами, напоминавшими того уличнаго мальчишку-разносчика, который нѣкогда кричалъ: «Пирогі подовы!» — юркнулъ въ дверь за царемъ, весь съезжившись, какъ собачонка, которую сейчасъ будутъ бить.

Низенькій толстый Шафировъ отдувался и вытиралъ потъ съ лица. Длинный, какъ шесть, тощій Головкинъ весь трясся, крестился и шепталъ молитву. Ягужинскій упалъ въ кресло и стоналъ; у него подвело животъ отъ страху.

Но, по мѣрѣ того, какъ изъ-за дверей слышался гнѣвный голосъ царя и однообразно-жалобный голосъ Меншикова — словъ нельзя было разобрать — всѣ успокаивались. Иные даже злорадствовали: свѣтлѣйшему-де не впервой; кости у него крѣпкія — съ малыхъ лѣтъ къ царской дубинкѣ привыкъ. Ништо ему! Изловчится, вывернется!

Вдругъ за дверью послышался шумъ, крики, вопли. Обѣ половинки двери распахнулись, и вылетѣлъ Менши-

новъ. Шитый золотомъ кафтанъ его былъ разодранъ; голубая андреевская лента въ клочьяхъ; ордена и звѣзды на груди болтались, полуоторванные; парикъ изъ царскихъ волосъ — нѣкогда Петръ въ знакъ дружбы дарилъ ему свои волосы, каждый разъ когда стригся — сбить на сторону; лицо окровавлено. За нимъ гнался царь съ обнаженнымъ кортикомъ и съ неистовымъ крикомъ:

— Я тебя, сукинъ сынъ!..

— Петенька! Петенька! — раздался голосъ царицы, которая, какъ всегда, въ самую нужную минуту точно изъ-подъ земли выросла.

Она удержала его на порогѣ, заперла дверь токарной и, оставшись наединѣ съ нимъ, прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ и уцѣпилась, повисла у него на шеѣ.

— Пусти, пусти! Убью!.. — кричалъ онъ въ бѣшенствѣ.

Но она обнимала его все крѣпче и крѣпче, повторяя: Петенька! Петенька! Господь съ тобою, другъ мой сердешненькой! Брось ножикъ, ножикъ-то брось, бѣды надѣлаешь...

Наконецъ кортикъ выпалъ изъ рукъ его. Самъ онъ позалился въ кресло. Страшная судорога сводила ему члены.

Точно такъ же, какъ тогда, во время послѣдняго свиданія отца съ сыномъ, Катенька присѣла на ручку кресель, обняла ему голову, прижала къ своей груди, и начала тихонько гладить волосы, лаская, баюкая, какъ мать больного ребенка. И мало-по-малу, подъ этою тихою ласкою, онъ успокаивался. Судорога слабѣла. Иногда еще вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, но все рѣже и рѣже. Не кричалъ, а только стоналъ, точно всхлипывалъ, плакалъ безъ слезъ:

— Трудно, охъ, трудно, Катенька! Мочи нѣтъ!.. Не съ кѣмъ подумать ни о чемъ. Никакого помощника. Все одинъ да одинъ!.. Возможно ли одному человѣку? Не только человѣку, ниже ангелу!.. Бремя несносное!..

Стоны становились все тише и тише, наконецъ, совсѣмъ затихли,—онъ уснулъ.

Она прислушалась къ его дыханію. Оно было ровно. Всегда послѣ такихъ припадковъ онъ спалъ очень крѣпко, такъ что ничѣмъ не разбудишь, только бы отъ него не отходила Катенька.

Продолжая обнимать его голову одной рукой,—другою, какъ будто тоже лаская, она шарила, щупала на груди его подъ кафтаномъ быстрымъ воровскимъ движеніемъ пальцевъ. Нашупавъ пачку писемъ въ боковомъ карманѣ, вытащила, пересмотрѣла, увидѣла большое, запачканное, должно-быть подметное, въ синей оберткѣ, за печатью краснаго воска, нераспечатанное, догадалась, что это то самое, котораго она ищетъ: второй доносъ на нее и на Монса, болѣе страшный, чѣмъ первый. Монсъ предупреждалъ ее объ этомъ синемъ письмѣ; самъ онъ узналъ о немъ изъ разговоровъ пьяныхъ денщиковъ.

Катенька удивилась, что мужъ не распечаталъ письма. Или боялся узнать истину?

Чуть-чуть поблѣднѣвъ, крѣпко стиснувъ зубы, но не теряя присутствія духа, заглянула въ лицо его. Онъ спалъ сладко,—какъ маленькія дѣти, наплакавшись. Она тихонько положила голову его на спинку кресла, разстегнула на груди своей нѣсколько пуговицъ, скомкала письмо, сунула въ углубленіе груди, наклонилась, подняла кортикъ, надпоролъ карманъ, гдѣ лежали письма, и снизу полу кафтана по самому шву такъ, что можно было принять эти надрѣзы за случайныя дыры, и положила остальную пачку на прежнее мѣсто въ карманъ. Если бы онъ замѣтилъ пропажу синяго письма, то подумалъ бы, что оно завалилось за подкладку и оттуда сквозь нижнюю прорѣху выпало и потерялось. Дыры случались нерѣдко въ заношенномъ платьѣ царя.

Мигомъ кончила все это Катенька. Потомъ опять взяла голову Петеньки, положила ее къ себѣ на грудь и начала тихонько гладить, лаская, баюкая, глядя на спящаго исполнина, какъ мать на больного ребенка, или укротительница львовъ на страшнаго звѣря.

Черезъ часъ проснулся онъ бодрымъ и свѣжимъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Недавно умеръ царскій карликъ. Въ тотъ день назначены были похороны — одно изъ тѣхъ шутовскихъ маскарадныхъ шествій, которыя такъ любилъ Петръ. Катенька убѣждала его отложить на завтра похороны, и сегодня больше никуда не ѣздить, отдохнуть. Но Петръ не послушался, велѣлъ бить въ барабаны, выкинуть флаги для сбора, послѣшно, какъ будто для самаго важнаго дѣла, собрался, нарядился въ полутраурное, полумаскарадное платье и поѣхалъ.

VII.

«О монстрахъ или уродахъ».

«Понеже извѣстно есть, что, какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей, случается, что рождаются монстры, то-есть уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки, чего для, предъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобъ оныхъ приносили; но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды рождаются отъ дѣйства діавольскаго, черезъ вѣдовство и порчу, чему быть невозможно, ибо единъ творецъ всея твари Богъ, а не діаволь, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ,—но отъ поврежденія внутренняго, также отъ страха и мнѣнія матернаго во время бремени, какъ тому многіе есть примѣры,—чего испужается мать, такіе знаки на дитяти бывають; того ради, паки сей указъ подновляется, дабы, конечно, такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды, приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ за то будетъ давана плата, а именно: за человѣческую—по десяти рублевъ, за скотскую и звѣриную — по пяти, а за птичью — по три рубли, за мертвыхъ. А за живыя, за человѣческую — по сту рублевъ, за скотскую и звѣриную — по пятнадцати рублевъ, за птичью — по семи рублевъ. А ежели гораздо чудное, то дадутъ и болѣе. А кто противъ сего указа будетъ таить, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать въ десятую противъ платежа за оныя, и тѣ деньги отдавать извѣт-

чикамъ. Вышереченные уроды, какъ человѣчи, такъ и животныхъ, когда умрутъ, класть въ спирты, буде же того нѣтъ, то въ двойное, а по нуждѣ въ простое вино, и закрыть крѣпко, дабы не испортилось, за которое вино заплачено будетъ изъ аптеки особливо».

Петръ любилъ своего карлика—«нарочитую монстру» и устроилъ ему великолѣпныя похороны.

Впереди шли попарно тридцать пѣвчихъ — все маленькіе мальчики. За ними—въ полномъ облаченіи, съ кадиломъ въ рукахъ, крошечный попъ, котораго изъ всѣхъ петербургскихъ священниковъ выбрали за малый ростъ. Шесть маленькихъ вороныхъ лошадокъ, въ черныхъ до земли пополахъ, везли маленькій, точно дѣтскій, гробикъ на маленькихъ, точно игрушечныхъ, дрогахъ. Потомъ выступали торжественно, взявшись за руки, подъ предводительствомъ крошечнаго маршала съ большимъ жезломъ, двѣнадцать паръ карликовъ въ длинныхъ траурныхъ мантияхъ, обшитыхъ бѣлымъ флеромъ, и столько же карлицъ—всѣ по росту, меньшіе впереди, бѣльшіе позади, наподобіе органичныхъ дудокъ—горбатые, толстобрюхіе, косолапые, кривоножіе, кривоногіе, какъ собаки барсучей породы, и множество другихъ, не столько смѣшныхъ, сколько страшныхъ уродовъ. По обѣимъ сторонамъ шествія, рядомъ съ карликами, шли великаны-гренадеры и царскіе гайдуки, съ горящими факелами и погребальными свѣчами въ рукахъ. Одного изъ этихъ великановъ, наряженнаго въ дѣтскую распашонку, вели на помочахъ два самыхъ крошечныхъ карлика съ длинными сѣдыми бородами; другого, спеленатаго, какъ грудной младенецъ, везли въ телѣжкѣ шесть ручныхъ медвѣдей.

Шествіе заключалъ царь со всѣми своими генералами и сенаторами. Въ нарядѣ голландскаго корабельнаго барабанщика шелъ онъ все время пѣшкомъ и съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлалъ самое нужное дѣло, билъ въ барабанъ.

Невской перспективой, отъ деревяннаго моста на рѣчкѣ у Фонтанной къ Ямской Слободѣ, гдѣ было кладбище, двигалось шествіе и за нимъ—толпа. Люди выглядывали изъ оконъ, выбѣгали изъ домовъ, и въ суевѣрномъ страхѣ не

знали православные — креститься или отплевываться. А иѣмцы говорили: «такого-де шествія едва ли гдѣ придется увидѣть, кромѣ Россіи!»

Быль пятый часъ вечера. Быстро темнѣло. Шелъ мокрый снѣгъ хлопьями. По обѣимъ сторонамъ першпективы два ряда голыхъ липокъ и крыши низенькихъ домиковъ бѣлѣли отъ снѣга. Густѣлъ туманъ. И въ мутно-желтомъ туманѣ и въ мутно-красномъ свѣтѣ факеловъ это шествіе казалось бредомъ, наважденіемъ дьявольскимъ.

Но толпа, хотя и въ страхѣ, бѣжала, не отставая, шлепая по грязи и рассказывая шопотомъ страшные, тоже подобные бреду, слухи о нечистой силѣ, которая, будто бы, завелась въ Петербургѣ.

Намедни ночью караульный у Троицы слышалъ въ трапезѣ церковной стукъ, подобіемъ бѣганія; и въ колокольнѣ кто-то бѣгалъ по деревянной лѣстницѣ, такъ что ступени тряслись; а утромъ псаломщикъ, когда пошелъ благовѣстить, увидѣлъ, что стремянка-лѣстница оторвана, и веревка, спущенная для благовѣсту, обернута вчетверо.

— Никто другой, какъ чортъ, — догадывались одни.

— Не чортъ, а кикимора, — возражали другіе.

Старушка-селедочница съ Охты собственными глазами видѣла кикимору, какъ она пряжу прядетъ:

— Вся голая, тонешенька, чернешенька, а головенка махонькая, съ наперсточекъ, а туловища не спознать съ соломинкой.

— Не домовой ли? — спросилъ кто-то.

— Домовыхъ въ церкви не водится, — отвѣчали ему.

— А можетъ, какой заблудящій? На нихъ-де бываетъ чума, что на коровъ и собакъ, — оттого и проказятъ.

— То къ веснѣ: по веснамъ домовые линяютъ, старая шкура сползаетъ — тогда и бѣсятся.

— Домовой ли, чортъ ли, кикимора, — а только знатно, сила нечистая! — рѣшили всѣ.

Въ мутно-желтомъ туманѣ, въ мутно-красномъ свѣтѣ факеловъ, отъ котораго бѣгали чудовищныя тѣни гигантовъ

и карликовъ, само это шествіе казалось нечистою силою, петербургскою нежитью.

Сообщались еще болѣе страшныя вѣсти.

На Финляндской сторонѣ какой-то попъ «для содѣланія нѣкоего неистовства» нарядился въ козью шкуру съ рогами, которая тотчасъ къ нему приросла, и въ семь видѣ повезуть его ночью на казнь. Драгунскій сынъ Зварыкинъ продалъ душу дьяволу, объявившемуся у Литейнаго двора, въ образѣ нѣмца, и договоръ подписалъ кровью. Въ Аптекарскомъ саду, на кладбищѣ разрыли воры могилу, разбили заступами гробъ, принялись тащить покойника за ноги, но не вытащили, испугались и убѣжали; утромъ увидѣлъ кто-то ноги, торчавшія изъ могилы — и прошелъ слухъ о воскресеніи мертвыхъ. Въ Татарской слободѣ, за крѣпостнымъ Кронверкомъ, родился младенецъ съ коровьимъ рогомъ вмѣсто носа; а на Мытномъ дворѣ — поросенокъ съ человѣчьимъ лицомъ. «Не знаменуется благое въ городахъ, гдѣ такое рождается!» Гдѣ-то явился пѣтухъ о пяти ногахъ. На Ладогѣ выпалъ кровавый дождь; земля тряслась и ревѣла, какъ волъ; на небѣ было три солнца.

— Быть худу, быть худу, — повторяли всѣ

— Питербурху пустѣть будетъ!

— Не одному Питербурху — всему міру конецъ! Свѣтопреставленіе! Антихристъ!

Наслушавшись этихъ рассказовъ, маленькій мальчикъ, котораго мать тащила за руку въ толпѣ, вдругъ заплакалъ, закричалъ отъ страха. Женщина въ отрепьяхъ, съ полумнымъ лицомъ, должно-быть, юродивая, нечеловѣческимъ голосомъ закликала. Ее поскорѣ увели въ сосѣдній дворъ. Царь не любилъ шутить съ кликушами: выгонялъ изъ нихъ бѣсовъ кнутомъ. «Хвостъ кнута длиннѣе хвоста бѣсовскаго!» говорилъ онъ, когда ему докладывали о «суевѣрныхъ шалостяхъ».

Среди вельможъ и сенаторовъ было тоже много испуганныхъ лицъ. Передъ самымъ выступленіемъ шествія Шафировъ поднесъ государю только что полученныя съ курьеромъ письма изъ Неаполя отъ Толстого и царевича. Государь спряталъ ихъ въ карманъ, не распечатавъ, — должно-

быть не хотѣлъ читать при свидѣтеляхъ. Шафировъ, однако, изъ полученной имъ, коротенькой записки Толстого уже зналъ страшную вѣсть. Она тотчасъ облетѣла всѣхъ:

— Царевичъ ѣдетъ сюда!

— Иуда, Петръ Толстой, выманилъ, — ему-де не перваго кушать.

— Батюшка, слышь, посулилъ его на Афросиньѣ женить.

— Женить? Какъ бы не такъ. Держи карманъ. Жолвь ему, а не женитьба!

— А ну какъ дастъ Богъ свадьбу?

— Вѣнчали ту свадьбу на Козьемъ болотѣ, а дружка да свашка — топорикъ да плашка!

— Дуракъ, дуракъ! Погубить онъ себя напрасно.

— Быть бычку на обрывочкѣ!

— Не сносить ему головы своей!

— Подъ обухъ идетъ!

— А можетъ и помилуютъ? Не чужой вѣдь, — родной: и змѣя своихъ черевъ не ѣсть. Поучать и помилуютъ?

— Учить поздно, распашонка на немъ не сойдется.

— Не учили, покуда поперекъ лавки укладывался, а во всю вытянулся — не научишь!

— Поди ко мнѣ въ ступу, я тя пестомъ приглажу — вотъ вся и наука!

— Унянчатъ дитятку, что не пикнетъ — упѣстуютъ!

— Да и намъ, чай, всѣмъ такая будетъ баня, что небо съ овчинку покажется.

— Бѣда, братцы, бѣда! Тутъ и о двухъ головахъ пропадешь!

И въ толпѣ вельможъ всѣ повторяли, такъ же какъ въ толпѣ народа:

— Быть худу! Быть худу!

А царь все шагаль да шагаль по грязи и билъ въ барабанъ, заглушая унылое пѣніе: «Со святыми упокой», «Вѣчная память!»

Туманъ густѣлъ. Все расплывалось въ немъ, таяло, дѣлалось призрачнымъ — и вотъ-вотъ, казалось, весь городъ, со всѣми своими людьми и домами, и улицами, подымеся вмѣстѣ съ туманомъ и разлетится, какъ сонъ.

VIII.

Вернувшись съ похоронъ въ Лѣтній дворецъ, Петръ сѣлъ въ маленькую верейку, переѣхалъ черезъ темную ночную Неву, одинъ безъ гребцовъ, самъ работая веслами, и причалилъ у небольшой деревянной пристани на противоположномъ берегу.

Здѣсь, почти у самой рѣки, недалеко отъ Троицкаго собора, стоялъ маленькій низенькій домикъ, одинъ изъ первыхъ домовъ, построенныхъ голландскими плотниками, при самомъ основаніи Петербурга — первый дворецъ Петра, похожій на бѣдныя хижины саардамскихъ корабельщиковъ. Онъ былъ срубленъ изъ сосноваго лѣса, который росъ тутъ же, на дикомъ болотѣ Кейвусари, Березоваго острова; выкрашенъ масляною краскою подъ кирпичъ и крытъ досечками подъ черепицу.

Комнаты низенькія, тѣсныя — всего три: направо отъ сѣней конторка, налѣво столовая и за нею спальня — самая крошечная изъ трехъ, четыре аршина въ длину, три въ ширину — едва повернуться. Убранство, хотя очень простое, но уютное и опрятное, на голландскій образецъ. Потолокъ и стѣны обиты выбѣленнымъ холстомъ; окна широкія, низкія, съ переплетомъ изъ свинцовыхъ желобковъ и мелкими стеклами, съ дубовыми ставнями на желѣзныхъ болтахъ. Двери не по росту Петра — онъ долженъ былъ наклоняться, чтобы не удариться головой о притолоку.

Послѣ постройки Лѣтняго и Зимняго дворца, стоялъ этотъ домикъ пустой. Только изрѣдка царь ночевалъ въ немъ, когда ему хотѣлось остаться совсѣмъ одному, даже безъ Катеньки.

Войдя въ сѣни, растолкалъ храпѣвшаго на войлокѣ денщика, велѣлъ дать огня, прошелъ въ конторку, заперъ дверь на ключъ, поставилъ свѣчу на столъ, сѣлъ въ кресло, вынулъ изъ кармана письма Толстого, Румянцева и царевича, но передъ тѣмъ, чтобъ ихъ распечатать, остановился,

какъ будто въ нерѣшимости, прислушиваясь къ мѣрному гулкому бою часовъ на колокольнѣ у Троицы. Пробило девять. Послѣдній звукъ замеръ, и наступала тишина, такъ же, какъ въ тѣ дни, когда Петербурга еще не было, кругомъ этого бѣднаго домика были только безконечныя лѣса да непроходимыя топи.

Наконецъ распечаталъ. Пока читалъ, лицо чуть-чуть поблѣднѣло, руки задрожали. Когда же прочелъ послѣднія слова въ письмѣ царевича: «поѣду изъ Неаполя на сихъ дняхъ къ тебѣ, государю, въ Санктпетербурхъ»,—духъ захватило отъ радости. Дальше не могъ читать. Перекрестился.

Это ли еще не знаменье, не чудо Божье? Только что изнемогалъ, отчаивался, думалъ, что Богъ забылъ его, отступилъ навсегда — и вотъ опять рука Господня поддерживаетъ.

Почувствовалъ себя вновь сильнымъ и бодрымъ, какъ будто помолодѣвшимъ, готовымъ ко всякому труду и подвигу.

Потомъ опустилъ голову и, глядя на пламя свѣчи, глубоко задумался.

Когда сынъ вернется, что съ нимъ дѣлать? — «Убить!» въ ярости думалъ онъ прежде, когда не надѣялся на возвращеніе. Но теперь, когда зналъ, что вернется, — ярость потухла, и онъ спрашивалъ себя впервые, спокойно, разумно: что дѣлать?

Вдругъ вспомнилъ слова свои въ первомъ письмѣ, отправленномъ въ Неаполь съ Толстымъ и Румянцевымъ: «обѣщаюсь Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, ежели возвратишься». Теперь, когда сынъ повѣрилъ этой клятвѣ, она приобрѣтала страшную силу.

Но какъ исполнить ее? Простить сына не значитъ ли простить и всѣхъ остальныхъ, такихъ же, какъ онъ, измѣнниковъ, злодѣевъ царю и отечеству? Всѣ людишки негодныя, взяточники, воры, туземцы, ханжи, лицемѣры, длинныя бороды соединятся съ нимъ и въ такое безстрашіе придутъ, что никакой грозы

на нихъ не будетъ. Учинятъ всему государству паденіе конечное. И ежели сынъ надъ отцомъ надругается такъ, при жизни его, то что же будетъ послѣ смерти? Все разорить, расточить, не оставитъ камня на камнѣ, погубить Россію!

Нѣтъ, хотя бъ и клятву нарушить, а нельзя простить.

Значить, опять — розыскъ, опять — пытки, костры, топоры, плахи и кровь?

Вспомнилось ему, какъ однажды, во время стрѣлецкихъ казней, когда онъ ѣхалъ верхомъ на Красную площадь, гдѣ въ тотъ же день должно было пасть болѣе трехсотъ головъ, — вышелъ къ нему навстрѣчу патріархъ съ чудотворной иконой Божіей Матери просить о пощадѣ стрѣльцовъ. Царь поклонился иконѣ, но патріарха отстранилъ рукою гнѣвно и сказалъ: «Зачѣмъ пришелъ сюда? Я Матерь Божью чту не меньше твоего. Но долгъ велитъ мнѣ добрыхъ миловать, а злыхъ казнить. Ступай же прочь, старикъ!

Я знаю, что дѣлаю.

Патріарху сумѣлъ отвѣтить, но какъ-то отвѣтитъ Богу?

И представился ему, какъ въ видѣніи, безконечный рядъ головъ, лежащихъ у Лобнаго мѣста, на длинномъ бревнѣ, вмѣсто плахи, затылками вверхъ, лицами внизъ — русыя, рыжія, черныя, сѣдые, лысыя, кудрявыя. Навеселѣ, только что съ попойки, вмѣстѣ съ Данилычемъ и прочими гостями, онъ ходитъ съ топоромъ въ рукахъ, засучивъ рукава, какъ палачъ, и рубитъ одну за другой эти головы. А когда устааетъ, гости берутъ у него топоръ, по очереди, и тоже рубятъ. Всѣ пьяны отъ крови. Платье обрызгано кровью; на землѣ лужи крови; ноги скользятъ въ крови. Вдругъ одна изъ этихъ головъ, когда онъ уже занесъ надъ нею топоръ, тихонько приподымается, оборачивается и глядитъ ему прямо въ глаза. Это онъ, Алеша!

«Алешенька, мальчикъ мой родненькій!» Представилось ему другое видѣніе—какъ, вернувшись изъ чужихъ краевъ, пробрался онъ тайкомъ ночью въ спальню царевича, наклонился надъ его постелькой, взялъ на руки соннаго, и обнималъ, и цѣловалъ, чувствуя сквозь рубашку теплоту его голаго тѣльца.

«Убить сына» — только теперь понялъ онъ, что это значить. Почувствовалъ, что это самое страшное, самое важное во всей его жизни — важнѣе, чѣмъ Софья, стрѣльцы, Европа, наука, армія, флотъ, Петербургъ, Полтава; что тутъ рѣшается вѣчное: на одну чашу вѣсовъ положится все, что онъ сдѣлалъ великаго, добраго; на другую кровь сына — и какъ знать, что перевѣситъ? Не померкнетъ ли вся его слава отъ этого кроваваго пятна? Что скажетъ Европа, что скажетъ потомство о клятвопреступникѣ, сыноубійцѣ? Труденъ разборъ его невинности тому, кто не знаетъ всего. А кто знаетъ все?

И передъ Богомъ можетъ ли человѣкъ, хотя бъ и за благо отечества, взять на душу такой грѣхъ, какъ пролитіе крови отъ крови своей?

Но что же, что дѣлать? Простить сына — погубить Россію; казнить его — погубить себя. Онъ чувствовалъ, что этого никогда не рѣшить.

Да и нельзя рѣшить одному. Но кто поможетъ? Церковь? Что на землѣ свяжете, то связано будетъ на небѣ, и что разрѣшите на землѣ, то разрѣшено будетъ на небѣ. Такъ было прежде. А теперь — гдѣ церковь? Патріархъ? Его уже нѣтъ. Онъ самъ отмѣнилъ патріаршество. Или митрополитъ, «Степка холопка», который, павъ до земли, челомъ бьетъ государю? Или администраторъ дѣлъ духовныхъ, плуть Федоска, съ прочими архіереями, которые «такъ взнузданы, что куда хошь поведи»? Что онъ имъ скажетъ, то они и сдѣлаютъ. Онъ самъ — патріархъ, самъ — церковь. Онъ одинъ передъ Богомъ.

И чему, безумецъ, радовался только что? Да, рука Господня простерлась къ нему и отяготѣла на немъ страшною тяжестью. Страшно, страшно впасть въ руки Бога Живаго!

Точно пропасть разверзлась у ногъ его, и повѣяло оттуда ужасомъ, отъ котораго на головѣ его зашевелились волосы.

Онъ закрылъ лицо руками.

— «Отступи отъ меня, Господи! Избавь душу мою отъ кровей, Боже, Боже спасенія моего!»

Потомъ всталъ и пошелъ въ спальню, гдѣ въ углу, надъ изголовьемъ постели, неугасимая лампада теплилась передъ чудотворною иконою Спаса Нерукотвореннаго, писанной въ поднось царю Алексѣю Михайловичу жалованнымъ царскимъ иконописцемъ, Симономъ Ушаковымъ, и хранившейся нѣкогда вверху, въ сѣняхъ Кремлевскихъ палатъ. То былъ русскій переводъ съ незапамятно-древняго византійскаго образа: по преданію, когда Господь восходилъ на Голгоѳу, то, изнемогая подъ ношею крестной, вытеръ потъ съ лица полотенцемъ — убрусомъ, и на немъ отпечатлѣлся Ликъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мать Петра, царица Наталья Кирилловна благословила сына этимъ образомъ, онъ уже никогда не разставался съ нимъ. Во всѣхъ походахъ и путешествіяхъ, на корабляхъ и въ палаткахъ, при основаніи Петербурга и на поляхъ Полтавы — вездѣ образъ былъ съ нимъ.

Войдя въ спальню, прибавилъ въ лампадку масла и поправилъ свѣтильню. Пламя затеплилось ярче, и въ золотомъ окладѣ, вокругъ темнаго Лица въ терновомъ вѣнцѣ, заблистѣли алмазы какъ слезы, рубины какъ кровь.

Сталь на колѣни и началъ молиться.

Икона была такая привычная, что онъ уже почти не видѣлъ ея и, самъ того не сознавая, всегда обращался съ молитвой къ Отцу, а не къ Сыну — не къ Богу, умирающему, изливающему кровь Свою на Голгоѳѣ, а къ Богу живому, крѣпкому и сильному во брани, Воителю грозному, Побѣдодавцу праведному — Тому, Кто говоритъ о Себѣ устами пророка: *Я топталъ народы во гнѣвъ Моемъ и попиралъ ихъ въ ярости Моей; кровь ихъ брызгала на ризы Мои, и Я запятналъ все одѣяніе Свое.*

Но теперь, когда поднялъ взоръ на икону и хотѣлъ, какъ всегда, обратиться съ молитвою мимо Сына къ Отцу, — не могъ. Какъ будто въ первый разъ увидѣлъ скорбный Ликъ въ терновомъ вѣнцѣ, и Ликъ этотъ ожилъ и заглянулъ ему въ душу кроткимъ взоромъ; какъ будто въ пер-

вый разъ понялъ то, о чемъ слышалъ съ дѣтства и чего никогда не понималъ: что значить — Сынъ и Отецъ.

И вдругъ вспомнилъ страшную древнюю повѣсть, тоже объ отцѣ и сынѣ:

«Богъ искушалъ Авраама и сказалъ ему: возьми сына твоего, единственнаго твоего, котораго ты любишь, Исаака, и принеси его во всесоуженіе. И устроилъ Авраамъ жертвенникъ и, связавъ сына своего, положилъ его на жертвенникъ. И простеръ Авраамъ руку свою и взялъ ножъ, чтобы заколотъ сына своего».

Это лишь земной прообразъ еще болѣе страшной жертвы небесной. Богъ такъ возлюбилъ міръ, что не пожалѣлъ для него Сына Своего, Единственнаго Своего, и вѣчно изливаемою Кровью Агнца, Кровью Сына, Отчій гнѣвъ утоляется.

Тутъ чувствовалъ онъ какую-то самую близкую, самую нужную тайну, но такую страшную, что не смѣлъ думать о ней. Мысль его изнемогала, какъ въ безумьи.

Хочетъ или не хочетъ Богъ, чтобъ онъ казнилъ сына? Простится или взыщется на немъ эта кровь? И что, если не только — на немъ, но и на дѣтяхъ его и внукахъ, и правнукахъ — на всей Россіи?

Онъ упалъ лицомъ на полъ и долго лежалъ такъ, распростертый, недвижимый, какъ мертвый.

Наконецъ опять поднялъ взоръ на икону, но уже съ отчаянной, неистовой молитвой мимо Сына къ Отцу:

— Да падеть сія кровь на меня, на меня одного! Казни меня, Боже, — помилуй Россію!

ВОСЬМАЯ КНИГА.

О б о р о т е н ь .

I.

Царевичъ смотрѣлъ на дверь, въ которую долженъ былъ войти Петръ.

Маленькую приѣмную Преображенскаго дворца, почти такого же бѣднаго, какъ петербургскій домикъ царя, заливало февральское желтое солнце. Въ окнахъ былъ видъ, знакомый царевичу съ дѣтства — снѣжное поле съ черными галками, сѣрыя стѣны казармъ, тюремный острогъ, земляной валъ съ пирамидами ядеръ, караульною будкою и неподвижнымъ часовымъ на прозрачно-зеленомъ небѣ. Воробьи на подоконникахъ чирикали уже по-весеннему. Съ ледяныхъ сосулেকъ падали свѣтлыя капли, какъ слезы. Былъ предобѣденный часъ. Пахло пирогами съ капустою. Въ тишинѣ маятникъ стѣнныхъ часовъ однообразно тикалъ.

На пути изъ Италіи въ Россію царевичъ былъ спокоенъ, даже веселъ, но точно въ полуснѣ или забытѣи. Не совсѣмъ понималъ, что съ нимъ происходитъ, куда и для чего везутъ его.

Но теперь, сидя съ Толстымъ въ приѣмной и такъ же, какъ тогда ночью въ королевскомъ дворцѣ, въ Неаполѣ, во время бреда, глядя на страшную дверь, — какъ будто пробуждался, начиналъ понимать. И такъ же, какъ тогда, весь дрожалъ непрерывною мелкою дрожью, точно въ сильномъ ознобѣ. То крестился и шепталъ молитвы, то хваталъ за руку Толстого:

— Петръ Андреичъ, охъ, Петръ Андреичъ, что-то будетъ, родимый? Страшно! Страшно!..

Толстой успокаивалъ его своимъ бархатнымъ голосомъ:

— Будьте благонадежны, ваше высочество! Повинную голову мечъ не сѣчетъ. Дастъ Богъ, потихоньку, да полегоньку, ладкомъ да миркомъ...

Царевичъ не слушалъ и твердилъ, чтобы не забыть, приготовленную рѣчь:

«Батюшка, я ни въ чемъ оправдаться не могу, но слезно прошу милостиваго прощенія и отеческаго разсужденія, понеже, кромѣ Бога и твоей ко мнѣ милости, иного никакого надѣянія не имѣю и отдаюсь во всемъ въ волю твою».

За дверью слышались знакомые шаги. Дверь отворилась. Вошелъ Петръ.

Алексѣй вскочилъ, пошатнулся и упалъ бы навзничъ, если бы Толстой не поддержалъ его.

Передъ нимъ, какъ бы въ мгновенномъ превращеніи оборотня, промелькнули два лица—чуждое, страшное, какъ мертвая маска, и родное, милое, какимъ онъ помнилъ отца только въ самомъ раннемъ дѣтствѣ.

Царевичъ подошелъ къ нему и хотѣлъ упасть къ его ногамъ, но Петръ протянулъ къ нему руки, обнялъ и прижалъ къ своей груди.

— Алеша, здравствуй! Ну, слава Богу, слава Богу! Наконецъ-то, свидѣлись.

Алексѣй почувствовалъ знакомое прикосновеніе пухлыхъ бритыхъ щекъ и запахъ отца — крѣпкаго табаку съ потомъ; увидѣлъ большіе темные ясные глаза, такіе страшные, такіе милые, прелестную, немного лукавую улыбку на извилистыхъ, почти женственно-тонкихъ губахъ. И, забывъ свою длинную рѣчь, пролепеталъ только:

— Прости, батюшка...

И вдругъ зарыдалъ неудержимымъ рыданіемъ, все повторяя:

— Прости! Прости!..

Сердце его растаяло мгновенно, какъ ледъ въ огнѣ.

— Что ты, что ты, Алешенька!..

Отецъ гладилъ ему волосы, цѣловалъ его въ лобъ, въ губы, въ глаза, съ материнскою нѣжностью

А Толстой, глядя на эти ласки, думалъ:

«Зацѣлуешь ястребъ курочку до послѣдняго перышка!»

По знаку царя, онъ исчезъ. Петръ повелъ сына въ столовую. Сучка Лизетта сперва зарычала, но потомъ, узнавъ царевича, смущенно завиляла хвостомъ и лизнула ему руку. Столъ накрытъ былъ на два прибора. Денщикъ принесъ всѣ блюда сразу и вышелъ. Они остались одни. Петръ налилъ двѣ чарки анисовой.

— За твое здоровье, Алеша!

Чокнулись. У царевича такъ дрожали руки, что онъ пролилъ половину чарки.

Петръ приготовилъ для него свою любимую закуску— ломоть чернаго хлѣба съ масломъ, рубленнымъ лукомъ и чеснокомъ. Разрѣзалъ хлѣбъ пополамъ, одну половину для себя, другую—для сына.

— Вишь ты какъ отощалъ на чужихъ-то хлѣбахъ,— молвилъ онъ, взглядываясь въ сына. — Погоди, живо откормимъ—станешь гладкій! Сытнѣе-де русскій хлѣбъ нѣмецкаго.

Угощалъ съ прибаутками.

— Чарка на чарку — не палка на палку. Безъ троицы домъ не строится. Учетверить — гостей развеселить.

Царевичъ ѣлъ мало, но много пилъ и быстро пьянѣлъ, не столько, впрочемъ, отъ вина, сколько отъ радости.

Все еще робѣлъ, не могъ притти въ себя, не вѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ. Но отецъ говорилъ съ нимъ такъ просто и весело, что нельзя было не вѣрить. Разспрашивалъ обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Италиі, о войскѣхъ и флотѣ, о папѣ и цесарѣ. Шутилъ, какъ товарищъ съ товарищемъ.

— А у тебя губа не дура, — подмигнулъ смѣясь. — Афрося — дѣвка хоть куда! Годовъ бы мнѣ десять съ плечъ, такъ пришлось бы, чего добраго, сынку батьки беречься, чтобъ съ рогами не быть. Недалеко, видно, яблочко отъ яблони падаетъ. Батька — съ портомоей, сынокъ — съ по-

ломоей: полы-де, говорятъ, Афрося мыла у Вяземскихъ. Ну, да вѣдь и Катенька бѣлье стирала... А жениться охота?

— Ежели позволишь, батюшка!

— Да что мнѣ съ тобой дѣлать? Обѣщаль, небось, такъ позволю.

Петръ налилъ краснаго вина въ хрустальные кубки. Подняли, сдвинули, хрусталь зазвенѣлъ. Вино въ лучѣ солнца зардѣло какъ кровь.

— За миръ, за дружбу вѣчную! — сказалъ Петръ.

Оба выпили сразу до дна.

У царевича голова кружилась. Онъ точно летѣлъ. Сердце то замирало, то билось такъ, что казалось, вотъ-вотъ разорвется, и онъ сейчасъ умретъ отъ радости. Настоящее, прошлое, будущее — все исчезло. Онъ помнилъ, видѣлъ, чувствовалъ только одно: отецъ любить его. Пусть на мгновение. Если бы надо было снова принять муку всей жизни за одно такое мгновение, онъ принялъ бы.

И ему захотѣлось сказать все, признаться во всемъ

Петръ, какъ будто угадывая мысль его, положилъ свою руку на руку сына, съ тихою ласкою.

— Расскажи-ка, Алеша, какъ ты бѣжалъ.

Царевичъ почувствовалъ, что судьба его рѣшается. И вдругъ ясно понялъ то, о чемъ все время, съ той самой минуты, какъ рѣшилъ ѣхать къ отцу, старался не думать. Одно изъ двухъ: или сказать все, выдать сообщниковъ и сдѣлаться предателемъ; или запереться во всемъ и допустить, чтобы снова вырылась бездна, встала глухая стѣна между нимъ и отцомъ.

Онъ молчалъ, потупивъ глаза, боясь увидѣть опять вмѣсто родного лица, то другое, чуждое, страшное, какъ мертвая маска. Наконецъ всталъ, подошелъ къ отцу и упалъ передъ нимъ на колѣни. Лизетта, спавшая въ ногахъ Петра на подушкѣ, проснулась, поднялась и отошла, уступивъ царевичу мѣсто. Онъ опустился на подушку. Лежать бы такъ вѣчно у ногъ отца, какъ собака, смотрѣть ему въ глаза и ждать ласки.

— Все скажу, батюшка, только прости всѣхъ, какъ меня простишь! — поднялъ онъ взоръ съ безконечной мольбою.

Отецъ наклонился къ нему и положилъ ему руки на плечи, все съ тою же тихою лаской.

— Слушай, Алеша! Какъ прощу, когда вины не знаю, ниже виновныхъ? За себя могу простить, не за отечество Богъ сіе взыщетъ. Кто злымъ попускаетъ, самъ зло творить. Одно обѣщаю: кого назовешь, помилую, а чью вину скроешь, тѣмъ лютая казнь. Итакъ, не доносчикъ, но паче заступникъ будешь друзей своихъ. Говори же все, не бойся. Никого не обижу. Вмѣстѣ разсудимъ...

Алексѣй молчалъ. Петръ обнялъ, прижалъ къ себѣ его голову и, тяжело вздохнувъ, прибавилъ.

— Ахъ, Алеша, Алеша, если бы видѣлъ ты сердце мое, зналъ скорбь мою! Тяжко мнѣ, тяжко, сынокъ!.. Никого не имѣю помощника. Все одинъ да одинъ. Всѣ враги, всѣ злодѣи. Пожалѣй хоть ты отца. Будь другомъ. Аль не хочешь, не любишь?..

— Люблю, люблю, батенька родненькій!.. — прошепталь царевичъ, съ тою же стыдливою нѣжностью, какъ бывало, въ дѣтствѣ, когда отецъ приходилъ къ нему ночью тайкомъ и бралъ его на руки, соннаго. — Все, все скажу, спрашивай!.. — И разсказалъ все, назвалъ всѣхъ.

Но, когда кончилъ, Петръ ждалъ еще главнаго. Искалъ дѣла, а никакого дѣла не было; были только слова, слухи, сплетни — неуловимые призраки, за которые и ухватиться нельзя было для настоящаго розыска.

Царевичъ принималъ всю вину на себя и оправдывалъ всѣхъ.

— Я, пьяный, всегда виралъ всякія слова и ротъ имѣлъ незатворенный въ компаніяхъ, не могъ быть безъ противныхъ разговоровъ и такія слова съ надежи на людей брелъ.

— Кромѣ словъ, не было ль умысла къ дѣлу, возмущенью народному, или чтобъ силой учинить тебя наследникомъ?

— Не было, батюшка, видитъ Богъ, не было! Все пустое.

— Знала ли мать о побѣгѣ твоёмъ?

— Не знала, чай...

И, подумавъ, прибавилъ:

— Подлинно о томъ не вѣдаю.

Вдругъ замолчалъ, потупивъ глаза. Вспомнились ему видѣнія, пророчества епископа ростовскаго Досиея и прочихъ старцевъ, которымъ вѣрила и радовалась мать, — о гибели Петербурга, о смерти Петра, о воцареніи сына. Скажетъ ли онъ о томъ? Предастъ ли мать? Сердце его сжалось тоскою смертною. Онъ почувствовалъ, что нельзя объ этомъ говорить. Да вѣдь батюшка и не спрашиваетъ. Что ему за дѣло? Такому ли, какъ онъ, бояться бабьихъ бреденъ?

— Все ли? Или еще что есть въ тебѣ?—спросилъ Петръ.

— Есть еще одно. Да какъ сказать не знаю. Страшно... Онъ весь прижался къ отцу, спряталъ лицо на груди его.

— Говори. Легче будетъ. Объяви и очисти себя, какъ на сущей исповѣди.

— Когда ты былъ боленъ, — шепнулъ ему царевичъ на ухо, — думалъ я, что умрешь, и радовался. Желалъ тебѣ смерти...

Петръ тихонько отстранилъ его, посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и увидѣлъ въ нихъ то, чего никогда не видѣлъ въ глазахъ человѣческихъ.

— Думалъ ли съ кѣмъ о смерти моей?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ царевичъ съ такимъ ужасомъ въ лицѣ и въ голосѣ, что отецъ повѣрилъ.

Они молча смотрѣли другъ другу въ глаза одинаковымъ взоромъ. И въ этихъ лицахъ, столь разныхъ, было сходство. Они отражали и углубляли другъ друга, какъ зеркала, до безконечности.

Вдругъ царевичъ усмѣхнулся слабою усмѣшкою и сказалъ просто, но такимъ страннымъ, чуждымъ голосомъ, что казалось, что не онъ самъ, а кто-то другой, далекій, изъ него говоритъ.

— Я вѣдь знаю, батюшка: можетъ-быть, и нельзя тебѣ простить меня. Такъ не надо. Казни, убей. Самъ я умру за тебя. Только люби, люби всегда! И пусть о томъ никто не вѣдаетъ. Только ты да я. Ты да я...

Отецъ ничего не отвѣтилъ и закрылъ лицо руками.

Царевичъ смотрѣлъ на него, какъ бы ждалъ чего-то.

Наконецъ Петръ отнялъ руки отъ лица, опять наклонился къ сыну, обнялъ голову его обѣими руками, поцѣловалъ молча въ голову, и царевичу показалось, что первый разъ въ жизни онъ видитъ на глазахъ отца слезы. Алексѣй хотѣлъ еще что-то сказать. Но Петръ быстро всталъ и вышелъ.

Въ тотъ же день вечеромъ явился къ царевичу новый духовникъ его, о. Варлаамъ.

По прїѣздѣ въ Москву Алексѣй просилъ, чтобы допустили къ нему прежняго духовника его, о. Якова Игнатѣева. Но ему отказали и назначили о. Варлаама. Это былъ старичокъ, по виду «самый немудреный — сушая курочка», какъ шутилъ о немъ Толстой. Но царевичъ и ему былъ радъ, только бы поскорѣй исповѣдаться. На исповѣди повторилъ все, что давеча сказалъ отцу. Прибавилъ и то, что скрылъ отъ него — о матери царицѣ Авдотѣ, о теткѣ царевнѣ Марьѣ и дядѣ Авраамѣ Лопухинѣ — объ ихъ общемъ желаніи «скорога совершенія», смерти батюшки.

— Надо бы отцу правду сказать, — замѣтилъ о. Варлаамъ и какъ-то вдругъ заспѣшилъ, засуетился.

Что-то промелькнуло между ними странное, жуткое, но такое мгновенное, что царевичъ не могъ дать себѣ отчета, было ли что-нибудь дѣйствительно, или ему только померещилось:

II.

Черезъ день послѣ перваго свиданія Петра съ Алексѣемъ, утромъ въ понедѣльникъ 3 февраля 1718 г., велѣно было министрамъ, сенаторамъ, генераламъ, архіереямъ и прочимъ гражданскимъ и духовнымъ чинамъ собираться

въ Столовую палату, Аудіенць-залу стараго Кремлевскаго дворца, для выслушанія манифеста объ отрѣшеніи царевича отъ престола и для присяги новому наслѣднику Петру Петровичу.

Внутри Кремля, по всѣмъ площадямъ, дворцовымъ переходамъ и лѣстницамъ стояли батальоны Преображенской лейбъ-гвардіи. Опасались бунта.

Въ Аудіенць-залѣ отъ старой палаты оставалась только живопись на потолкѣ — «звѣздотеченое движеніе, двѣнадцать мѣсяцевъ и прочіе бѣги небесные». Все остальное убранство было новое: голландскія тканья шпалеры, хрустальные шандалы, прямоспинные стулья, узкія зеркала въ простѣнкахъ. По серединѣ палаты, подъ краснымъ шелковымъ пологомъ, на возвышеніи съ тремя ступенями—царское мѣсто — золоченое кресло съ вышитымъ по алому бархату золотымъ двуглавымъ орломъ и ключами св. Петра.

Изъ оконъ косые лучи солнца падали на бѣлые парики сенаторовъ и черные клобуки архіереевъ. На всѣхъ лицахъ былъ страхъ и то жадное любопытство, которое бываетъ въ толпѣ во время казней. Застучалъ барабанъ. Толпа всколыхнулась, раздвинулась. Вошелъ царь и сѣлъ на тронъ.

Двое рослыхъ преображенцевъ, со шпагами наголо, ввели царевича, какъ арестанта.

Безъ парика и безъ шпаги, въ простомъ черномъ платьѣ, блѣдный, но спокойный и какъ будто задумчивый, онъ шелъ, не спѣша, опустивъ голову. Подойдя къ трону и увидѣвъ отца, улыбнулся тихою улыбкою, напоминавшею дѣда, царя Алексѣя Тишайшаго.

Длинный, узкій въ плечахъ, съ узкимъ лицомъ, обрамленнымъ жидкими косицами прямыхъ, гладкихъ волосъ, похожій не то на сельскаго дьячка, не то на иконописнаго Алексѣя, человѣка Божьяго, среди всѣхъ этихъ новыхъ петербургскихъ лицъ, казался онъ далекимъ, чуждымъ всему, какъ бы выходцемъ иного міра, призракомъ старой Москвы. И сквозь любопытство, сквозь страхъ во многихъ лицахъ промелькнула жалость къ этому призраку.

Остановился у трона, не зная, что дѣлать.

— На колѣнки, на колѣнки и говори, какъ заучено, — шепнулъ ему на ухо подбѣжавшій сзади Толстой.

Царевичъ опустился на колѣни и произнесъ громкимъ спокойнымъ голосомъ:

— Всемиловѣйшій государь, батюшка! Понеже узнавъ свое согрѣшеніе передъ вами, яко родителемъ и государемъ своимъ, писалъ повинную и прислалъ изъ Неаполя, — такъ и нынѣ оную приношу, что я, забывъ должность сыновства и подданства, ушелъ и поддался подъ протекцію цесарскую и просилъ его о своемъ защищеніи. Въ чемъ прошу милостиваго прощенія и помилованія.

И не по чину церемоніи, а отъ всего сердца поклонился въ ноги отцу.

По знаку царя, вице-канцлеръ Шафировъ началъ читать манифестъ, который въ тотъ же день должны были прочесть на Красной площади народу.

— «Мы уповаемъ, что большей части вѣрныхъ подданныхъ нашихъ вѣдомо, съ какимъ прилежаніемъ и попеченіемъ мы сына своего перворожденного Алексѣя воспитать тщились. Но все сіе радѣніе ничто пользовало, и сѣмя ученія на камени пало, понеже не токмо одному оному не слѣдовало, но и ненавидѣлъ, и ни къ воинскимъ, ни къ гражданскимъ дѣламъ никакой склонности не являлъ, упражняясь непрестанно въ обхожденіи съ непотребными подлыми людьми, которые грубыя и замерзѣлыя обыкности имѣли».

Алексѣй почти не слушалъ. Онъ искалъ глазами глазъ отца. Но тотъ смотрѣлъ мимо него неподвижнымъ, непроницаемымъ взоромъ.

«Притворство, диссимуляція! — успокаивалъ себя царевичъ. — Теперь, хоть ругай, хоть бей — знаю, что любишь!»

— «И видя мы его упорность въ тѣхъ непотребныхъ поступкахъ, — продолжалъ читать Шафировъ, — объявили ему, что, ежели онъ впредь слѣдовать волѣ нашей не будетъ, то его лишимъ наслѣдства, и дали ему время на исправленіе. Но онъ, забывъ страхъ и заповѣди Божіи, которыя повелѣваютъ послушну быть и простымъ родителямъ, а не то что властелинамъ, заплатилъ намъ за столь многія выше-

объявленные наши родительскія о немъ попеченія и радѣнія неслыханнымъ неблагоугодареніемъ. Ибо, когда по отъѣздѣ нашемъ для воинскихъ дѣйствъ въ Дацкую землю оставили его въ Санктпитебургѣ и потомъ писали къ нему, чтобы онъ былъ къ намъ въ Копенгагенъ для присутствія въ компаніи военной и лучшаго обученія, то онъ, сынъ нашъ, вмѣсто того, чтобы къ намъ ѣхать, — забравъ съ собою деньги и нѣкую жонку, съ коею незаконно сваялся, уѣхалъ и отдался подъ протекцію цесарскую. И объявляя многія на насъ, яко родителя своего и государя, неправедныя клеветы, просилъ цесаря, дабы его не токмо отъ насъ скрылъ, но и оборону свою вооруженною рукою далъ противъ насъ, аки нѣкакого ему непріятели и мучителя, отъ котораго будто онъ чаеъ пострадать смерть. И какъ тѣмъ своимъ поступкамъ стыдъ и безчестіе предъ всѣмъ свѣтомъ намъ и всему государству нашему учинилъ, то всякъ можетъ разсудить, ибо такого приклада и въ исторіяхъ сыскать трудно! И хотя онъ, сынъ нашъ, за всѣ сіи преступленія достоинъ смерти, но мы, отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя, прощаемъ его и отъ всякаго наказанія освобождаемъ. Однакожь...»

Прерывая чтеніе, раздался глухой, сиповатый и грозный голосъ Петра, полный такимъ гнѣвомъ и скорбью, что вся церемонія какъ будто исчезла, и всѣ вдругъ поняли ужасъ, того, что совершается:

— Не могу такого наслѣдника оставить, который бы растерялъ то, что черезъ помощь Божію отецъ получилъ, и ниспровергъ бы славу и честь народа россійскаго — къ тому же и боясь суда Божія — вручить такое правленіе, знавъ неупотребнаго къ тому! А ты...

Онъ посмотрѣлъ на царевича такъ, что у него сердце упало: ему показалось, что это уже не притворство.

— А ты помни: хотя и прощаю тебя, но ежели всей вины не объявишь и что укроешь, а потомъ явно будетъ, то на меня не пеняй: за сіе пардонъ не въ пардонъ. Казненъ будешь смертью.

Алексѣй поднялъ было руки и весь потянулся къ отцу хотѣлъ что-то сказать, крикнуть, но тотъ уже опять смо-

трѣль мимо него неподвижнымъ непроницаемымъ взоромъ. По знаку царя, Шафировъ продолжалъ чтеніе:

— «И тако мы, сожалѣя о государствѣ своемъ и вѣрныхъ подданныхъ, властію отеческою и яко самодержавный государь, лишаемъ его, сына своего Алексѣя, за тѣ вины и преступленія, наслѣдства по насъ престола Всероссійскаго, хотя бѣ ни единой персоны нашей фамиліи по насъ не осталось. И опредѣляемъ и объявляемъ помянутаго престола наслѣдникомъ другого сына нашего, Петра, хотя еще и малолѣтна суща, ибо иного возрастнаго наслѣдника не имѣемъ. И заклинаемъ сына нашего родительскою нашею клятвою, дабы того наслѣдства не искалъ. Желаемъ же отъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ и всего народа Россійскаго, дабы по сему нашему изволенію и опредѣленію, сего отъ насъ назначеннаго въ наслѣдство наше сына нашего Петра за законнаго наслѣдника признавали и почитали, и на семъ обѣщаніемъ предъ святымъ алтаремъ, надъ святымъ Евангеліемъ и цѣлованіемъ Креста утвердили. Всѣхъ же тѣхъ, кто сему нашему изволенію въ которое-нибудь время противны будутъ и сына нашего Алексѣя отнынѣ за наслѣдника почитать и ему въ томъ вспомогать стануть, измѣнниками намъ и отечеству объявляемъ».

Царь всталъ, сошелъ съ трона и велѣлъ присутствующимъ, не дожидаясь его, итти въ Успенскій соборъ для цѣлованія креста.

Когда всѣ, кромѣ Толстого, Шафирова и нѣсколькихъ другихъ ближайшихъ сановниковъ, двинулись къ выходу и зала опустѣла, Петръ сказалъ ему:

— Ступай!

Они вмѣстѣ прошли черезъ сѣни столовой въ Тайникъ Отвѣтной палаты, откуда въ старину московскіе цари, скрытые за тафтяными пологами, слушали совѣщанія посольскія. Это была маленькая комната, въ родѣ кельи, съ голыми стѣнами, со слюдянымъ оконцемъ, пропускавшимъ янтарно-желтый, какъ бы вѣчно-вечерній свѣтъ. Въ углу, передъ образомъ Спасителя съ темнымъ ликомъ въ терновомъ вѣнцѣ

и кроткимъ скорбнымъ взоромъ, теплилась неугасимая лампада. Петръ заперъ дверь и подошелъ къ сыну.

Опять, какъ тогда въ Неаполѣ, во время бреда, и на медни въ Преображенскомъ, — царевичъ весь дрожалъ непрерывною мелкою дрожью, точно въ сильномъ ознобѣ. Но все еще надѣялся: вотъ сейчасъ обниметь, приласкаетъ, скажетъ, что любить— и всѣ эти страхи кончатся уже навсегда.

«Знаю, что любишь! Знаю, что любишь!» твердилъ про себя, какъ заклятiе. Но все-таки сердце билось отъ ужаса.

Онъ опустилъ глаза и не смѣлъ ихъ поднять, чувствуя на себѣ тяжелый, пристальный взоръ отца. Оба молчали. Было очень тихо.

— Слышалъ ли, — произнесъ, наконецъ, Петръ, — что давеча передъ всѣмъ народомъ объявлено — ежели что укроешь, то смерть?

— Слышалъ, батюшка!

— И ничего донести не имѣешь къ тому, что третьяго дня объявилъ?

Царевичъ вспомнилъ о матери и опять почувствовалъ, что не предасть ее, хотя бы ему грозила смерть сейчасъ же.

— Ничего, — какъ будто не самъ онъ, а кто-то за него проговорилъ чуть слышно.

— Такъ ничего? — повторилъ Петръ.

Алексѣй молчалъ.

— Говори!

У царевича въ глазахъ темнѣло, ноги подкашивались. Но опять, какъ будто не самъ онъ, а кто-то за него отвѣтилъ:

— Ничего.

— Лжешь! — крикнулъ Петръ, схвативъ его за плечо и сжавъ такъ, что казалось, раздробятся кости. — Лжешь! Утаилъ о матери, о теткѣ, о дядѣ, о Досиѣеѣ ростовскомъ, обо всемъ гнѣздѣ ихъ проклятомъ — корнѣ злодѣйскаго бунта!..

— Кто тебѣ сказалъ, батюшка? — пролепеталъ царевичъ и взглянулъ на него въ первый разъ.

— Аль не правда? — посмотрѣлъ ему отецъ прямо въ глаза.

Рука его все тяжелѣла, тяжелѣла. Вдругъ царевичъ зашатался, какъ тростинка, подъ этою тяжестью и упалъ къ ногамъ отца.

— Прости! Прости! Вѣдь матушка! Родная мнѣ!..

Петръ склонился къ нему и занесъ кулаки надъ головой его съ матерной бранью.

Алексѣй протянулъ руки, какъ будто защищаясь отъ смертельнаго удара, поднялъ взоръ и увидѣлъ надъ собой въ такомъ же быстромъ, какъ намедни, но теперь уже обратномъ превращеніи оборотня, вмѣсто родного лица, то другое, чуждое, страшное, какъ мертвая маска — лицо звѣря.

Онъ слабо вскрикнулъ и закрылъ глаза руками.

Петръ повернулся, чтобы уйти. Но царевичъ, услышавъ это движеніе отца, бросился къ нему на колѣняхъ, ползкомъ, какъ собака, которую бьютъ и которая все-таки молить прощенія, — припалъ къ ногамъ его, обнялъ ихъ, ухватился за нихъ.

— Не уходи! Не уходи! Лучше убей!..

Петръ хотѣлъ оттолкнуть его, освободиться. Но Алексѣй держалъ его, не пускалъ, цѣплялся все крѣпче и крѣпче.

И отъ этихъ судорожно хватающихъ, цѣпляющихся рукъ пробѣгала по тѣлу Петра ледяная дрожь того омерзѣнія, которое онъ чувствовалъ всю жизнь къ паукамъ, тараканамъ и всякимъ инымъ копошащимся гадамъ.

— Прочь, прочь, прочь! Убью! — кричалъ онъ въ ярости, смѣшанной съ ужасомъ.

Наконецъ, съ отчаяннымъ усиліемъ, стряхнулъ его, отшвырнулъ, ударилъ ногой по лицу.

Царевичъ съ глухимъ стономъ упалъ ничкомъ на полъ, какъ мертвый.

Петръ выбѣжалъ изъ комнаты, точно спасаясь отъ какого-то страшилища.

Когда онъ проходилъ мимо сановниковъ, ожидавшихъ его въ Столовой палатѣ, они поняли по лицу его, что случилось недоброе.

Онъ только крикнулъ:

— Въ соборъ.

И вышелъ.

Одни побѣжали за нимъ, другіе — въ томъ числѣ Толстой и Шафировъ — въ Тайникъ Отвѣтной къ царевичу.

Онъ лежалъ попрежнему ничкомъ на полу, какъ мертвый.

Стали поднимать его, приводить въ чувство. Члены не разгибались, какъ будто окоченѣли, сведенные судорогой. Но это не былъ обморокъ. Онъ дышалъ часто, глаза были открыты.

Наконецъ подняли его, поставили на ноги. Хотѣли провести въ сосѣднюю комнату, чтобъ уложить на лавку.

Онъ оглядывался мутнымъ, словно невидящимъ, взоромъ и бормоталъ, какъ будто старался припомнить:

— Что такое?.. Что такое?..

— Небось, небось, родимый!—успокаивалъ Толстой.— Дурно тебѣ стало. Упалъ — должно - быть, ушибся. До свадьбы заживетъ. Испей водицы. Сейчасъ дохтуръ придетъ.

— Что такое?.. Что такое?.. — повторялъ царевичъ бессмысленно.

— Не доложить ли государю? — шепнулъ Толстой Шафирову.

Царевичъ услышалъ, обернулся и вдругъ блѣдное лицо его побагровѣло. Онъ весь затрясся и началъ рвать на себѣ воротникъ рубашки, какъ будто задыхался.

— Какому государю?—въ одно и то же время заплакалъ и засмѣялся онъ такимъ дикимъ плачемъ и смѣхомъ, что всѣмъ стало жутко.

— Какому государю? Дураки, дураки! Да развѣ не видите?.. Это не онъ! Не государь и не батюшка мнѣ, а барабанщикъ, жидъ проклятый, Гришка Отрепьевъ, самозванецъ, оборотень! Осинový колъ ему въ горло—и дѣлу конецъ!..

Прибѣжалъ лейбъ-медикъ Арескинъ.

Толстой, за спиной царевича, указалъ сперва на него, потомъ на свой лобъ: въ умѣ-де царевичъ мѣшается.

Арескинъ усадилъ больного въ кресло, пощупалъ ему пульсъ, далъ понюхать спирта, заставилъ выпить успокоительныхъ капель и хотѣлъ пустить кровь, но въ это время

пришелъ посланный и объявилъ, что царь ждетъ въ соборѣ и требуетъ къ себѣ царевича немедленно.

— Доложи, что его высочеству неможется, — началъ было Толстой.

— Не надо, — остановилъ его царевичъ, какъ будто очнувшись отъ глубокаго сна.— Не надо. Я сейчасъ. Только отдохнуть минутку, и вина бы..

Подали венгерскаго. Онъ выпилъ съ жадностью. Арескинъ положилъ ему на голову полотенце, смоченное холодною водою съ уксусомъ.

Его оставили въ покоѣ. Всѣ отошли въ сторону, совѣщаясь, что дѣлать.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ:

— Ну, теперь ничего. Прошло. Пойдемъ.

Ему помогли встать и повели подъ руки.

На свѣжемъ воздухѣ, при переходѣ изъ дворца въ соборъ, онъ почти совсѣмъ оправился.

Но все же, когда проходилъ черезъ толпу, всѣ замѣтили его блѣдность.

На амвонѣ, передъ открытыми царскими вратами, ожидалъ новопоставленный архіерей псковской, Теофанъ Прокоровичъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ и Евангеліемъ. Рядомъ стоялъ царь.

Алексѣй взошелъ на амвонъ, взялъ поданный Шафировымъ листъ и сталъ читать слабымъ, чуть внятнымъ голосомъ, — но было такъ тихо въ толпѣ, что слышалось каждое слово:

— «Я, нижеименованный, обѣщаю предъ святымъ Евангеліемъ, что, понеже я за преступленіе мое предъ родителемъ моимъ и государемъ лишенъ наслѣдства престола Россійскаго, того ради признаваю то за праведно и клянусь Всемогущимъ, въ Троицѣ славимымъ, Богомъ и судомъ Его той воли родительской во всемъ повиноваться и наслѣдства того никогда не искать и не желать, и не принимать ни подъ какимъ предлогомъ. И признаваю за истиннаго на-

слѣдника брата моего, царевича Петра Петровича. И на томъ цѣлую святыи крестъ и подписуюсь собственною моею рукою».

Онъ поцѣловаль крестъ и подписалъ отреченіе.

Въ это же самое время читали манифестъ народу.

III.

Петръ черезъ Толстого передалъ сыну «вопросные пункты». Царевичъ долженъ былъ отвѣтить на нихъ письменно. Толстой совѣтоваль ему не скрывать ничего, такъ какъ царь, будто бы, уже знаетъ все и требуетъ отъ него только подтвержденія.

— Отъ кого батюшка знаетъ?—спрашиваль царевичъ.

Толстой долго не хотѣлъ говорить. Но, наконецъ, прочель ему указъ, пока еще тайный, но впослѣдствіи, при учрежденіи Духовной Коллегіи — Святѣйшаго Синода, объявленный:

«Ежели кто на исповѣди духовному отцу своему нѣкое злое и нераскаянное умышленіе на честь и здравіе государево, наипаче же измѣну или бунтъ объявить, то долженъ духовникъ донести вскорѣ о томъ, гдѣ надлежитъ, въ Преображенскій приказъ, или Тайную канцелярію. Ибо симъ объявленіемъ не порокуется исповѣдь, и духовникъ не преступаетъ правилъ евангельскихъ, но еще исполняетъ ученіе Христово: обличи брата, аще же не послушаетъ, повѣждь церкви. Когда уже такъ о братнемъ согрѣшеніи Господь повелѣваетъ, то кольми паче о злодѣйственномъ на государя умышленіи».

Выслушавъ указъ, царевичъ всталъ изъ-за стола — они разговаривали съ Толстымъ наединѣ за ужиномъ — и, точно такъ же какъ наемни во время припадка въ Тайникѣ Отвѣтной палаты, блѣдное лицо его вдругъ побагровѣло. Онъ посмотрѣлъ на Толстого такъ, что тотъ испугался и подумаль, что съ нимъ опять припадокъ. Но на этотъ разъ кончилось благополучно. Царевичъ успокоился и какъ будто задумался.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней не выходилъ онъ изъ этой задумчивости. Когда съ нимъ заговаривали, глядѣль разсѣянно, какъ будто не совсѣмъ понималъ, о чемъ говорятъ, и весь какъ-то внезапно осунулся, — сталъ какъ не живой, по слову Толстого. Написалъ, однако, точный отвѣтъ на вопросные пункты и подтвердилъ все, что сказалъ на исповѣди, хотя предчувствовалъ, что это бесполезно, и что отецъ ничему не повѣритъ.

Алексѣй понялъ, что о. Варлаамъ нарушилъ тайну исповѣди, — и вспомнилъ слова св. Дмитрія Ростовскаго:

«Если бы какой государь или судъ гражданскій повелѣлъ и силой понуждалъ іерея открыть грѣхъ духовнаго сына и если бы мукой и смертью грозилъ, іерей долженъ умереть паче и мученическимъ вѣнцомъ вѣнчаться, нежели печать исповѣди отрѣшнить».

Вспомнились ему также слова одного раскольничьяго старца, съ которымъ онъ бесѣдовалъ однажды въ глуши новгородскихъ лѣсовъ, гдѣ рубилъ сосну на скампавеи, по указу батюшки:

«Благодати Божьей нѣтъ нынѣ ни въ церквахъ, ни въ полахъ, ни въ таинствахъ, ни въ чтеніи, ни въ пѣніи, ни въ иконахъ и ни въ какой вещи, — все взято на небо. Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ. Знаешь ли, чему подобенъ агнецъ вашего причастія? Разумѣй, что говорю: подобенъ псу мертву, поверженну на стогнахъ града. Какъ причастился, — только и житья тому человѣку — умеръ бѣдный! Таково-то причастіе ваше емко, что мышьякъ аль сулема — во вся кости и мозги пробѣжить скоро, до самой души лукавой промчитъ — отдыхай-ка послѣ въ гееннѣ огненной да въ пеклѣ горящемъ стони, яко Каинъ, обратный грѣшникъ!»

Слова эти, которыя тогда казались царевичу пустыми, теперь пріобрѣли вдругъ страшную силу. Что, въ самомъ дѣлѣ, если мерзость заустѣнія стала на мѣстѣ святомъ — церковь отъ Христа отступила, и антихристъ въ ней царствуетъ?

Но кто же антихристъ?

Тутъ начинался бредъ.

Образъ отца двоился: какъ бы въ мгновенномъ превращеніи оборотня, царевичъ видѣлъ два лица — одно доброе, милое, лицо родимаго батюшки, другое—чуждое, страшное, какъ мертвая маска — лицо звѣря. И всего страшнѣе было то, что не зналъ онъ, какое изъ этихъ двухъ лицъ настоящее—отца или звѣря? Отецъ ли становится звѣремъ, или звѣрь отцомъ? И такой ужасъ овладѣлъ имъ, что ему казалось, онъ сходитъ съ ума.

Въ это время въ застѣнкахъ Преображенскаго приказа шелъ розыскъ.

На слѣдующій день послѣ объявленія манифеста, 4-го февраля, поскакали курьеры въ Петербургъ и Суздаль, съ повелѣніемъ привезти въ Москву всѣхъ, на кого донесъ царевичъ.

Въ Петербургѣ схватили Александра Кикина, царевичева камердинера Ивана Аванасьева, учителя Никифора Вяземскаго и многихъ другихъ.

Кикинъ, по дорогѣ въ Москву, пытался задушить себя кандалами, но ему помѣшали.

На допросѣ подъ пыткой онъ показаль на князя Василія Долгорукаго, какъ на главнаго совѣтника Алексѣя.

«Взять я изъ С.-Питербурха нечаянно,—разсказываль въ послѣдствіи самъ князь Василій и повезень въ Москву окованъ, отъ чего былъ въ великой деспераціи и безпамятствѣ, и привезень въ Преображенское и отданъ подъ крѣпкой арестъ, и потомъ приведенъ на Генеральный дворъ предъ царское величество, и былъ въ томъ же страхѣ, видя, что слова, написанныя на меня царевичемъ, приняты за великую противность».

За князя Василія заступился родственникъ его, князь Яковъ Долгорукій.

«Помилуй, государь,—писаль онъ царю.—Да не снемъ въ старости нашей во гробъ съ именемъ рода злодѣевъ, которое можетъ не токмо отнять доброе имя, но и безвременно вервь живота пресѣчь. И паки вопію: помилуй, помилуй, премилосердый!»

Тѣнь подозрѣнія пала и на самого князя Якова. Кикинъ показаль, что Долгорукій совѣтоваль царевичу не ѣздить къ отцу въ Копенгагенъ.

Петръ не тронуль старика, но пригрозилъ ему такъ, что князь Яковъ счелъ нужнымъ напомнить царю свою прежнюю вѣрную службу: «за что мнѣ нынѣ въ воздаяніи обѣщана, какъ я слышу, лютая на колѣ смерть», заключаль онъ съ горечью.

Еще разъ почувствовалъ Петръ свое одиночество. Ежели и праведный князь Яковъ — измѣнникъ, то кому же вѣрить?

Капитанъ - поручикъ Григорій Скорняковъ - Писаревъ привезъ въ Москву изъ Суздаля бывшую царицу Авдотью, инокиню Елену. Она писала съ дороги царю:

«Всемиловѣйшій государь!»

«Въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которомъ—не помню, по обѣщанію своему, пострижена я въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ въ старицы, и наречено мнѣ имя Елена. И по постриженіи, въ иноческомъ платьѣ ходила съ полгода; и не восхотя быть инокою, оставя монашество и скинувъ платье, жила въ томъ монастырѣ скрытно, подъ видомъ иночества, мірянкою. И то мое скрытье объявилось чрезъ Григорья Писарева. И нынѣ я надѣюсь на человѣколюбныя вашего величества щедроты. Припадая къ ногамъ вашимъ, прошу милосердія, того моего преступленія о прощеніи, чтобъ мнѣ безгодною смертью не умереть. А я обѣщаюся попрежнему быть инокою и пребыть во иночествѣ до смерти своея и буду молить Бога за тебя, государя»

«Вашего величества нижайшая раба,

бывшая жена ваша Авдотья».

Того же монастыря старица - казначея Маремьяна показала:

— Мы не смѣли говорить царицѣ, для чего платье сняла? Она многожды говаривала: «все - де наше, государство; и государь за мать свою что воздалъ стрѣльцамъ, вѣдь вы знаете; а и сынъ мой изъ пеленокъ вывалялся!» Да какъ былъ въ Суздаль для набора солдатъ маіоръ Степанъ Глѣ-

бовъ, царица его къ себѣ въ келью пускала; запершися говаривали между собою, а меня отсылали тѣлогрѣй кроить въ свою келью, и давъ гривну, велятъ иттить молебны пѣть. И какъ являлъ себя Глѣбовъ дерзновенно, то я ему говаривала: «что ты ломаешься? народы знаютъ!» И царица меня за то бранила: «чортъ тебя спрашиваетъ? Ужъ ты и за мною примѣчать стала». И другіе мнѣ говорили: «что ты царицу прогнѣвала?» Да онъ же, Степанъ, хаживалъ къ ней по ночамъ, о чемъ сказывали мнѣ дневальный слуга, да карлица Агабя: «мимо насъ Глѣбовъ проходитъ, а мы не смѣемъ и тронуться».

Старица Каптелина призналась:

— Къ ней, царицѣ-старицѣ Еленѣ, ѣзживалъ по вечерамъ Глѣбовъ и съ нею цѣловался и обнимался. Я тогда выхаживала вонъ. Письма любовныя отъ Глѣбова я принимала.

Самъ Глѣбовъ показалъ кратко:

— Сшелся я съ нею, бывшею царицею, въ любовь и жилъ съ нею блудно.

Во всемъ остальномъ заперся. Его пытали страшно: сѣкли, жгли, морозили, ломали ребра, рвали тѣло клещами, сажали на доску, убитую гвоздями, водили босого по деревяннымъ кольямъ, такъ что ноги начали гнить. Но онъ перенесъ всѣ муки и никого не выдалъ, ни въ чемъ не признался.

Бывшая царица показала: «Февраля въ 21 день я, старица Елена, привожена на Генеральный дворъ и со Степаномъ Глѣбовымъ на очной ставкѣ сказала, что я съ нимъ блудно жила, и въ томъ я виновата. Писала своею рукою— Елена».

Это признаніе царь намѣренъ былъ въ послѣдствіи объявить въ манифестѣ народу.

Царица показала также:

— Монашеское платье скинула потому, что епископъ Досифей пророчествовалъ, говорилъ о гласахъ отъ образовъ и о многихъ видѣніяхъ, что будетъ гнѣвъ Божій и смущеніе въ народѣ, и государь скоро умретъ, и она-де, царица, впредь царствовать будетъ, вмѣстѣ съ царезичемъ.

Схватили Досиоея, обнажили отъ архіерейскаго сана соборне и назвали разстригою Демидомъ.

— Только я одинъ въ семь дѣлъ попался,—говорилъ Досиоей на соборѣ.—Посмотрите и у всѣхъ что на сердцахъ? Извольте пустить уши въ народъ — что говорятъ!

Разстрига Демидъ въ застѣнкѣ подыманъ и спрашиванъ: «для чего желалъ царскому величеству смерти?»— «Желалъ для того, чтобъ царевичу Алексѣю Петровичу на царствѣ быть, и было бы народу легче, и строеніе С.-Питербурха умалилось бы и престало», отвѣчалъ Демидъ.

Онъ донесъ на брата царицы, дядю царевича, Авраама Лопухина. Его тоже схватили и пытали на очной ставкѣ съ Демидомъ. Лопухину дано 15 ударовъ, Демиду 19. Оба признались, что желали смерти государю и воцаренія царевичу.

Показалъ Демидъ и на царевну Марью, сестру государя.

— Царевна говорила: «Когда государя не будетъ, я-де царевичу рада о народѣ помогать, сколько силы будетъ, и управлять государство». Да она же говорила: «Для чего вы, архіереи, за то не стоите, что государь отъ живой жены на другой женился? Или бы-де взялъ бывшую царицу и съ нею жилъ, или бы умеръ!» И когда, по присягѣ Петру Петровичу, онъ, разстрига Демидъ, пріѣхалъ изъ собора къ ней, царевнѣ Марьѣ, она говорила: «Напрасно-де государь такъ учинилъ, что большаго сына отставилъ, а меньшаго произвелъ; онъ только двухъ лѣтъ, а тотъ уже въ возрастѣ».

Царевна заперлась; но когда ее привели въ застѣнокъ на очную ставку съ Демидомъ, созналась во всемъ.

Розыскъ длился болѣе мѣсяца. Почти каждый день присутствовалъ Петръ въ застѣнкахъ, слѣдилъ за пытками, иногда самъ пыталъ. Но, несмотря на всѣ усилія, не находилъ главнаго, чего искалъ—настоящаго дѣла, «корня злодѣйскаго бунта». Какъ въ показаніяхъ царевича, такъ и всѣхъ прочихъ свидѣтелей, никакого дѣла не было, а были только слова, слухи, сплетни, бредъ кликушъ, юродивыхъ, шушуканье полоумныхъ стариковъ и старухъ по монастырскимъ угламъ.

Иногда онъ смутно чувствовалъ, что лучше бы все это бросить, плюнуть на все, презрѣть — простить. Но уже не могъ остановиться и предвидѣль, что одинъ конецъ всему — смерть сына.

Все это время царевичъ жилъ подъ карауломъ во дворцѣ Преображенскомъ, рядомъ съ Генеральнымъ дворомъ и застѣнками. Днемъ и ночью слышались или чудились ему вопли пытаемыхъ. Постоянно водили его на очныя ставки. Ужаснѣе всего была встрѣча съ матерью. До царевича дошли слухи, будто бы отецъ собственноручно сѣкъ ее кнутомъ.

Почти каждый день къ вечеру Алексѣй былъ пьянъ до безчувствія. Лейбъ-медикъ Арескинъ предсказывалъ ему бѣлую горячку. Но когда переставалъ онъ пить, на него нападала такая тоска, что нельзя было вынести, и онъ опять спѣшилъ напиться. Арескинъ предупреждалъ и государя о болѣзни, грозящей царевичу. Но Петръ отвѣтилъ:

— Сопьется, околѣетъ — туда ему и дорога. Собакѣ собачья смерть!

Впрочемъ, въ послѣднее время и водка уже не давала царевичу забвенія, а лишь замѣняла страшную дѣйствительность еще болѣе страшными снами. Не только ночью во снѣ, но и наяву, среди бѣлаго дня, мучили видѣнія. Онъ жилъ двумя жизнями — дѣйствительной и призрачной; и онѣ перемежались, перепутывались такъ, что не умѣлъ онъ отличить одну отъ другой, не зналъ, что было во снѣ, что наяву:

То снилось ему, будто бы въ застѣнкѣ отецъ сѣчетъ мать; онъ слышитъ свистъ кнута въ воздухѣ и гнусное, какъ будто мокрое, шлепаніе ударовъ по голому тѣлу; видитъ, какъ ложатся, одна за другой, темно-багровыя полосы на это блѣдное-блѣдное тѣло; и, отвѣчая на страшный крикъ матери еще болѣе страшнымъ крикомъ, падаетъ мертвый.

То, будто бы, рѣшивъ отомстить отцу за мать, за себя и за всѣхъ, просыпается ночью въ постели, достаетъ изъ-подъ подушки бритву, встаетъ въ одной рубахѣ, крадется по темнымъ переходамъ дворца; перешагнувъ черезъ спя-

шаго на порогъ денщика, входитъ въ спальню отца, наклоняется надъ нимъ, нащупываетъ горло и рѣжетъ, и чувствуетъ, что кровь у него холодная, какъ сукровица мертвыхъ тѣлъ; въ ужасѣ бросаетъ недорѣзаннаго и бѣжитъ безъ оглядки.

То, будто бы, вспомнивъ слова Писанія объ Іудѣ Предателѣ: *пошелъ и удавился*, — пробирается въ чуланъ подъ лѣстницей, гдѣ сваленъ всякій хламъ, становится на сломанный трехногій стулъ, подперевъ его опрокинутымъ ящикомъ, снимаетъ съ крюка на потолкѣ веревку, на которой виситъ фонарь, дѣлаетъ петлю, накидываетъ ее на шею и передъ тѣмъ, чтобы оттолкнуть ногою стулъ, хочетъ перекреститься, но не можетъ, рука не подымается—и вдругъ, откуда ни возмись, большой черный котъ прыгаетъ ему подъ ноги, ластится, трется, мурлычитъ, выгибаетъ спину; и, вставъ на заднія лапы, переднія кладетъ ему на плечи—и это уже не котъ, а исполинскій звѣрь. И царевичъ узнаетъ въ звѣриной мордѣ лицо человѣчье — широкоскулое, пучеглазое, съ усами торчкомъ, какъ у «Кота-котабрыса». И хочетъ вырваться изъ лапъ его. Но звѣрь, поваливъ его, играетъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью, то схватитъ, то выпуститъ и ласкаетъ, и царапаетъ. И вдругъ впивается когтями въ сердце. И онъ узнаетъ того, о комъ сказано: «Поклонились Звѣрю, говоря: кто подобенъ Звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ?»

IV.

Въ воскресенье Православія, 2 марта, совершалъ богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ новопоставленный архіерей псковской, Теофанъ Прокоповичъ.

Въ соборъ пускали только знатныхъ и чиновныхъ лицъ.

У одного изъ четырехъ исполинскихъ столбовъ, поддерживавшихъ сводъ, покрытыхъ иконописными темными ликами по тусклому золоту, подъ шатровой сѣнью, гдѣ

молились древніе московскіе цари, стояль Петръ. Рядомъ съ нимъ—Алексѣй.

Глядя на Теофана, царевичъ вспомнилъ то, что слышалъ о немъ.

Теофанъ замѣнилъ Федоску, главнаго администратора дѣлъ духовныхъ, который устарѣлъ и въ послѣднее время все чаще владалъ въ «меланколію». Это онъ, Теофанъ, сочинилъ указъ, повелѣвавшій доносить о преступленіяхъ государственныхъ, открытыхъ на исповѣди. Онъ же составлялъ Духовный Регламентъ, по коему имѣлъ учрежденъ быть Святѣйшій Синодъ.

Царевичъ съ любопытствомъ вглядывался въ новаго архіерея.

Родомъ черкасъ — малороссъ, лѣтъ тридцати восьми, полнокровный, съ лоснящимся лицомъ, лоснящейся черной бородой и большими лоснящимися черными усами, онъ походилъ на огромнаго жука. Усмѣхаясь, шевелилъ усами, какъ жукъ. По одной этой усмѣшкѣ видно было, что онъ любитъ скромныя латинскія шуточки — *фаетіи* Поджіо не менѣе, чѣмъ жирныя галушки, и острую діалектику не менѣе, чѣмъ доброю горилку. Несмотря на свѣтительскую важность, въ каждой черточкѣ лица его такъ и дрожало, такъ и бѣгало, какъ живчикъ, что-то слишкомъ веселое, точно пьяное: онъ былъ пьянъ собственнымъ умомъ своимъ, этотъ румянорожій Силэнъ въ архіерейской рясѣ. «О, главо, главо, разума упившись, куда ся преклонешь?» говаривалъ въ минуты откровенности.

И царевичъ дивился удивленіемъ великимъ, какъ сказано въ Апокалипсисѣ, думая о томъ, что этотъ бродяга, бѣглый уніатъ, римскаго костела присягатель, ученикъ сперва іезуитовъ, а потомъ протестантовъ и безбожныхъ философовъ, можетъ-быть, и самъ безбожникъ, сочиняетъ Духовный Регламентъ, отъ котораго зависятъ судьбы русской церкви.

По возглашеніи соборнымъ протодіакономъ обычной въ воскресеніе Православія анафемы всѣмъ еретикамъ и отступникамъ, отъ Арія до Гришки Отрепьева и Мазепы, архі-

ерей взошелъ на амвонъ и сказалъ слово *О власти и чести царской*.

Въ словѣ этомъ доказывалось то, что должно было сдѣлаться краеугольнымъ камнемъ Святѣйшаго Синода: государь—глава церкви.

— Вопіетъ учитель народовъ, апостоль Павелъ: *нисть бо власть аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противляется*. Дивная воистину вещь! Сказалъ бы, что отъ самихъ государей посланъ былъ Павелъ на проповѣдь, такъ прилежно увѣщаваешь, какъ бы молотомъ толчешь, тоже паки и паки повторяешь: отъ Бога, отъ Бога власть. Молю всякаго разсудить: что бы могъ сказать больше самый вѣрный министръ царскій? Приложимъ же еще ученію сему, какъ бы вѣнецъ, имена и титулы властямъ высокимъ приличныя, которыя паче украшаютъ царей, нежели порфиры и діадимы. Какія же титулы? какія имена? *Богамы и Христами* самодержцы нарицаются. За власть отъ Бога данную *богами*, сіестъ намѣстниками Божіими на землѣ наречены. Другое же имя — *Христось*, сіестъ *Помазанный*,— глаголется отъ древней оной церемоніи, когда елеемъ помазаны были цари. И апостоль Павелъ говоритъ: *раби, послушайте господій своихъ, якоже и Христа*. Се, господь со Христомъ равняетъ апостоль. Но что весьма удивляетъ насъ и какъ бы адамантовою броней истину сію утверждаетъ, — того преминуть не можетъ: не только добрымъ, но и злымъ и невѣрнымъ, и нечестивымъ властямъ повиноваться велитъ Писаніе. Вѣдомо всякому апостола Петра слово: *Бога бойтеса, Царя чтите*. *Раби, повинуйтеся во всякомъ страхѣ владыкамъ, не точію благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ*. И Давидъ пророкъ, самъ царь, царя Саула, отъ Бога отверженнаго, нечестиваго, Христомъ Господнимъ нарицаетъ. *Яко, рѣче, Христось Господень есть*. Но скажешь: каковъ ни былъ Саулъ, однако, явнымъ повелѣніемъ Божіимъ на царство помазанъ, и того ради той чести сподобился. Добро! Но скажи: кто былъ Киръ Персидскій, кто Навуходоносоръ Вавилонскій? Однакоже

нарицаеть ихъ Самъ Богъ у пророковъ помазанниками Своими, сирѣчь, по слову Давидову, *Христами Господними*. Кто Неронъ, римскій кесарь? Однакоже учить апостоль Петръ повиноваться и ему, лютому христіанъ мучителю, яко Помазаннику, *Христу Господню*. Остается единое сумнительство: что не всѣ-де люди сею должностію повиновенія царямъ обязаны суть, но нѣкіе выключаются, именно священство и монашество. Се тернъ, или паче жало, но жало змѣино! Папезскій се духъ! Ибо священство иной чинъ есть въ народѣ, а не иное царство. И какъ одно дѣло — воинству, другое — гражданству, и врачамъ, и купцамъ, и мастерамъ различнымъ, такъ и пастыри, и всѣ духовные имѣютъ собственное дѣло свое—быть служителями Божиими, однакоже покорены суть властямъ державнымъ. Въ церкви ветхозавѣтной левиты царямъ израильскимъ подчинены были во всемъ. Если же такъ въ Ветхомъ, почто и не въ Новомъ завѣтѣ? Ибо законъ о властяхъ непремѣнный и вѣчный, съ пребываніемъ міра сего пребывающій.

И, наконецъ, выводъ:

— Всѣ люди Россійскаго царства, не только мірскіе, но и духовные, да имѣютъ имя самодержца своего, благочестивѣйшаго государя Петра Алексѣевича, яко главы своей и отца отечества, и Христа Господня!

Послѣднія слова произнесъ онъ громкимъ голосомъ, глядя прямо въ лицо государю и поднявъ правую руку къ своду собора, гдѣ на тусклomъ золотѣ темнѣлъ Ликъ Христа.

И опять царевичъ дивился удивленіемъ великимъ.

«Ежели,—думалъ онъ,—всѣ цари, даже отступники отъ Бога, суть Христа Господни, то кто же послѣдній и величайшій изъ нихъ, грядущій царь земли — Антихристъ?»

Кошунство это произносилось архіереемъ православной церкви въ древнѣйшемъ соборѣ Москвы, передъ царемъ и народомъ. Казалось бы, земля должна, раскрывшись, поглотить богохульника, или попалить его огонь небесный.

Но все было спокойно. За косыми снопами лучей, за голубыми волнами дыма кадила, въ глубинѣ свода,

исполинскій Ликъ Христовъ какъ будто возносился отъ земли, недосягаемый.

Царевичъ взглянулъ на отца. Онъ былъ тоже спокоенъ и слушалъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

Поощренный этимъ вниманіемъ, Теофанъ заключилъ торжественно:

— Благодумствуй, Россія! Величься, хвались! Да възраютъ всѣ предѣлы и грады твои: се бо на твоёмъ оризонтѣ, аки свѣтозарное солнце, восходитъ пресвѣтлѣйшаго сына царева, трехлѣтняго младенца, Богомъ избраннаго наслѣдника, Петра Петровича, слава! Да здравствуетъ всерадостно, да царствуетъ благополучено Петръ Второй, Петръ Благословенный! Аминь.

Когда Теофанъ умолкъ, изъ толпы раздался голосъ, негромкій, но внятный:

— Боже, спаси, сохрани и помилуй единаго истиннаго наслѣдника престола всероссійскаго, благочестивѣйшаго государя царевича Алексѣя Петровича!

Толпа, какъ одинъ человѣкъ, дрогнула и замерла отъ ужаса. Потомъ зашумѣла, заволновалась:

— Кто это? Кто это?

— Полоумный, что ль?

— Кликуша, чай, бѣсноватый.

— Чего караульные смотрятъ? Какъ впустили?

— Схватить бы скорѣй, а то уйдетъ—въ толпѣ не сыщешь... Въ дальнихъ концахъ собора, гдѣ ничего не было видно и слышно, распространялись нелѣпыя слухи.

— Бунтъ! Бунтъ!

— Пожаръ! Въ алтарѣ загорѣлось!

— Съ ножомъ человѣка поймали: царя убить хотѣлъ!

И тревога все увеличивалась.

Не обращая на нее вниманія, Петръ подошелъ къ архіерею, приложился ко кресту и, вернувшись на прежнее мѣсто, велѣлъ привести къ себѣ человѣка, кричавшаго «слова неистовыя».

Капитанъ Скорняковъ-Писаревъ и два караульные сержанта подвели къ царю маленькаго худенькаго старичка.

Старичокъ подалъ царю бумагу — печатный листъ присяги новому наслѣднику. Внизу, на мѣстѣ, оставленномъ для подписи, что-то было написано тѣснымъ крючковатымъ приказнымъ почеркомъ.

Петръ взглянулъ на бумагу, потомъ опять на старичка и спросилъ:

— Ты кто?

— Артиллерійскаго приказа бывшій подьячій Ларивонъ Докукинъ.

Стоявшій рядомъ царевичъ посмотрѣлъ на него и узналъ тотчасъ: это былъ тотъ самый Докукинъ, котораго весною 1715 года встрѣтилъ онъ въ Петербургѣ, въ Симеоновской церкви, и который потомъ въ день праздника Венусъ въ Лѣтнемъ саду приходилъ къ нему на домъ.

Онъ былъ все тотъ же: обыкновенный подьячій изъ тѣхъ, которыхъ зовутъ чернильными душами, приказными строками — весь жесткій, точно окаменѣлый, и тусклый, сѣрый, какъ тѣ бумаги надъ которыми корпѣлъ онъ въ своемъ приказѣ лѣтъ тридцать, пока не выгнали его по фискальному доношенію о взяткахъ. Только въ самой глубинѣ глазъ свѣтилась, такъ же какъ тогда, три года назадъ, неподвижная мысль.

Докукинъ тоже взглянулъ на царевича украдкой, и что-то промелькнуло въ жесткихъ чертахъ старика, что вдругъ напомнило Алексѣю, какъ Докукинъ молилъ его порадоваться за вѣру христіанскую, и плакалъ, и обнималъ ему ноги, и называлъ его надеждою россійскою.

— Присягать не хочешь? — проговорилъ Петръ спокойно, какъ будто съ удивленіемъ.

Докукинъ, глядя царю прямо въ глаза, тѣмъ же какъ давеча голосомъ, негромкимъ, но внятнымъ, такъ что слышно было по всему собору, повторилъ наизусть то, что написано было его рукой на печатномъ листѣ:

— «За неповинное отлученіе и изгнаніе отъ престола всероссійскаго единого истиннаго наслѣдника, Богомъ хранимаго государя Алексѣя Петровича, не присягаю и на томъ пресвятымъ Евангеліемъ не клянусь, и животвоу ящаго Кре-

ста не цѣлую, и наслѣдника царевича Петра Петровича за истиннаго не признаваю. Хотя за то и царскій гнѣвъ на мя произлѣтся, буди въ томъ воля Господа Бога моего, Иисуса Христа. Аминь, аминь, аминь».

Петръ посмотрѣлъ на него еще съ бѣльшимъ удивленіемъ.

— А знаешь ли, что за такую противность волѣ нашей — смерть?

— Знаю, государь! Съ тѣмъ и пришелъ, чтобы пострадать за слово Христово, — отвѣтилъ Докукинъ просто.

— Ну, храбрый же ты, старикъ! Да погоди, то ли уже запоешь, какъ вздерну на дыбу!..

Докукинъ молча поднялъ руку и перекрестился широкимъ крестомъ.

— Слышалъ ли, — продолжалъ царь, — что архіерей говорилъ о повиновеніи властямъ предержащимъ? *Нѣсть бо власть аще не отъ Бога...*

— Слышалъ, государь! Отъ Бога всякая власть, а что не отъ Бога, то и не власть. Называть же царей нечестивѣйшихъ, антихристовъ, Христами Господними не подобаетъ, и за такое слово языкъ бы вырвать изрекшему!

— Да ты и меня, что ль, считаешь антихристомъ? — спросилъ Петръ съ едва уловимою печальною и почти доброю усмѣшкою. — Говори правду!

Старикъ потупился было, но тотчасъ же поднялъ взоръ и опять посмотрѣлъ царю прямо въ глаза.

— Благочестивѣйшимъ православнымъ царемъ и самодержцемъ всероссійскимъ, помазанникомъ Божьимъ тебя почитаю, — произнесъ онъ твердо.

— А коли такъ, слушался бы воли нашей да молчалъ бы.

— Царь-государь, ваше величество! Инъ и хотѣлъ бы молчать, да невозможное дѣло — горитъ во утробѣ моей, яко пламя палитъ, понеже совѣсть нудитъ — претерпѣть не могу... Ежели намъ умолчать, то камни возопіютъ!

Онъ упалъ къ ногамъ царя.

— Государь, Петръ Алексѣевичъ, батюшка, послушай насъ, бѣдныхъ, вопіющихъ къ тебѣ! Преложить или пре-

мѣнить ничего мы не смѣемъ, но какъ родители твои и пра-родители, и святѣйшіе патріархи спасались, такъ и мы хотимъ спастися и горняго Іерусалима достигнуть. Бога ради истиннаго, взыщи истины! Крови ради Христовой, взыщи истины! Своего ради спасенія, взыщи истины! Умири церковь святую, мать твою. Разсуди насъ безъ гнѣва и ярости. Помилуй народъ свой, помилуй царевича!..

Петръ слушалъ сперва со вниманіемъ и даже съ любопытствомъ, какъ будто стараясь понять. Но потомъ отвернулся, пожимая плечами со скукой.

— Ну, будетъ. Не переслушаешь тебя, старикъ! Мало я, видно, васъ, дураковъ, казнилъ да вѣшалъ. И чего вы лѣзете? Какого вамъ рожна? Аль думаете, меньше вашего я церковь Божью чту и во Христа, Спасителя моего, вѣрую? И кто поставилъ васъ, рабовъ, судить между царемъ и Богомъ? Какъ дерзаете?..

Докукинъ всталъ и поднялъ взоръ къ темному Лику въ сводѣ собора. Упавшій оттуда лучъ солнца окружилъ сіяющимъ вѣнцомъ сѣдую голову.

— Какъ дерзаемъ, царь? — воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ. — Слушай, ваше величество! Божественное писаніе глаголетъ: что есть человѣкъ, что помнишь его, Господи, или сынъ человѣческой, что посѣщаешь его? Умалилъ его малымъ, чѣмъ отъ ангеловъ, славою и честью вѣнчалъ его, поставилъ надъ дѣлами рукъ Твоихъ, все покорилъ ему подъ ноги его. И самовластну повелѣно человѣку быть!..

Медленно, какъ будто съ усиліемъ, Петръ отвелъ глаза отъ глазъ Докукина, — уходя, повернулся къ стоявшему рядомъ Толстому и произнесъ:

— Взять въ приказъ, держать за крѣпкимъ карауломъ до розыску.

Старика схватили. Онъ отбивался и кричалъ, все еще порываясь что-то сказать. Его связали, подняли на руки и понесли.

— О таинственные мученики, не ужасайтесь и не отчаивайтесь! — продолжалъ онъ кричать, глядя на царевича. — Потерпите, мало еще потерпите, Господа ради! Онъ же грядетъ, не умедлитъ. Ей, гряди, Господи Іисусе! Аминь.

Царевичъ смотрѣлъ и слушалъ, весь блѣдный, дрожащій. «Вотъ какъ нужно, вотъ какъ нужно!» думалъ онъ, словно только теперь вдругъ понялъ всю свою жизнь, и точно все перевернулось, опрокинулось въ душѣ его: то, что было тяжестью, сдѣлалось крыльями. Онъ зналъ, что опять впадетъ въ слабость, уныніе, очаяніе; но также зналъ, что не забудетъ того, что понялъ.

И онъ, какъ Докукинъ, поднялъ взоръ къ темному Лику въ сводѣ собора. И почудилось ему, что въ косыхъ лучахъ солнца, въ голубыхъ волнахъ дыма кадилаго этотъ испоконинскій Ликъ движется, но уже не уходитъ прочь отъ земли, какъ давеча, а спускается, сходитъ съ неба на землю, и что это Самъ Господь грядетъ.

И съ радостью, подобной ужасу, повторялъ онъ:

— Ей гряди, Господи Исусе! Аминь.

V.

Московскій розыскъ оконченъ былъ къ 15 марта. Приговоромъ царя и министровъ на Генеральномъ дворѣ въ Преображенскомъ рѣшена участь обвиняемыхъ.

Царицу-инокиню Елену отправить въ Старую Ладугу въ дѣвичій монастырь, а царевну Марью въ Шлиссельбургъ; держать обѣихъ подъ крѣпкимъ карауломъ. Авраама Лопухина — въ С.-Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость до новаго розыска. Прочихъ казнить.

Въ тотъ же день утромъ на Красной площади, у Лобнаго мѣста, начались казни. Наканунѣ желѣзныя спицы, на которыхъ торчали въ теченіе двадцати лѣтъ головы стрѣльцовъ, обезглавленныхъ въ 1698 году, очистили для того, чтобы воткнуть новыя головы.

Степана Глѣбова посадили на колъ. Желѣзный колъ черезъ затылокъ вышелъ наружу. Внизу была дощечка для сидѣнья. Чтобъ не замерзъ и мучился долѣе, на него на дѣли мѣховое платье и шапку. Три духовника сторожили по очереди днемъ и ночью, не откроетъ ли онъ чего-нибудь

передъ смертью. «И съ того времени, — доносилъ одинъ изъ нихъ, — какъ посаженъ Степка на колъ, никакого покаянiя имъ, учителямъ, не принесъ; только просилъ въ ночи тайно черезъ iеромонаха Маркелла, чтобы онъ сподобилъ его св. Таинъ, какъ бы онъ могъ принести къ нему какимъ образомъ тайно; и въ томъ душу свою испровергъ, марта противъ 16 числа, по полунощи въ 8 часу, во второй четверти».

Архіерея ростовскаго, разстригу Демида колесовали. Рассказывали, будто бы секретарь, которому поручена была казнь, ошибся: вмѣсто того, чтобы отрубить голову, а трупъ сжечь, колесовалъ архіерея.

Кикина также колесовали. Мученiя его были медленны, съ промежутками; ломали руки и ноги, одну за другою; пытка длилась болѣе сутокъ. Жесточайшее страданiе было отъ того, что, туго привязанный къ колесу, не могъ онъ пошевелиться ни однимъ членомъ, только стоналъ и охалъ, умоляя о смерти. Рассказывали также, будто бы на другой день царь, проѣзжая мимо Кикина, наклонился къ нему и сказалъ: «Александръ, ты человѣкъ умный, какъ же дерзнулъ на такое дѣло?» — «Умъ любитъ просторъ; а отъ тебя ему тѣсно», отвѣтилъ, будто бы, Кикинъ.

Третьимъ колесованъ духовникъ царицы, ключарь Ѳеодоръ Пустынный, за то что свелъ ее съ Глѣбовымъ.

Кого не казнили смертью, тѣмъ рѣзали носы, языки, рвали ноздри. Многихъ, которые только слышали о постриженiи царицы и видѣли ее въ мірскомъ платьѣ, велѣно «бить батоги нещадно».

На площади поставленъ четырехугольный столпъ изъ бѣлаго камня, вышиною въ шесть локтей, съ желѣзными по бокамъ спицами; на нихъ воткнуты головы казненныхъ; на вершинѣ столпа — широкій плоскій камень; на немъ трупы; между ними — Глѣбовъ, какъ бы сидящій въ кругу сообщниковъ.

Царевичъ долженъ былъ присутствовать при всѣхъ этихъ казняхъ.

Послѣднимъ колесованъ Ларіонъ Докукинъ. На колесѣ объявилъ, что имѣетъ нѣчто открыть государю; снятъ съ

колеса и привезенъ въ Преображенское. Когда царь подошелъ къ нему, онъ былъ уже въ предсмертномъ бреду, лепеталъ что-то невнятное о Христѣ Грядущемъ. Потомъ какъ будто пришелъ въ себя на мгновение, посмотрѣлъ въ глаза царю пристально и сказалъ:

— Ежели, государь, казнишь сына, то падеть сія кровь на весь твой родъ, отъ главы на главу, до послѣднихъ царей. Помилуй царевича, помилуй Россію!

Петръ молча отошелъ отъ него и велѣлъ отрубить ему голову.

На другой день послѣ казней, наканунѣ отъѣзда царя въ Петербургъ, назначено было въ Преображенскомъ «нощеденствіе» Всепьянѣйшаго Собора.

Въ эти кровавые дни, такъ же какъ во время стрѣлечкихъ казней и какъ вообще въ самые черные дни своей жизни, Петръ усерднѣе, чѣмъ когда-либо, занимался шутовскимъ соборомъ. Какъ будто нарочно оглушалъ себя смѣхомъ.

Недавно былъ избранъ на мѣсто покойнаго Никиты Зотова новый князь-папа, Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, бывшій «санктъ-питербурхскій митрополитъ». Избраніе «Бахусо-подражательнаго отца» совершилось въ Петербургѣ, рукоположеніе въ Москвѣ, передъ самымъ пріѣздомъ царевича.

Теперь, въ Преображенскомъ предстояло облаченіе новоизбраннаго папы въ ризы и митру — шутовское подобіе облаченія патріаршаго.

Царь нашелъ время среди московскаго розыска самъ сочинить и расписать весь чинъ церемоніи.

«Нощеденствіе» происходило въ обширной бревенчатой обитой алыми сукнами, освѣщенной восковыми свѣчами палатѣ, рядомъ съ Генеральнымъ дворомъ и пыточнымъ застѣнкомъ. Узкіе длинные столы расположены были по-ковую; среди нихъ — возвышеніе со ступенями, на которыхъ сидѣли жрецы-кардиналы и другіе члены собора: подъ бархатнымъ пологомъ — тронъ изъ бочекъ, уставленный сверху донизу стеклянными шкаликами и бутылками.

Когда всѣ собрались, ключарь и кардиналь-протодіаконъ — самъ царь — ввели торжественно подъ руки ново-

избраннаго папу. Передъ нимъ несли двѣ фляги съ «виномъ пьянственнѣйшимъ»: одну — позолоченную, другую — посеребренную, и два блюда: одно — съ огурцами, другое — съ капустою, а также непристойныя иконы голаго Бахуса. Князь-папа, трижды кланяясь князю-кесарю и кардиналамъ, поднесъ его величеству дары — фляги и блюда.

Архижрецъ спросилъ папу:

— Зачѣмъ, брате, пришелъ и чего отъ нашей немѣрности просишь?

— Еже облеченнымъ быть въ ризы отца нашего Бахуса, — отвѣчалъ папа.

— Какъ содержишь законъ Бахусовъ и во ономъ подвизаешься?

— Ей, всепьянѣйшій отче! Возставъ поутру, еще тьмѣ сущей и свѣту едва являющуся, а иногда и о полунощи, сливъ двѣ-три чарки, испиваю и остальное время дня не туне, но симъ же образомъ препровождаю, разными питіями чрево свое, яко бочку, добре наполняю, такъ что иногда и яства мимо рта моего ношу отъ дрожанія десницы и предстоящей въ очахъ моихъ мглы: и такъ всегда творю и учить мнѣ врученныхъ обѣщаюсь, инако же мудрствующихъ отвергаю и, яко чуждыхъ, анаематствую всѣхъ пьяноборцевъ. Аминь.

Архижрецъ возгласилъ:

— Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою, затмевающее и дрожащее, и валяющее, и безумствующее во всѣ дни жизни твоей!

Кардиналы возвели папу на амвонъ и облачили его въ ризы — шутовское подобіе саккоса, омофора, эпитрахили, набедренника съ вышитыми изображеніями игральныхъ костей, картъ, бутылокъ, табачныхъ трубокъ, голой Венусъ и голаго Еремки — Эроса. На шею надѣли ему, вмѣсто панатіи, глиняныя фляги съ колокольчиками. Вручили книгу-погребецъ со склянками различныхъ водокъ и крестъ изъ чубуковъ. Помазали крѣпкимъ виномъ голову и около очей «образомъ круга»:

— Такъ да будетъ кружиться умъ твой, и такіе круги разными видами да предстануть очамъ твоимъ отъ сего дня во всѣ дни живота твоего!

Помазали также обѣ руки и четыре пальца, которыми чарка пріемлется:

— Такъ да будутъ дрожать руки твои во всѣ дни жизни твоей!

Въ заключеніе архижрецъ возложилъ ему на голову жестяную митру:

— Вѣнецъ мглы Бахусовой да будетъ на главѣ твоей! Вѣнчаю азъ пьяный сего нетрезваго —

Во имя всѣхъ пьяницъ,
Во имя всѣхъ стекляницъ,
Во имя всѣхъ дураковъ,
Во имя всѣхъ шутовъ,
Во имя всѣхъ винъ,
Во имя всѣхъ пивъ,
Во имя всѣхъ бочекъ,
Во имя всѣхъ ведръ,
Во имя всѣхъ табаковъ,
Во имя всѣхъ кабаковъ —
Яко жилища отца нашего Бахуса.
Аминь!

Возгласили:

— Аксіось! Достоень!

Потомъ усадили папу на тронъ изъ бочекъ. Надъ самой головой его висѣлъ маленькій серебряный Вакхъ верхомъ на бочкѣ. Наклонивъ ее, папа могъ цѣдить водку въ стаканъ или даже прямо въ ротъ.

Не только члены собора, но и всѣ прочіе гости подходили къ его святѣйшеству по очереди, кланялись ему въ ноги, принимали, вмѣсто благословенія, ударъ по головѣ свинымъ пузыремъ, обмоченнымъ въ водкѣ, и причащались изъ огромной деревянной ложки перцовкою.

Жрецы пѣли хоромъ:

— О, честнѣйшій отче Бахусе, отъ сожженной Семелы рожденный, въ Юпитеровомъ нѣдрѣ взрощенный, изжатель винограднаго веселія! Просимъ тя со всѣмъ симъ пьянѣй-

шимъ соборомъ: умножи и настави стопы князя-папы все-ленскаго, во еже тещи вслѣдъ тебѣ. И ты, всеславнѣйшая Венусь...

Слѣдовали непристойныя слова.

Наконецъ сѣли за столъ. Противъ князя-папы—Ееофанъ Прокоповичъ, рядомъ съ нимъ—Петръ, тутъ же Еедоска, противъ Петра—царевичъ.

Царь заговорилъ съ Ееофаномъ про только что полученныя вѣсти о многотысячныхъ самосожженіяхъ раскольниковъ въ лѣсахъ керженскихъ и чернораменскихъ за Волгою. Пьяныя пѣсни и крики шутовъ мѣшали бесѣдѣ.

Тогда, по знаку царя, жрецы прервали пѣснь Бахусу, всѣ притихли, и въ этой внезапно наступившей тишинѣ раздался голосъ Ееофана:

— О, окаянные сумасброды, неистовые страдальцы! Ненасытною похотью жаждутъ мученія, волей себя передаютъ сожженію, мужественно въ пропасть адскую летятъ и другимъ путь показываютъ. Мало такихъ называть бѣшенными: есть нѣкое зло, равнаго себѣ не имѣющее имени! Да отвержетъ ихъ всякъ и поплюетъ на нихъ...

— Что же дѣлать? — спросилъ Петръ.

— Объяснить надлежитъ увѣщаніемъ, ваше величество, что не всякое страданіе, но только законно бываемое богоугодно есть. Ибо не просто глаголетъ Господь: *блаженны изгнанные, но блаженны изгнанные правды ради*. Такогого же, правды ради, гоненія никогда въ Россійскомъ, яко православномъ, государствѣ опасаться не подобаетъ, понеже то и быть не можетъ...

— Увѣщанія! — злобно ухмыльнулся опальный Еедоска. — Проймешь ихъ, небось, увѣщаніями! Сокрушить бы челюсти отступникамъ! Ибо, ежели въ церкви ветхозавѣтной повелѣно убивать непокорныхъ, тѣмъ паче въ новой благодати — понеже тамъ образы, здѣсь же истина. Самимъ еретикамъ полезно умереть, и благодѣянье имъ есть, когда ихъ убиваютъ: чѣмъ болѣе живутъ, тѣмъ болѣе согрѣшаютъ, множайшія прелести изобрѣтаютъ, множайшихъ

развращаютъ. А руками убить грѣшника или молитвою — едино есть.

— Не подобаетъ сего, — возразилъ Теофанъ спокойно, не глядя на Ѳедоску. — Таковыми лютостями болѣе раздражается, нежели преклоняется сердце мучимыхъ. Обращать должно къ церкви святой не страхомъ и принужденіемъ, но прямой евангельской любви проповѣданіемъ.

— Истинно такъ, — согласился Петръ. — Совѣсти 'человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно оставляемъ каждому пещись о блаженствѣ души своей. По мнѣ, пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и если ужъ нельзя обратитъ ихъ разсудкомъ, то, конечно, не пособятъ ни мечъ, ни огонь. А за глупость мучениками быть — ни они той чести, ни государство пользы не будетъ имѣть.

— Потихоньку да полегоньку — глядишь, все и уладится, — подхватилъ Теофанъ. — Однакоже, — прибавилъ онъ вполголоса, наклонившись къ царю, — постановить бы двойной окладъ съ раскольщиковъ, дабы подъ тѣсноту штрафовъ удобнѣе къ церкви святой присоединить заблудшихъ. Также и при наказаніи оныхъ, буде возможно, явную вину сыскать, кромѣ раскола, — таковыхъ, бивъ кнутомъ и ноздри рвавъ, ссылатъ на галеры, по закону, а буде нѣтъ причины явной, поступать по указу словесному...

Петръ молча кивнулъ головой. Царь и архіерей понимали другъ друга.

Ѳедоска хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ, только ехидная усмѣшка скривила его маленькое личико — мордочку летучей мыши, и весь онъ съежился, пришипился, позеленѣлъ, точно ядомъ налился, отъ злости. Онъ понималъ, что значить «поступать по указу словесному». Питиримъ епископъ, посланный на Керженецъ для увѣщанія раскольниковъ, доносилъ недавно царю: «зѣло жестоко пытаны и рваны, даже внутренностямъ ихъ являтися». И царь въ указахъ своихъ запрещалъ возбранять о. Питириму «въ семь его равноапостольномъ подвигѣ». Любовь — на словахъ, а на дѣлѣ, какъ жаловались раскольники, «нѣ-

мые учителя въ застѣнкахъ у дыбъ стоятъ; вмѣсто Евангелія, кнутомъ просвѣщаютъ; вмѣсто Апостола, огнемъ учатъ». Это, впрочемъ, и была та «духовная политика — диссимуляція», которую проповѣдывалъ самъ Ѳедоска. Но Ѳеофанъ перехитрилъ его, и онъ чувствовалъ, что пѣсенка его спѣта.

— Да не диво то, — продолжалъ архіерей опять громко, во всеуслышанье, что мужики грубые, невѣжды крайніе, такъ заблуждая, бѣснуются. Воистину же диво есть, что и въ высокоомъ званіи шляхетскомъ, среди самихъ слугъ царскихъ, мудрецы обрѣтаются нѣкіе, смиренники мрачные, что злѣе раскольщиковъ. До того пришло, что уже самые бездѣльные въ дѣло, да дѣло мерзкое и дерзкое! Уже и дрожжи народа, души дешевыя, люди, ни къ чему иному, токмо къ пояденію чужихъ трудовъ рожденные — и тѣ на царя своего, и тѣ на Христа Господня! Да вамъ, когда хлѣбъ ядите, подобало бы удивляться и говорить: откуда намъ сіе? Возобновилась повѣсть о царѣ Давидѣ, на коего слѣпые и хромые бунтъ подняли. Монархъ нашъ благовѣрный, сколько Россію пользовавшій, коего промысломъ славу и безпечаліе всѣ получили, самъ имя хульное и житіе многобѣдное имѣеть. И когда трудами тяжкими самъ себѣ безвременную старость привлекаеть, когда за цѣлость отечества, вознерадѣвъ о здравіи своемъ, какъ бы скороходнымъ бѣгомъ, самъ спѣшитъ къ смерти, — тогда возмнилось нѣкіимъ — долго живетъ! О скорбь, о стыдъ Россіи! Остережемся, дабы не выросла въ мірѣ сія притча о насъ: достоинъ-де царь такого царства, да не стоить народъ такого царя.

Когда Ѳеофанъ умолкъ, заговорилъ Петръ:

— Богу извѣстны сердце и совѣсть моя, сколько блага желаю отечеству. Но враги демонскія пакости дѣютъ. Едва ли кто изъ государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я. Говорятъ чужестранцы, что я управляю рабами. Но англійская вольность здѣсь не у мѣста — что къ стѣнѣ горохъ. Надлежитъ знать народъ, какъ онымъ управлять. Трудень разборъ невинности моей тому, кто всего дѣла не знаетъ. Единъ Богъ зритъ правду. Онъ мой Судія...

Никто не слушалъ царя. Всѣ были пьяны.

Онъ умолкъ, не кончивъ, сдѣлалъ знакъ — и жрецы снова затянули пѣснь Бахусову; шуты загалдѣли; хоръ — весна — засвистѣлъ разными птичьими высвистами, отъ соловья до малиновки, такъ пронзительно, что стѣны отражали звукъ

Все было, какъ всегда. Такъ же опивались, обжигались до безчувствія. Почтенные сановники дрались, таскали другъ друга за волосы и потомъ, помирившись, сваливались вмѣстѣ подъ столъ. Князь Шаховской, кавалеръ потѣшнаго ордена Іуды, принималъ за деньги пощечины. Старому боярину, который отказался пить, вливали водку въ ротъ воронкою. Князя-папу рвало съ высоты престола на парики и кафтаны сидѣвшихъ внизу. Пьяная баба-шутиха, князь-игуменья Ржевская плясала, безстыдно задравши подоль, и пѣла хриплымъ голосомъ:

Шинь-пень, шиваргань!
Эхъ, разъ, по два-разъ,
Расподмахивать гораздъ!

Ей присвистывали, притопывали такъ, что пыль стояла столбомъ:

Ой, жги! Ой, жги!

Все было, какъ всегда. Но Петръ чувствовалъ скуку. Нарочно пилъ какъ можно больше самой крѣпкой англійской водки — *pepper and brandy*, чтобы поскорѣй опьянѣть, но хмель не бралъ его. Чѣмъ больше пилъ, тѣмъ становилось скучнѣе. Вставалъ, садился, опять вставалъ, бродилъ между тѣлами пьяныхъ, лежавшихъ на полу, какъ тѣла убитыхъ на полѣ сраженія, и не находилъ себѣ мѣста. Что-то подступало къ сердцу тошнотою смертною. Убѣжать бы или разогнать всю эту сволочь!

Когда же со смрадною мглою и тусклымъ свѣтомъ догорѣвшихъ свѣчей смѣшался холодный свѣтъ зимняго утра, — человѣческія лица сдѣлались еще страшнѣе, еще болѣе похожи на звѣриныя морды или чудовищные призраки.

Взоръ Петра остановился на лицѣ сына.

Царевичъ былъ пьянъ. Лицо мертвенно-блѣдно; длинныя жидкія пряди волосъ прилипли къ потному лбу; глаза осоловѣли; нижняя губа отвисла; пальцы, которыми держалъ онъ полную рюмку, стараясь не расплескать вина, тряслись, какъ у пропойцы.

— Винцо не пшеничка — прольешь, не подключаешь! — бормоталъ онъ, поднося рюмку ко рту.

Проглотилъ, поморщился, крякнулъ и, желая закусить моченымъ рыжикомъ, долго и тщетно тыкалъ вилкою въ скользкій грибъ — такъ и не поймалъ его, бросилъ, сунуль въ ротъ мякишъ чернаго хлѣба и началъ жевать медленно.

— Другъ ты мой сердешный, пьянъ я? Скажи мнѣ правду, пьянъ я? — приставалъ онъ къ сидѣвшему рядомъ Толстому.

— Пьянъ, пьянъ! — согласился Толстой.

— Ну вотъ, то-то и есть, — заплетающимся языкомъ продолжалъ царевичъ. — Мнѣ вѣдь что? Покуда чарки не выпилъ, такъ его хоть бы и вѣкъ не было. А какъ выпилъ одну, то и пропалъ. Сколько ни подноси, не откажусь. Хорошо еще, что я во хмелю-то угожъ...

Онъ захихикалъ пьянымъ смѣшкомъ и вдругъ посмотрѣлъ на отца.

— Батя, а батя! Что ты такой скучный? Поди-ка сюда, выпьемъ вмѣстѣ. Я тебѣ спою пѣсенку. Веселѣе будетъ, право!

Улыбнулся отцу, и въ этой улыбкѣ было прежнее, милое, дѣтское.

«Совсѣмъ дурачокъ, блаженненькій! Ну какъ такого казнить?» подумалъ Петръ, и вдругъ дикая, страшная, лютая жалость вгрызлась ему въ сердце, какъ звѣрь.

Онъ отвернулся и сдѣлалъ видъ, что слушаетъ Теофана, который говорилъ ему объ учрежденіи Св. Синода. Но ничего не слышалъ. Наконецъ подозвалъ денщика, велѣлъ подавать лошадей, чтобы тотчасъ ѣхать въ Петербургъ, и въ ожиданіи опять пошелъ бродить, скучный, трезвый между пьяными. Самъ того не замѣчая — словно какая-то сила влекла ихъ другъ къ другу, — подошелъ къ

царевичу, присѣлъ рядомъ за столъ и снова отвернулся отъ него, притворился, что занять бесѣдою съ княземъ Яковомъ Долгорукимъ.

— Батя, а батя! — тихонько дотронулся царевичъ до руки отца. — Да что ты какой скучный? Аль онъ тебя обижаютъ? Осинный коль ему въ горло — и дѣлу конецъ!..

— Кто онъ? — обернулся Петръ къ сыну.

— А я почему знаю, кто? — усмѣхнулся царевичъ такую странною усмѣшкою, что Петру стало жутко. — Знаю только, что вотъ теперь ты настоящій, а тотъ, чортъ его знаетъ кто, самозванецъ, что ли, звѣрь проклятый, оборотень?..

— Что ты? — посмотрѣлъ на него отецъ пристально. — Ты бы, Алексѣй, поменьше пиль...

— И пить—помрешь, и не пить—помрешь; ужъ лучше же умереть да пить! И тебѣ лучше: помру, казнить не надо!.. — захихикалъ онъ опять, совсѣмъ какъ дурачокъ, и вдругъ запѣлъ тихимъ-тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ, доносившимся какъ будто издали:

Пойду, млада, тишкомъ-лужкомъ,
Тишкомъ-лужкомъ, бережочкомъ.
Марву, млада, синь цвѣточекъ,
Синь цвѣточекъ василечекъ.
Совью, млада, я вѣночекъ,
Пойду, млада, я на рѣчку,
Брошу вѣночекъ вдоль по рѣчкѣ,
Задумаю про милаго...

— Снилось мнѣ, батя, намедни: сидитъ, будто бы, ночью въ полѣ на снѣгу Афрося, голая да страшная, точно мертвая, качаетъ, баюкаетъ ребеночка, тоже, будто бы, мертваго, и поетъ, словно плачетъ, эту самую пѣсенку:

Мой вѣночекъ тонетъ, тонетъ,
Мое сердце ноетъ-ноетъ.
Мой вѣночекъ потопаетъ,
Меня милый покидаетъ.

Петръ слушалъ — и жалость, дикая, страшная, лютая грызла ему сердце, какъ звѣрь.

А царевичъ пѣлъ и плакалъ. Потомъ склонилъ голову на столъ, опрокинувъ стаканъ съ виномъ — по скатерти разлилась красная, точно кровавая, лужа — подложилъ руку подъ голову, закрылъ глаза и заснулъ.

Петръ долго смотрѣлъ на это блѣдное, какъ будто мертвое, лицо рядомъ съ красною, словно кровавою, лужею.

Денщикъ подошелъ къ царю и доложилъ, что лошади поданы.

Петръ всталъ, послѣднй разъ взглянулъ на сына, наклонился къ нему и поцѣловалъ его въ лобъ.

Царевичъ, не открывая глазъ, улыбнулся отцу во снѣ такую нѣжною улыбкою, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда онъ бралъ его къ себѣ на руки соннаго.

Царь вышелъ изъ палаты, гдѣ продолжалась попойка, никѣмъ не замѣченный, сѣлъ въ кибитку и поѣхалъ въ Петербургъ.

ДЕВЯТАЯ КНИГА.

Красная смерть.

I.

Въ лѣсахъ ветлужскихъ былъ скитъ раскольничій Долгіе Мхи. Непроходимыя топи зашли всѣ дороги въ тотъ скитъ. Лѣтомъ едва пробирались въ него по узенькимъ кладкамъ сквозь такія чащи, что и днемъ въ нихъ было почти такъ же темно, какъ ночью; зимой — на лыжахъ.

Преданіе гласило, будто бы трое старцевъ изъ лѣсовъ олонецкихъ, съ озера Толвуя, по разореніи тамошнихъ скитовъ никоніанами, слѣдуя за чудотворной иконой Божьей Матери, шедшей по воздуху, пришли въ тѣ мѣста, поставили малую хижину тамъ, гдѣ икона опустилась на землю, и начали жить пустыннымъ житіемъ, пахать пашню копюрюгою и, сожигая лѣсъ по кряжамъ, сѣять подъ гарью. Братія сходилась къ нимъ. Старцы завѣщали ей, умирая, всѣ трое въ тотъ же день и въ тотъ же часъ: «живите тутъ, гдѣ мы благословили, дѣтушки; хотя и много ходите да ищите, такого мѣста не найдете — тутъ сорока-ворона кашу варила, и быть скиту большому».

Пророчество исполнилось: выросла въ дебряхъ лѣсныхъ обитель и расцвѣла, какъ лилія райская, подъ святымъ покровомъ Богородицы.

«Чудо великое! — говорилось въ скитскомъ житіи. — Свѣтлая Россія потемнѣла, а мрачная Ветлуга возсіяла, преподобными пустыня наполнилась — налетѣли, яко шестокрылые».

Здѣсь, послѣ долгихъ странствій по лѣсамъ керженскимъ и чернораменскимъ, поселился проповѣдникъ самоожженія, старецъ Корнилій, съ ученикомъ своимъ, бѣглымъ школяромъ, стрѣлецкимъ сыномъ, Тихономъ Запольскимъ.

Однажды, іюньскою ночью, вблизи Долгомшинской обители, на крутомъ обрывѣ надъ Ветлугою, пылалъ костеръ. Пламя освѣщало снизу вѣтви старой сосны съ прибитой къ стволу мѣднолитной поморской иконою. У огня сидѣли двое — молодая скитница Софья и послушникъ Тихонъ. Она ходила въ лѣсъ за пропавшею телкою. Онъ возвращался отъ схимника изъ дальней пустыни, куда носилъ отъ старца грамоту. Встрѣтились на перекресткѣ двухъ тропинокъ, ночью поздно, когда ворота обители были уже заперты, и рѣшили вмѣстѣ у огня дожидаться утра.

Софья, глядя на огонь, пѣла вполголоса:

Какъ возговорить Самъ Христось, Царь небесный:
Не сдавайтесь вы, Мои свѣты,
Тому Змію седмиглаву.
Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.
Пострадайте за Меня, Мои свѣты,
За Мою вѣру Христову.
Я за то вамъ, Мои свѣты,
Отворю райскія свѣтлицы
И введу васъ въ царство небесно,
И Самъ буду съ вами жить вѣковѣчно.

— Такъ-то, братецъ, — заключила дѣвушка, посмотрѣвъ на Тихона долгимъ взоромъ. — Кто сожжется, тотъ и спасется. Добро всѣмъ погорѣть за любовь Сына Божьяго!

Онъ молчалъ и, глядя на ночныхъ мотыльковъ, кружившихся надъ пламенемъ, падавшихъ въ него и сгоравшихъ, вспоминалъ слова старца Корнилія: «яко комары или мошки, чѣмъ больше ихъ давятъ, тѣмъ больше пищать и въ глаза лѣзутъ, такъ и русачки миленькіе рады мучиться — полками дерзаютъ въ огонь!»

— Что думаешь, братецъ? — опять заговорила дѣвушка. — Аль боишься печи той? Дерзай, плюнь на нее, небось! Въ огнѣ здѣсь мало потерпѣть — аки окомъ мигнуть — такъ душа изъ тѣла и выступить! До печи страхъ-отъ, а какъ въ нее вошелъ, то и забылъ все. Загорится, а ты и видишь Христа и ангельскіе лики съ Нимъ — вынимаютъ душу изъ тѣла, а Христось-надежда Самъ благословляетъ и силу ей даетъ божественную. И не тяжка тогда уже бываетъ, но яко восперенна, туда же летаетъ со ангелами, ровно птичка попархиваетъ — рада, изъ темницы той, изъ тѣла вылетѣла. Вотъ пѣла до того, плакала: изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему. Ну, а то выплакала. Темница та говоритъ въ печи, а душа, яко бисеръ и яко злато чисто, возносится къ Господу!..

Въ глазахъ ея была такая радость, какъ будто она уже видѣла то, о чемъ говорила.

— Тиша, Тишенька миленькій, аль тебѣ красной смерти не хочется? Аль боишься? — повторила вкрадчивымъ шопотомъ.

— Боюсь грѣха, Софьюшка! Есть ли воля Господня, чтобъ жечься? Божье ли то въ насъ, полно, не вражье ли?

— Гдѣ же дѣться? Нужда стала! — заломила она свои блѣдныя, худенькія, совсѣмъ еще дѣтскія руки.

— Не уйти, не укрыться отъ Змія ни въ горахъ, ни въ вертепахъ, ни въ пропастяхъ земныхъ. Отравилъ онъ своимъ богоборнымъ ядомъ и землю, и воду, и воздухъ. Все скверно, все проклято!

Ночь была тиха. Звѣзды невинны, какъ дѣтскія очи. Опрокинутый ущербный мѣсяцъ лежалъ на черныхъ верушкахъ еловаго лѣса. Внизу, въ болотномъ туманѣ, коростели скрипѣли усыпительно. Сосновый боръ дышалъ сухимъ тепломъ смолистой хвои. У самага костра лиловый колокольчикъ, освѣщенный краснымъ пламенемъ, склонялся на стеблѣ, какъ будто кивалъ своей нѣжной и сонной головою.

А мотыльки все летѣли, летѣли на огонь и падали, и сгорали.

Тихонъ смежилъ глаза, утомленные пламенемъ. Вспомнился ему лѣтній полдень, запахъ елей, въ которомъ свѣжесть яблокъ смѣшана съ ладаномъ, лѣсная прогалина, солнце, пчелы надъ кашкой, медуницей и розовой липкой дремой; среди поляны ветхій полусгнившій голубецъ-крестъ, должно-быть, надъ могилою святого отшельника. «Прекрасная мати пустыня!» повторялъ онъ свой любимый стихъ. Исполнилъ, наконецъ, Господь его желаніе давнее — привелъ въ «благоутишное пристанище». Онъ сталъ на колѣни, раздвинулъ высокія травы, припалъ къ землѣ и цѣловалъ, и плакалъ, и молился:

Чудная Царица Богородица,
Земля, земля, Мати сырая!

И, глядя на небо, твердилъ:

Съ небесъ сойдетъ Мати Всепѣтая,
Госпожа Владычица Богородица!

И земля, и небо были одно. Въ ликѣ небесномъ, подобномъ солнцу, Ликѣ Жены огнезрачной, огнекрылой, святой Софіи, Премудрости Божьей, онъ видѣлъ ликъ земной, который хотѣлъ и боялся узнать. Потомъ всталъ, пошелъ дальше въ лѣсъ. Куда и сколько времени шель—не помнитъ. Наконецъ увидѣлъ озеро, малое, круглое, какъ чаша, въ крутыхъ берегахъ, поросшихъ ельникомъ и отражавшихся въ водѣ, какъ въ зеркалѣ, сплошными зелеными стѣнами. Вода, густая какъ смола, зеленая какъ хвоя, была такъ тиха, что ея почти не видно было, и она казалась проваломъ въ подземное небо. На камнѣ у самой воды сидѣла скитница Софья. Онъ узналъ и не узналъ ея. Вѣнокъ изъ бѣлыхъ купавъ на распущенныхъ косахъ, черная скитская ряска приподнята, голыя бѣлыя ноги въ водѣ, глаза какъ у пьяной. И, покачиваясь мѣрно, глядя на подземное небо, пѣла она тихую пѣсенку, подобную тѣмъ, что пѣвали въ хороводахъ среди купальныхъ огней, въ Иванову ночь, на древнихъ игрищахъ:

Солнышко, солнышко красное!
Ой, дидъ Ладо, ой, дидъ Ладо!

Цвѣтики, цвѣтики, милые!

Ой, дидь Ладо, ой, дидь Ладо!
Земля, земля, Мати сырая!

И древнее, дикое было въ этой пѣснѣ, похожей на грустную жалобу иволги въ мертвомъ затишьѣ полдня передъ грозой. «Точно русалка!» подумалъ онъ, не смѣя шевельнуться, притаивъ дыханіе. Подъ ногой его хрустнулъ сучокъ. Дѣвушка обернулась, вскрикнула, спрыгнула съ камня и убѣжала въ лѣсъ. Только отъ вѣнка, упавшаго въ озеро, медленные круги расходились по водѣ. И жутко ему стало, какъ будто въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ онъ чудо лѣсное, наважденіе бѣсовское. И вспомнивъ ликъ земной въ Ликѣ Небесномъ, онъ узналъ сестру Софью — и кощунственной показалась молитва сырой землѣ матери.

Никогда ни съ кѣмъ не говорилъ онъ о томъ, что видѣлъ тамъ, на Кругломъ озерѣ, но часто думалъ объ этомъ и, сколько ни боролся съ искушеніемъ, не могъ побѣдить его. Порой, въ самыхъ чистыхъ молитвахъ, узнавалъ земной ликъ въ Ликѣ Небесномъ.

Софья, попрежнему глядя на пламя костра неотступно-жаднымъ взоромъ, пѣла стихъ о св. Кирикѣ, младенцѣ-мученикѣ, котораго невѣрный царь Максиміанъ бросилъ въ печь раскаленную:

Кирикъ-свѣтъ въ печи стоитъ,
Стихи поетъ херувимскіе.
Въ печи растетъ трава-мурава,
Цвѣтутъ цвѣточки лазоревы.
Во цвѣтахъ младенецъ играетъ,
На немъ риза солнцемъ сіяетъ.

Тихонъ тоже глядѣлъ на огонь, и ему казалось, что въ прозрачно-синемъ сердцѣ огня видитъ онъ райскіе цвѣты, о которыхъ говорилось въ пѣснѣ. Синева ихъ, подобная чистому небу, сулила блаженство нездѣшнее; но надо было пройти черезъ красное пламя — красную смерть, чтобы достигнуть этого неба.

Вдругъ Софья обернулась къ нему, положила руку на руку его, приблизила лицо къ лицу его, такъ что онъ по-

чувствовалъ ея дыханье, жаркое, страстное, какъ поцѣлуй, и зашептала вкрадчивымъ шопотомъ:

— Вмѣстѣ, вмѣстѣ сгоримъ, братецъ мой, свѣтикъ мой, родненькій! Одной страшно, сладко съ тобой! Вмѣстѣ пойдѣмъ ко Христу на вечерю брачную!..

И она повторяла, какъ безконечную ласку:

— Сгоримъ! Сгоримъ!..

Въ блѣдномъ лицѣ ея, въ черныхъ глазахъ, отражавшихъ блескъ пламени, опять промелькнуло то древнее, дикое, что и тамъ, на Кругломъ озерѣ—въ пѣснѣ купальныхъ огней.

— Сгоримъ, сгоримъ, Софьюшка! — прошепталъ онъ съ ужасомъ, который тянулъ его къ ней, какъ мотыльковъ тянетъ огонь.

Внизу на тропинкѣ, которая шла по обрыву, слышались шаги.

— Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, грѣшныхъ! — произнесъ чей-то голосъ.

— Аминь! — отвѣтили Тихонъ и Софья.

То были странники. Они заблудились въ лѣсу, едва не увязли въ болотѣ; наконецъ увидѣли пламя костра и кое-какъ выбрались.

Всѣ усѣлись крѣгомъ у огня.

— До скита, родимые, далече ли?

— Тутъ подъ горою сейчасъ, — молвилъ Тихонъ и, взглянувъ въ лицо говорившей, узналъ Виталію, ту самую, которая «птичье житіе имѣла», всюду «привитала», странствовала, и которую видѣлъ онъ два года назадъ на плотяхъ царевича Алексѣя въ Петербургѣ, на Невѣ, въ ночь праздника Венусъ. Она также узнала Тихона и обрадовалась. Съ нею была ея неразлучная спутница Киликея-кликуша, бѣглый рекрутъ Петька Жизла съ высохшею рукою, клейменой казеннымъ клеймомъ, печатью антихриста, и старый лодочникъ Иванушка-дурачокъ, который каждую ночь, встрѣчая Христа, пѣлъ пѣсню гробополагателей.

— Откуда, православные? — спросила Софья.

— Мы люди странные, — отвѣтила Виталія, — странствуемъ по міру, скитаемся, гонимы отъ вѣры еретической,

настоящаго града не имѣемъ, грядущаго взыскуемъ. А нынѣ съ Керженца идемъ. Тамъ гоненіе лютое. Питиримъ, волкъ хищный, церковный кровоядецъ, семьдесятъ семь скитовъ разорилъ и спасительное житіе въ киновіяхъ все испровергъ...

Начались рассказы о гоненіяхъ.

Однаго святого старца въ трехъ застѣнкахъ били, клещами ломали ребра, пупъ тянули; потомъ «въ зимнее время, въ жестокой морозъ, обнажили и студеную воду со льдомъ на голову лили, пока отъ бороды до земли соски не смерзли, аки поросшіе; наконецъ огнемъ сожгли, и такъ скончался».

Иныхъ томили въ хомутахъ желѣзныхъ: «хомуты тѣ стягиваютъ голову, руки и ноги въ одно мѣсто, отъ коего злѣйшаго мучительства кости хребта по суставамъ сокрушаютъ, и кровь изо рта, изъ ноздрей, изъ глазъ, изъ ушей брызжетъ».

Иныхъ насильно причащали, вкладывая въ ротъ кляпъ. Однаго отрока приволокли солдаты въ церковь, положили на лавку, попъ да діаконъ пришли съ чашею, а дьячки растянули его, раскрыли ротъ и насильно влили причащеніе. Онъ выплюнулъ. Тогда діаконъ ударилъ его кулакомъ по скуламъ такъ, что отскочила нижняя челюсть. Отъ этой раны страдалецъ умеръ.

Одна женщина, чтобы уйти отъ гонителей, пробила во льду прорубь и сначала семерыхъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ опустила подъ ледъ, а потомъ сама утопилась.

Нѣкій мужъ благочестивый перекрестилъ жену беременную съ тремя дѣтьми и въ ту же ночь сонныхъ зарѣзалъ. А поутру пришелъ въ приказъ и объявилъ: «Я мучитель былъ своимъ, а вы будете мнѣ; итакъ, они — отъ меня, а я отъ васъ пострадаю; и будемъ вкупѣ за старую вѣру въ царствѣ небесномъ мученики».

Многіе, убѣгая отъ антихриста, сами сжигаются.

— И добро дѣлаютъ. Блаженъ изволь сей о Господѣ! Понеже впадшимъ въ руки антихриста и Богъ не помогаетъ, нельзя стерпѣть мученія, никто не устаеваетъ. Лучше въ огонь здѣшній, нежели въ вѣчный! — заключила Виталія.

— Въ огонь да въ воду только и уходу! — подтвердила Софья.

Звѣзды меркли. По краю неба межъ тучъ тянулись блѣдныя полосы. Тусклою сталью въ туманѣ блестѣли извивы рѣки среди безконечныхъ лѣсовъ. Внизу, подъ обрывами, у самой Ветлуги, выступила изъ мрака обитель, огороженная островерхимъ тыномъ изъ бревенъ, похожая на древнее лѣсное городище. Съ рѣки — большія врата рубленныя, надъ ними — образъ Деисуса. Внутри ограды — «стая» бревенчатыхъ избъ на высокихъ подклѣтяхъ, съ крыльцами, сѣнями, переходами, тайниками, свѣтелками, лѣтниками, вышками, смотрильнями, съ узкими оконцами, наподобіе крѣпостныхъ бойницъ, съ крутыми тесовыми двускатными кровлями; кромѣ братскихъ келій — разныя хозяйственныя службы — кузня, швальня, кожевня, чеботная, больница, громотная, иконная, гостиная; часовня во имя Божьей Матери Толвуйской — тоже простой бревенчатый срубъ, но больше всѣхъ прочихъ, съ деревяннымъ крестомъ и тесовой чешуйчатой маковкой, рядомъ колокольня — звонница, — чернѣвшая на блѣдномъ небѣ.

Послышался тонкій, жалобно-пѣвучій звонъ: то ударили къ заутренѣ въ била — служившія колоколами, дубовыя доски, подвѣшенныя на веревкахъ изъ крученыхъ воловьихъ струнъ; ударяли въ нихъ большимъ гвоздемъ трое-теснымъ; по преданію, Ной такимъ благовѣстомъ созывалъ животныхъ въ ковчегъ. Въ чуткомъ безмолвіи лѣсовъ былъ сладостно грустенъ и нѣженъ этотъ деревянный звонъ.

Странники крестились, глядя на святую обитель — послѣднее убѣжище гонимыхъ.

— *Святися, святися, Новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія!* — запѣла Киликея съ умиленною радостью на прозрачно-блѣдномъ, точно восковомъ лицѣ.

— Всѣ скиты разорили, а этого не тронули! — замѣтила Виталія. — Покрываетъ, видно, Сама Царица Небесная домъ Свой покровомъ святымъ. Въ Откровеніи — де писано: дано Женѣ два крыла орлія, да парить въ пустыню...

— У царя рука долга, а сюда не хватить, — проговорилъ одинъ изъ странниковъ.

— Послѣдняя Русь здѣсь! — заключилъ другой.

Звонъ умолкъ, и всѣ притихли. То былъ часъ великаго безмолвія, когда, по преданію, воды покоятся, и ангелы служатъ, и серафимы ударяютъ крыльями въ священномъ ужасѣ передъ престоломъ Всевышняго

Иванушка-дурачокъ, сидя на корточкахъ, обнявъ колѣни руками, глядѣлъ недвижнымъ взоромъ на свѣтлѣющій востокъ и пѣлъ свою вѣчную пѣсенку:

Древянь гробъ сосновень

Ради меня строень.

Буду въ немъ лежати,

Трубна гласа ждати.

И опять, какъ тогда, на плотяхъ въ Петербургѣ, въ ночь праздника Венусъ — заговорили о послѣднихъ временахъ, объ антихристѣ.

— Скоро, скоро, при дверяхъ есть! — начала Виталія. — Нынѣ, еще кое-какъ перебиваемся; а тогда, при антихристѣ, и пошевелить губами нельзя будетъ, развѣ сердцемъ держаться Бога...

— Тошно! тошно! — стонала Киликея кликуша.

— Сказывалъ намедни Авилка, бѣглый казакъ съ Дону, — продолжала Виталія, — было-де ему въ степи видѣніе: подошли къ хагѣ три старца, всѣ трое образомъ равны, а говорятъ по-русски, только на греческую рѣчь походить. — Откуда, — говоритъ, — идете и куда? — Изъ Іерусалима, — говорятъ, — отъ Гроба Господня въ Санктъ-Питербурхъ смотрѣтъ антихриста. — А какой, говоритъ, тамъ антихристъ? — Котораго, говорятъ, называете царь Петръ Алексѣевичъ — тотъ и антихристъ. Онъ-де Царьградъ возьметъ и соберетъ жидовъ, и пойдетъ во Іерусалимъ, и тамъ станетъ царствовать. И жиды-де познаютъ, что онъ — антихристъ подлинный. И на немъ вѣкъ сей кончается...

Всѣ опять смолкли, какъ будто ждали чего-то. Вдругъ изъ лѣса, еще темнаго, раздался протяжный крикъ, похо-

жій на плачь ребенка — должно-быть, крикъ ночной птицы. Всѣ вздрогнули.

— Охъ, братики, братики! — залепеталъ Петька Жизла, заикаясь и всхлипывая. — Страшно... Называемъ его антихристомъ, а нѣтъ ли его здѣсь, въ лѣсу?.. Видите, какое смятеніе и между нами...

— Дураки вы, дураки, бараньи головы! — произнесъ вдругъ чей-то голосъ, похожій на сердитое, медвѣжье ворчанье.

Оглянулись и увидѣли странника, котораго не замѣчали раньше. За разговоромъ, должно-быть, вышелъ онъ прямо изъ лѣсу, сѣлъ поодаль, въ тѣни, и все время молчалъ. Это былъ высокій старикъ, сутулый, сгорбленный, обросшій волосами рыжими съ просѣдью. Лица почти не видно было въ утреннихъ сумеркахъ.

— Куда ему, царю Петру, въ антихристы, такому пьяницѣ, блудягѣ, бабоблудишкѣ! — продолжалъ старикъ. — Такъ, развѣ — шишь антихристовъ. Послѣдній-то чортъ не на тѣхъ саняхъ поѣдетъ, да будетъ у него догадокъ не съ Петрово, ни!..

— Авва отче, — взмолилась Виталія, вся трясясь отъ страха и любопытства, — научи ты насъ, глупыхъ, просвѣти свѣтомъ истины, повѣдай все по подробну: какъ быть имѣетъ пришествіе Сына Погибели?

Старикъ закричалъ, завозился и, наконецъ, съ трудомъ поднялся на ноги. Было что-то грузное, медвѣжье, косолапое во всемъ его огромномъ обликѣ. Мальчикъ подалъ ему руку и подвелъ къ огню. Подъ закорузлымъ овчиннымъ тулупомъ, видимо, никогда не снимавшимся, висѣли каменные вериги на желѣзныхъ цѣпяхъ: одна плита спереди, другая сзади; на головѣ — желѣзный колпакъ; на поясицѣ — желѣзный поясъ, въ родѣ обруча съ петлею. Тихонъ вспомнилъ про житіе древняго подвижника Муромскаго, Капитона Великаго, — петля была ему поясъ, а крюкъ — въ потолокъ, и то постеля: процѣпя крюкъ въ петлю, да такъ повиснувъ, спалъ.

Старикъ присѣлъ на корневище сосны и обернулъ лицо къ зарѣ. Она освѣтила его блѣднымъ свѣтомъ. вмѣсто глазъ, были черныя впадины—язвы съ кровавыми бѣльмами. Острей гвоздей, которыми подбитъ былъ желѣзный колпакъ спереди, впивались въ кости черепа, и оттого глаза вытекли, и онъ ослѣпъ. Все лицо страшное, а улыбка нѣжная, дѣтская.

Онъ заговорилъ такъ, какъ будто слѣпыми глазами видѣлъ то, о чемъ говорилъ.

— Охъ, батюшка, батюшки бѣдненькіе! Чего испугались? *Самого*-то нѣтъ еще, не видимъ и не слышимъ. Предтечи были многіе и нынѣ есть, и по сихъ еще будутъ. Путь ему гладокъ творять. А какъ выгладятъ да вычистятъ все, тутъ *самъ* онъ и явится. Отъ нечистой дѣвы родится, и войдетъ въ него сатана. И во всемъ уподобится льстець Сыну Божію: чистоту соблюдетъ; будетъ постень и кротокъ, и милостивъ; больныхъ исцѣлитъ, голодныхъ накормитъ, бездомныхъ пріютитъ и упокоитъ страждущихъ. И придутъ къ нему званые и незваные, и поставятъ царемъ надъ всѣми народами. И соберетъ онъ всю силу свою, отъ восхода солнца до запада; убѣлитъ море парусами, очернитъ поле щитами. И скажетъ: обойму вселенную горстью моею, яко гнѣздо, и яко оставленныя яйца, восхищу! И чудеса сотворитъ и великія знаменья: переставитъ горы, пойдетъ по водамъ стопами немокрыми, сведетъ огонь съ неба и бѣсовъ покажетъ, яко ангеловъ свѣта, и воинства безплотныхъ, имъ же нѣтъ числа; и съ трубами и гласами, и воплемъ крѣпкимъ, и неимовѣрными пѣснями, возблистаетъ, яко солнце, тьмы начальникъ, и на небо взлетитъ, и на землю сойдетъ, со славою многою. И сядетъ во храмѣ Бога Всевышняго и скажетъ: Богъ есмь азъ. И поклонятся ему всѣ, говоря: ты Богъ, и нѣтъ иного Бога, кромѣ тебя. И станетъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ. И тогда восплачется земля, и возрыдаетъ море; небо не дастъ росы своей, тучи — дождя; море исполнится смрада и гнуса; рѣки изсохнутъ, студенцы оскудѣютъ. Люди будутъ умирать отъ глада и жажды. И придутъ къ Сыну Погибели, и

Скажутъ: дай намъ ѣсть и пить. И посмѣется надъ ними и поругается. И познаютъ, яко Звѣрь ѣсть. И побѣгутъ отъ лица его, но нигдѣ не укроются. И тьма на нихъ будетъ — плачь на плачь, горе на горе. И будутъ видомъ человѣки, какъ мертвые, и лѣпоты увянутъ женскія, и у мужей не станетъ похоти. Повергнутъ злато и серебро на торжищахъ— и никто не подыметъ. И будутъ издыхать отъ скорби своей, и кусать языки свои, и хулить Бога Живаго. И тогда силы небесныя поколеблются, а явится знаменье Сына Человѣческаго на небѣ. Се грядеть. Ей, гряди, Господи! Аминь. Аминь. Аминь.

Онъ умолкъ и вперилъ слѣпые глаза на востокъ, какъ будто уже видѣлъ то, чего еще никто не видѣлъ, тамъ, на краю небесъ, въ громадахъ темныхъ тучъ, залитыхъ кровью и золотомъ. Огненные полосы ширились по небу, какъ огненные крылья серафимовъ, павшихъ ницъ, во славу грядущаго Господа. Надъ черною стѣною лѣса появился раскаленный уголь, ослѣпительный. Лучи его, дробясь объ острия верхушки черныхъ елей, заиграли многоцвѣтной радугой. И огонь костра померкъ въ огнѣ солнца. И земля, и небо, и воды, и листья, и птицы — вся тварь— и сердца человѣческія восклицали съ великою радостью: ей, гряди, Господи!

Тихонъ испытывалъ знакомый ему съ дѣтства ужасъ и радость конца.

Софья, крестясь на солнце, призывала крещеніе огненное, вѣчное солнце—красную смерть.

А Иванушка-дурачокъ, попрежнему сидя на корточкахъ, обнявъ колѣни руками, тихонько покачиваясь и глядя на востокъ — начало дня, пѣлъ вѣчному Западу — концу всѣхъ дней:

Гробы вы, гробы, колоды дубовыя,
Всѣмъ есте, гробы, домовища вѣчныя!
День къ вечеру приближается,
Солнце идетъ къ Западу,
Сѣкира лежитъ при корени,
Приходятъ времена послѣднія.

II.

Въ скиту былъ братскій сходъ, для совѣщанія о спорныхъ письмахъ Аввакумовыхъ.

Многострадальный протопопъ послалъ на Керженецъ другу своему, старцу Сергію, письма о Св. Троицѣ съ надписью: «прими, Сергій, вѣчное сіе евангеліе, не мною, но перстомъ Божиємъ писанное».

Въ письмахъ утверждалось: «Существо Св. Троицы сѣкомо на три равныхъ и раздѣльныхъ естества. Отецъ, Сынъ и Духъ Святой имѣютъ каждый особое сидѣніе на трехъ престолахъ, какъ три Царя Небесные. Христось сидитъ на четвертомъ престолѣ, особомъ, соцарствуя Св. Троицѣ. Сынъ Божій воплотился во утробу Дѣвы, кромѣ существа, только благодатью, а не Впостасью».

Діаконъ Ѳедоръ обличалъ Аввакума въ ереси. Старецъ Онуфрій, ученикъ Аввакума, обличалъ въ томъ же діакона Ѳедора. Послѣдователи Ѳедора, единосущники, обзывали онуфріянь трисущниками, а тѣ, въ свою очередь, поносили единосущниковъ кривотолками. И учинилось великое разсѣченіе, «и вмѣсто горящей прежней любви, вселилася въ братію ненависть и оболганіе, и всякая злоба».

Дабы утолить раздоръ церковный, собранъ былъ сходъ въ Долгіе Мхи и призванъ для отвѣта ученикъ старца Онуфрія, по кончинѣ его единый глава и учитель Онуфріева толка, о. Іероѡей.

Сошлись у матери Голендухи въ кельѣ, стоявшей на полянѣ среди лѣса, внѣ скитской ограды. Онуфріяне отказались вести споръ въ самомъ скиту, опасаясь обычной рукопашной схватки, которая могла для нихъ кончиться плохо, такъ какъ единосущниковъ было больше, чѣмъ трисущниковъ.

Тихонъ присутствовалъ на сходѣ. А старецъ Корнилій не пошелъ. «Чего болтать попусту, — говорилъ онъ, — горѣть надо; въ огнѣ и познаешь истину».

Келья, просторная изба, раздѣлялась на двѣ половины: малую боковушу — жилую свѣтлицу—и большую моленную. Кругомъ, вдоль бревенчатыхъ стѣнъ, стояли на полкахъ образа. Передъ ними теплились лампы и свѣчи. На подсвѣчникахъ висѣли тетеревиные хвосты для гашенія свѣчей. По стѣнамъ—лавки. На нихъ толстыя книги въ кожаныхъ и деревянныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками и рукописныя тетрадки; самыя древнія писанія великихъ пустынныхъ отцовъ—на берестѣ.

Было душно и темно, несмотря на полдень: ставни на окнахъ съ паусными окончинами изъ мутнаго рыбаго пузыря закрыты отъ солнца. Лишь кое-гдѣ изъ щелей протянулись иглы свѣта, отъ которыхъ огни лампадъ и свѣчей краснѣли тускло. Пахло воскомъ, кожей, потомъ и ладаномъ. Дверь на крыльцо была открыта, сквозь нее видна залитая солнцемъ поляна и темный лѣсъ.

Старцы въ черныхъ рясахъ и куколяхъ-кафтыряхъ тѣснились, окружая стоявшаго по срединѣ моленной передъ налоемъ, о. Героея. У него былъ видъ степенный, лицо бѣлое, какъ просвирка, сытое, глаза голубые, немного раскосые и съ разнымъ выраженіемъ: въ одномъ — христіанское смиреніе, въ другомъ — «философское киченіе». Голосъ имѣлъ онъ увѣтливый, «яко сладковѣщательная ластовица». Одѣтъ щеголемъ: ряса тонкаго сукна, кафтырь бархатный, наперсный крестъ съ лалами. Отъ золотистыхъ сѣдинъ его вѣяло благоуханіемъ розоваго масла. Среди убогихъ старцевъ, лѣсныхъ мужиковъ — настоящій бояринъ или архіерей никоніанскій.

О. Героей былъ мужъ ученый: «книжную мудрость и разумъ, яко губа воду, въ себя почерпалъ». Но враги утверждали, что мудрость его не отъ Бога; имѣлъ онъ, будто бы, два ученія: одно явное, православное — для всѣхъ; другое тайное, еретическое — для избранныхъ, большею частью знатныхъ и богатыхъ людей. Простыхъ же и бѣдныхъ прельщаль милостыней.

Съ ранняго утра до полудня прелися единосущники съ трисушниками, но ни къ чему не пришли. О. Героей все

увивалъ — «глаголалъ сѣмо и овамо». Какъ ни насѣдали на него старцы, не могли обличить

Наконецъ, въ жару спора, ученикъ о. Іероѳея, братъ Спиридонъ, востроглазый, черномазый, съ кудерками, похожими на пейсы жидовскіе, вдругъ выскочилъ впередъ и крикнулъ во весь голосъ:

— Троица рядкомъ сидитъ, Сынъ одесную, а Духъ ошуюю Отца. На разныхъ престолахъ, не спрятався, сидятъ три Царя Небесные, а Христось на четвертомъ престолѣ особномъ!

— Четверишь Троицу! — закричали отцы въ ужасѣ.

— А по вашему кучею надобно, едино Лицо? Врешь, не едино, а три, три, три! — махалъ о. Спиридонъ рукою, какъ будто рубилъ топоромъ. — Вѣруй въ Трисущную, Несѣкомую сѣки, небось едино не трое, а Естество Христа — четвертое!..

И онъ пустился толковать различіе существа отъ естества: Существо-де Сына внутрь, а Естество подлѣ ногъ Отца сидитъ.

— Не существомъ, а естествомъ единымъ Богъ во-человѣчился. Аще бы существомъ сошелъ на землю, всю бы вселенную попалило, и Пречистой Богоматери чрево не могло бы понести всего Божества, — такъ бы и сожгло ей чрево-то!

— О, заблудшій и страстный, вниде въ совѣсть свою, познай Господа, исторгни отъ себя корень ереси, престани, покайся, миленькій! — увѣщавали старцы. — Кто тебѣ сказалъ или когда видѣлъ: особно и не спрятався, сидятъ три Царя Небесные? Его же бо ангелы и архангелы не могутъ зрѣти, а ты сказалъ: не спрятався, сидятъ! И какъ не опалился языкъ сказавшаго такое?..

Но Спиридонъ продолжалъ вопить, надсѣдаясь:

— Три, три, три! Умру за три! У меня-де и огнемъ изъ души не выжжешь!..

Видя, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, приступили опять къ самому о. Іероѳею.

— Чего мотаться? Говори прямо: какъ вѣруешь, въ Единую аль Трисущую?..

О. Іероеей молчалъ и только брезгливо усмѣхался въ бороду. Видно было, что онъ презираетъ съ высоты своей учености всѣхъ этихъ простецовъ, какъ смердовъ.

Но отцы приставали къ нему все яростнѣе—«яко козлы, на него пыркали».

— Чего молчишь? Аль оглохъ? Затыкаешь уши свои, яко аспидъ глухій!

— Зашибся и вознесся, яко гордый Фараонъ!

— Не захотѣлъ со отцами въ совѣтъ быть, всѣхъ возгнушался, разсѣкъ любовь отеческую!

— Мятежникъ и смутитель христіанскій!

— Чего лѣзете? — не выдержавъ, наконецъ, огрызнулся о. Іероеей, отступая незамѣтно къ дверямъ боковуши. — Не находите! Не вамъ за меня отвѣчать. Спасусь ли, аль не спасусь, вамъ какое дѣло? Вы себѣ живите, а мы себѣ. Намъ съ вами не общно. Пожалуйте, не находите!

О. Провъ, сѣдой какъ лунь, но еще крѣпкій и кряжистый старикъ, махалъ передъ самымъ носомъ о. Іероеея вязовою дубиною:

— Еретичище безумный! Какъ такую дубиною судія градской да станеть ты по бокамъ похаживать, такъ ты скажешь едину у себя вѣру, трисущую, либо единую. А то стало тебѣ на волѣ, такъ и бредишь, что хошь...

— Миръ вамъ, братья о Христѣ! — раздался голосъ тихій, но такой непохожій на другіе голоса, что его слышали всѣ; то говорилъ схимникъ о. Мисаиль, пришедшій изъ дальней пустыни, великій подвижникъ — «лѣтами младъ, но умъ столѣтенъ». — Что се будетъ, родимые батюшки? Не діаволь ли воюетъ въ васъ и распаляетъ мятежомъ братоубійственнымъ? И никто не ищетъ воды живой, дабы пламень сатанинскій угасить, но всякъ ищетъ смолы, изгребія и тростія сухого на распаленіе горшее. Ей, отцы, не слышалъ я и въ никоніанахъ такого братоненавидѣнія! И ежели они про то увѣдають и начнутъ насъ паки мучить и уби-

вать, то уже неповинны будутъ предъ Богомъ, и намъ тѣ муки начало болѣзнямъ будутъ вѣчныхъ мукъ.

Всѣ замолчали, какъ будто вдругъ опомнились.

О. Мисаиль сталъ на колѣни и поклонился въ ноги сперва всему сходу, потомъ отдѣльно о. Героею.

— Простите, отцы! Прости, Героеюшка, братецъ миленькій! Велика премудрость твоя, огненный въ тебѣ умъ. Помилуй же насъ, убогихъ, отложи письма спорныя, сотвори любовь!

Онъ всталъ и хотѣлъ обнять Героею. Но тотъ не позволилъ, самъ опустился на колѣни и поклонился въ ноги о. Мисаилу.

— Прости, отче! Я — кто? Мертвый песъ. И какъ могу разумѣть выше собора вашего священнаго? Ты говоришь, огненный во мнѣ умъ. Ей, тщету наводишь душѣ моей! Я — человѣкъ, равный роду, живущему въ тинахъ кальныхъ, ихъ же лягушками зовутъ. Яко свинія отъ рожець, наполняю чрево свое. Аще бы не Господь помогаль мнѣ, вмалѣ не во адъ вселилась бы душа моя. Еле-еле отдыхаю отъ похотей, задавляющихъ мя. Охъ, мнѣ, грѣшнику! А тебя, Мисаилушка, спаси Богъ, на поученіи твоємъ...

О. Мисаиль съ кроткой улыбкой опять протянулъ было руки, чтобы обнять о. Героею. Но тотъ поднялся на ноги и оттолкнулъ его, съ лицомъ искаженнымъ такою гордыней и злобою, что всѣмъ стало жутко.

— Спаси Богъ на поученіи твоємъ, — продолжалъ онъ вдругъ измѣнившимся, дрожащимъ отъ ярости голосомъ, — что насъ, неразумныхъ, поучаешь и наказуешь! А хорошо бы, другъ, и мѣру свою знать! Высоко летаешь, да лишь бы съ высоты той не свалиться внизъ! Отъ кого ты учительской-отъ санъ воспріялъ, и кто тебя въ учителя поставилъ? Всѣ нынѣ учителя стали, а послушать некому! Горе намъ и времени сему, и живущимъ въ немъ! Дитя ты молоденькое, а дерзаешь высоко. Намъ, право, и слушать-то тебя не хочется. Учи себѣ, кто твоему разуму послѣдуетъ, а отъ насъ поотступи, пожалуй. Хороши учителя! Иной дубиной грозить, а иной любовью льстить. Да что въ любви той,

когда на разрушеніе истины любимся. И сатана любить вѣрныхъ своихъ. Мы же, яко сытости не имѣемъ любить Христа, такъ и враговъ Его ненавидѣть! Аще и умереть мнѣ Богъ изволить, не соединюсь съ отступниками! Чистъ есмь азъ и прахъ прилипшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному: лучше одинъ творящій волю Божию, нежели тьмы беззаконныхъ!

И среди всеобщаго смятенія, о. Іероѳеи, прикрываемый своими подручными, шмыгнулъ въ дверь боковуши.

О. Мисаиль отошелъ въ сторону и началъ тихонько молиться, повторяя все одно и то же:

— Бѣда идетъ, бѣда идетъ. Помилуй, Матерь Пречистая!

А старцы опять закричали, заспорили пуще прежняго.

— Спирка, а Спирка, поганецъ, слушай: Сынъ одесную Отца на престолѣ сидитъ. Да и ладно такъ, дитяtkо бѣшеное, не замай Его, не пихай поганымъ своимъ языкомъ съ престола того царскаго къ ногамъ Отца!..

— Проклятъ, проклятъ, проклятъ! Анаѳема! Аще бы и ангель возвѣстилъ что паче Писанія, анаѳема!

— Невѣжды вы! Не умѣете разсуждать Писанія. Что съ вами, деревенскими олухами, рѣчи терять!

— Затворилъ тя Богъ въ противленіе истинѣ! Погибай со своими, окаянный!

— Да не буде намъ съ вами общенія ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ!

Всѣ говорили вмѣстѣ, и никто никого не слушалъ.

Теперь уже не только единосущники трисущникамъ, но и братья братьямъ въ обоихъ толкахъ готовы были перервать горло изъ-за всякой малости: крестообразнаго или троекратаго кажденія, яденія чесноку въ день Благовѣщенья и Сорока мучениковъ, воздержанія поповъ отъ луку за день до литургіи, правила не сидѣть въ говѣннѣ, возложивши ногу на ногу, чтенія *вовѣки вѣкомъ*, или *вовѣки вѣкесъ* — изъ-за каждой буквы, запятой и точки въ старыхъ книгахъ.

— И малая-де опись содѣваетъ великую ересь!

— Умремъ за одинъ азы!

— Тверди, какъ въ старыхъ книгахъ писано, да молитву Исусову грызи — и все тутъ!

— Разумѣй, Оедька, врагъ Божій, собака, блядинъ сынъ, адовъ песъ — Христось и Петровъ крестъ: у Христова чебышокъ надъ колодкою, а у Петрова нѣтъ чебышка, — доказывалъ осипшимъ голосомъ братъ Уліанъ, долгомшинскій начетчикъ, всегда тихій и кроткій, а теперь точно изступленный, съ пѣною у рта, со вздувшимися на вискахъ жилами и налитыми кровью глазами.

— Чебышокъ, чебышокъ надъ колодкою! — надрывался Оедоска.

— Нѣтъ, чебышка! Нѣтъ, чебышка! — вопилъ Уліанъ.

А на поддачу ему о. Трифілій, другой начетчикъ, выскочилъ, рассказывали впослѣдствіи, «яко ершь изъ воды, выя коломъ, глава копыломъ, весь дрожа и трясыйся, отъ великой ревности; кости сжимахуся, члены щепетаху, брада убо плясаша, а зубы шелкаху, гласъ его бяша, яко верблюда въ мести, непростимъ, и неукротимъ, и ужасень отъ дикости».

Онъ уже ничего не доказывалъ, а только ругался по матерному. Ему отвѣчали тѣмъ же. Начали богословіемъ, кончили сквернословіемъ.

— Сатана за кожу тебѣ залѣзъ!..

— Чернечишка плуть, за скляницу вина душу продалъ!..

— О, дерзости, о, мерзости! Свинья сый, окаянный и земли недостойный, ниже свѣта сего зрѣти! Заблудящій скоть!..

— Обрѣтаются нѣкоторые гады, изъ чрева своего гадятъ, будто бы Св. Троица...

— Слушайте, слушайте о Троицѣ!..

— Есть чего слушать? Не мощно твоего плетенія расковыряти: яко лапотъ сковырялъ, да и концы потерялъ...

— Я небесныя тайны вѣщаю, мнѣ дано!

— Полно молоть! Заткни хайло онучей!

— Прокляты! Прокляты! Анаеема!

На мужичьемъ соборѣ въ ветлужскихъ лѣсахъ спорили почти такъ же, какъ четырнадцать вѣковъ назадъ, во времена Юліана Отступника, на церковныхъ соборахъ при дворѣ византійскихъ императоровъ.

Тихонъ глядѣлъ, слушалъ — и ему казалось, что не люди спорятъ о Богѣ, а звѣри грызутся, и что тишина его прекрасной матери-пустыни навѣки поругана этими кощунственными спорами.

Подъ окнами кельи слышались крики. Мать Голендуха, мать Меропія и мать Улѣя старая выглянули въ окна и увидѣли, что цѣлая толпа выходитъ на поляну изъ лѣсу, со стороны обители. Тогда вспомнили, какъ однажды, во время такого же братскаго схода на Керженцѣ въ Ларіоновомъ починкѣ, подкупленные бѣльцы, трудники и бортники пришли къ избѣ, гдѣ былъ сходъ, съ пищалями, рогатинами, дреколѣемъ и напали на старцевъ.

Опасаясь, какъ бы и теперь не случилось того же, матери бросились въ моленную и задвинули наружную дверь толстыми дубовыми засовами въ то самое мгновеніе, когда толпа уже ломилась и стучалась:

— Отворите! Отворите!

Кричали и еще что-то. Но мать Голендуха, которая всеѣмъ распоряжалась, тугая на ухо, не слышала. А прочія матери только безъ-толку метались и кудахтали, какъ перепуганныя курицы. Оглушали ихъ и крики внутри моленной, гдѣ отцы, не обращая ни на что вниманія, продолжали спорить.

О. Спиридонъ объявилъ, что «ухомъ-де Христось вниде въ Дѣву и неизреченно бокомъ изыде».

О. Трифілій плюнулъ ему въ лицо. О. Спиридонъ схватилъ о. Трифілія за бороду, сорвалъ съ него кафтырь и хотѣлъ ударить по плѣши мѣднымъ крестомъ. Но старецъ Провъ вязовою дубиною вышибъ у о. Спиридона крестъ изъ рукъ. Онуфріанскій начетчикъ, здоровенный дѣтина Архипка, ринулся на о. Прова и такъ хватилъ его кулакомъ по виску, что старикъ упалъ замертво. Началась драка. Точно бѣсы обуяли старцевъ. Въ душевой тѣмѣ, едва озаренной тусклымъ свѣтомъ лампадъ и тонкими иглами солн-

ца, мелькали страшныя лица, сжатые кулаки, ременные четки, которыми хлестали по глазамъ другъ друга, разорванныя книги, оловянные подсвѣчники, горящія свѣчи, которыми тоже дрались. Въ воздухѣ стояла матерная брань, стонъ, ревъ, вой, визгъ.

Снаружи продолжали стучать и кричать:

— Отворите! Отворите!

Вся изба тряслась отъ ударовъ: то рубили топоромъ ставень.

Мать Улѣя, рыхлая блѣдная, какъ мучная опара, опустилась на полъ и закликала такимъ пронзительнымъ икающимъ кликомъ, что всѣ ужаснулись.

Ставень затрещалъ, рухнулъ, и въ лопнувшей рыбій пузырь просунулась голова скитскаго шорника, о. Мины, съ вытаращенными глазами и разинутымъ кричащимъ ртомъ:

— Команда, команда идетъ! Чего, дураки, заперлись? Выходи скорѣе!

Всѣ онѣмѣли. Кто какъ стоялъ съ поднятыми кулаками или пальцами, вцѣпившимися въ волосы противника, такъ и замеръ на мѣстѣ, окаменѣвъ, подобно изваянію.

Наступила тишина мертвая. Только о. Мисаиль плакалъ и молился:

— Бѣда пришла, бѣда пришла. Помилуй, Матерь Пречистая!

Очнувшись, бросились къ дверямъ, отперли ихъ и выбѣжали вонъ.

На полянѣ отъ собравшейся толпы узнали страшную вѣсть: воинская команда, съ попами, понятыми и подьячими, пробирается по лѣсу, уже разорила сосѣдній Морошкинъ скитъ на рѣкѣ Унжѣ и не сегодня—завтра будетъ въ Долгихъ Мхахъ.

III.

Тихонъ увидѣлъ старца Корнилія, окруженнаго толпою скитниковъ, мужиковъ, бабъ и ребятъ изъ окрестныхъ селеній.

— Всякъ вѣрный не развѣшивай ушей и не задумывайся, — проповѣдывалъ старецъ, — гряди въ огонь со дерзновениемъ, Господа ради, постражди! Такъ размахавъ, да и въ пламя! На вось, діаволь, еже мое тѣло; до души моей дѣла тебѣ нѣтъ! Нынѣ намъ отъ мучителей — огонь и дрова, земля и топоръ, ножъ и висѣлица; тамо же—ангельскія пѣсни и славословіе, и хвала, и радование. Когда оживотворятся мертвыя тѣла наши Духомъ Святымъ — что ребенокъ изъ брюха, вылѣземъ паки изъ земли-матери. Пророки и праотцы не уйдутъ отъ искуса, всѣхъ святыхъ лики пройдутъ рѣку огненную — только мы свободны: то-де намъ искусь, что нынѣ сгорѣли; то намъ рѣка огненная, что сами — въ огонь. Загоримся, яко свѣчи, въ жертву Господу! Испечемся, яко хлѣбъ сладокъ, Св. Троицѣ! Умремъ за любовь Сына Божьяго! Краше солнца красная смерть!

— Сгоримъ! Сгоримъ! Не дадимся антихристу! — заревѣла толпа неистовымъ ревомъ.

Бабы и дѣти громче мужиковъ кричали:

— Бѣги, бѣги въ полымя! Зажигайся! Уходи отъ мучителей!

— Нынѣ скиты горять, — продолжалъ старецъ, — а потомъ и деревни, и села, и города зажгутся! Самъ взялъ бы я огонь и запалилъ бы Нижній, возвеселился бы, дабы изъ конца въ конецъ сгорѣлъ! Ревнуня же намъ, Россія и вся погорить!..

Глаза его пылали страшнымъ огнемъ; казалось, что это огонь того послѣдняго пожара, которымъ истребится міръ.

Когда онъ кончилъ, толпа разбрелась по полянѣ и по опушкѣ лѣса.

Тихонъ долго ходилъ по рядамъ, прислушиваясь къ тому, что говорили въ отдѣльныхъ кучкахъ. Ему казалось, что всѣ сходятъ съ ума.

Мужикъ говорилъ мужику:

— Само царство небесное въ ротъ валится, а ты откладываешь: ребятки-де малые, жена молода, разориться не хочется. А ты, душа, много ли имѣешь при нихъ? Развѣ мѣшокъ да горшокъ, а третье — лапти на ногахъ. Баба,

и та въ огонь просится. А ты — мужикъ, да глупѣе бабы. Ну, дѣтей переженишь и жену утѣшишь. А потомъ что? Не гробъ ли? Горѣть, не горѣть—все одно умереть!

Инокъ убѣждалъ инока:

— Какое-де покаянье — десять лѣтъ эпитимья! Гдѣ-то поститься, да молиться? А то, какъ въ огонь, такъ и покаяніе все — ни трудись, ни постись, да часомъ въ рай вселись: всѣ-то грѣхи очистить огонь. Какъ ужъ сгорѣлъ, ото всего ушелъ!

Дѣдъ звалъ дѣда:

— Полно уже, голубокъ, жить. Рѣпа-де брюхо проѣла. Пора на тотъ свѣтъ, хоть бы въ малые мученики!

Парнишки играли съ дѣвчонками:

— Пойдемъ въ огонь! На томъ свѣтѣ рубахи будутъ золотыя, сапоги красныя, орѣховъ и меду, и яблокъ довольно.

— Добро и младенцы сгорятъ,—благословляли старцы,— да не согрѣшатъ, выросши, да не брачатся и не родятся, но лучше чистота да не растлится!

Разсказывали о прежнихъ великихъ горяхъ.

Въ скиту Палеостровскомъ, гдѣ со старцемъ Игнатіемъ сожглось 2700 человекъ, было видѣніе: когда загорѣлась церковь — послѣ большого дыму, изъ самой главы церковной, изшелъ о. Игнатій со крестомъ, а за нимъ прочіе старцы и народа множество, всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ, въ великой славѣ и свѣтлости, рядами шли на небо и, прошедши небесныя двери, сокрылись.

А на Пудожскомъ погостѣ, гдѣ сгорѣло душъ 1920, ночью караульные солдаты видѣли спустившійся съ неба столбъ свѣтлый, цвѣтами разными цвѣтущій, подобно радугѣ; и съ высоты столпа сошли три мужа въ ризахъ сіявшихъ какъ солнце и ходили около огнища по-солонь; одинъ благословлялъ крестомъ, другой кропилъ водой, третій кадиль еиміамомъ, и всѣ трое пѣли тихимъ гласомъ; и, такъ обойдя трикраты, опять вошли въ столпъ и поднялись на небо. Послѣ того многіе видѣли въ кануны Вселенскихъ субботъ въ ночи на томъ же мѣстѣ горящія свѣчи и слышали пѣніе неизреченное.

А мужику въ Поморьѣ было иное видѣніе. Огневицей лежалъ онъ безъ памяти и увидѣлъ колесо вертящееся, огненное, и въ томъ колесѣ челоуѣковъ мучимыхъ и вопіющихъ: се мѣсто не хотѣвшихъ самосгорѣть, но во слабѣ живущихъ и антихристу работающихъ; иди и проповѣждь во всю землю, да всѣ погорятъ! — Уканула же ему капля на губу отъ колеса. Мужикъ проснулся, а губа сгнила. И проповѣдалъ людямъ: добро-де горѣть, а се-де мнѣ знаменье на губѣ покойники сдѣлали, кои не хотѣли горѣть.

Киликея кликуша, сидя на травѣ, пѣла стихъ о женѣ Аллилуевой.

Когда жидаы, посланные Иродомъ, искали убить Младенца Христа, жена Аллилуева укрыла Его, а свое собственное дитя бросила въ печь.

Какъ возговорить ей Христось Царь Небесный:
Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда,
Ты скажи Мою волю всѣмъ Моимъ людямъ,
Всѣмъ православнымъ христіанамъ,
Чтобы ради Меня они въ огонь кидались
И кидали бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ.

Но кое-гдѣ уже слышались голоса противъ самосожженія:

— Батюшки миленькіе, — умолялъ о. Мисаиль, — добро ревновать по Богѣ, да знать мѣру! Самовольно-мучениство не угодно Богу. Единъ путь Христовъ: не взятымъ утекать, взятымъ же терпѣть, а самимъ не наскакивать. Отдохните отъ ужаса, бѣдные!

И неистовый о. Трифилій соглашался съ кроткимъ о. Мисаиломъ.

— Не полѣно есть, чтобъ ни за что горѣть! Ужли же, собравшись, яко свиньи въ хлѣвъ, запалитесь?

— Безсловесіе глубокое! — брезгливо пожималъ плечами о. Героей.

Мать Голендуха, которая уже горѣла разъ, да не сгорѣла — вытащили и водой отлили, — устрашала всѣхъ разсказами о томъ, какъ тѣла въ огнѣ пржатся и корчатся, голова съ ногами аки вервью скручиваются, а кровь ки-

пить и пѣнится, точно въ горшкѣ варево. Какъ, послѣ гари, тѣла лежатъ, въ толстоту велику раздувшись и огнемъ упекшись, мясомъ жаренымъ пахнутъ; иныя же цѣлы, а за что ни потянешь, то и оторвется. Псы ходятъ, рыла зачернивши, печеныхъ тѣхъ мясъ жрутъ, окаянные. На пожарищѣ смрадъ тяжкій исходитъ долгое время, такъ что невозможно никому пройти, не заткнувши носа. А во время самой гари, вверху пламени, видѣли однажды двухъ бѣсовъ черныхъ, наподобье эѳіоповъ, съ нетопырьими крыльями, ликующихъ и плещущихъ руками, и вопіющихъ: наши, наши есте! И многіе годы на мѣстѣ томъ каждую ночь слышались гласы плачевные: охъ, погибли! охъ, погибли!

Наконецъ противники самосожженія приступили къ старцу Корнилію:

— Почто самъ не сгорѣлъ? Когда то добро, вамъ бы, учителямъ, напередъ! А то послушниковъ бѣдныхъ въ огонь пихаете, животишекъ ради отморныхъ себѣ на разживу. Всѣ-то вы таковы, саможженія учителя; хорошо, хорошо, да инымъ, а не вамъ. Бога побойтесь, довольно прижгли, хоть останки помилуйте!

Тогда, по знаку старца, выступилъ парень Кирюха, лютый зажигатель. Помахивая топоромъ, крикнулъ онъ зычнымъ голосомъ:

— Кто горѣть не хочетъ добромъ, выходи съ топоромъ — будемъ биться. Кто кого зарубить, тотъ и правъ будетъ. Меня убьетъ — неугодно-де Богу сожженіе, а я убью — зажигайся!

Никто не принялъ вызова, и за Кирюхой осталась побѣда. Старецъ Корнилій вышелъ впередъ и сказалъ:

— Хотящіе горѣть—стань одесную, не хотящіе—ошую!

Толпа раздѣлилась. Одна половина окружила старца, другая отошла въ сторону. Самосожженцевъ оказалось душъ восемьдесятъ, не желавшихъ горѣть — около ста.

Старецъ осѣнилъ насмертниковъ крестнымъ знаменіемъ и, поднявъ глаза къ небу, произнесъ торжественно:

— Тебя ради, Господи, и за вѣру Твою, и за любовь Сына Божія Единороднаго умираемъ. Не щадимъ себя сами,

души за Тя полагаемъ, да не нарушимъ своего крещенія, принимаемъ второе крещеніе огненное, сожигаемся, антихриста ненавижда. Умираемъ за любовь Твою пречистую!

— Гори, гори! Зажигайся! — опять заревѣла толпа неистовымъ ревомъ.

Тихону казалось, что если онъ останется дольше въ этой безумной толпѣ, то самъ сойдетъ съ ума.

Онъ убѣжалъ въ лѣсъ. Бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока не смолкли крики. Узкая тропинка привела его къ знакомой лужайкѣ, поросшей высокими травами и окруженной дремучими елями, гдѣ нѣкогда молился онъ сырой землѣ-матери. На темныхъ верхушкахъ гасло вечернее солнце. По небу плыли золотыя тучки. Чаща дышала смолистою свѣжестью. Тишина была безконечная.

Онъ легъ ничкомъ на землю, зарылся въ траву и опять, какъ тогда, у Круглаго озера, цѣловалъ землю, молился землѣ, какъ будто зналъ, что только земля можетъ спасти его отъ огненнаго бреда красной смерти:

Чудная Царица Богородица,
Земля, земля, Мати сырая!

Вдругъ почувствовалъ, что кто-то положилъ ему руку на плечо — обернулся и увидѣлъ Софью.

Она склонилась надъ нимъ и смотрѣла въ лицо его молча, пристально.

Онъ тоже молчалъ, глядя на нее снизу, такъ что лицо дѣвушки, подъ чернымъ скитскимъ платкомъ въ роспускъ, выдѣлялось четко на золотистой лазури неба, какъ ликъ святой на золотѣ иконы. Блѣдною ровною матовой блѣдностью, съ губами алыми и свѣжими, какъ полураскрытый цвѣтокъ, съ глазами дѣтскими и темными, какъ омутъ — лицо это было такъ прекрасно, что духъ у него захватило, точно отъ внезапнаго испуга.

— Вотъ ты гдѣ, братецъ! — проговорила, наконецъ, Софья. — А старецъ-то ищетъ вездѣ, ума не приложить, куда пропалъ. Ну, вставай же, пойдёмъ, пойдёмъ скорѣе!

Она была вся торопливая и радостная, словно праздничная.

— Нѣтъ, Софья, — произнесъ онъ спокойно и твердо. — Не пойду я больше туда. Полно, будетъ съ меня. Насмотрѣлся, наслушался. Уйду, совсѣмъ уйду изъ обители...

— И горѣть не будешь?

— Не буду.

— Безъ меня уйдешь?

Онъ взглянулъ на нее съ мольбою.

— Софьюшка, голубушка! Не слушай безумныхъ. Не надо горѣть, — нѣтъ на то воли Господней! Грѣхъ великій, искушеніе бѣсовское! Уйдемъ вмѣстѣ, родная!...

Она склонилась къ нему еще ниже, съ лукавой и нѣжной улыбкою, приблизила къ его лицу свое, уста къ устамъ, такъ что онъ почувствовалъ ея горячее дыханье.

— Не уйдешь никуда! — прошептала страстнымъ шопотомъ. — Не пущу тебя, миленькій!..

И вдругъ охватила голову его обѣими руками, и губы ихъ слились.

— Что ты, что ты, сестрица? Развѣ можно? Увидятъ...

— Пусть видятъ! Все можно, все очиститъ огонь. Только скажи, что хочешь горѣть... Хочешь? — спросила она чуть слышнымъ вздохомъ, прижимаясь къ нему все крѣпче и крѣпче.

Безъ мысли, безъ силы, безъ воли, отвѣтилъ онъ такимъ же вздохомъ:

— Хочу!

На темныхъ еляхъ послѣдній лучъ солнца погасъ, и золотыя тучки посѣрѣли, какъ пепель. Воздухъ дохнулъ благовонною влажностью. Лѣсъ пріосѣнилъ ихъ дремучею тѣнью. Земля укрыла высокими травами.

А ему казалось, что лѣсъ и трава, и земля, и воздухъ, и небо — все горитъ огнемъ послѣдняго пожара, которымъ долженъ истребиться міръ — огнемъ красной смерти. Но онъ уже не боялся и вѣрилъ, что краше солнца Красная Смерть.

IV.

Скитъ опустѣлъ. Иноки разбѣжались изъ него, какъ муравьи изъ разореннаго муравейника.

Самосожженцы собрались въ часовню, стоявшую въ сторонѣ отъ скита, на высококомъ холмѣ, такъ что приближеніе команды не могли не замѣтить издали.

Это былъ срубъ изъ очень ветхаго сухого лѣса, построенный такъ, чтобъ изъ него нельзя было во время гари «выкинуться». Окна — какъ щели. Двери — такія узкія, что едва могъ войти въ нихъ одинъ человѣкъ. Крыльцо и лѣстницу сломали. Къ дверямъ прикрѣпили щиты для запора. На окна опустили слезы и запуски — все изъ толстыхъ бревенъ. Потомъ стали поджогу прилаживать: набросали кудель, солому, пеньку, смолье, бересту; стѣны обмазали дегтемъ; въ особыхъ деревянныхъ желобахъ, обнимавшихъ строеніе, насыпали пороху, а нѣсколько фунтовъ оставили про запасъ, чтобы въ послѣднюю минуту разсыпать по полу дорожками. На крышу поставили двухъ караульныхъ, которые должны были, смѣняясь, днемъ и ночью сторожить, не идутъ ли гонители.

Работали радостно, словно готовились къ празднику. Дѣти помогали взрослымъ. Взрослые становились какъ дѣти. И всѣ были веселы, точно пьяны. Веселѣе всѣхъ Петька Жизла. Онъ работалъ за пятерыхъ. Высохшая рука его, съ казеннымъ клеймомъ, печатью Звѣря, исцѣлялась, начинала двигаться.

Старецъ Корнилій бѣгалъ, сновалъ, какъ паукъ въ паутинѣ. Въ глазахъ его, такихъ свѣтлыхъ, что, казалось, они должны въ темнотѣ свѣтиться, какъ зрачки у кошки — съ тяжелымъ и ласковымъ взглядомъ, были странныя чары: на кого эти глаза смотрѣли, тотъ становился безъ воли и творилъ волю старца во всемъ.

— Ну-ка, дружище, ребяташки! — шутилъ онъ съ насмертниками. — Я старикъ-кряжикъ, а вы дѣтки-подгнѣдки:

взъѣдемъ прямо на небо, что Илья пророкъ на колесницѣ огненной!

Когда все было готово, стали запираяться. Окна, кромѣ одного, самага узкаго, и входныя двери забили наглухо. Всѣ слушали въ молчаніи удары молотка: казалось, что надъ ними, живыми, заколачиваютъ крышу гроба.

Только Иванушка-дурачокъ пѣлъ свою вѣчную пѣсенку:

Древянъ гробъ сосновень
Ради меня строень.
Буду въ немъ лежати,
Трубна гласа ждати.

Желавшимъ исповѣдаться старецъ говорилъ:

— Полно-ка, дѣтушки! Чего-де вамъ каяться? Вы теперь, какъ ангелы Божьи, и паче ангеловъ — по слову Давидову — *азъ рече: вы бози есте*. Побѣдили всю силу вражью. Нѣтъ надъ вами власти грѣха. Уже согрѣшить не можете. И еще бы кто изъ васъ отца родного убилъ, да соблудилъ съ матерью — святъ есть и праведень. Все очиститъ огонь!

Старецъ приказалъ Тихону читать Откровеніе Іоанново, которое никогда ни на какихъ церковныхъ службахъ не читается.

— *И видѣхъ небо ново и землю нову: первое бо небо и земля первая придоша. И рече Сѣдяй на престолѣ: се нова вся творю. И глагола ми: напиши, яко сіи слова истинна и вѣрна суть. И рече ми: совершишася.*

Тихонъ, читая, испытывалъ знакомое чувство конца, съ такою силою, какъ еще ни разу въ жизни. Ему казалось, что стѣны сруба отдѣляютъ ихъ отъ міра, отъ жизни, отъ времени, какъ стѣны корабля отъ воды: тамъ, извнѣ, еще продолжается время, а здѣсь оно уже остановилось, и наступилъ конецъ—совершилось.

— Вижу... вижу... вижу... охъ, батюшки миленькіе!— прерывая чтеніе, закричала Киликея кликуша, вся блѣдная, съ искаженнымъ лицомъ и неподвижнымъ взоромъ широко открытыхъ глазъ.

— Что видишь, мать? — спросилъ старецъ.

— Вижу градъ великій, святой Іерусалимъ, нисходящъ съ небеси отъ Бога, подобенъ камени драгому, яко камени яспису кристалловидну и смарагду, и сапфиру, и топазію. И двѣнадцать вратъ — двѣнадцать бисеровъ. И стогны града — злато чисто, яко стекло пресвѣтло. А солнца нѣтъ, но слава Божья просвѣщаетъ все. Охъ, страшно, страшно, батюшки!.. Вижу лицо Его свѣтлѣе свѣта солнечнаго... Вотъ Онъ, вотъ Онъ!.. Къ намъ идетъ!..

И слушавшимъ ее казалось, что они видятъ все, о чемъ она говоритъ.

Когда наступила ночь, зажгли свѣчи и, стоя на колѣняхъ, запѣли тропарь:

— *Се Женихъ грядетъ во полунощи, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща. Блюди убо, душе моя, да не сномъ отяготися, да не смерти предана будеши и Царствія внѣ затворишися; но воспрями, зовущи: святъ, святъ, святъ, Боже, Богородицею помилуй насъ. День онъ страшный помышляюще, душе моя, побди, всигающе свѣцу твою, елеемъ просвѣщающи; не вѣси бо, когда приидетъ къ тебѣ гласъ глаголящій: се, Женихъ!*

Софья, стоя рядомъ съ Тихономъ, держала его за руку. Онъ чувствовалъ пожатіе трепетной руки ея, видѣлъ на лицѣ ея улыбку застѣнчивой радости: такъ улыбается невеста жениху подъ брачнымъ вѣнцомъ. И отвѣтная радость наполнила душу его. Ему казалось теперь, что прежній страхъ его — искушеніе бѣсовское, а воля Господня — красная смерть: *ибо, кто хочетъ душу свою спасти, погубитъ ее, а кто погубитъ душу свою, Меня ради и Евангелія, тотъ спасетъ ее.*

Ждали въ ту же ночь прихода команды. Но она не пришла. Настало утро и, вмѣстѣ съ нимъ — усталость, подобная тяжелому похмелью.

Старецъ зорко слѣдилъ за всѣми. Кто унывалъ и робѣлъ, тѣмъ давалъ катыши, въ родѣ ягодъ, изъ пахучаго темнаго тѣста, должно-быть, съ одуряющимъ зельемъ. Съѣвшій

такую ягду приходиль въ изступленіе, переставаль бояться огня и бредиль имъ, какъ райскимъ блаженствомъ.

Чтобъ ободрить себя, рассказывали о несравненно, будто бы, болѣе страшной, чѣмъ самосожженіе, голодной смерти въ морильняхъ.

Запощеванцевъ, посхимивъ, сажали въ пустую избу, безъ дверей, безъ оконъ, только съ полатями. Чтобъ не умертвили себя, снимали съ нихъ всю одежду, поясъ и крестъ. Спускали въ избу потолкомъ, и потолокъ закрѣпляли, чтобъ кто не «выдрался». Ставили караульныхъ съ дубинами. Насмертники мучились по три, по четыре, по шести дней. Плакали, молили: «дайте намъ ѣсть!» Собственное тѣло грызли и проклинали Бога.

Однажды двадцать человѣкъ, посаженныхъ въ ригу, что стояла въ лѣсу для молотбы хлѣба,—какъ стало имъ тошно, взявши камень, выбили доску и поползли вонъ; а сторожа дубинами по головѣ ихъ били и двоихъ убили, и загородивши дверь, донесли о томъ старцу: что съ ними дѣлать велить? И велѣлъ соломой ригу окласть и сжечь.

— Куда-де легче красная смерть: сгоришь—не почувствуешь!—заключали рассказчики.

Семилѣтняя дѣвочка Акулька, все время сидѣвшая смирно на лавкѣ и слушавшая внимательно, вдругъ вся затряслась, вскочила, бросилась къ матери, ухватила ее за подоль и заплакала, закричала пронзительно:

— Мамка, а мамка! Пойдемъ, пойдемъ вонъ! Не хочу горѣть!..

Мать унимала ее, но она кричала все громче, все неистовѣе:

— Не хочу горѣть! Не хочу горѣть!

И такой животный страхъ былъ въ этомъ крикѣ, что всѣ содрогнулись, какъ будто вдругъ поняли ужасъ того, что совершилось.

Дѣвочку ласкали, грозили, били, но она продолжала кричать и, наконецъ, вся посинѣвшая, задохшаяся отъ крика, упала на полъ и забилась въ судорогахъ.

Старець Корнилій, склонившись надъ ней, крестиль ея, ударяль четками и читаль молитвы на изгнаніе бѣса.

— Изъиде, изъиде, душе окаянный!

Ничто не помогало. Тогда онъ взяль ея на руки, открыль ей ротъ насильно и заставиль проглотить ягоду изъ темнаго тѣста. Потомъ началъ тихонько гладить ей волосы и что-то шептать на ухо. Дѣвочка мало-по-малу затихла, какъ будто заснула, но глаза были открыты, зрачки расширены, и взоръ неподвиженъ, какъ въ бреду. Тихонъ прислушался къ шопоту старца. Онъ рассказываль ей о царствіи небесномъ, о райскихъ садахъ.

— А малина, дяденька, будетъ? — спросила Акулька.

— Будетъ, родимая, будетъ, во какая, большущая — каждая ягодка съ яблоко — и душистая да сладкая, пресладкая.

Дѣвочка улыбалась. Видно было, что у нея слюнки текутъ отъ предвкушенія райской малины. А старецъ продолжалъ ея ласкать и баюкать съ материнскою нѣжностью. Но Тихону чудилось въ свѣтлыхъ глазахъ его что-то безумное, жалкое и страшное, паучье. «Словно къ мухѣ паукъ присосался!» подумаль онъ.

Наступила вторая ночь, а команда все еще не приходила.

Ночью одна старица выкинулась. Когда всѣ заснули, даже сторожа, она взлѣзла къ нимъ на вышку, хотѣла спуститься на связанныхъ платкахъ, но оборвалась, упала, расшиблась и долго стонала, охала подъ окнами. Наконецъ замолкла, должно-быть, отползла или прохожіе подобрали и унесли.

Въ часовнѣ было тѣсно. Спали на полу вповалку, братья на правой, сестры на лѣвой сторонѣ. Но греза ли сонная, или наважденіе бѣсовское — только въ серединѣ ночи стали шнырять въ темнотѣ осторожныя тѣни, справа налѣво и слѣва направо.

Тихонъ проснулся и прислушался. За окномъ пѣль соловей, и въ этой пѣснѣ слышалась лунная ночь, свѣжесть росистаго луга, запахъ еловаго лѣса, и воля, и нѣга, и

счастье земли. И точно въ отвѣтъ соловью, слышались въ часовнѣ странные шопоты, шелесты, шорохи, звуки, подобные вздохамъ и поцѣлуямъ любви. Силенъ, видно, врагъ человѣческій: не угашалъ и страхъ смерти, а распалялъ уголь грѣшной плоти.

Старецъ не спалъ. Онъ молился и ничего не видѣлъ, не слышалъ, а если и видѣлъ, то, вѣрно, прощалъ своихъ «бѣдненькихъ дѣтушекъ».

«Единъ Богъ безъ грѣха, а человѣкъ немощенъ — падаетъ, яко глина и возстаетъ, яко ангель. Не то блудъ, еже съ дѣвицею или вдовицею, но то блудъ, еже въ вѣрѣ блудить; не мы блудимъ, егда тѣломъ дерзаемъ, но церковь, когда ересь держить».

Тихону вспомнился рассказъ о томъ, какъ два старца увели одну дѣвушку въ лѣсъ, версть за двадцать, и среди лѣса начали нудить: «Сотвори съ нами, сестра, Христову любовь». — «Какую, говорить, любовь Христову имѣю съ вами творить?» — «Буди, говорятъ, съ нами совокупленіемъ плотскимъ — то есть любовь Христова». Плачетъ дѣвица: «Бога побойтесь!» А старцы утѣшаютъ: «Огонь-де насъ очиститъ». Еще бѣдная упрямится, а они запрещаютъ: «Аще не послушаешь, вѣнца не получишь!»

Вдругъ Тихонъ почувствовалъ, что кто-то обнимаетъ его и прижимается къ нему. Это была Софья. Ему стало страшно. Но онъ подумалъ: все очиститъ огонь. И ощущая сквозь черную скитскую рясу теплоту и свѣжесть невиннаго тѣла, припалъ къ ея устамъ устами съ жадностью.

И ласки этихъ двухъ дѣтей въ темномъ срубѣ, въ общемъ гробу, были такъ же безгрѣшны, какъ нѣкогда ласки пастушка Дафниса и пастушки Хлои на солнечномъ Лесбосѣ.

А Иванушка-дурачокъ, сидя въ углу на корточкахъ со свѣчею въ рукахъ и мѣрно покачиваясь, ожидая «пѣтелева глашенія», пѣлъ свою вѣчную пѣсенку:

Гробы вы, гробы, колоды дубовыя,
Всѣмъ есте, гробы, домовища вѣчныя!

И соловей тоже пѣлъ, заливался о волю, о нѣгѣ, о счастье земли. И въ этомъ соловьиномъ рокотѣ слышался какъ будто нѣжный и лукавый смѣхъ надъ гробовою пѣснью дурачка Иванушки.

И вспоминалась Тихону бѣлая ночь, кучка людей на плоту надъ гладью Невы, между двумя небесами — двумя безднами — и тихая, томная музыка, которая доносилась по водѣ изъ Лѣтняго сада, какъ поцѣлуи и вздохи любви изъ царства Венусь:

Покинь, Купидо, стрѣлы;
Уже мы всѣ не цѣлы,
Но сладко уязвлѣнны
Любовною стрѣлою
Твоею золотою,
Любви всѣ покорѣнны.

Передъ разсвѣтомъ восьмидесятилѣтній старикъ Миней хотѣлъ тоже выкинуться. Его поймалъ Кирюха. Они подрались, и Миней едва не зарубилъ Кирюху топоромъ. Старика связали, заперли въ чуланъ. Онъ кричалъ оттуда и бранилъ старца Корнилія непристойною бранью.

Когда на зарѣ Тихонъ выглянулъ въ окошко, чтобы узнать, не пришла ли команда, то увидѣлъ лишь пустынную, залитую солнцемъ поляну, ласково-хмурья, сонныя ели и лучезарную радугу въ капляхъ росы. На него пахнуло такой благовонною свѣжестью хвои, такимъ нѣжнымъ тепломъ восходящаго солнца, такимъ кроткимъ затишьемъ голубого неба, что опять показалось ему все, что дѣлалось въ срубѣ, сумасшедшимъ бредомъ или злодѣйствомъ.

Опять потянулся долгій лѣтній день, и напала на всѣхъ тоска ожиданія.

Грозилъ голодъ. Воды и хлѣба было мало—только куль ржаныхъ сухарей, да корзины двѣ просфоръ. Зато вина много, церковнаго краснаго. Его пили съ жадностью. Кто-то, напившись, затынулъ вдругъ веселую кабацкую пѣсню. Она была ужаснѣе самаго дикаго вопля.

Начинался ропотъ. Сходились по угламъ, перешептывались и смотрѣли на старца недобрыми глазами. А что,

если команда не придет? Умирать, что ли, съ голоду? Одни требовали, чтобы выломали дверь и послали за хлѣбомъ; но въ глазахъ у нихъ видна была тайная мысль: убѣжать. Другіе хотѣли зажечься тотчасъ, не дожидаясь гонителей. Иные молились, но съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, точно богохульствовали. Иные, наѣвшись ягодъ съ дурманомъ, которыя старецъ раздавалъ все чаще, бредили—то смѣялись, то плакали. Одинъ парень, придя въ изступленіе, бросился, схватилъ свѣчу, горѣвшую передъ образомъ, и началъ зажигать поджогу. Едва потушили. Иные цѣлыми часами сидѣли въ молчаньи, въ оцѣпенѣньи, не смѣя смотреть другъ другу въ глаза.

Софья, сидя рядомъ съ Тихономъ, который лежалъ на полу, ослабѣвъ отъ бессонныхъ ночей и отъ голода, напѣвала унылую пѣсенку, которую пѣли хлысты на радѣніяхъ— о великомъ сиротствѣ души человѣческой, покинутой въ жизни, какъ въ темномъ лѣсу, Господомъ Батюшкой и Богородицей Матушкой:

Тошнымъ было мнѣ, тошнехонько,
Грустнымъ было мнѣ, грустнехонько.
Мое сердце растоскуется,
Мнѣ къ Батюшкѣ въ гости хочется.
Я пойду, млада, ко Батюшкѣ,
Что текутъ ли рѣки быстрыя,
Какъ мосты всѣ размостилися,
Перевозчики отлучилися.
Мнѣ пришло, молодой, хоть въ бродъ брести.
Какъ въ бродъ брести, обмочитися,
У Батюшки обсушитися.
Мое сердце растоскуется,
Сердечный ключъ подымается;
Мнѣ къ Матушкѣ въ гости хочется,
Со любезною повидѣться,
Со любезною побесѣдовать.

И пѣсня кончалась рыданіемъ:

Пресвятая Богородица,
Упроси, мой Свѣтъ, объ насъ!
Безъ Тебя, мой Свѣтъ, много грѣшныхъ на землѣ,
На сырой землѣ, на матушкѣ,
На сударынѣ кормилицѣ!

Никто ихъ не видѣлъ. Софья склонила голову на плечо Тихона, прислонилась щекой къ щекѣ его, и онъ почувствовалъ, что она плачетъ.

— Охъ, жаль мнѣ тебя, жаль, Тишенька родненькій!— шептала ему на ухо. — Загубила я твою душеньку, окаянная!... Хочешь бѣжать? Веревку достану. Аль старцу скажу: подземный ходъ есть въ лѣсъ—онъ тебя выведетъ...

Тихонъ молчалъ въ безконечной усталости и только улыбался ей сонною дѣтской улыбкою.

Въ умѣ его проносились далекія воспоминанія, подобныя бреду: самые отвлеченные математическіе выводы; почему-то теперь онъ особенно чувствовалъ ихъ стройное и строгое изящество, ихъ ледяную прозрачность и правильность, за которую, бывало, старый Глюкъ сравнивалъ математику съ музыкой—съ хрустальною музыкой сферъ. Припомнился также споръ Глюка съ Яковомъ Брюсомъ о «Комментаріяхъ Ньютона къ Апокалипсису» и сухой, рѣзкій, точно деревянный, смѣхъ Брюса, и слова его, которыя отозвались тогда въ душѣ Тихона такимъ предчувственнымъ ужасомъ: «Въ то самое время, когда Ньютонъ сочинялъ свои Комментаріи, — на другомъ концѣ міра, именно здѣсь, у насъ въ Московіи, дикіе изувѣры, которыхъ называютъ раскольниками, сочиняли тоже свои комментаріи къ Апокалипсису и пришли почти къ такимъ же выводамъ, какъ Ньютонъ. Ожидая со дня на день кончины міра и второго пришествія, одни изъ нихъ ложатся въ гробы и сами себя отпѣваютъ, другіе сжигаются. Такъ вотъ что, говорю я, всего любопытнѣе: въ этихъ апокалипсическихъ бредняхъ крайній Западъ сходится съ крайнимъ Востокомъ и величайшее просвѣщеніе—съ величайшимъ невѣжествомъ, что, дѣйствительно, могло бы, пожалуй, внушить мысль, что конецъ міра приближается, и что всѣ мы скоро отправимся къ чорту!» И новый, грозный смыслъ приобрѣтало пророчество Ньютона: «Hypotheses non fingo!—Я не сочиняю гипотезъ! Какъ мотылекъ, летящій на огонь, комета упадетъ на солнце — и отъ этого паденія солнечный жаръ возрастетъ до того, что все на землѣ истребитъ огнемъ. Въ Писаніи

сказано: небеса съ шумомъ прейдуть, стихи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ. Тогда исполнятся оба пророчества — того, кто вѣрилъ, и того, кто зналъ». Припомнилось ветхое, изъѣденное мышами октаво изъ библіотеки Брюса, подъ номеромъ 461, съ безграмотной русскою надписью: «Леонардо Давинчи трактатъ о живописномъ письмѣ на нѣмецкомъ языкѣ», и вложенный въ книгу портретъ Леонардо — лицо Прометея, или Симона Мага. И вмѣстѣ съ этимъ лицомъ — другое, такое же страшное—лицо исполина въ кожаной курткѣ голландскаго шкипера, котораго однажды встрѣтилъ онъ въ Петербургѣ на Троицкой площади у кофейнаго дома Четырехъ Фрегатовъ — лицо Петра, нѣкогда столь ненавистное, а теперь вдругъ желанное. Въ обоихъ лицахъ было что-то общее, какъ бы противоположно-подобное: въ одномъ—великое созерцаніе, въ другомъ—великое дѣйствіе разума. И отъ обоихъ лицъ вѣяло на Тихона такимъ же благодатнымъ холодомъ, какъ отъ горныхъ снѣговъ на путника, изможденнаго зноемъ долинь. «О, физика, спаси меня отъ метафизики!» вспомнилось ему слово Ньютона, которое твердилъ, бывало, пьяный Глюкъ. Въ обоихъ лицахъ было единое спасеніе отъ огненнаго неба Красной Смерти—«земля, земля, Мати сырая».

Потомъ все смѣшалось, и онъ заснулъ. Ему приснилось, будто бы онъ летитъ надъ какимъ-то сказочнымъ городомъ, не то надъ Китежемъ-градомъ, или Новымъ Іерусалимомъ, не то Стекольнымъ, подобнымъ «стклу чисту и камени іаспису кристалловидну»; и математика — музыка была въ этомъ сіяющемъ Градѣ.

Вдругъ проснулся. Всѣ суетились, бѣгали и кричали съ радостными лицами.

— Команда, команда пришла!

Тихонъ выглянулъ въ окно и увидалъ вдали, на опушкѣ лѣса, въ вечернемъ сумракѣ, вокругъ пылавшаго костра, людей въ трехуголкахъ, въ зеленыхъ кафтанахъ съ красными отворотами и мѣдными пуговицами: это были солдаты.

— Команда, команда пришла! Зажигайся, ребята! Съ нами Богъ!

V.

Капитанъ Пырскій имѣлъ предписаніе нижегородской архіерейской канцеляріи:

«До раскольничьяго жительства дойти секретно, такъ чтобы не зажглись. А буде въ скиту своемъ или часовнѣ запрутся, то командѣ стоять около того ихъ пристанища денно и ночью, со всякимъ остерегательствомъ, неоплошно ратнымъ строемъ, и смотрѣть, и беречь ихъ на-крѣпко, и жечься имъ отнюдь не давать, и уговаривать, чтобъ сдались и принесли вину свою, весьма обнадеживая, что будутъ прощены безъ всякаго озлобленія. И буде сдадутся, то всѣхъ переписать и положить имъ на ноги колодки, или что можетъ заблагопріобрѣтено быть, чтобъ въ дорогѣ утечки не учинили, и со всѣми ихъ пожитками, при конвоѣ, отправить въ Нижній. А буде, по многому увѣщанію, повиновенія не принесутъ и учнутъ сидѣть въ запорѣ упорно, то потѣснить ихъ и добывать, какъ возможно, чтобъ, конечно, тѣхъ воровъ переимать, а распространенію воровства ихъ не допустить и взять бы ихъ взятъемъ, или голодомъ выморить безъ кровопролитія. А буде они свои воровскія пристанища или часовню зажгутъ, то вамъ бы тѣ пристанища заливать водою и, вырубя или выломавъ двери и окна, вывлачивать ихъ живыми».

Капитанъ Пырскій, храбрый старый солдатъ, раненый при Полтавѣ, считалъ разореніе скитовъ «кляузной выдумкой долгогривой поповской команды» и лучше пошелъ бы въ самый жестокой огонь подъ шведа и турку, чѣмъ возиться съ раскольниками. Они сжигались, а онъ былъ въ отвѣтѣ и получалъ выговоры: «Оному капитану и прочимъ свѣтскимъ командирамъ такіе непорядочные поступки воспретить, ибо по всему видно, что предали себя сожженію, видя отъ него, капитана, страхъ». Онъ объяснилъ, что «раскольники не отъ страха, а отъ замерзѣлости своей умираютъ, понеже надуты страшною злобою и весьма насъ имѣютъ

отпадшихъ отъ благочестія, и объявляютъ, что стоятъ даже до смерти и перемѣнять себя къ нынѣшнему обыкновенію не будутъ — столь надуты и утверждены въ такой бездѣлицѣ».

Но объясненій этихъ не слушали, и архіерейская канцелярія требовала:

«Понеже раскольники чинятъ самосожженія притворныя, чтобъ не платить двойного оклада, на самомъ же дѣлѣ въ глухихъ мѣстахъ поселяются и, скрывшись тамъ, свободно передаются своему мерзкому злочестію, то свѣтскимъ командирамъ надлежитъ по требухамъ сгорѣвшихъ сосчитывать и, сосчитавъ, въ реестръ записывать, того для, что требуха въ пожарѣ, хотя бы въ какомъ великомъ строеніи, въ пепель сгорѣть не можетъ».

Но капитанъ, полагая это для военнаго званія своего унизительнымъ, требуху считать не ѣздилъ и получилъ за то новый выговоръ.

Въ Долгихъ Мхахъ рѣшилъ онъ быть осторожнѣе и сдѣлать все, что возможно, чтобъ не давать раскольникамъ жечься.

Передъ наступленіемъ ночи, приказавъ командѣ отойти подальше отъ сруба и не трогаться съ мѣста, подошелъ къ часовнѣ, одинъ, безъ оружія, оглядѣлъ ее тщательно и постучался подъ окномъ, творя молитву по раскольничьи:

— Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Никто не отвѣтилъ. Въ срубѣ было тихо и темно, какъ въ гробу. Кругомъ пустыня. Верхушки деревьевъ глухо шумѣли. Подымался ночной свѣжій вѣтеръ. «Если зажгутся—бѣда!» подумалъ капитанъ, постучалъ и повторилъ:

— Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Опять молчаніе: только коростели на болотѣ скрипѣли, да гдѣ-то далеко завывала собака. Падучая звѣзда сверкнула огненной дугою по темному небу и разсыпалась искрами. Ему стало вдругъ жутко, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, стучался онъ въ гробъ къ мертвецамъ.

— Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!—произнесъ онъ въ третій разъ.

Ставень на окнѣ зашевелился. Сквозь узкую щель блеснул огонекъ. Наконецъ окно открылось медленно, и голова старца Корнилія высунулась.

— Чего надобно? Что вы за люди и зачѣмъ пришли?

— По указу его величества, государя Петра Алексѣевича, пришли мы васъ увѣщавать: объявили бы вы о себѣ, какого вы званія, чину и роду, давно ли сюда въ лѣсъ пришли и съ какими отпусками изъ домовъ своихъ вышли, и по какимъ указамъ и позволеніямъ жительствоете? И ежели на святую восточную церковь и тайны ея какое сумнительство имѣете, о томъ показали бы письменно и наставниковъ своихъ выдали бы для разглагольствія съ духовнымъ начальствомъ безъ всякаго страха и озлобленія...

— Мы, крестьяне и разночинцы, собрались здѣсь всѣ во имя Іисуса Христосика, и женъ, и дѣтей своихъ уберемъ и упокоимъ, — отвѣтилъ старецъ тихо и торжественно.— Хотимъ умереть огнесожженіемъ за старую вѣру, а вамъ, гонителямъ, въ руки не дадимся, понеже-де у васъ вѣра новая. А ежели кто хочетъ спастись, тотъ бы съ нами шелъ сюда горѣть: мы нынѣ къ Самому Христу отходимъ.

— Полно, братецъ! — возразилъ капитанъ ласково.— Господь съ вами, бросьте вы свое мерзкое намѣреніе сжигаться, разойдитесь - ка по домамъ, никто на васъ не подыметъ руки своей. Заживете по-старому въ деревняхъ своихъ припѣваючи. Будете лишь дань платить, двойной окладъ...

— Ну, капитанъ, ты сказывай это малымъ зубочнымъ ребятамъ, а мы таковыя обманы уже давно знаемъ: по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

— Честью клянусь, всѣхъ отпущу, пальцемъ не трону!— воскликнулъ Пырскій.

Онъ говорилъ искренно: онъ, въ самомъ дѣлѣ, рѣшилъ отпустить ихъ, вопреки указу, на свой собственный страхъ, ежели они сдадутся.

— Да чего намъ съ тобою глотку-то драть, охрипнемъ, — прибавилъ съ доброй улыбкой. — Вишь, высоко до окна, не слышно. А ты вотъ что, старикъ: велика вы-

кинуть ремень, я подвяжусь, а вы меня къ себѣ подымайте въ окошко, только не въ это, въ другое, пошире, а то не пролѣзу. Я одинъ, а васъ много, чего вамъ бояться? Потолкуемъ—дасть Богъ, и поладимъ...

— Что съ вами говорить! Куда же намъ, нищимъ и убогимъ, съ такими тягаться? — усмѣхнулся старецъ, наслаждаясь, видимо, своей властью и силой. — Пропастъ великая между нами и вами утвердилась,—заклучилъ онъ опять торжественно, — яко да хотящіе притти отсюда къ вамъ не возмогутъ, ниже оттуда къ намъ приходятъ... А ты ступай-ка прочь, капитанъ, а то, смотри, сейчасъ загоримся!

Окошко захлопнулось. Опять наступило молчаніе. Только вѣтеръ шумѣлъ въ верхушкахъ деревьевъ, да коростели на болотѣ скрипѣли.

Пырскій вернулся къ солдатамъ, велѣлъ имъ дать по чаркѣ вина и сказалъ:

— Дратся мы съ ними не станемъ. Мало-де, слышь, у нихъ мужиковъ, а все бабы да дѣти. Выломаемъ двери и безъ оружія голыми руками всѣхъ переловимъ.

Солдаты приготовили веревки, топоры, лѣстницы, ведра, бочки съ водою, чтобы заливать пожаръ, и особые длинные шесты съ желѣзными крючьями — кокоты, чтобъ выволачивать горящихъ изъ пламени. Наконецъ, когда совсѣмъ стемнѣло, двинулись къ часовнѣ, сперва обходомъ, по опушкѣ лѣса, потомъ по полянкѣ, крадучись ползкомъ въ высокихъ травахъ и кустахъ, словно охотники на облаву звѣря.

Подойдя вплотную къ срубѣ, начали приставлять лѣстницы. Въ срубѣ все было темно и тихо, какъ въ гробу.

Вдругъ окошко открылось и старецъ крикнулъ:

— Отойдите! Какъ начнетъ селитра и порохъ рвать, тогда и васъ побьетъ бревнами!

— Сдавайтесь! — кричалъ капитанъ. — Все равно съ бою возьмемъ! Видите, у насъ мушкеты да пистолы...

— У кого пистолы, а у насъ дубинки Христовы! — отвѣтилъ чей-то голосъ изъ часовни.

Въ заднихъ рядахъ команды появился попъ съ крестомъ и сталъ читать увѣщаніе пастырское отъ архіерея:

— «Аще кто беззаконно постраждетъ, окаяннѣйшій есть всѣхъ человѣкъ: и временное свое житіе мученіемъ погубитъ, и муки вѣчной не избѣгнетъ»...

Изъ окошка высунулось дуло ветхой дѣдовской пищали, и грянулъ выстрѣлъ холостымъ зарядомъ: стрѣляли не для убійства, а только для устрашенія гонителей.

Попъ спрятался за солдатскія спины. А вдогонку ему старецъ, грозя кулакомъ, закричалъ съ неистовой яростью:

— Адскія преисподнія головы! Содомскаго пламени останки! Разореннаго вавилонскаго столпотворенія сѣмя! Дайте только срокъ, собаки, не уйдете отъ меня — я вамъ, и лучшимъ, наступлю на горло о Христѣ Ісусѣ, Господѣ нашемъ! Се, придетъ скоро и брань сотворитъ съ вами мечемъ устъ Своихъ, и двигнетъ престолы, и кости ваши предастъ псамъ на съяденіе, якожъ Іезавелины! Мы горимъ здѣшнимъ огнемъ, вы же огнемъ вѣчнымъ и нынѣ горите и тамъ горѣть будете! Куйте же мечи множайшіе, уготовляйте муки лютѣйшія, изобрѣтайте смерти страшнѣйшія, да и радость наша будетъ сладчайшая!..Зажигайся, ребята! Съ нами Богъ!

Въ окно полетѣли порты, сарафаны, тулупы, рубахи и чуйки:

— Берите ихъ себѣ, гонители! Метайте жеребій! Намъ ничего не нужно. Нагими родились и предстанемъ нагими предъ Господомъ!...

— Да пощадите же хоть дѣтей своихъ, окаянные! — воскликнулъ капитанъ съ отчаяніемъ.

Изъ часовни слышалось тихое, какъ бы надгробное, пѣніе.

— Взлѣзай, руби, ребята! — скомандовалъ Пырскій.

Внутри сруба все было готово. Поджога прилажена. Кудель, пенька, смолье, солома и береста навалены грудами. Восковыя свѣчи передъ образами прикрѣплены къ паникадиламъ такъ слабо, что отъ малѣйшаго сотрясенія должны были попадать въ желоба съ порохомъ: это всегда дѣлали нарочно для того, чтобы самосожженіе походило

какъ можно меньше на самоубійство. Ребятъ-подростковъ усадили на лавки; одежду ихъ прибили гвоздями такъ, чтобы они не могли оторваться; скрутили имъ руки и ноги веревками, чтобы не метались; рты завязали платками, чтобы не кричали. На полу въ череповой посудѣ зажгли ладанъ фунта съ три, чтобы дѣти задохлись раньше взрослыхъ и не видѣли самаго ужаса гари.

Одна беременная баба только что родила дѣвочку. Ее положили тутъ же на лавкѣ, чтобы крестить крещеніемъ огненнымъ.

Потомъ, раздѣвшись донага, надѣли новыя бѣлыя рубахи-саваны, а на головы — бумажные вѣнцы съ писаными краснымъ черниломъ осьмиконечными крестами и стали на колѣни рядами, держа въ рукахъ свѣчи, дабы встрѣтить Жениха съ горящими свѣтильниками.

Старець, воздѣвъ руки, молился громкимъ голосомъ: — Господи Боже, призи на насъ, недостойныхъ рабовъ Твоихъ! Мы слабы и немощны, того ради не смѣемъ въ руки гонителямъ вдатися. Призи на сіе собранное стадо, Тебѣ, Доброму Пастырю послѣдующее, волка же лютаго, антихриста убѣгающее. Спаси и помилуй, ими же вѣси судьбами Своими, укрѣпи и утверди на страданіе огненное. Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ! Всякаго бо отвѣта недоумѣвающе, сію Ти молитву, яко Владыцѣ, грѣшныя приносимъ: помилуй насъ! Умираемъ за любовь Твою пречистую!

Всѣ повторили за нимъ въ одинъ голосъ — и жалокъ, и страшень былъ этотъ вопль человѣческой къ Богу:

— Умираемъ за любовь Твою пречистую!

Въ то же время, по командѣ Пырсакаго, солдаты, окруживъ со всѣхъ сторонъ часовню и взлѣзая на лѣстницы, рубили толстыя бревенчатыя стѣны сруба, запуски и слуги на окнахъ, щиты на дверяхъ.

Стѣны дрожали. Свѣчи падали, но все мимо желоба съ порохомъ. Тогда, по знаку старца, Кирюха схватилъ пукъ свѣчей, горѣвшихъ передъ иконой Божьей Матери, бросилъ прямо въ порохъ и отскочилъ. Порохъ взорвало.

Поджога вспыхнула. Огненные волны разлились по стѣнамъ и стропиламъ. Густой, сперва бѣлый, потомъ черный дымъ наполнилъ часовню. Пламя задышалось, гасло въ немъ; только длинные красные языки выбивались изъ дыма, свистя и шипя, какъ змѣиные жала, то тянулись къ людямъ и лизали ихъ, то отпрядывали, словно играя.

Послышались неистовые вопли. И сквозь вопли горящихъ, сквозь грохотъ огня звучала пѣснь торжествующей радости:

— *Се, Женихъ грядетъ во полунощи.*

Съ того мгновенія, какъ вспыхнулъ огонь и до того, какъ Тихонъ потерялъ сознание, прошли двѣ, три минуты, но онъ увидѣлъ и навѣки запомнилъ все, что дѣлалось въ часовнѣ.

Старецъ схватилъ новорожденную, перекрестилъ: «Во имя Отца, Сына и Духа Святаго!» — и бросилъ въ огонь — первую жертву.

Иванушка-дурачокъ протянулъ руки къ огню, какъ будто встрѣчая грядущаго Господа, Котораго ждалъ всю жизнь.

На Киликеѣ кликушѣ рубаха затлѣла и волосы вспыхнули, окружая голову ей огненнымъ вѣнцомъ; а она, не чувствуя боли, окаменѣла, съ широко-раскрытыми глазами, какъ будто видѣла въ огнѣ великій Градъ, святой Иерусалимъ, сходящій съ неба.

Петька Жизла кинулся въ огонь внизъ головой, какъ веселый купальщикъ въ воду.

Тихону тоже чудилось что-то веселое, пьяное въ страшномъ блескѣ огня. Ему вспомнилась пѣсня:

Въ печи растетъ трава-мурава,
Цвѣтутъ цвѣточки лазоревы.

Казалось, что въ прозрачно-синемъ сердцѣ огня онъ видитъ райскіе цвѣты. Синева ихъ, подобная чистому небу, сулила блаженство нездѣшнее; но надо было пройти черезъ красное пламя — красную смерть, чтобы достигнуть этого неба.

Осаждавшіе выбили два, три бревна. Дымъ хлынулъ въ полое мѣсто. Солдаты, просунувъ кокоты, стали выво-

лакивать горѣвшихъ и отливать водой. Столѣтнюю мать Θεодулію вытащили за ноги, обнаживъ ея дѣвичій срамъ. Старица Виталія уцѣпилась за нее и тоже вылѣзла, но тотчасъ испустила духъ: все тѣло ея отъ ожоговъ было какъ одинъ сплошной пузырь. О. Спиридонъ, когда его вытащили, схватилъ спрятанный за пазухой ножъ и зарѣзался. Онъ былъ еще живъ четыре часа, непрестанно на себѣ двоеперстный крестъ изображалъ, ругалъ никоніанъ и радовался, какъ сказано было въ донесеніи капитана, «что такъ надъ собою учинить ему удалось смертную язву».

Иные, послѣ первыхъ ожоговъ, сами кидались къ пробоинѣ, падали, давили другъ друга, лѣзли вверхъ по грудѣ свалившихся тѣлъ, какъ по лѣстницѣ, и кричали солдатамъ:

— Горимъ, горимъ! Помогите, ребяташки!..

На лицахъ ангельскій восторгъ смѣнялся звѣрскимъ ужасомъ.

Бѣгущихъ старались удержать оставшіеся. Дѣдушка Михей ухватился обѣими руками за край отверстія, чтобы выскочить, но семнадцатилѣтній внукъ ударилъ его бердышемъ по рукамъ, и дѣдъ упалъ въ огонь. Баба урвалась изъ пламени, сынишка — за нею, но отецъ ухватилъ его за ноги, раскачалъ и ударилъ головой о бревно. Тучный скитскій келейникъ, упавшій навзничь въ лужу горячей смолы, корчился, и прыгалъ, точно плясалъ: «Какъ карась на сковородѣ!» подумалъ Тихонъ съ ужаснымъ смѣхомъ и закрылъ глаза, чтобы не видѣть.

Онъ задыхался отъ жара и дыма. Темно-лиловые колокольчики на кроваво-красномъ полѣ закивали ему, зазвенѣли жалобно. Онъ почувствовалъ, что Софья обнимаетъ его, прижимается къ нему. И сквозь полотно ея рубахи-савана свѣжесть невиннаго тѣла, какъ бы ночного цвѣтка, была послѣднею свѣжестью въ палящемъ зноѣ.

А голоса живыхъ раздавались все еще сквозь вопли умирающихъ:

— *Се, Женихъ грядетъ...*

— Женихъ мой, Христось мой возлюбленный! — шептала Софья на ухо Тихону. И ему казалось, что огонь, горящій въ тѣлѣ его, сильнѣе огня Красной Смерти. Они поникли вмѣстѣ, какъ будто обнявшись легли, женихъ и невѣста, на брачное ложе. Жена огнезрачная, огнекрылая, уносила его въ пламенную бездну.

Жаръ былъ такъ силенъ, что солдаты должны были отступить. Двухъ опалило. Одинъ упалъ въ срубъ и сгорѣлъ.

Капитанъ ругался:

— Ахъ, дурачки, дурачки окаянныя! Легче со шведомъ и съ туркой, чѣмъ съ этою сволочью!

Но лицо старика было блѣднѣе, чѣмъ когда лежалъ онъ раненый на полѣ Полтавскаго боя.

Раздуваемое бурнымъ вѣтромъ, пламя вздымалось все выше, и шумъ его подобенъ былъ грому. Головни летѣли по вѣтру, какъ огненные птицы. Вся часовня была какъ одна раскаленная печь, и въ этой печи, какъ въ адскомъ огнѣ, копошилась груда сваленныхъ, скорченныхъ, скрюченныхъ тѣлъ. Кожа на нихъ лопалась, кровь клокотала, жиръ кипѣлъ. Слышался смрадъ паленаго мяса.

Вдругъ балки обвалились, крыша рухнула. Огненный столбъ взвился подъ самое небо, какъ исполинскій свѣточъ.

И землю, и небо залило красное зарево, точно это былъ, въ самомъ дѣлѣ, послѣдній пожаръ, которымъ долженъ истребиться мѣръ.

Тихонъ очнулся въ лѣсу, на свѣжей росистой травѣ.

Потомъ онъ узналъ, что въ послѣднее мгновеніе, когда лишился онъ чувствъ, старецъ съ Кирюхою подхватали его вдвоемъ на руки, бросились въ алтарь часовни, гдѣ подъ престоломъ была дверца, въ родѣ люка, въ подполье, спустились въ этотъ никому невѣдомый тайникъ и подземнымъ ходомъ вышли въ лѣсъ, въ самую густую чащу, гдѣ не могли отыскать ихъ гонители.

Такъ поступали почти всѣ учителя самосожженія: другихъ сжигали, а себя и ближайшихъ учениковъ своихъ спасали для новой проповѣди.

Тихонъ долго не приходилъ въ себя; долго старецъ съ Кирюхою отливали его водою; думали, что онъ умретъ. Ожоги, впрочемъ, на немъ были не тяжкіе.

Наконецъ, очнувшись, онъ спросилъ:

— Гдѣ Софья?

Старецъ посмотрѣлъ на него своимъ свѣтлымъ и ласковымъ взглядомъ:

— Не замай себя, дитятко, не горюй о сестрицѣ невѣстушкѣ! Въ царствіи небесномъ душевѣнка пречистая, купно съ прочими святыми страдальцами.

И, поднявъ глаза къ небу, перекрестился съ умиленною радостью:

— Рабамъ Божиимъ, самовольно сгорѣвшимъ, вѣчная память! Почиваете, миленькіе, до общаго воскресенія и о насъ молитесь, да и мы ту же чашу испіемъ о Господѣ, егда часъ нашъ придетъ. А нынѣ еще не пришелъ, поработать еще надо Христу... Прошелъ и ты, чадо, искусь огненный, — обратился онъ къ Тихону, — умерь для міра, воскресь для Христа. Потщися же сію вторую жизнь не себѣ пожить, но Господу. Облекись въ оружіе свѣта, стань добре, будь воинъ о Христѣ Ісусѣ, красной смерти проповѣдникъ, якоже и мы, грѣшныя!

И прибавилъ съ почти рѣзвой веселостью:

— На океанъ гулять пойдѣмъ, въ предѣлы поморскіе. Запалимъ и тамъ огоньки! Да учинимъ похрабрѣе, прижжемъ батюшекъ миленькихъ поболѣе. Ревнуя же намъ, дастъ Богъ, Россія и вся погорить, а за Россіей — вселенная!

Тихонъ молчалъ, закрывъ глаза. Старецъ, подумавъ, что онъ опять впалъ въ забытѣе, прошелъ въ землянку, чтобы приготовить травы, которыми лѣчилъ ожоги.

А Тихонъ, оставшись одинъ, отвергнулся отъ неба, все еще пылавшаго кровавымъ заревомъ и припалъ лицомъ къ землѣ.

Сырость земли утоляла боль ожоговъ, и ему казалось, что земля услышала мольбу его, спасла отъ огненнаго неба Красной Смерти, и что снова выходитъ онъ изъ чрева земли, какъ младенецъ рождающійся, мертвецъ воскре-

сающій. И онъ обнималъ, цѣловалъ ее, какъ живую, и плакалъ, и молился:

Чудная Царица Богородица,
Земля земля Мати сырая!

Черезъ нѣсколько дней, когда старецъ уже собирался въ путь, Тихонъ отъ него бѣжалъ.

Онъ понялъ, что церковь старая не лучше новой, и рѣшилъ вернуться въ міръ, чтобъ искать истинной церкви, пока не найдетъ.

ДЕСЯТАЯ КНИГА.

СЫНЪ И ОТЕЦЪ.

I.

Церковь перестала быть церковью для царевича съ тѣхъ поръ, какъ узналъ онъ о царскомъ указѣ, которымъ нарушалась тайна исповѣди. «Ежели Господь допустилъ такое поруганіе церкви, значить, Онъ отступилъ отъ нея», думалъ царевичъ.

По окончаніи московскаго розыска, въ канунъ Благовѣщенія, 24 марта, Петръ вернулся въ Петербургъ. Онъ занялся своимъ Парадизомъ, постройкою флота, учрежденіемъ коллегій и другими дѣлами такъ усердно, что многимъ казалось, будто розыскъ совсѣмъ конченъ, и дѣло предано забвенію. Царевича, однако, привезли изъ Москвы подъ карауломъ, вмѣстѣ съ прочими колодниками, и помѣстили въ особомъ домѣ, рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ. Здѣсь держали его, какъ арестанта: никогда не пускали, никому не показывали. Ходили слухи, что онъ помѣшался въ умѣ отъ безмѣрнаго пьянства.

Наступила Страстная.

Первый разъ въ жизни царевичъ не говѣлъ. Къ нему подсылали священниковъ уговаривать его, но онъ отказывался слушать ихъ: всѣ они казались ему сыщиками.

13 апрѣля была Пасха. Свѣтлую заутреню служили въ Троицкомъ соборѣ, заложенномъ при основаніи Петербурга, маленькомъ, темномъ, бревенчатомъ, похожемъ на

сельскую церковь. Государь, государыня, всѣ министры и сенаторы присутствовали. Царевичъ не хотѣлъ было итти, но, по приказу царя, повели его насильно.

Въ полутемной церкви, надъ плащаницею, канонъ Великой субботы звучалъ какъ надгробное пѣніе:

Содержай вся на крестъ, вознесся, и рыдаетъ вся тварь, Того видящи нага висяща на древь, солнце лучи сокры, и звѣзды отложиша свѣтъ.

Священнослужители вышли изъ алтаря еще въ черныхъ, великопостныхъ ризахъ, подняли Плащаницу, внесли въ алтарь и затворили царскія врата — погребли Господа.

Пропѣли послѣдній тропарь полунощницы.

Егда снисшелъ еси къ смерти, Животе Безсмертный.

И наступила тишина.

Вдругъ толпа зашевелилась, задвигалась, будто спѣшно готовясь къ чему-то. Стали затепливать свѣчи одна о другую. Церковь вся озарилась яркимъ тихимъ свѣтомъ. И въ этой свѣтлой тишинѣ было ожиданіе великой радости.

Алексѣй зажегъ свѣчу о свѣчу сосѣда, Петра Андреевича Толстого, своего «Іуды Предателя». Нѣжное пламя напомнило царевичу все, что онъ когда-то чувствовалъ; во время Свѣтлой заутрени. Но теперь заглушалъ онъ въ себѣ это чувство, не хотѣлъ и боялся его. Безсмысленно глядя на спину стоявшаго впереди князя Меншикова, старался думать только о томъ, какъ бы не закапать воскомъ золотого шитья на этой спинѣ.

Изъ-за царскихъ вратъ послышался возгласъ діакона:
Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесахъ.

Врата открылись, и оба лика запѣли:

И насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебѣ славити.

Священнослужители, уже въ свѣтлыхъ, пасхальныхъ ризахъ, вышли изъ алтаря, и крестный ходъ двинулся.

Загудѣлъ соборный колоколь, ему отвѣтили колокола другихъ церквей, начался трезвонъ, и грохотъ пушечной пальбы съ Петропавловской крѣпости.

Крестный ходъ вышелъ изъ церкви. Наружныя двери закрылись, храмъ опустѣлъ, и опять затихло все.

Царевичъ стоялъ неподвижно, опустивъ голову, глядя передъ собою все такъ же бессмысленно, стараясь ничего не видѣть, не слышать, не чувствовать.

Снаружи раздался старчески-слабый голось митрополита Стефана:

Слава святѣй и единосущнѣй, и животворящей, и нераздѣлимѣй Троицѣ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

И сначала глухо, тихо, точно издали, слышалось:

Христось воскресе изъ мертвыхъ.

Потомъ все громче, громче, все ближе и радостнѣй. Наконецъ двери церкви раскрылись настежь и, вмѣстѣ съ шумомъ входящей толпы, грянула пѣснь, какъ побѣдный вопль, потрясающій небо и землю:

Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.

И такая радость была въ этой пѣснѣ, что ничто не могло устоять передъ ней. Казалось, вотъ-вотъ исполнится все, чего ждетъ міръ отъ начала своего — совершится чудо.

Царевичъ поблѣднѣлъ; руки его задрожали; свѣча едва не выпала изъ нихъ. Онъ все еще противился. Но уже подымалась, рвалась изъ груди нестерпимая радость. Вся жизнь, всѣ муки и самая смерть передъ ней казались ничтожными.

Онъ заплакалъ неудержимо, и, чтобы скрыть свои слезы, вышелъ изъ церкви на паперть.

Апрѣльская ночь была тиха и ясна. Пахло талымъ снѣгомъ, влажною корою деревьевъ и нераспустившимися почками. Церковь окружалъ народъ, и внизу, на темной площади, теплились свѣчи какъ звѣзды, и звѣзды мерцали какъ свѣчи вверху, на темномъ небѣ. Пролетали тучки, легкія какъ крылья ангеловъ. На Невѣ шелъ ледъ. Радостный гулъ и трескъ ломающихся льдинъ сливался съ гуломъ колоколовъ. Казалось, что земля и небо поютъ: Христось воскресе!

Послѣ обѣдни, царь, выйдя на паперть, христосовался со всѣми, не только съ министрами, сенаторами, но и съ

придворными служителями, до послѣдняго истопника и поваренка.

Царевичъ смотрѣлъ на отца издали, не смѣя подойти. Петръ увидѣлъ сына и самъ подошелъ къ нему.

— Христось воскресе, Алеша! — сказалъ отецъ съ доброю, милою, прежней улыбкой.

— Воистину воскресе, батюшка!

И они поцѣловались трижды.

Алексѣй почувствовалъ знакомое прикосновеніе бритыхъ пухлыхъ щекъ и мягкихъ губъ, знакомый запахъ отца. И вдругъ опять, какъ бывало въ дѣтствѣ, сердце забилося, духъ захватило отъ безумной надежды: «что, если простить, помилуетъ!»

Петръ былъ такъ высокъ ростомъ, что, цѣлуясь, долженъ былъ, почти для всѣхъ, нагибаться. Спина и шея у него заболѣли. Онъ спрятался въ алтарь отъ осаждавшей толпы.

Въ шесть часовъ утра, когда уже разсвѣло, перешли изъ собора въ Сенатъ, мазанковое, низенькое, длинное зданіе, въ родѣ казармы, тутъ же рядомъ, на площади. Въ тѣсныхъ присутственныхъ палатахъ приготовлены были столы съ куличами, пасхами, яйцами, винами и водками для разговѣнья.

На крыльцѣ Сената князь Яковъ Долгорукій догналъ царевича, шепнулъ ему на ухо, что Евфросинья на-дняхъ будетъ въ Петербургъ и, слава Богу, здорова, только на послѣднихъ сносяхъ, не сегодня—завтра должна родить.

Въ сѣняхъ встрѣтился царевичъ съ государыней. Въ голубой андреевской лентѣ черезъ плечо, съ бриллиантовой звѣздою, въ пышномъ робронѣ изъ бѣлой парчи, съ вышитымъ спереди жемчугомъ и алмазами двуглавымъ орломъ, слегка наруганная и набѣленная, казалась Катенька молодой и хорошенькой. Встрѣчая гостей, какъ добрая хозяйка, улыбалась всѣмъ своей однообразною, жеманною улыбкою. Улыбнулась и царевичу. Онъ поцѣловалъ у нея руку. Она похристосовалась въ губы, обмѣнялась яичкомъ и хотѣла уже отойти, какъ вдругъ онъ упалъ на

колѣни такъ внезапно, посмотрѣлъ на нее такъ дико, что она попятилась.

— Государыня матушка, смилуйся! Упроси батюшку, чтобъ дозволилъ на Евфросиньѣ жениться... Ничего мнѣ больше не надо, видитъ Богъ, ничего! И жить-то, чай, не долго... Только бѣ уйти отъ всего, умереть въ покоѣ... Смилуйся, матушка, ради свѣтлаго праздника!..

И опять посмотрѣлъ на нее такъ, что ей стало жутко. Вдругъ лицо ея сморщилось. Она заплакала. Катенька любила и умѣла плакать: не даромъ говорили русскіе, что глаза у нея на мокромъ мѣстѣ, а иностранцы—что, когда она плачетъ, то, хотя и знаешь, въ чемъ дѣло, все-таки чувствуешь себя растроганнымъ, «какъ на представленіи *Андромахи*». Но на этотъ разъ она плакала искренно: ей, въ самомъ дѣлѣ, было жаль царевича.

Она склонилась къ нему и поцѣловала въ голову. Сквозь вырѣзъ платья увидѣлъ онъ пышную бѣлую грудь съ двумя темными прелестными родинками или мушками. И по этимъ родинкамъ понялъ, что ничего не выйдетъ.

— Охъ, бѣдный, бѣдный ты мой! Я ли за тебя не рада, Алешенька!.. Да что пользы? Развѣ онъ послушаетъ? Какъ бы еще хуже не вышло...

И, быстро оглянувшись — не подслушалъ бы кто — и приблизивъ губы къ самому уху его, прошептала торопливымъ шопотомъ:

— Плохо твое дѣло, сынокъ, такъ плохо, что, коли можешь бѣжать, брось все и бѣги.

Вошелъ Толстой. Государыня, отойдя отъ царевича, незамѣтно смахнула слезинки кружевнымъ платкомъ, обернулась къ Толстому съ прежнимъ веселымъ лицомъ и спросила, не видалъ ли онъ, гдѣ государь, почему не идетъ разговляться.

Изъ дверей сосѣдней палаты появилась высокая, костлявая, празднично и безвкусно одѣтая нѣмка, съ длиннымъ узкимъ лошадинымъ стародѣвическимъ лицомъ, принцесса Остъ-Фрисландская, гофмейстерина покойной Шарлотты, воспитательница двухъ ея сиротъ. Она шла съ такимъ рѣ-

шительнымъ, вызывающимъ видомъ, что всѣ невольно разступались передъ ней. Маленькаго Петю несла на рукахъ, четырехлѣтнюю Наташу вела за руку.

Царевичъ едва узналъ дѣтей своихъ — такъ давно ихъ не видѣлъ.

— Mais saluez donc monsieur votre père, mademoiselle! — подталкивала нѣмка Наташу, которая остановилась, видимо, тоже не узнавая отца. Петя сперва уставился на него съ любопытствомъ, потомъ отвернулся, замахалъ ручонками и разревѣлся.

— Наташа, Наташа, дѣточка! — протянулъ къ ней руки царевичъ.

Она подняла на него большіе грустные, совсѣмъ какъ у матери, блѣдно-голубые глаза, вдругъ улыбнулась и бросилась къ нему на шею.

Вошелъ Петръ. Онъ взглянулъ на дѣтей и сказалъ принцессѣ гнѣвно по-нѣмецки:

— Зачѣмъ ихъ сюда привели? Имъ здѣсь не мѣсто. Ступайте прочь!

Нѣмка посмотрѣла на царя, и въ добрыхъ глазахъ ея блеснуло негодованіе. Она хотѣла что-то сказать, но, увидѣвъ, что царевичъ покорно выпустилъ Наташу изъ рукъ, пожала плечами, яростно встряхнула все еще ревѣвшаго Петю, яростно схватила дѣвочку за руку и молча направилась къ выходу, съ такимъ же вызывающимъ видомъ, какъ вошла.

Наташа, уходя, обернулась къ отцу и посмотрѣла на него взглядомъ, который напомнилъ ему Шарлотту: въ этомъ взглядѣ ребенка было такое же, какъ у матери, тихое отчаяніе. Сердце царевича сжалось. Онъ почувствовалъ, что не увидитъ больше дѣтей своихъ никогда.

Сѣли за столъ. Царь — между Теофаномъ Прокоповичемъ и Стефаномъ Яворскимъ. Противъ нихъ князь-папа со всешутѣйшимъ соборомъ. Тамъ уже успѣли разговѣться и начинали буянить.

Для царя былъ праздникъ двойной: Пасха и вскрытіе Невы. Думая о спускѣ новыхъ кораблей, онъ весело по-

глядывалъ въ окно на плывущія, какъ лебеди, по голубому простору, въ утреннемъ солнцѣ, бѣлыя льдины.

Зашла рѣчь о дѣлахъ духовныхъ.

— А скоро ли, отче, патріархъ нашъ поспѣетъ? — спросилъ Петръ Теофана,

— Скоро, государь: ужъ рясу дошиваю, — отвѣтилъ тотъ.

— А у меня шапка готова! — усмѣхнулся царь.

Патріархъ былъ Св. Синодъ; ряса — Духовный Регламентъ, который сочинялъ Прокоповичъ; шапка — указъ объ учрежденіи Синода.

Когда Теофанъ заговорилъ о пользѣ новой коллегіи, — въ каждой черточкѣ лица его заиграло, забѣгало, какъ живчикъ; что-то слишкомъ веселое: казалось иногда, что онъ самъ смѣется надъ тѣмъ, что говоритъ.

— Коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ, нежели правитель единоличный. Велико и сіе, что отъ соборнаго правленія — не опасаться отечеству бунтовъ. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великаго высочайшаго пастыря честию и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равный, или и больше его. И когда услышится нѣкая между оными распря, всѣ духовному паче, нежели мірскому послѣдуютъ, и за него поборствовать дерзаютъ, и льстятъ себя, окаянныя, что по Самомъ Богѣ поборствуютъ, и руки свои не оскверняютъ, но паче освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремились. Изречь трудно, коликое отсюда бѣдствіе бываетъ. Вникнуть только въ исторію Константинопольскую, ниже Іустиніановыхъ временъ — и много того покажется. Да и папа не инымъ способомъ превозмогъ и не токмо государство римское пополамъ разсѣкъ и себѣ великую часть похитилъ, но и прочія государства едва не до крайняго разоренія потрясъ. Да не вспомнятся подобные и у насъ бывшіе замахы! Таковому злу въ соборномъ духовномъ правительствѣ нѣтъ мѣста. Народъ пребудетъ въ кротости и весьма отложить надежду имѣть помощь къ бунтамъ своимъ отъ чина ду-

ховнаго. Наконецъ въ таковомъ правительствѣ соборномъ будетъ аки нѣкая школа правленія духовнаго, гдѣ всякъ удобно можетъ научиться духовной политикѣ. Итакъ, въ Россіи, помощью Божіей, скоро и отъ духовнаго чина грубость отпадетъ, и надѣяться должно впредь всего лучшаго...

Глядя прямо въ глаза царю съ усмѣшкою подобострастною, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такую хитрою, что она казалась почти дерзкою, заключилъ архіерей торжественно:

— *Ты еси Петръ Камень, и на семь камени созижду церковь Мою.*

Наступило молчаніе. Только члены всепьянѣйшаго собора галдѣли, да праведный князь Яковъ Долгорукій бормоталъ себѣ подъ носъ, такъ что никто не слышалъ:

— *Воздадите Божія Богови и кесарева кесареву.*

— А ты, отче, что скажешь? — обернулся царь къ Стефану.

Пока говорилъ Прокоповичъ, Стефанъ сидѣлъ, опустивъ голову, смеживъ глаза, какъ будто дремалъ, и старчески-безкровное лицо его казалось мертвымъ. Но Петру чудилось въ этомъ лицѣ то, чего боялся и что ненавидѣлъ онъ больше всего — смиренный бунтъ. Услышавъ голосъ царя, старикъ вздрогнулъ, какъ будто очнулся, и произнесъ тихо:

— Куда ужъ мнѣ говорить о толикомъ дѣлѣ, ваше величество! Старъ я, да глупъ. Пусть говорятъ молодые, а мы слушаемъ...

И опустилъ голову еще ниже, — еще тише прибавилъ:

— Противъ рѣчного стремленія нельзя плавать.

— Все-то ты, старикъ, хнычешь, все куксишься! — пожалъ царь плечами съ досадою. — И чего тебѣ надо? Говорилъ бы прямо!

Стефанъ посмотрѣлъ на царя, вдругъ съежился весь, и съ такимъ видомъ, въ которомъ было уже одно смиреніе, безъ всякаго бунта, заговорилъ быстро-быстро и жадно, и жалобно, словно спѣша и боясь, что царь не дослушаетъ:

— Государь премилостивѣйшій! Отпусти ты меня на покой, на безмолвіе. Служба моя и трудишки единому Богу

суть вѣдомы, а отчасти и вашему величеству, на которыхъ силу, здравіе, а близко того, и житіе погубилъ. Зрѣніе потемнѣло, ноги ослабѣли, въ рукахъ персты хирагма скривила, камень замучилъ. Одначе во всѣхъ сихъ бѣдствахъ моихъ, единою токмо милостію царскою и благопризрѣніемъ отеческимъ утѣшался, и всѣ горести сахаромъ тѣмъ усладились. Нынѣ же вижу лицо твое отъ меня отвращенно и милость не попрежнему. Господи, откуда измѣна сія?..

Петръ давно уже не слушалъ: онъ занятъ былъ пляской князь-игуменьи Ржевской, которая пустилась въ присядку, подъ пѣсню пьяныхъ шутовъ:

Заиграй, моя дубинка,
Заваляй, моя волынка.

— Отпусти меня въ Донской монастырь, либо гдѣ будетъ воля и произволеніе вашего величества, — продолжалъ «хныкать» Стефанъ. — А ежели имѣешь объ удаленіи моемъ какое сумнительство, кровь Христа да будетъ мнѣ въ гибель, аще помышляю что лукавое. Петербургъ ли, Москва ли, Рязань — вездѣ на мнѣ власть самодержавія вашего, отъ нея же укрыться не можно, и нѣтъ для чего укрываться. *Камо бо пойду отъ духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣгу?..*

А пѣсня заливалась:

Заиграй, моя волынка.
Свекоръ съ печки свалился,
За колоду завалился,
Кабы знала, возвѣстила,
Я повыше бѣ подмостила,
Я повыше бѣ подмостила,
Свекру голову сломила.

И царь притопывалъ, присвистывалъ:

Ой, жги! Ой, жги!

Царевичъ взглянулъ на Стефана. Глаза ихъ встрѣтились. Старикъ умолкъ, какъ будто вдругъ опомнился и застыдился. Онъ потупилъ взоръ, опустилъ голову, и двѣ слезинки скатились вдоль дряхлыхъ морщинъ. Опять лицо его стало какъ мертвое.

А Теофанъ, румянорожій Силенъ, усмѣхался. Царевичъ сравнивалъ невольно эти два лица. Въ одномъ прошлое, въ другомъ будущее церкви.

Въ низенькихъ и тѣсныхъ палатахъ было душно. Петръ велѣлъ открыть окна.

На Невѣ, какъ это часто бываетъ во время ледохода, поднялся холодный вѣтеръ съ Ладожскаго озера. Весна превратилась вдругъ въ осень. Тучки, которыя казались ночью легкими, какъ крылья ангеловъ, стали тяжелыми, сѣрыми и грубыми, какъ булыжники; солнце — жидкимъ и бѣлесоватымъ, словно чахоточнымъ.

Изъ питейныхъ домовъ и кружалъ, которыхъ было множество по сосѣдству съ площадью, въ Гостиномъ дворѣ и далѣе за Кронверкомъ, на Съѣстномъ и Толкучемъ рынкѣ, доносился гулъ голосовъ, подобныхъ звѣриному реву. Гдѣ-то шла драка, и кто-то вопилъ:

— Бей его гораздо, онъ, Тома, жирень!

И врывающійся въ окна, вмѣстѣ съ этимъ пьянымъ ревомъ, оглушительный трезвонъ колоколовъ казался тоже пьянымъ, грубымъ и наглымъ.

Передъ самымъ Сенатомъ среди площади, надъ грязною лужею, по которой плавали скорлупы красныхъ пасхальныхъ яицъ, стоялъ мужикъ, въ одной рубахѣ—должно-быть, все остальное платье пропилъ—шатался, какъ будто раздумывалъ, упасть или не упасть въ лужу, и непристойно бранился, и громко, на всю площадь, икалъ. Другой уже свалился въ канаву, и торчавшія оттуда босыя ноги барахтались безпомощно. Какъ ни строга была полиція, но въ этотъ день ничего не могла подѣлать съ пьяными: они валялись всюду по улицамъ, какъ тѣла убитыхъ на полѣ сраженія. Весь городъ былъ сплошной кабакъ.

И Сенатъ, гдѣ разговлялся царь съ министрами, былъ тотъ же кабакъ; здѣсь такъ же галдѣли, ругались и дрались.

Шутовской хоръ князя-папы заспорилъ съ архіерейскими пѣвчими, кто лучше поетъ. Одни запѣли:

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ.

А другіе продолжали пѣть:

Заиграй, моя дубинка,
Завалай, моя волынка.

Царевичъ вспомнилъ святую ночь, святую радость, умиленіе, ожиданіе чуда — и ему показалось, что онъ упалъ съ неба въ грязь, какъ этотъ пьяный въ канаву. Стоило такъ начинать, чтобы кончить такъ. Никакого чуда нѣтъ и не будетъ, а есть только мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ.

II.

Петръ любилъ Петергофъ не меньше Парадиза. Бывая въ немъ каждое лѣто, самъ наблюдалъ за устройствомъ «плезирскихъ садовъ, огородныхъ линей, кашкадъ и фонтановъ».

«Одну кашкаду, — приказывалъ царь, — сдѣлать съ брызганьемъ, а другую, дабы вода лилась къ землѣ гладко, какъ стекло; пирамиду водяную сдѣлать съ малыми кашкадами; передъ большою, наверху, исторію Еркулову, который дерется съ гадомъ седмиглавымъ, называемымъ Гидрою, изъ которыхъ головъ будетъ итти вода; также телѣгу Нептунову съ четырьмя морскими лошадьми, у которыхъ изъ ртовъ пойдетъ вода, и по уступамъ дѣлать тритоны, якобы играли въ трубы морскія, и дѣйствовали бы тѣ тритоны водою, и образовали бы различныя игры водяныя. Велѣтъ срисовать каждую фонтанну, и прочее хорошее мѣсто въ перспективѣ, какъ французскіе и римскіе сады чертятся».

Была бѣлая майская ночь надъ Петергофомъ. Взморье гладко, какъ стекло. На небѣ, зеленомъ, съ розовымъ отливомъ перламутра, выступали черныя ели и желтыя стѣны дворцовъ. Въ ихъ тусклыхъ окнахъ, какъ въ слѣпыхъ глазахъ, мерцалъ унылый свѣтъ зари неугасающей. И все въ этомъ свѣтѣ казалось блѣднымъ, блеклымъ; зелень травы и деревьевъ—сѣрой, какъ пшеница, цвѣты—увядшими. Въ садахъ было тихо и пусто. Фонтаны спали. Только по мшистымъ ступенямъ кашкадъ, да съ ноздревыхъ камней, подѣ

сводами гротовъ, падали рѣдкія капли, какъ слезы. Вставаль туманъ, и въ немъ бѣлѣли, какъ призраки, безчисленные мраморные боги — цѣлый Олимпъ воскресшихъ боговъ. Здѣсь, на послѣднихъ предѣлахъ земли, у Гиперборейскаго моря, въ бѣлую дневную ночь, подобную ночному дню Аида, въ этихъ блѣдныхъ тѣняхъ тѣней умершей Эллады была безконечная грусть. Какъ будто, воскреснувъ, они опять умирали уже второю смертію, отъ которой нѣтъ воскресенія.

Надъ низенькимъ стриженнымъ садомъ, у самаго моря, стоялъ кирпичный голландскій домикъ — государевъ дворецъ Монплезиръ. Здѣсь также все было тихо и пусто. Только въ одномъ окнѣ свѣтъ: то горѣла свѣча въ царской конторкѣ.

За письменнымъ столомъ сидѣли другъ противъ друга Петръ и Алексѣй. Въ двойномъ свѣтѣ свѣчи и зари лица ихъ, какъ все въ эту ночь, казались призрачно-блѣдными.

Въ первый разъ по возвращеніи въ Петербургъ царь допрашивалъ сына.

Царевичъ отвѣчалъ спокойно, какъ будто уже не чувствовалъ страха передъ отцомъ, а только усталость и скуку.

— Кто изъ свѣтскихъ или духовныхъ вѣдалъ твое намѣреніе къ противности, и какія слова бывали отъ тебя къ нимъ, или отъ нихъ къ тебѣ?

— Больше ничего не знаю, — въ сотый разъ отвѣчалъ Алексѣй.

— Говорилъ ли такія слова, что я-де плюну на всѣхъ — здорова бы мнѣ чернь была?

— Можетъ-быть, и говаривалъ спяна. Всего не упомяну. Я пьяный всегда виралъ всякія слова и ротъ имѣлъ незатворенный, не могъ быть безъ противныхъ разговоровъ въ кумпаніяхъ и такія слова съ надежи на людей бреживалъ. Самъ вѣдаешь, батюшка, пьянъ-де кто не живетъ... Да это все пустое!

Онъ посмотрѣлъ на отца съ такою странною усмѣшкою, что тому стало жутко, какъ будто передъ нимъ былъ сумасшедшій.

Порывшись въ бумагахъ, Петръ досталъ одну изъ нихъ и показалъ царевичу

— Твоя рука?

— Моя.

То была черновая письма, писаннаго въ Неаполѣ, къ архіереямъ и сенаторамъ, съ просьбой, чтобъ его не оставили.

— Волей писалъ?

— Неволей. Принуждалъ секретарь графа Шенборна, Кейль. «Понеже, говорилъ, есть вѣдомость, что ты умеръ, того ради, пиши, а буде не станешь писать, и мы тебя держать не станемъ» — и не вышелъ вонъ, покаместъ я не написалъ.

Петръ указалъ пальцемъ на одно мѣсто въ письмѣ; то были слова:

«Прошу васъ *нынѣ* меня не оставить *нынѣ*».

Слово *нынѣ* повторено было дважды и дважды зачеркнуто.

— Сіе *нынѣ* въ какую мѣру писано и зачѣмъ почернено?

— Не упомню, — отвѣтилъ царевичъ и поблѣднѣлъ.

Онъ зналъ, что въ этомъ зачеркнутомъ *нынѣ* — единственный ключъ къ самымъ тайнымъ его мыслямъ о бунтѣ, о смерти отца, о возможномъ убійствѣ его.

— Истинно ли писано неволею?

— Истинно.

Петръ всталъ, вышелъ въ сосѣдную комнату, позвалъ денщика, что-то приказалъ, вернулся, опять сѣлъ за столъ и началъ записывать послѣднія показанія царевича.

За дверью слышались шаги. Дверь отворилась. Алексѣй слабо вскрикнулъ, какъ будто готовъ былъ лишиться чувствъ. На порогѣ стояла Евфросинья.

Онъ ея не видѣлъ съ Неаполя. Она уже не была беременна. Должно-быть, родила въ крѣпости, куда посадили ее тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, какъ узналъ онъ отъ Якова Долгорукова.

«Гдѣ Селебеный?» подумалъ царевичъ и задрожалъ, потянулся къ ней весь, но тотчасъ же замеръ подъ при-

стальнымъ взоромъ отца, только искалъ глазами глазъ ея. Она не смотрѣла на него, какъ будто не видѣла вовсе.

Петръ обратился къ ней ласково:

— Правда ли, Ѳедоровна, сказываетъ царевичъ, что письмо къ архіереямъ и сенаторамъ писано неволею, по принужденію цесарцевъ?

— Не правда,—отвѣчала она спокойно.—Писалъ одинъ, и притомъ никого иноземцевъ не было, а были только я, да онъ, царевичъ. И говорилъ мнѣ, что пишетъ тѣ письма, чтобъ въ Питербурхѣ подметывать, а иныя архіереямъ подавать и сенаторамъ.

— Афрося, Афросьюшка, маменька!.. Что ты?.. — залепеталъ царевичъ въ ужасѣ.

— Не вѣдаетъ она, забыла, чай, спутала, — обернулся онъ къ отцу опять съ тою странною усмѣшкой, отъ которой становилось жутко.—Я тогда планъ Бѣлгородской атаки отсылалъ секретарю вице-роеву, а не то письмо...

— То самое, царевичъ! При мнѣ и печаталъ. Аль забылъ? Я видѣла, — проговорила она все такъ же спокойно и вдругъ посмотрѣла на него въ упоръ тѣмъ самымъ взоромъ, какъ три года назадъ, въ домѣ Вяземскихъ, когда онъ, пьяный, бросился на нее, чтобъ изнасиловать, и замахнулся ножомъ.

По этому взору онъ понялъ, что она предала его.

— Сынъ, — сказалъ Петръ, — самъ, чай, видишь, что дѣло сіе нарочитой важности. Когда письма тѣ волей писалъ, то явно намѣреніе къ бунту не токмо въ мысляхъ имѣлъ, но и въ дѣйство весьма произвести умышлялъ. И то все въ прежнихъ повинныхъ своихъ утаилъ не безпачетствомъ, а лукавствомъ, знатно, для такихъ же впредь дѣлъ и намѣренія. Однакоже совѣсть нашу не хотимъ имѣть предъ Богомъ нечисту, дабы наносамъ безъ испытанія вѣрить. Въ послѣдній спрашиваю, правда ль, что волей писалъ?

Царевичъ молчалъ.

— Жаль мнѣ тебя, Ѳедоровна, — сказалъ Петръ, — а дѣлать нечего. Буду пытаться.

Алексѣй взглянулъ на отца, на Евфросинью и понялъ, что ей не миновать пытки, ежели онъ, царевичъ, запрется.

— Правда, — произнесъ онъ чуть слышно, и только что это произнесъ, страхъ опять исчезъ, опять ему стало все безразлично.

Глаза Петра блеснули радостью.

— Въ какую же мѣру *нынѣ* писалъ?

— Въ ту мѣру, чтобъ за меня больше вступились въ народѣ, примѣняясь къ вѣдомостямъ печатнымъ о бунтѣ войскъ въ Мекленбургіи. А потомъ подумалъ, что дурно, и вымаралъ...

— Такъ значить бунту радовался?

Царевичъ не отвѣтилъ.

— А когда радовался, — продолжалъ Петръ, какъ будто услышавъ неслышный отвѣтъ, — то, чаю, не безъ намѣренія: ежели бъ впрямь то было, къ бунтовщикамъ присталъ бы?

— Буде прислали бъ за мной, то поѣхалъ бы. А чаялъ быть присылкѣ по смерти вашей, для того...

Остановился, еще больше поблѣднѣлъ и кончилъ съ усиліемъ:

— Для того, что хотѣли тебя убить, а чтобъ живого отлучили отъ царства, не чаялъ...

— А когда бы при живомъ? — спросилъ Петръ поспѣшно и тихо, глядя сыну прямо въ глаза.

— Ежели бъ сильны были, то могъ бы и при живомъ, — отвѣтилъ Алексѣй такъ же тихо.

— Объяви все, что знаешь, — опять обратился Петръ къ Евфросиньѣ.

— Царевичъ наслѣдства всегда желалъ прилежно, заговорила она быстро и твердо, какъ будто повторяла то, что заучила наизусть. — А ушелъ отъ того, будто ты, государь, искалъ всячески, чтобъ ему живу не быть. И какъ услышалъ, что у тебя меньшей сынъ, царевичъ Петръ Петровичъ, боленъ, говорилъ мнѣ: «Вотъ видишь, батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ — Свое!» И надежду имѣлъ на сенаторей: «Я-де старыхъ всѣхъ переведу, а изберу себѣ новыхъ, по своей волѣ». И когда слыхалъ о какихъ видѣніяхъ,

или читаль въ курантахъ, что въ Питербурхѣ тихо, говорилъ, что видѣніе и тишина не даромъ: «либо-де отецъ мой умереть, либо бунтъ будетъ»...

Она говорила еще долго, припоминала такія слова его, которыхъ онъ самъ не помнилъ, обнажала такія тайны сердца его, которыхъ онъ самъ не видѣлъ.

— А когда господинъ Толстой пріѣхалъ въ Неаполь, царевичъ хотѣлъ изъ цесарской протекціи къ папѣ римскому, и я его удержала, — заключила Евфросинья.

— Все ли то правда? — спросилъ Петръ сына.

— Правда, — отвѣтилъ царевичъ.

— Ну, ступай, Ѳедоровна! Спасибо тебѣ.

Царь подаль ей руку. Она поцѣловала ее и повернулась, чтобы выйти.

— Маменька! Маменька! — опять вдругъ весь потянулся къ ней царевичъ и залепеталъ, какъ въ бреду, самъ не помня, что говоритъ.—Прощай, Афросьюшка!.. Вѣдь, можетъ-быть, больше не свидимся. Господь съ тобой!..

Она ничего не отвѣтила и не оглянулась.

— За что ты меня такъ?.. — прибавилъ онъ тихо, безъ упрека, только съ безконечнымъ удивленіемъ, закрылъ лицо руками и услышалъ, какъ за нею затворилась дверь.

Петръ, дѣлая видъ, что просматриваетъ бумаги, поглядывалъ на сына исподлобья, украдкою, какъ будто ждалъ чего-то.

Былъ самый тихій часъ ночи, и тишина казалась еще глубже, потому что было свѣтло какъ днемъ.

Вдругъ царевичъ отнялъ руки отъ лица. Оно было страшно.

— Гдѣ ребеночекъ?.. Ребеночекъ гдѣ?.. — заговорилъ онъ, уставившись на отца недвижнымъ и горящимъ взоромъ. — Что вы съ нимъ сдѣлали?..

— Какой ребенокъ? — не сразу понялъ Петръ.

Царевичъ указалъ на дверь, въ которую вышла Евфросинья.

— Умеръ, — сказалъ Петръ, не глядя на сына. — Родила мертвымъ.

— Врешь! — закричалъ Алексѣй и поднялъ руки, словно грозя отцу. — Убили, убили!.. Задавили аль въ воду какъ щенка выбросили!.. Его-то за что, младенца невиннаго?.. Мальчикъ, что ль?

— Мальчикъ.

— Когда бь судиль мнѣ Богъ на царствѣ быть, — продолжалъ Алексѣй задумчиво, какъ будто про себя, — наслѣдникомъ бы сдѣлалъ... Иваномъ назвать хотѣлъ... Царь Іоаннъ Алексѣевичъ... Трупикъ, трупикъ-то гдѣ?.. Куда дѣвали?.. Говори!..

Петръ молчалъ.

Царевичъ схватился за голову. Лицо его исказилось, побагровѣло.

Онъ вспомнилъ обыкновеніе царя сажать въ спиртъ мертворожденныхъ дѣтей, вмѣстѣ съ прочими «монстрами», для сохраненія въ кунсткамерѣ.

— Въ банку, въ банку со спиртомъ!.. Наслѣдникъ царей всероссійскихъ въ спирту, какъ лягушонокъ, плаваетъ! — захохоталъ онъ вдругъ такимъ дикимъ хохотомъ, что дрожь пробѣжала по тѣлу Петра. Онъ подумалъ опять: «Сумасшедшій!» — и почувствовалъ то омерзѣніе, подобное нездѣшнему ужасу, которое всегда испытывалъ къ паукамъ, тараканамъ и прочимъ гадамъ.

Но въ то же мгновеніе ужасъ превратился въ ярость: ему показалось, что сынъ смѣется надъ нимъ, нарочно «дурака ломаетъ», чтобъ запереться и скрыть свои злодѣйства.

— Что еще больше есть въ тебѣ? — приступилъ онъ снова къ допросу, какъ будто не замѣчая того, что происходитъ съ царевичемъ.

Тотъ пересталъ хохотать такъ же внезапно, какъ началъ, откинулся головой на спинку кресла, и лицо его поблѣднѣло, осунулось, какъ у мертваго. Онъ молча смотрѣлъ на отца бессмысленнымъ взоромъ.

— Когда имѣлъ надежду на чернь, — продолжалъ Петръ, возвышая голосъ и стараясь сдѣлать его спокойнымъ, — не подсылалъ ли кого къ черни о томъ возмущеніи

говорить, или не слыхаль ли отъ кого, что чернь хочетъ бунтовать?

Алексѣй молчалъ.

— Отвѣчай! — крикнулъ Петръ, и лицо его передернула судорога.

Что-то дрогнуло и въ лицѣ Алексѣя. Онъ разжалъ губы съ усиліемъ и произнесъ:

— Все сказалъ. Больше говорить не буду.

Петръ ударилъ кулакомъ по столу и вскочилъ.

— Какъ ты смѣешь!..

Царевичъ тоже всталъ и посмотрѣлъ на отца въ упоръ. Опять они стали похожи другъ на друга мгновеннымъ и какъ будто призрачнымъ сходствомъ.

— Что грозишь, батюшка? — проговорилъ Алексѣй тихо. Не боюсь я тебя, ничего не боюсь. Все ты взялъ у меня, все погубилъ, и душу, и тѣло. Больше взять нечего. Развѣ убить. Ну что жъ, убей! Мнѣ все равно.

И медленная, тихая усмѣшка искривила губы его. Петру почудилось въ этой усмѣшкѣ безконечное презрѣніе.

Онъ заревѣлъ, какъ раненый звѣрь, бросился на сына, схватилъ его за горло, повалилъ и началъ душить, топтать ногами, бить палкою, все съ тѣмъ же нечеловѣческимъ ревомъ.

Во дворцѣ проснулись, засуетились, забѣгали. Но никто не смѣлъ войти къ царю. Только блѣднѣли, да крестились, подходя къ дверямъ и прислушиваясь къ страшнымъ звукамъ, которые доносились оттуда: казалось, тамъ грызеть человѣка звѣрь.

Государыня спала въ Верхнемъ дворцѣ. Ее разбудили. Она прибѣжала, полуодѣтая, но тоже не посмѣла войти.

Только, когда все уже затихло, пріотворила дверь заглянула и вошла на цыпочкахъ, крадучись за спиною мужа.

Царевичъ лежалъ на полу безъ чувствъ, царь — въ креслахъ, тоже почти въ обморокѣ.

Послали за лейбъ-медикомъ Блюментростомъ. Онъ успокоилъ государыню, которая боялась, что царь убилъ сына. Царевичъ былъ избитъ жестоко, но опасныхъ ранъ и пе-

реломовъ не было. Онъ скоро пришелъ въ себя и казался спокойнымъ.

Царю было хуже, чѣмъ сыну. Когда его перевели, почти перенесли на рукахъ въ спальню, съ нимъ сдѣлались такія судороги, что Блюментрость опасался паралича.

Но къ утру полегчало, а вечеромъ онъ уже всталъ и, несмотря на мольбы Катеньки и предостереженія лейбъ-медика, велѣлъ подать шлюпку и поѣхалъ въ Петербургъ. Царевича везли рядомъ въ другой закрытой шлюпкѣ.

На слѣдующій день, 14-го мая, объявленъ былъ народу второй манифестъ о царевичѣ, въ которомъ сказано, что государь изволилъ обѣщать сыну прощеніе, «ежели онъ истинное во всемъ принесетъ покаяніе и ничего не утаитъ; но понеже онъ, презрѣвъ такое отцово милосердіе, о намѣреніи своемъ получить наслѣдство, чрезъ чужестранную помощь, или чрезъ бунтовщиковъ силою, утаилъ, то прощеніе не въ прощеніе».

Въ тотъ же день назначенъ былъ надъ царевичемъ, какъ надъ государственнымъ измѣнникомъ, Верховный судъ.

Черезъ мѣсяць, 14-го іюня, привезли его въ гварнизонъ Петропавловской крѣпости и посадили за карауль въ Трубецкой раскатъ.

III.

«Преосвященнымъ митрополитамъ, и архіепископамъ, и епископамъ, и прочимъ духовнымъ.

«Понеже вы нынѣ уже довольно слышали о малослыханномъ въ свѣтѣ преступленіи сына моего противъ насъ, яко отца и государя своего, и, хотя я довольно власти надъ онымъ, по божественнымъ и гражданскимъ правамъ, имѣю, а особливо по правамъ Россійскимъ (которыя судъ между отца и дѣтей, и у партикулярныхъ людей, весьма отмещутъ), учинить за преступленіе по волѣ моей, безъ совѣта другихъ, а, однакожъ, боюсь Бога, дабы не погрѣшить: ибо натурально есть, что люди въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, нежели другіе — въ ихъ; такожъ и врачи: хотя бѣ

и всѣхъ искусиѣе который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лѣчить, но призываетъ другихъ; — подобнымъ образомъ и мы сію болѣзнь свою вручаемъ вамъ, прося лѣченія оной, боясь вѣчныя смерти. Ежели бь одинъ самъ оную лѣчилъ, иногда бы не позналъ силы въ своей болѣзни, а наипаче въ томъ, что я, съ клятвою суда Божія, письменно обѣщаль оному своему сыну прощеніе и потомъ словесно подтвердилъ, — ежели истинно вины свои скажетъ. Но, хотя онъ сіе и нарушилъ утайкою наиважнѣйшихъ дѣлъ и особливо замысла своего бунтовнаго противу насъ, яко родителя и государя своего, однакожь мы, вспоминая слово Божіе, гдѣ увѣщаваетъ въ таковыхъ дѣлахъ вопрошать и чина священнаго, какъ написано во главѣ 17 Второзаконія, желаемъ отъ васъ архіереевъ и всего духовнаго чина, яко учителей слова Божія, — не издадите каковый о семь декретъ, но да взыщете и покажете отъ священнаго Писанія намъ истинное наставленіе и разсужденіе, какого наказанія сіе богомерзкое и Авессаломову прикладу уподобляющееся намѣреніе сына нашего, по божественнымъ заповѣдямъ и прочимъ святаго Писанія прикладамъ и по законамъ, достойно. И то намъ дать за подписаніемъ рукъ своихъ на письмѣ, дабы мы, изъ того усмотря, неотягченную совѣсть въ семь дѣлъ имѣли. Въ чемъ мы на васъ, яко по достоинству блюститѣлей заповѣдей Божіихъ и вѣрныхъ пастырей Христова стада и доброжелательныхъ отечествія, надѣемся и судомъ Божіимъ и священствомъ вашимъ заклинаемъ, да безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія въ томъ поступите.

Петръ».

Архіереи отвѣтили:

«Сіе дѣло весьма есть гражданскаго суда, а не духовнаго, и власть превысочайшая сужденію подданныхъ своихъ не подлежитъ, но творить, что хочетъ, по своему усмотрѣнію, безъ всякаго совѣта степеней низшихъ; однакожь, понеже велѣно намъ, пріискали мы отъ священныхъ Писаній то, что возмнилося быть сему ужасному и безприкладному дѣлу сообщно».

Слѣдовали выписки изъ Ветхаго и Новаго завѣта, а въ заключеніе повторялось:

«Сіе дѣло не нашего суда; ибо кто насъ поставилъ судьями надъ тѣмъ, кто нами обладаетъ? Какъ могутъ главу наставлятъ члены, которые сами отъ нея наставляемы и обладаютъ? Къ тому же судъ нашъ духовный по духу долженъ быть, а не по плоти и крови: ниже вручена есть духовному чину власть меча желѣзнаго, но власть духовнаго меча. Все же сіе превысочайшему монаршескому разсужденію съ должнымъ покореніемъ подлагаемъ, да сотворитъ государь, что есть благоугодно предъ очами его: ежели, по дѣламъ и по мѣрѣ вины, захочетъ наказать падшаго, имѣть образцы Ветхаго завѣта; ежели благоизволитъ помиловать, имѣть образъ Самого Христа, который блуднаго сына принялъ и милость паче жертвы превознесъ. Кратко сказавъ: *сердце Царево въ руку Божію*. Да изберетъ ту часть, куда Божія рука его преклоняетъ».

Подписались:

«Смиранный Стефанъ, митрополитъ рязанскій».

«Смиранный Теофанъ, епископъ псковскій».

Еще четыре епископа, два митрополита греческихъ, ставропольскій и ѳѳаидскій, четыре архимандрита, въ томъ числѣ Ѳедось, и два іеромонаха—все будущіе члены Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

На главный вопросъ государя: о клятвѣ, данной сыну—простить его, во всякомъ случаѣ, отцы не отвѣтили вовсе.

Петръ, когда читалъ это разсужденіе, испытывалъ жуткое чувство: словно то, на что онъ хотѣлъ опереться, провалилось подъ нимъ, какъ истлѣвшее дерево.

Онъ достигъ того, чего самъ желалъ, но, можетъ-быть, слишкомъ хорошо достигъ: церковь покорилась царю такъ, что ее какъ бы не стало вовсе; вся церковь—онъ самъ.

А царевичъ объ этомъ разсужденіи сказалъ съ горькой усмѣшкой:

— Хитрѣ-де чорта смиренныя! Еще духовной коллегіи нѣтъ, а уже научились духовной политикѣ.

Еще разъ почувствовалъ онъ, что церковь для него перестала быть церковью, и вспомнилъ слово Господне тому, о комъ сказано: «Ты—Петръ, Камень, и на семь камнѣ созижду Церковь Мою».

Когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, то прострешь руки твои и другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь.

IV.

Первое засѣданіе Верховнаго суда назначено было 17-го іюня въ аудіенцъ-залѣ Сената.

Въ числѣ судей были министры, сенаторы, генералы, губернаторы, гвардіи и флота капитаны, маіоры, поручики, подпоручики, прапорщики, оберъ-кригсъ-комиссары, чины новыхъ коллегій, и старые бояре, стольники, окольнічьи— всего гражданскаго и воинскаго чина 127 человекъ — «съ борка да съ сосенки», жаловались знатные. Иные даже не умѣли грамотѣ, такъ что не могли подписаться подъ приговоромъ.

Отслуживъ обѣдню Духу Святому у Троицы, для испрошенія помощи Божіей въ столь трудномъ дѣлѣ, судьи перешли изъ собора въ Сенатъ.

Въ палатѣ открыли окна и двери, не только для свѣжаго воздуха — день былъ знойный, предгрозный — но и для того, чтобы судъ имѣлъ видъ всенародный. Загородили, однако, рогатками, заперли шлагбаумами сосѣднія улицы, и цѣлый батальонъ лейбъ-гвардіи стоялъ подъ ружьемъ на площади, не пропуская «подлаго народа».

Царевича привели изъ крѣпости, какъ арестанта, подъ карауломъ четырехъ офицеровъ со шпагами наголо.

Въ аудіенцъ-залѣ находился тронъ. Но не на тронъ, а на простое кресло, въ верхнемъ концѣ открытаго четырехугольника, образуемаго рядами длинныхъ, крытыхъ алыми сукнами столовъ, за которыми сидѣли судьи, сѣлъ царь прямо противъ сына, какъ истецъ противъ отвѣтчика.

Когда засѣданіе объявили открытымъ, Петръ всталъ и произнесъ:

— Господа-Сенатъ и прочіе судьи! Прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, чему достойно, не флатируя и не похлѣбствуя, и отнюдь не опасаясь того, что, ежели дѣло сіе легкаго наказанія достойно, и вы такъ учините, мнѣ противно было бѣ, — въ чемъ клянусь Самимъ Богомъ и судомъ Его! Такожъ не разсуждайте того, что судъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко государя вашего, сына; но, несмотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія, и отечество наше безбѣдно.

Вице-канцлеръ Шафировъ прочелъ длинный перечень всѣхъ преступленій царевича, какъ старыхъ, уже объявленныхъ въ прежнихъ повинныхъ, такъ и новыхъ, которыя онъ, будто бы, скрылъ на первомъ розыскѣ.

— Признаешь ли себя виновнымъ?—спросилъ царевича князь Меншиковъ, назначенный президентомъ собранія.

Всѣ ждали того, что, такъ же какъ въ Москвѣ, въ Столовой палатѣ, царевичъ упадетъ на колѣни, будетъ плакать и молить о помилованіи. Но по тому, какъ онъ всталъ и оглянулъ собраніе спокойнымъ взоромъ, поняли, что теперь будетъ не то.

— Виновенъ я иль нѣтъ, не вамъ судить меня, а Богу единому, — началъ онъ и сразу наступила тишина; всѣ слушали, притаивъ дыханіе. — И какъ судить по правдѣ, безъ вольнаго голоса? А ваша воля гдѣ? Рабы государевы — въ ротъ ему смотрите: что велить, то и скажете. Одно званіе суда, а дѣломъ — беззаконье и тиранство лютое! Знаете басню, какъ съ волкомъ ягненокъ судился? И вашъ судъ волчій. Какова ни будь правда моя, все равно засудите. Но если бы не вы, а весь народъ російскій судилъ меня съ батюшкой, то было бы на томъ судѣ не то, что здѣсь. Я народъ пожалѣлъ. Великъ, великъ, да тяжеленекъ Петръ — и не вздохнуть подъ нимъ. Сколько душъ загублено, сколько крови пролито! Стономъ стонетъ земля. Аль не видите, не

слышите?.. Да что говорить! Какой вы Сенать — холопы царскіе, хамы, хамы всё до одинаго!..

Ропоть возмущенія заглушилъ послѣднія слова царевича. Но никто не смѣлъ остановить его. Всѣ смотрѣли на царя, ждали, что онъ скажетъ. А царь молчалъ. На застывшемъ, какъ будто окаменѣломъ лицѣ его ни одинъ мускуль не двигался. Только взоръ горящихъ, широко раскрытыхъ глазъ уставился въ глаза царевичу.

— Что молчишь, батюшка? — вдругъ обернулся онъ къ отцу съ безпощадной усмѣшкой. — Аль правду слушать въ диковину? Отрубить бы велѣлъ мнѣ голову попросту, я бъ слова не молвилъ. А вздумалъ судиться, такъ любо, не любо, — слушай! Когда манилъ меня къ себѣ изъ протекціи цесарской, не клялся ли Богомъ и судомъ Его, что все простишь? Гдѣ жъ клятва та? Опозорилъ себя передъ всею Европою! Самодержецъ Россійскій — клятворагатель и лжець!..

— Сего слушать не можно! Оскорбленіе величества! Помѣшался въ умѣ! Вывести, вывести вонъ! — слышался гулъ голосовъ.

Къ царю подбѣжалъ Меньшиковъ и что-то сказалъ ему на ухо. Но царь молчалъ, какъ будто ничего не видѣлъ и не слышалъ въ своемъ оцѣпенѣніи, подобномъ столбняку, и мертвое лицо его было какъ лицо изваянія.

— Кровь сына, кровь русскихъ царей на плаху ты первый прольешь! — опять заговорилъ царевичъ, и казалось, что онъ уже не отъ себя говоритъ: слова его звучали, какъ пророчество. — И падеть сія кровь отъ главы на главу, до послѣднихъ царей, и погибнетъ весь родъ нашъ въ крови. За тебя накажетъ Богъ Россію!..

Петръ зашевелился медленно, грузно, съ неимовѣрнымъ усиліемъ, какъ будто стараясь приподняться изъ-подъ страшной тяжести; наконецъ поднялся, лицо исказилось неистойвой судорогой, точно лицо изваянія ожило, губы разжались, и вылетѣлъ изъ горла сдавленный хрипъ:

— Молчи, молчи... проклянущу!..

— Проклянешь? — крикнулъ царевичъ въ изступленіи, бросился къ царю и поднялъ надъ нимъ руки.

Всѣ замерли въ ужасѣ. Казалось, что онъ ударить отца или плюнетъ ему въ лицо.

— Проклянешь?.. Да я тебя самъ... Злодѣй, убійца, звѣрь, антихристъ!.. Будь проклятъ! проклятъ! проклятъ!..

Петръ повалился навзничъ въ кресло и выставилъ руки впередъ, какъ будто защищаясь отъ сына.

Всѣ вскочили. Произошло такое смятеніе, какъ во время пожара или убійства. Одни закрывали окна и двери; другіе выбѣгали вонъ изъ палаты; иные окружили царевича и тащили прочь отъ отца; иные спѣшили на помощь къ царю. Ему было дурно. Съ нимъ сдѣлался такой же припадокъ, какъ мѣсяцъ назадъ, въ Петергофѣ. Засѣданіе объявили закрытымъ.

Но въ ту же ночь Верховный судъ опять собрался и приговорилъ царевича пытать.

V.

«Обрядъ, како обвиненный пытается.

«Для пытки приличившихся въ злодѣйствахъ, сдѣлано особое мѣсто, называемое застѣнокъ, огороженъ палисадникомъ и покрытъ для того, что при пыткахъ бываютъ судьи и секретарь и для записки пыточныхъ рѣчей подьячій.

«Въ застѣнкѣ же для пытки сдѣлана дыба, состоящая въ трехъ столбахъ, изъ которыхъ два вкопаны въ землю, а третій сверху, поперекъ.

«И когда назначено будетъ время, то катъ или палачъ явиться долженъ въ застѣнокъ съ инструментами; а оные суть: хомутъ шерстяной; къ нему пришита веревка долгая; кнутья и ремень.

«По приходѣ судей въ застѣнокъ, долгую веревку палачъ перекинетъ чрезъ поперечный въ дыбѣ столбъ и, взявъ подлежащаго къ пыткѣ, руки назадъ заворотитъ, и, положи ихъ въ хомутъ, чрезъ приставленныхъ для того людей встя-

гиваетъ, дабы пытаный на землѣ не стоялъ, у котораго руки и выворотить совсѣмъ назадъ, и онъ на нихъ висить; потомъ свяжетъ ремнемъ ноги и привязываетъ къ сдѣланному нарочно впереди дыбы столбу; и, растянувши симъ образомъ, бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ и все записывается, что таковой сказывать станетъ».

Когда утромъ 19 іюня привели царевича въ застѣнокъ, онъ еще не зналъ о приговорѣ суда.

Палачъ Кондрашка Тютюнъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Раздѣвайся!

Онъ все еще не понималъ.

Кондрашка положилъ ему руку на плечо. Царевичъ оглянулся на него и понялъ, но какъ будто не испугался. Пустота была въ душѣ его. Онъ чувствовалъ себя какъ во снѣ; и въ ушахъ его звенѣла пѣсенка давняго вѣщаго сна:

Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Точать ножи булатные,
Хотятъ тебя зарѣзати.

— Подымай! — сказалъ Петръ палачу.

Царевича подняли на дыбу. Дано 25 ударовъ.

Черезъ три дня царь послалъ Толстого къ царевичу:

— Сегодня, послѣ обѣда, съѣзди, спроси и запиши не для розыску, но для вѣдѣнія:

1. Что есть причина, что не слушалъ меня и ни мало ни въ чемъ не хотѣлъ угодное дѣлать; а вѣдалъ, что сіе въ людяхъ не водится, также грѣхъ и стыдъ?

2. Отчего такъ безстрашенъ былъ и не опасался наказанія?

3. Для чего иною дорогою, а не послушаніемъ, хотѣлъ наслѣдства?

Когда Толстой вошелъ въ тюремный казематъ Трубецкаго раската, гдѣ заключенъ былъ царевичъ, онъ лежалъ на койкѣ. Блюментрость дѣлалъ ему перевязку, осматривалъ на спинѣ рубцы отъ кнута, снималъ старые бинты и накладывалъ новые, съ освѣжительными примочками. Лейбъ-ме-

дику велѣно было вылѣчить его, какъ можно скорѣе, дабы приготовить къ слѣдующей пыткѣ.

Царевичъ былъ въ жару и бредилъ:

— Ѳедоръ Францовичъ! Ѳедоръ Францовичъ! Да прогони ты ее, прогони, ради Христа... Вишь, мурлычить, проклятая, ластится, а потомъ какъ вскочить на грудь, стапетъ душить, сердце когтями царапать...

Вдругъ очнулся и посмотрѣлъ на Толстого:

— Чего тебѣ?

— Отъ батюшки.

— Опять пытать?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Петровичъ! Не бойся. Не для розыска, а только для вѣдѣнія.

— Ничего, ничего, ничего я больше не знаю! — застоналъ и заметался царевичъ. — Оставьте меня! Убейте, только не мучьте! А если убить не хотите, дайте яду, аль бритву, — я самъ... Только скорѣе, скорѣе, скорѣе!..

— Что ты, царевичъ! Господь съ тобою, — глядя на него нѣжнымъ бархатнымъ взоромъ, заговорилъ Толстой тихимъ бархатнымъ голосомъ.

— Дастъ Богъ, все обойдется. Перемелется—мука будетъ. Полегоньку да потихоньку. Ладкомъ да миркомъ. Мало ли чего на свѣтѣ не бываетъ. Дѣло житейское. Богъ терпѣлъ и намъ велѣлъ. Аль думаешь, мнѣ тебя не жаль, родимый?..

Онъ вынулъ свою неизмѣнную табакерку съ аркадскимъ пастушкомъ и пастушкою, понюхалъ и смахнулъ слезинку.

— Охъ, жаль, болѣзненный ты нашъ, такъ тебя жаль, что, кажись, душу бы отдалъ!..

И, наклонившись къ нему, прибавилъ быстрымъ шопотомъ:

— Вѣрь, не вѣрь, а я тебѣ всегда добра желалъ и теперь желаю...

Вдругъ запнулся, не кончилъ подъ взоромъ широко открытыхъ недвижныхъ глазъ царевича, который медленно приподымался съ подушекъ:

— Иуда Предатель! Вотъ тебѣ за твое добро! — плюнулъ онъ Толстому въ лицо и съ глухимъ стономъ, — долженъ быть, повязка слѣзла, — повалился навзничь.

Лейбъ-медикъ бросился къ нему на помощь и крикнулъ Толстому:

— Уходите, оставьте его въ покоѣ, или я ни за что не отвѣчаю!

Царевичъ опять началъ бредить:

— Вишь, уставилась... Глазища, какъ свѣчи, а усы торчкомъ, совсѣмъ какъ у батюшки... Брысь, брысь!.. Федоръ Францовичъ, Федоръ Францовичъ, да прогони ты ее, ради Христа!..

Блюментрость давалъ ему нюхать спиртъ и клалъ ледъ на голову.

Наконецъ онъ опять пришелъ въ себя и посмотрѣлъ на Толстого, уже безъ всякой злобы, видимо, забывъ объ оскорбленіи.

— Петръ Андреичъ, я вѣдь знаю, сердце у тебя доброе. Будь же другомъ, заставь за себя Бога молить! Выпроси у батюшки, чтобъ съ Афросей мнѣ видѣться...

Толстой припалъ осторожно губами къ перевязанной рукѣ его и проговорилъ голосомъ, дрожавшимъ отъ искреннихъ слезъ:

— Выпрошу, выпрошу, миленькій, все для тебя сдѣлаю! Только бы вотъ какъ-нибудь намъ по вопроснымъ-то пунктамъ отвѣтить. Немного ихъ, всего три пунктика...

Онъ прочелъ вслухъ вопросы, писанные рукою царя. Царевичъ закрылъ глаза въ изнеможеніи.

— Да вѣдь что жъ отвѣчать-то, Андреичъ? Я все сказалъ, видитъ Богъ, все. И словъ нѣтъ, мыслей нѣтъ въ головѣ. Совсѣмъ одурѣлъ...

— Ничего, ничего, батюшка! — заторопился Толстой, придвигая столъ, доставая бумагу, перо и чернильницу. — Я тебѣ говорить буду, а ты только пиши...

— Писать-то сможетъ? — обратился онъ къ лейбъ-медику и посмотрѣлъ на него такъ, что тотъ увидѣлъ въ этомъ взорѣ непреклонный взоръ царя.

Блюментрость пожалъ плечами, проворчалъ себѣ подъ носъ: «Варвары!», и снялъ повязку съ правой руки царевича.

Толстой началъ диктовать. Царевичъ писалъ съ трудомъ, кривыми буквами, нѣсколько разъ останавливался; голова кружилась отъ слабости, перо выпадало изъ пальцевъ. Тогда Блюментрость давалъ ему возбуждающихъ капель. Но лучше капель дѣйствовали слова Толстого:

— Съ Афросьюшкой свидишься. А можетъ, и совсѣмъ простить, жениться позволить! Пиши, пиши, миленькій!

И царевичъ опять принимался писать.

«1718 года, іюня въ 22 день, по пунктамъ, по которымъ спрашивалъ меня господинъ Толстой, отвѣтствую:

«1. Моего къ отцу непослушанія причина та, что съ младенчества моего жилъ съ мамой и съ дѣвками, гдѣ ничему иному не обучился, кромѣ избныхъ забавъ, а также научился ханжить, къ чему я и отъ природы склоненъ. И отецъ мой, имѣя о мнѣ попеченіе, чтобъ я обучался дѣламъ, которыя пристойны царскому сыну, велѣлъ мнѣ учиться нѣмецкому языку и другимъ наукамъ, что мнѣ было зѣло противно, и чинилъ то съ великою лѣнностью, только чтобъ время проходило, а охоты къ тому не имѣлъ. А понеже отецъ мой часто тогда былъ въ воинскихъ походахъ и отъ меня отлучался, того ради тѣ люди, которые при мнѣ были, видя мою склонность ни къ чему иному, только чтобъ ханжить и конверсацію имѣть съ попами и чернецами и къ нимъ часто ѣздить и подпивать, въ томъ во всемъ не токмо мнѣ не претили, но и сами то жъ со мною дѣлали. И отводили меня отъ отца моего, и мало-по-малу, не токмо воинскія и прочія отца моего дѣла, но и самая его особа зѣло мнѣ омерзѣла.

«2. А что я былъ безстрашенъ и не боялся за непослушаніе отъ отца своего наказанія, — и то происходило не отъ чего иного, токмо отъ моего злонравія, какъ самъ истинно признаю, — понеже, хотя имѣлъ страхъ отъ него, но не сыновскій.

«3. А для чего я иною дорогою, а не послушаніемъ хотѣлъ наслѣдства, то можетъ всякъ легко разсудить, что,

когда я уже отъ прямой дороги вовсе отбился и не хотѣлъ ни въ чемъ отцу моему послѣдовать, то какимъ же былъ инымъ образомъ искать наслѣдства, кромѣ того, какъ дѣлалъ, хотя свое получить черезъ чужую помощь? И ежели бѣ до того дошло, и цесарь бы началъ то производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщаль, дабы вооруженною рукою доставать мнѣ короны россійской, то бѣ я тогда, не жалѣя ничего, доступалъ наслѣдства, а именно: ежели бы цесарь за то пожелалъ войскъ россійскихъ въ помощь себѣ противъ какого-нибудь своего непріятеля, или бы пожелалъ великой суммы денегъ, то бѣ я все по его волѣ учинилъ также и министрамъ его и генераламъ далъ бы великіе подарки. А войска его, которыя бы мнѣ онъ далъ въ помощь, чѣмъ бы доступать короны россійской, взялъ бы на свое иждивеніе и, однимъ словомъ сказать, ничего бы не пожалѣлъ, только чтобы исполнить въ томъ свою волю

Алексѣй».

Подписавъ, онъ вдругъ опомнился, какъ будто очнулся отъ бреда, и съ ужасомъ понялъ, что дѣлаетъ. Хотѣлъ закричать, что все это ложь, схватить и разорвать бумагу. Но языкъ и всѣ члены поднялись, какъ у погребаемыхъ заживо, которые все слышатъ, все чувствуютъ и не могутъ пошевелиться, въ оцѣпенѣннн смертнаго сна. Безъ движенія безъ голоса, смотрѣлъ онъ, какъ Толстой складывалъ пряталъ бумагу въ карманъ.

На основаніи этого послѣдняго показанія, прочитаннаго въ присутствіи Сената, 24 іюня, Верховный судъ постановилъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, министры, сенаторы, и воинскаго, и гражданскаго стану чины, по здравому разсужденію и по христіанской совѣсти, по заповѣдямъ Божиимъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ, по священнымъ писаніямъ святог Евангелія и Апостоль, каноновъ и правилъ соборовъ святыхъ отецъ и церковныхъ учителей, по статьямъ римскихъ и греческихъ цесарей и прочихъ государей христіанскихъ

такожъ по правамъ всероссійскимъ, единогласно и безъ всякаго прекословія, согласились и приговорили, что онъ, царевичъ Алексѣй, за умысль бунтовный противъ отца и государя своего и намѣренный изъ давнихъ лѣтъ подыскъ и произыскиваніе къ престолу отеческому, при животѣ государя отца своего, не токмо чрезъ бунтовщиковъ, но и чрезъ чужестранную цесарскую помощь и войска иноземныя, съ разореніемъ всего государства, — достоинъ смерти».

VI.

Въ тотъ же день его опять пытали. Дали 15 ударовъ и, не кончивъ пытки, сняли съ дыбы, потому что Блюментрость объявилъ, что царевичъ плохъ и можетъ умереть подь кнутомъ.

Ночью сдѣлалось ему такъ дурно, что караульный офицеръ испугался, побѣжалъ и доложилъ коменданту крѣпости, что царевичъ помираетъ, — какъ бы не померъ безъ покаянія. Комендантъ послалъ къ нему гварнизоннаго попа, о. Матеея. Тотъ сначала не хотѣлъ итти и молилъ коменданта:

— Увольте, ваше благородіе! Я къ таковымъ дѣламъ необыченъ. Дѣло сіе страшное, царственное. Попадешь въ отвѣтъ — не открутишься. У меня жена, дѣти... Сми-луйтесь!

Комендантъ обѣщаль все взять на себя, и о. Матеей, скрѣпя сердце, пошелъ.

Царевичъ лежалъ безъ памяти, никого не узнавалъ и бредилъ.

Вдругъ открылъ глаза и уставился на о. Матеея.

— Ты кто?

— Гварнизонный священникъ, о. Матеей. Исповѣдывать тебя прислали.

— Исповѣдывать?.. А почему у тебя, батька, голова телячья?.. Вотъ и лицо въ шерсти, и рога на лбу...

О. Матеей молчалъ, потупивъ глаза.

— Такъ какъ же, государь царевичъ, угодно исповѣдаться? — наконецъ, проговорилъ онъ съ робкою надеждой, что тотъ откажется.

— А знаешь ли, попъ, царскій указъ, коимъ объ открытой на исповѣди измѣнѣ или бунтѣ вамъ, духовнымъ отцамъ, въ тайную канцелярію доносить повелѣвается?

— Знаю, ваше высочество!

— И буде я тебѣ что на духу открою, донесешь?

— Какъ же быть, царевичъ? Мы люди подневольные... Жена, дѣти... — пролепеталъ о. Матеей и подумалъ: «Ну вотъ, начинается!»

— Такъ прочь, прочь, прочь отъ меня, телячья твоя голова! — крикнулъ царевичъ яростно. — Холопъ царя російскаго! Хамы, хамы вы всѣ до одинаго! Были орлы, а стали волы подъяремные! Церковь антихристу продали! Умру безъ покаянія, а Даровъ твоихъ не причащусь!.. Кровь змѣина, тѣло сатанино...

О. Матеей отшатнулся въ ужасѣ. Руки у него такъ задрожали, что онъ едва не выронилъ чаши съ Дарами.

Царевичъ взглянулъ на нее и повторилъ слова раскольничьяго старца:

— Знаешь ли, чему подобенъ Агнецъ вашъ? Подобенъ псу мертву, повержену на стогнахъ града! Какъ причастился — только и житія тому человѣку: таково-то Причастіе ваше емко — что мышьякъ, аль сулема; во всѣ кости и мозги пробѣжить скоро, до самой души лукавой промчитъ — отдыхай-ка послѣ въ гееннѣ огненной и въ пламени адскомъ стони, яко Каинъ, необратный грѣшникъ... Отравить меня хотите, да не дамся вамъ!

О. Матеей убѣжалъ.

Черный котъ-оборотень вспрыгнулъ на шею царевичу и началъ душить его, царапать ему сердце когтями.

— Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставилъ? — стоналъ и метался онъ въ смертной тоскѣ.

Вдругъ почувствовалъ, что у постели, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ только что сидѣлъ о. Матеей, теперь сидитъ кто-то другой. Открылъ глаза и взглянулъ.

Это былъ маленькій, сѣденькій старичокъ. Онъ опустилъ голову такъ, что царевичъ неясно видѣлъ лицо его. Старичокъ похожъ былъ не то на о. Ивана, ключаря Благовѣщенскаго, не то на столѣтняго дѣда-пасѣчника, котораго Алексѣй встрѣтилъ однажды въ глуши новгородскихъ лѣсовъ, и который все, бывало, сидѣлъ въ своемъ пчельникѣ, среди ульевъ, грѣлся на солнцѣ, весь бѣлый какъ лунь, пропахшій насквозь медомъ и воскомъ; его тоже звали Иваномъ.

— Отецъ Иванъ? аль дѣдушка? — спросилъ царевичъ.

— Иванъ, Иванъ — я самый и есть! — молвилъ старичокъ ласково, съ тихой улыбкой, и голосъ у него былъ тихій, какъ жужжаніе пчелъ или далекій благовѣсть. Отъ этого голоса царевичу стало страшно и сладко. Онъ все старался увидѣть лицо старичка и не могъ.

— Не бойся, не бойся, дитятко, не бойся, родненькій, — проговорилъ онъ еще тише и ласковѣй. — Господь послалъ меня къ тебѣ, а за мной и Самъ будетъ скоро.

Старичокъ поднялъ голову. Царевичъ увидѣлъ лицо юное, вѣчное и узналъ Іоанна, Сына Громова.

— Христось воскресе, Алешенька!

— Воистину воскресе! — отвѣтилъ царевичъ, и великая радость наполнила душу его, какъ тогда, у Троицы, на Свѣтлой Христовой заутренѣ.

Іоаннъ держалъ въ рукахъ своихъ какъ бы солнце: то была чаша съ Плотью и Кровью.

— Во имя отца и Сына, и Духа Святаго.

Онъ причастилъ царевича. И солнце вошло въ него, и онъ почувствовалъ, что нѣтъ ни скорби, ни страха, ни боли, ни смерти, а есть только вѣчная жизнь, вѣчное солнце — Христось.

VII.

Утромъ, осматривая больного, Блюментрость удивилась: лихорадка прошла, раны затягивались; улучшение было такъ внезапно, что казалось чудомъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу—радовался нѣмецъ, — теперь все до свадьбы заживетъ!

Весь день чувствовалъ себя царевичъ хорошо; съ лица его не сходило выраженіе тихой радости.

Въ полдень объявили ему смертный приговоръ

Онъ выслушалъ его спокойно, перекрестился и спросилъ, въ какой день казнь. Ему отвѣтили, что день еще не назначенъ.

Принесли обѣдъ. Онъ ѣлъ охотно. Потомъ попросилъ открыть окно.

День былъ свѣжій и солнечный, какъ будто весенній. Вѣтеръ приносилъ запахъ воды и травы. Подъ самымъ окномъ, изъ щелей крѣпостной стѣны росли желтые одуванчики.

Онъ долго смотрѣлъ въ окно; тамъ пролетали ласточки съ веселыми криками; сквозь тюремныя рѣшетки небо казалось такимъ голубымъ и глубокимъ, какъ никогда на волѣ.

Къ вечеру солнце освѣтило бѣлую стѣну у изголовья царевича. И почудился ему въ этомъ лучѣ бѣлый какъ лунь старичокъ съ юнымъ лицомъ, съ тихой улыбкой и чашей въ рукахъ, подобной солнцу. Глядя на него, заснулъ онъ такъ тихо и сладко, какъ уже давно не спалъ.

На слѣдующій день, въ четвергъ, 26 іюня, въ 8 часовъ утра, опять собрались въ гварнизонномъ застѣнкѣ царь, Меншиковъ, Толстой, Долгорукій, Шафировъ, Апраксинъ и прочіе министры. Царевичъ былъ такъ слабъ, что его перенесли на рукахъ изъ каземата въ застѣнокъ.

Опять спрашивали: «Что еще больше есть въ тебѣ? Не поклепалъ ли, не утаилъ ли кого?—но онъ уже ничего не отвѣчалъ.

Подняли на дыбу. Сколько дано было плетей, никто не зналъ — били безъ счета.

Послѣ первыхъ ударовъ, онъ вдругъ затихъ, пересталъ стонать и охать, только всѣ члены напряглись и вытянулись, какъ будто окоченѣли. Но сознание, должно-быть, не покидало его. Взоръ былъ ясенъ, лицо спокойно, хотя что-то

было въ этомъ спокойствіи, отъ чего и самымъ привычнымъ къ виду страданій становилось жутко.

— Нельзя больше бить, ваше величество!—говорилъ Блюментрость на ухо царю. Умереть можетъ. И бесполезно. Онъ уже ничего не чувствуетъ: каталепсія...

— Что? — посмотрѣль на лейбъ-медика царь съ удивленіемъ.

— Каталепсія — это такое состояніе... — началъ тотъ объяснять по-нѣмецки.

— Самъ ты каталепсія, дуракъ! — оборвалъ его Петръ и отвернулся.

Чтобы перевести духъ, палачъ остановился на минуту.

— Чего зѣваешь? Бей! — крикнулъ царь.

Палачъ опять принялся бить. Но царю казалось, что онъ уменьшаетъ силу ударовъ нарочно, жалѣя царевича. Жалость и возмущеніе чудились Петру на лицахъ всѣхъ окружающихъ.

— Бей же, бей!—вскочилъ онъ и топнулъ ногою въ ярости; всѣ посмотрѣли на него съ ужасомъ: казалось, что онъ сошелъ съ ума. — Бей во-всю, говорятъ! Аль разучился?

— Да я и то бью. Какъ еще бить-то? — проворчалъ себѣ подъ носъ Кондрашка и опять остановился.—По-русски бьемъ, у нѣмцевъ не учились. Мы люди православные. Долго ли грѣха взять на душу? Немудрено забить и до смерти. Вишь, чуть дышитъ, сердечный. Не скотина, чай,—тоже душа христіанская!

Царь подбѣжалъ къ палачу.

— Погоди, чортовъ сынъ, ужо самого отдеру, такъ научишься!

— Ну что жъ, государь, поучи — воля твоя! — посмотрѣль тотъ на царя исподлобья угрюмо.

Петръ выхватилъ плеть изъ рукъ палача. Всѣ бросились къ царю, хотѣли удержать его, но было поздно. Онъ замахнулся и ударилъ сына изо всей силы. Удары были неумѣлые, но такіе страшные, что могли переломить кости.

Царевичъ обернулся къ отцу, посмотрѣль на него, какъ будто хотѣль что-то сказать, и этотъ взоръ напомнилъ

Петру взоръ темнаго Лика въ терновомъ вѣнцѣ на древней иконѣ, передъ которой онъ когда-то молился Отцу мимо Сына и думаль, содрогаюсь отъ ужаса: «Что это значить — Сынъ и Отецъ?» И опять, какъ тогда, словно бездна разверзлась у ногъ его, и оттуда повѣяло холодомъ, отъ котораго на головѣ его зашевелились волосы

Преодолевая ужась, подняль онъ плеть еще разъ, но почувствовалъ на пальцахъ липкость крови, которой была смочена плеть, и отбросиль ее съ омерзѣніемъ.

Всѣ окружили царевича, сняли съ дыбы и положили на полъ.

Петръ подошелъ къ сыну.

Царевичъ лежалъ, закинувъ голову; губы полуоткрылись, какъ будто съ улыбкою, и лицо было свѣтлое, чистое, юное, какъ у пятнадцатилѣтняго мальчика. Онъ смотрѣль на отца попрежнему, словно хотѣль ему что-то сказать.

Петръ сталъ на колѣни, склонился къ сыну и обняль голову его.

— Ничего, ничего, родимый! — прошепталъ царевичъ. — Мнѣ хорошо, все хорошо. Буди воля Господня во всемъ.

Отецъ припаль устами къ устамъ его. Но онъ уже ослабѣль и поникъ на рукахъ его; глаза помутились, взоръ потухъ.

Петръ всталъ, шатаясь.

— Умереть? — спросиль онъ лейбъ-медика

— Можетъ-быть, до ночи выживеть, — отвѣтилъ тотъ.

Всѣ подбѣжали къ царю и повлекли его вонъ изъ палаты.

Петръ вдругъ весь опустился, ослабѣль, присмирѣль и сталъ послушень, какъ ребенокъ: шель, куда вели, дѣлалъ, что хотѣли.

Въ сѣняхъ застѣнка Толстой, замѣтивъ, что у царя руки въ крови, велѣль подать рукомойникъ. Онъ сталъ покорно умываться. Вода порозовѣла.

Его вывели изъ крѣпости, усадили въ шлюпку и отвезли во дворецъ.

Толстой и Меньшиковъ не отходили отъ царя. Чтобы занять и развлечь, говорили о постороннихъ дѣлахъ. Онъ слушалъ спокойно, отвѣчалъ разумно. Давалъ резолюціи, подписывалъ бумаги. Но потомъ не могъ вспомнить того, что дѣлалъ тогда, какъ будто провелъ все это время во снѣ, или въ обморокѣ. О сынѣ самъ не заговаривалъ, точно забылъ о немъ вовсе.

Наконецъ въ шестомъ часу вечера, когда донесли Толстому и Меньшикову, что царевичъ при смерти, они должны были напомнить о немъ государю. Тотъ выслушалъ разсѣяннo, какъ будто не понималъ, о чемъ говорятъ. Однако сѣлъ опять въ шлюпку и поѣхалъ въ крѣпость.

Царевича перенесли изъ пыточной палаты въ казематъ на прежнее мѣсто. Онъ уже не приходилъ въ себя.

Государь и министры пошли въ комнату умирающаго. Когда узнали, что онъ не причащался, то захлопотали, забѣгали съ растеряннымъ видомъ. Послали за соборнымъ протопопомъ, о. Георгіемъ. Онъ прибѣжалъ, запыхавшись, съ такимъ же испуганнымъ видомъ, какъ у всѣхъ, торопливо вынулъ изъ дароносицы запасные Дары, совершилъ глухую исповѣдь, пробормоталъ разрѣшительныя молитвы, велѣлъ приподнять голову умирающаго, поднесъ потиръ и лжицу къ самымъ губамъ его. Но губы были сжаты; зубы крѣпко стиснуты. Золотая лжица ударялась о нихъ и звенѣла въ трепетной рукѣ о. Георгія. На платъ спадали капли Крови. На лицахъ у всѣхъ былъ ужасъ.

Вдругъ въ безчувственномъ лицѣ Петра промелькнула гнѣвная мысль.

Онъ подошелъ къ священнику и сказалъ:

— Оставь! Не надо.

И царю показалось или только почудилось, что умирающій улыбнулся ему послѣднею улыбкою.

Въ тотъ же самый часъ, какъ вчера, на томъ же самомъ мѣстѣ, у изголовья царевича, солнце освѣтило бѣлую стѣну. Бѣлый какъ лунь старичокъ держалъ въ рукахъ чашу, подобную солнцу.

Солнце потухло. Царевичъ вздохнулъ, какъ вздыхаютъ засыпающія дѣти.

Лейбъ-медикъ пощупалъ руку его и сказалъ что-то на ухо Меншикову. Тотъ перекрестился и объявилъ торжественно:

— Его высочество, государь царевичъ Алексѣй Петровичъ, преставился.

Всѣ опустились на колѣни, кромѣ царя. Онъ былъ неподвиженъ. Лицо его казалось мертвѣе, чѣмъ лицо умершаго.

VIII.

«Въ Россіи когда-нибудь кончится все ужаснымъ бунтомъ, и самодержавіе падеть, ибо милліоны вопіютъ къ Богу противъ царя», писалъ ганноверскій резидентъ Веберъ изъ Петербурга, извѣщая о смерти царевича.

«Кронпринцъ скончался не отъ удара, какъ здѣсь утверждаютъ, а отъ меча или топора, — доносилъ резидентъ императорскій Плейеръ. Въ день его смерти никого не пускали въ крѣпость, и передъ вечеромъ заперли ее. Голландскій плотникъ, работавшій на новой башнѣ собора и оставшійся тамъ на ночь незамѣченнымъ, вечеромъ видѣлъ сверху, близъ пыточного каземата, головы какихъ-то людей и рассказалъ о томъ своей тещѣ, повивальной бабкѣ голландскаго резидента. Тѣло кронпринца положено въ простой гробъ изъ плохихъ досокъ; голова нѣсколько прикрыта, а шея обвязана платкомъ со складками, какъ бы для бритья».

Голландскій резидентъ Яковъ де-Би послалъ донесеніе Генеральнымъ Штатамъ, что царевичъ умеръ отъ растворенія жилъ, и что въ Петербургѣ опасаются бунта.

Письма резидентовъ, вскрываемыя въ почтовой конторѣ, представлялись царю. Якова де-Би схватили, привели въ посольскую канцелярію и допрашивали «съ пристрастіемъ». Взяли за караулъ и голландскаго плотника, работавшаго на Петропавловскомъ шпицѣ, и тещу его, повивальную бабу.

Въ опроверженіе этихъ слуховъ послано отъ имени царя русскимъ резидентамъ при чужеземныхъ дворахъ

составленное Шафировымъ, Толстымъ и Меншиковымъ извѣстіе о кончинѣ царевича:

«По объявленіи сентенціи суда сыну нашему, мы, яко отецъ, боримы были натуральнымъ милосердія подвигомъ, съ одной стороны, попеченіемъ же должнымъ о цѣлости и впредь будущей безопасности государства нашего, съ другой,—и не могли еще взять въ семь многотрудномъ и важномъ дѣлѣ свсей резолюціи. Но Всемогущій Богъ, восхотѣвъ чрезъ Собственную волю и праведнымъ Своимъ судомъ, по милости Своей, насъ отъ такого сумнѣнія и домъ нашъ, и государство отъ опасности и стыда освободити, пресѣкъ вчерашняго дня (писано іюня въ 27 день) его, сына нашего Алексѣя, животъ, по приключившейся ему, при объявленіи оной сентенціи и обличеніи его толь великихъ противъ насъ и всего государства преступленій, жестокой болѣзни, которая вначалѣ была подобна апоплексіи. Но, хотя потомъ онъ и паки въ чистую память пришелъ и, по должности христіанской, исповѣдался и причастился св. Таинъ, и насъ къ себѣ просилъ, къ которому мы, презрѣвъ всѣ досады его, со всѣми нашими здѣ сущими министры и сенаторы пришли, и онъ чистое исповѣданіе и признаніе тѣхъ всѣхъ своихъ преступленій противъ насъ, со многими покаятельными слезами и раскаяніемъ, намъ принесъ и отъ насъ въ томъ прощеніе просилъ, которое мы, по христіанской и родительской должности, и дали. И тако, онъ сего іюня 26, около 6 часовъ пополудни, жизнь свою христіански скончалъ».

Слѣдующій за смертью царевича день, 27 іюня, девятуя годовщину Полтавы, праздновали, какъ всегда: на крѣпости подняли желтый, съ чернымъ орломъ, триумфальный штандартъ, служили обѣдню у Троицы, палили изъ пушекъ, пировали на почтовомъ дворѣ, а ночью — въ Лѣтнемъ саду, на открытой галлерей надъ Невою, у подножія петербургской Венусъ, какъ сказано было въ реляціи, довольно веселились, подъ звуки нѣжной музыки, подобной вздохамъ любви изъ царства Венусъ:

Покинь, Купидо, стрѣлы,
Уже мы всѣ не цѣлы.

Въ ту же ночь тѣло царевича положено въ гробъ и перенесено изъ тюремнаго каземата въ пустыя деревянныя хоромы близъ комендантскаго дома въ крѣпости.

Утромъ вынесено къ Троицѣ, и «дозволено всякаго чина людямъ, кто желалъ, приходитъ ко гробу его, царевича, и видѣть тѣло его, и со онымъ прощаться».

Въ воскресенье, 29 іюня, опять былъ праздникъ — тезоименитство царя. Опять служили обѣдню, палили изъ пушекъ, звонили во всѣ колокола, обѣдали въ Лѣтнемъ дворцѣ; вечеромъ прибыли въ Адмиралтейство, гдѣ спущенъ былъ новый фрегатъ *Старый Дубъ*; на кораблѣ происходила обычная попойка; ночью сожженъ фейерверкъ, и опять веселились довольно.

Въ понедѣльникъ, 30 іюня, назначены похороны царевича. Отпѣваніе было торжественное. Служили митрополитъ рязанскій Стефанъ, епископъ псковскій Теофанъ, еще шесть архіереевъ, два митрополита палестинскихъ, архимандриты, протопопы, іеромонахи, іеродіаконы и восемнадцать приходскихъ священниковъ. Присутствовали государь, государыня, министры, сенаторы, весь воинскій и гражданскій станъ. Несмѣтныя толпы народа окружали церковь.

Гробъ, обитый черномъ бархатомъ, стоялъ на высокомъ катафалкѣ, подъ золотою бѣлою парчею, охраняемый почетнымъ карауломъ четырехъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержантовъ, со шпагами наголо.

У многихъ сановниковъ головы болѣли отъ вчерашней попойки; въ ушахъ звенѣли пѣсни шутовъ:

Меня матушка плясамши родила,
А крестили во царевомъ кабакѣ.

И въ этотъ ясный лѣтній день казались особенно мрачными тусклое пламя надгробныхъ свѣчей, тихіе звуки надгробнаго пѣнія:

Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.

И заунывно повторяющійся возгласъ діакона:

Еще молимся о упокоеніи души усопшаго раба Божіа Алексія, и о еме проститися ему всякому прегрѣшенію вольному же и невольному.

И глухо замирающій вопль хора:

Надгробное рыданіе творяще пѣснь: аллилуія!

Кто-то въ толпѣ вдругъ заплакалъ громко, и содроганіе пронеслось по всей церкви, когда запѣли послѣднюю пѣснь:

Зряще мя безгласна и бездыханна, приидите, вси любящіе мя, и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ.

Первымъ подошелъ прощаться митрополитъ Стефанъ. Старикъ едва держался на ногахъ. Его вели подъ руки два протодіакона. Онъ поцѣловалъ царевича въ руку и въ голову, потомъ наклонился и долго смотрѣлъ ему въ лицо. Стефанъ хоронилъ въ немъ все, что любилъ — всю старину московскую, патріаршество, свободу и величіе древней церкви, свою послѣднюю надежду — «надежду Россійскую».

Послѣ духовныхъ по ступенямъ катафалка взошелъ царь. Лицо его было такое же мертвое, какъ всѣ послѣдніе дни. Онъ взглянулъ въ лицо сына.

Оно было свѣтло и молодо, какъ будто еще просвѣтлѣло и помолодѣло послѣ смерти. На губахъ улыбка говорила: все хорошо, буди воля Господня во всемъ.

И въ неподвижномъ лицѣ Петра что-то задрожало, задвигалось, какъ будто открывалось съ медленнымъ, страшнымъ усиліемъ, наконецъ открылось, и мертвое лицо ожило, просвѣтлѣло, точно озаренное свѣтомъ отъ лица усопшаго.

Петръ склонился къ сыну и прижалъ губы къ холоднымъ губамъ его. Потомъ поднялъ глаза къ небу — всѣ увидѣли, что онъ плачетъ — перекрестился и сказалъ:

— Буди воля Господня во всемъ.

Онъ теперь зналъ, что сынъ оправдаетъ его передъ Вѣчнымъ Судомъ и тамъ объяснить ему то, чего не могъ понять онъ здѣсь: что значитъ — Сынъ и Отецъ?

IX.

Народу объявили такъ же, какъ чужеземнымъ дворамъ, что царевичъ умеръ отъ удара.

Но народъ не повѣрилъ. Одни говорили, что онъ умеръ отъ побоевъ отца. Другіе покачивали головами сомнительно: «Скоро-де это дѣло сдѣлалось!» А иные утверждали прямо, что, вмѣсто царевича, положено въ гробъ тѣло какого-то лейбъ-гвардіи сержанта, который лицомъ похожъ на него, а самъ царевичъ, будто бы, живъ, отъ отца убѣжалъ не то въ скиты за Волгу, не то въ степныя станицы, «на вольныя рѣки», и тамъ скрывается.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ Яменской казачьей станицѣ, на рѣкѣ Бузулукѣ, появился нѣкій Тимошей Труженикъ, по виду нищій бродяга, который на вопросы: кто онъ и откуда? — отвѣчалъ явно:

— Съ облака, съ воздуха. Отецъ мой — костыль, сума — матушка. Зовутъ меня Труженикъ, понеже тружусь Богу на дѣло великое.

А тайно говорилъ о себѣ:

— Я не мужикъ и не мужичій сынъ; я орель, орловъ сынъ, мнѣ орлу и быть! Я — царевичъ Алексѣй Петровичъ. Есть у меня на спинѣ крестъ, а на лядвеѣ шпага родимая...

И другіе говорили о немъ:

— Не простой онъ человѣкъ, и быть ему такому человѣку, что потрясется вся земля!..

И въ ярлыкахъ подметныхъ, которые разсылались отъ него по казачьимъ станицамъ, было сказано:

«Благословенъ еси Боже нашъ! Мы, царевичъ Алексѣй Петровичъ, идемъ искать своихъ законовъ отчихъ и дѣдовскихъ, и на васъ, казаковъ, какъ на каменную стѣну покладаемся, дабы постояли вы за старую вѣру и за чернь, какъ было при отцахъ и дѣдахъ нашихъ. И вы, голытьба, бурлаки, босяки безпріютные, гдѣ нашего гласа не слышите, идите до насъ денно и ночью!»

Труженикъ ходилъ по степямъ и собиралъ вольницу, обѣщая «открыть Городище, въ коемъ есть знаменіе Пресвятыя Богородицы, и Евангеліе, и Крестъ, и знамена царя Александра Македонскаго; и онъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ, будетъ по тѣмъ знаменамъ царствовать; и тогда придетъ конецъ вѣка и наступитъ антихристъ; и сразится онъ, царевичъ, со всею силой вражьей и съ самимъ антихристомъ».

Труженика схватили, пытали и отрубили ему голову, какъ самозванцу.

Но народъ продолжалъ вѣрить, что истинный царевичъ Алексѣй Петровичъ, когда придетъ часъ его, — явится, сядетъ на отчій престолъ, бояръ переказнить, а чернь помиловать.

Такъ для народа остался онъ и послѣ смерти своей «надеждой Россійскою».

Х.

Окончивъ розыскъ о царевичѣ, Петръ 8 августа выѣхалъ изъ Петербурга въ Ревель моремъ, во главѣ флота изъ 22 военныхъ судовъ. Царскій корабль былъ новый, недавно спущенный съ Адмиралтейской верфи, девяностопушечный фрегатъ *Старый Дубъ* — первый корабль, построенный по чертежамъ царя, безъ помощи иноземцевъ, весь изъ русскаго лѣса, одними русскими мастерами.

Однажды вечеромъ, при выходѣ изъ Финскаго залива въ Балтійское море, Петръ стоялъ на кормѣ у руля и правилъ.

Вечеръ былъ ненастный. Тяжкія, черныя, словно желѣзныя, тучи громоздились низко надъ тяжкими, черными, тоже словно желѣзными, гребнями волнъ. Была сильная качка. Блѣдные клочья пѣны мелькали, какъ блѣдныя руки яростно грозящихъ призраковъ. Порою волны перехлестывали за бортъ и дождемъ соленыхъ брызгъ окачивали всѣхъ, стоявшихъ на палубѣ, и больше всѣхъ царя-кормчаго. Платье на немъ вымокло; ледяная сырость пронизывала; ледяной

вѣтеръ билъ въ лицо. Но, какъ всегда на морѣ, онъ чувствовалъ себя бодримъ, сильнымъ и радостнымъ. Смотрѣлъ пристально въ темную даль и твердою рукою правилъ. Все исполинское тѣло фрегата дрожало отъ натиска волнъ, но крѣпокъ былъ *Старый Дубъ* и слушался руля, какъ добрый конь — узды, прыгалъ съ волны на волну, иногда опускался, какъ будто нырялъ, въ сѣдыя пучины — казалось, не вынырнетъ, — но каждый разъ вылеталъ, торжествующій.

Петръ думалъ о сынѣ. Въ первый разъ думалъ обо всемъ, какъ о прошломъ — съ великою грустью, но безъ страха, безъ муки и раскаянія, чувствуя и здѣсь, какъ во всей своей жизни, волю Вышнихъ судебъ. «Великъ, великъ, да тяжеленекъ Петръ — и не вздохнуть подъ нимъ. Стономъ стонетъ земля!» вспомнились ему слова сына передъ Сенатомъ.

«Какъ же быть?» думалъ Петръ. — Стонетъ, небось, наковальня подъ молотомъ. Онъ, царь, и былъ въ рукѣ Господней молотомъ, который ковалъ Россію. Онъ разбудилъ ее страшнымъ ударомъ. Но, если бы не онъ, спала бы она и донынѣ сномъ смертнымъ.

И что случилось бы, останься царевичъ въ живыхъ?

Рано или поздно, воцарился бы, возвратилъ бы власть попамъ да старцамъ, длиннымъ бородамъ, а тѣ повернули бы назадъ отъ Европы въ Азію, угасили бы свѣтъ просвѣщенія — и погибла бы Россія.

— Будетъ штормъ! — молвилъ старый голландскій шкиперъ, подходя къ царю.

Тотъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ смотрѣть пристально вдаль.

Быстро темнѣло. Черныя тучи спускались все ниже и ниже къ чернымъ волнамъ.

Вдругъ, на самомъ краю неба, сквозь узкую щель изъподъ тучъ, сверкнуло солнце, какъ будто изъ раны брызнула кровь. И желѣзныя тучи, желѣзныя волны обагрились кровью. И чудно, и страшно было это кровавое море.

«Кровь! Кровь!» подумалъ Петръ и вспомнилъ пророчество сына:

«Кровь сына, кровь русскихъ царей, ты первый на плаху прольешь — и падеть сія кровьъ отъ главы на главу до послѣднихъ царей, и погибнетъ весь родъ нашъ въ крови. За тебя накажетъ Богъ Россію!»

— Нѣтъ, Господи! — опять, какъ тогда, передъ старой иконой съ темнымъ Ликомъ въ терновомъ вѣнцѣ, молился Петръ, мимо Сына Отцу, который жертвуетъ Сыномъ. — Да не будетъ сего! Кровь его на мнѣ, на мнѣ одномъ! Накажи меня, Боже, — помилуй Россію!

— Будетъ штормъ! — повторилъ старый шкиперъ, думая, что царь не слышалъ его. — Говорилъ я давеча вашему величеству — лучше бѣ вернуться назадъ...

— Не бойся, — отвѣтилъ Петръ съ улыбкою. — Крѣпокъ нашъ новый корабль: выдержитъ бурю. Съ нами Богъ!

И твердою рукою правилъ Кормчій по желѣзнымъ и кровавымъ волнамъ въ неизвѣстную даль.

Солнце зашло, наступилъ мракъ, и завывала буря.

ЭПИЛОГЪ.

Христосъ Грядущій.

I.

— Не истинна вѣра наша—и постоять не за что. О, если бы нашель я самую истинную вѣру, то отдалъ бы за нее плоть свою на мелкія части раздробить!

Эти слова одного странника, который прошелъ всѣ вѣры и ни одной не принялъ, часто вспоминалъ Тихонъ въ своихъ долгихъ скитаніяхъ послѣ бѣгства изъ лѣсовъ ветлужскихъ отъ Красной Смерти.

Однажды, позднею осенью, въ Нижегородской Печерской обители, гдѣ остановился онъ для отдыха и служилъ книгописцемъ, одинъ изъ монаховъ, о. Никодимъ, бесѣдуя съ нимъ наединѣ о вѣрѣ, сказалъ:

— Знаю, чего тебѣ надо, сынокъ! Живутъ на Москвѣ люди умные. Есть у нихъ вода живая. Той воды напившись, жаждать не будешь вовѣкъ. Ступай къ нимъ. Ежели сподобишься, откроютъ они тебѣ тайну великую...

— Какую тайну?—спросилъ Тихонъ жадно.

— А ты не спѣши, голубокъ,—возразилъ монахъ строго и ласково,—поспѣшишь, людей насмѣшишь. Ежели и впрямь хочешь тайнѣ той пріобщиться, искусь молчанія прими. Что ни увидишь, ни услышишь, — знай, молчи, да помалкивай. *Не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзаніе Ти дамъ, яко Иуда.* Разумѣешь?

— Разумѣю, отче! Какъ мертвецъ, безгласенъ буду...

— Ну, ладно,—продолжалъ о. Никодимъ.—Дамъ я тебѣ грамотку къ Парѣну Парамонычу, купцу Сафьянникову, мукой на Москвѣ торгуешь. Отвезешь ему поклонъ мой, да гостинчикъ махонькой, морошки керженской моченой кадушку. Кумовья мы съ нимъ старые. Онъ тебя приметъ. Ты по счетной части гораздъ, а ему такого молодца въ лавку надобно... Сейчасъ пойдешь, что ль, аль до весны погодишь? Время-то скоро зимнее. А у тебя одежишка плохонькая. Какъ бы не замерзъ?

— Сейчасъ, отче, сейчасъ!

— Ну, съ Богомъ, сынокъ!

О. Никодимъ благословилъ Тихона въ путь и далъ ему обѣщанную грамотку, которую позволилъ прочесть.

«Возлюбленному брату во Христѣ, Парѣну Парамонычу—радоваться.

«Се—отрокъ Тихонъ. Черствымъ хлѣбомъ не сытъ, пирожковъ хочетъ мягонькихъ. Накорми голоднаго. Миръ вамъ всѣмъ и радость о Господѣ.

Смиренный о. Никодимъ».

По зимнему первопутку, съ макарьевскимъ рыбнымъ обозомъ, отправился Тихонъ въ Москву.

Мучныя лавки Сафьянникова находились на углу Третьей Мѣщанской и Малой Сухаревой площади.

Здѣсь приняли Тихона, несмотря на письмо о. Никодима, подозрительно. Назначили на испытаніе подручнымъ къ дворнику для черной работы. Но, видя, что онъ малый трезвый, усердный и хорошо умѣетъ считать, перевели въ лавку и засадили за счетныя книги.

Лавка была, какъ лавка. Покупали, продавали, говорили объ убыткахъ и прибыляхъ. Иногда только шептались о чемъ-то по угламъ.

Однажды Митька крючникъ, простодушный, косолапый великанъ, весь обсыпанный бѣлою мучною пылью, таская на спинѣ кули, запѣлъ при Тихонѣ странную пѣсню:

Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ славной матушкѣ, каменной Москвѣ,
Во Мѣщанской Третьей улицѣ —

Не два солнышка сокаталися,
Тутъ два гостя ликовалися:
Поклоняется гость Иванъ Тимоѳеевичъ
Дорогому гостю богатому,
Данилѣ Филипповичу:
Ты добро, сударь, пожаловаль
Въ мою царскую палатушку
Хлѣба съ солью покушати,
И я радъ тебя послушати,
Про твое время послѣднее,
И про твой Божій страшный судъ.

— Митя, а Митя, кто такіе Данило Филипповичъ да Иванъ Тимоѳеевичъ?—спросилъ Тихонъ.

Застигнутый врасплохъ, Митька остановился, согнувшись подъ тяжестью огромнаго куля и выпучилъ глаза отъ удивленія:

— Аль Бога Саваоа да Христа не знаешь?

— Какъ же такъ Богъ Саваоа да Христосъ на Третьей Мѣщанской улицѣ?..—посмотрѣлъ на него Тихонъ съ еще бѣльшимъ удивленіемъ.

Но тотъ уже спохватился, и, уходя, проворчалъ угрюмо:

— Много будешь знать, рано состаришься...

Вскорѣ послѣ того у Митьки сдѣлалась ломота въ поясницѣ, должно-быть, надорвался, таскавши кули. Цѣлые дни лежалъ онъ въ своей подвальной каморкѣ, стоналъ и охалъ. Тихонъ посѣщалъ больного, поилъ шалфейной настойкой, натиралъ камфарнымъ духомъ и другими зельями отъ знакомаго нѣмца-аптекаря и, такъ какъ въ подвалѣ было сыро, то перевелъ Митьку въ свою теплую свѣтелку во второмъ жильѣ надъ главнымъ амбаромъ. У Митьки сердце было доброе. Онъ привязался къ Тихону и сталъ бесѣдовать съ нимъ откровеннѣе.

Изъ этихъ бесѣдъ, а также изъ пѣсенъ, которыя пѣвалъ онъ при немъ, узналъ Тихонъ, что въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, въ Муромскомъ уѣздѣ, въ Стародубской волости, въ приходѣ Егорьевскомъ, близъ деревень, Михайлицы и Бобынина, на гору Городину, передъ великимъ собраніемъ людей, «сокатилъ» на колесницѣ огнен-

ной, съ ангелами и архангелами, херувимами и серафимами, Самъ Господь Богъ Саваоѣ. Ангелы взлетѣли на небо, а Господь остался на землѣ, вселился въ пречистую плоть Данилы Филипповича, бѣглаго солдата, а мужика оброчнаго, Ивана Тимоѣевича объявилъ своимъ Сыномъ Единороднымъ, Исусомъ Христомъ. И пошли они ходить по землѣ въ образахъ нищенскихъ

Бѣгая отъ гонителей, терпѣли холодъ и голодъ, укрывались въ свиномъ хлѣву, въ ямѣ падежной, въ стогахъ соломы. Однажды спрятала ихъ баба въ подполье скотной избы. На полу стоялъ теленокъ и намочилъ—«мокро полилося подъ полъ; Данило Филипповичъ, увидѣвъ то, сказалъ Ивану Тимоѣевичу: тебя замочить!—а тотъ отвѣчалъ: чтобы Царя-то не замочило!»

Послѣдніе годы жили они въ Москвѣ, на Третьей Мѣщанской, въ особомъ домѣ, который названъ Сіонскимъ. Тутъ оба скончались и вознеслись на небеса во славѣ.

Послѣ Ивана Тимоѣевича, также какъ до него, «открывались» многіе Христы, ибо Господь нигдѣ такъ любезно обитать не желаетъ, какъ въ пречистой плоти человѣческой, по реченному: *вы есте храмъ Бога Живаго*. Богъ тогда Христа рождаетъ, когда все умираетъ. Христось во единой плоти подвигъ свой кончилъ, а въ другихъ плотяхъ начинаетъ

— Значить много Христовъ?—спросилъ Тихонъ.

— Духъ единъ, плотей много!—овѣчалъ Митька.

— И нынѣ есть?—продолжалъ Тихонъ, у котораго сердце вдругъ замерло отъ предчувствія тайны.

Митька молча кивнулъ головою.

— Гдѣ же Онъ?

— Не пытай. Сказать не можно. Самъ увидишь, ежели сподобишься...

И Митька замолчалъ, какъ воды въ ротъ набралъ.

Не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, вспомнилъ Тихонъ.

Нѣсколько дней спустя, сидѣлъ онъ вечеромъ въ лавкѣ надъ счетными книгами.

Вечеръ былъ субботній. Торговля уже кончилась. Но подъѣхалъ новый обозъ, и крючники таскали кули съ подводу. Въ отворяющуюся дверь врывались клубы морознаго пара, скрипъ шаговъ по снѣгу и вечерній благовѣсть. Снѣжная бѣлая крыши черныхъ бревенчатыхъ домиковъ Третьей Мѣщанской свѣтились долгимъ и ровнымъ, розовымъ свѣтомъ на ясномъ, золотисто-лиловомъ небѣ. Въ лавкѣ было гемно; только въ глубинѣ ея, среди наваленныхъ до потолка мучныхъ кулей, передъ образомъ Николая Чудотворца теплилась лампадка.

Пароень Парамонычъ Сафьянниковъ, толстый, бѣлобородый, красноносый старикъ, похожій на дѣдушку-Мороза, и старшій приказчикъ Емельянъ Ретивой, сутулый, рыжій, лысый, съ безобразнымъ и умнымъ лицомъ, напоминавшимъ древнюю маску фавна, пили горячій сбитень и слушали рассказы Тихона про житіе старцевъ заволжскихъ.

— А ты, Емельянъ Иванычъ, какъ мыслишь, по старымъ, аль новымъ книгамъ спастись надлежитъ?—спросилъ Тихонъ.

— Жиль-былъ человѣкъ на Руси, Данилой Филлипычемъ звать,—произнесъ Емельянъ, усмѣхаясь,—читалъ книги, читалъ, всѣ прочелъ, а толку, видитъ, мало,—собралъ ихъ въ куль, да бросилъ въ Волгу. Ни въ старыхъ-де книгахъ, ни въ новыхъ нѣтъ спасенія,—а нужна единая—

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная —
Самъ Сударь Духъ Святой!

Послѣднія слова онъ спѣлъ на тотъ же ладъ, какъ Митька пѣвалъ свои странныя пѣсни.

— Гдѣ жъ эта книга?—допытывался Тихонъ робко и жадно.

— А вонъ, гляди!

Онъ указалъ ему въ открытую дверь на небо.

— Вотъ тебѣ и книга! Солнышкомъ, что перышкомъ златымъ, Самъ Господь Богъ пишетъ въ ней словеса жизни вѣчной. Какъ прочтешь ихъ,—постигнешъ всю тайну небесную и тайну земную...

Емельянъ посмотрѣлъ на него пристально, и отъ этого взора стало вдругъ Тихону жутко, какъ будто заглянулъ онъ въ бездонно-прозрачную темную воду.

А Емельянъ, перемигнувшись съ хозяиномъ, внезапно умолкъ.

— Такъ, значить, ни въ старой, ни въ новой церкви нѣтъ спасенія?—заговорилъ поспѣшно Тихонъ, боясь, чтобы онъ совсѣмъ не замолчалъ, какъ давеча Митька.

— Что ваши церкви?—пожалъ Емельянъ плечами презрительно.—Мурашиныя гнѣзда, синагоги ветхія, толкучки жидовскія! Воры рубили, волю возили. Благодать-то вся у васъ окаменѣла. Духомъ была и огнемъ, стала дорогимъ камнемъ, да золотомъ на иконахъ вашихъ, да ризахъ поповскихъ. Очерствѣло слово Божіе, сухарями стало черствыми—не сжуешь, только зубы обломаешь!

И, наклонившись къ Тихону, прибавилъ шопотомъ:

— Есть церковь истинная, новая, тайная, свѣтлица свѣтлая, изъ кипариса, барбариса и аниса срубленная, горница Сіонская! Не сухарей тѣхъ черствыхъ, а пирожковъ горяченькихъ, да мягонькихъ, прямо изъ печи тамъ кушаютъ—словъ живыхъ изъ устъ пророческихъ; тамъ веселіе райское, небесное, пиво духовное, о немъ же церковь поетъ: *приидите пиво піемъ новое, нетлѣнія источникъ, изъ гроба одождивша Христа.*

— То-то пивушко! Человѣкъ устами не пьетъ, а пьянъ живетъ, —воскликнулъ Пароень Парамонычъ и вдругъ, закативъ глаза къ потолку, фистулою неожиданно тонкой запѣлъ вполголоса:

Варилъ пивушко-то Богъ,
Затиралъ Святой Духъ...

И Ретивой, и Митька подпѣвали, подтягивали, притопывали въ ладъ ногами, подергивали плечами, словно подмывало ихъ пуститься въ плясъ. И у всѣхъ троихъ глаза стали пьяные.

Варилъ пивушко-то Богъ,
Затиралъ Святой Духъ,
Сама Матушка сливала,

Вкупъ съ Богомъ пребывала;
Святы ангелы носили,
Херувимы разносили.

Тихону казалось, что до него доносится топотъ безчисленныхъ ногъ, отзвукъ стремительной пляски, и было въ этой пѣснѣ что-то пьяное, дикое, страшное, отъ чего захватывало духъ и хотѣлось слушать, слушать безъ конца.

Но сразу, также внезапно какъ начали, умолкли всѣ трое.

Емельянъ сталъ просматривать счетныя книги. Митька поднялъ сброшенный кулъ и понесъ дальше, а Пароень Парамонычъ провелъ рукою по лицу, какъ будто стирая съ него что-то, всталъ, зѣвнулъ, лѣниво потягиваясь, перекрестилъ ротъ и проговорилъ обыкновеннымъ хозяйскимъ голосомъ, какимъ, бывало, каждый вечеръ говаривалъ:

— Ну, молодцы, ступай ужинать! Щи да каша простынуть.

И опять лавка стала какъ лавка—словно ничего и не было.

Тихонъ очнулся, тоже всталъ, но вдругъ, точно какая-то сила бросила его на полъ—весь дрожащій, блѣдный, упалъ на колѣни, протянулъ руки и воскликнулъ:

— Батюшки родимые! Сжальтесь! помилуйте! Мочи моей больше нѣтъ, истомилась душа моя, желая во дворы Господни! Примите въ общеніе святое, откройте мнѣ тайну вашу великую!..

— Вишь, какой пряткій!—посмотрѣлъ на него Емельянъ со своей хитрой усмѣшкой.—Скоро, братъ, сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Надо сперва спросить Батюшку. Можетъ и сподобишься. А пока ѣшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ за зубами—знай, молчи да помалкивай.

И всѣ пошли ужинать, какъ ни въ чемъ не бывало.

Ни въ этотъ день ни въ слѣдующіе не было рѣчи ни о какихъ тайнахъ. Когда Тихонъ самъ заговаривалъ, всѣ молчали и глядѣли на него подозрительно. Слово какая-то завѣса приподнялась передъ нимъ и тотчасъ вновь опустилась. Но онъ уже не могъ забыть того, что видѣлъ.

Быль самъ не свой, ходилъ, какъ потерянный, слушалъ и не понималъ, отвѣчалъ невпопадъ, путалъ счеты. Хозяинъ бранилъ его. Тихонъ боялся, что его совсѣмъ прогнать изъ лавки.

Но въ субботу, ровно черезъ недѣлю, поздно вечеромъ, когда онъ сидѣлъ у себя въ свѣтелкѣ одинъ, вошелъ Митька.

— Ъдемъ!—объявилъ онъ поспѣшно и радостно.

— Куда?

— Къ Батюшкѣ въ гости.

Не смѣя спрашивать, Тихонъ торопливо одѣлся, сошелъ внизъ и увидѣлъ у крыльца хозяйскія сани. Въ саняхъ сидѣлъ Емельянъ и Парѣенъ Парамонычъ, закутанный въ шубу. Тихонъ примостился у ногъ ихъ, Митька сѣлъ на облучокъ, и они понеслись по ночнымъ пустыннымъ улицамъ. Ночь была тихая, свѣтлая. Луна—въ чешуѣ перламутровыхъ тучекъ. Переѣхали по льду черезъ Москворѣку и долго кружили по глухимъ переулкамъ Замоскворѣчья. Наконецъ мелькнули въ лунной мглѣ, среди снѣжнаго поля, мутно-розовые, съ бѣлыми зубцами и башнями, стѣны Донского монастыря

На углу Донской и Шабельской слѣзли съ саней. Митька въѣхалъ во дворъ и, оставивъ тамъ сани съ лошадьми, вернулся. Пошли дальше пѣшкомъ вдоль длинныхъ, покрывшихся, занесенныхъ снѣгомъ, заборовъ. Завернули въ тупикъ, гдѣ по колѣно увязли въ снѣгу. Подойдя къ воротамъ о двухъ щитахъ съ желѣзными петлями, постучались въ калитку. Имъ отворили не сразу, сперва окликнули, кто и откуда. За калиткой былъ большой дворъ со многими службами. Но, кромѣ старика-привратника, кругомъ—ни души, ни огня, ни лая собаки, точно все вымерло. Дворъ кончился, и они стали пробираться узенькою, хорошо протоптанною тропинкою, между высокими сугробами снѣга, по какимъ-то задворкамъ, не то пустырямъ, не то огородамъ. Пройдя вторыя ворота, уже съ незапертою калиткою, вошли въ плодовый садъ, гдѣ яблони и вишни бѣлѣли въ снѣгу, какъ въ весеннемъ цвѣту. Была такая тишина, словно за тысячи верстъ отъ жилья. Въ концѣ сада виднѣл-

ся большой, деревянный домъ. Вошли на крыльцо, опять постучались, опять изнутри окликнули. Отворилъ угрюмый малый въ скуфейкѣ и долгополомъ кафтанѣ, похожій на монастырскаго служку. Въ просторныхъ сѣняхъ висѣло по стѣнамъ, лежало на сундукахъ и лавкахъ много верхняго платья, мужского и женскаго, простые тулупы, богатая шубы, старинныя русскія шапки, новыя нѣмецкія трехуголки и монашескіе клобуки.

Когда вошедшіе сняли шубы, Ретивой спросилъ Тихона трижды:

— Хочешь ли, сыне, причаститься тайнѣ Божьей?

И Тихонъ трижды отвѣтилъ:

— Хочу.

Емельянъ завязалъ ему глаза платкомъ и повелъ за руку.

Долго шли по безконечнымъ переходамъ, то спускались, то подымались по лѣстницамъ.

Наконецъ, остановившись, Емельянъ велѣлъ Тихону раздѣться донага и надѣлъ на него длинную, полотняную рубаху, на ноги нитяные чулки безъ сапогъ, произнося слова Откровенія:

— *Побѣждаая, той облечется въ ризы бѣлыя.*

Потомъ пошли дальше. Послѣдняя лѣстница была такая крутая, что Тихонъ долженъ былъ держаться обѣими руками за плечи Митьки, шедшаго впереди, чтобъ не оступиться сослѣпу.

Пахнуло земляною сыростью, точно изъ погреба, или подполья. Послѣдняя дверь отворилась, и они вошли въ жарко натопленную горницу, гдѣ, судя по шопоту и шелесту шаговъ, было много народу. Емельянъ велѣлъ Тихону стать на колѣни, трижды поклониться въ землю и произносить за нимъ слова, которыя говорилъ ему на ухо:

— Клянусь душою моею, Богомъ и страшнымъ судомъ Его претерпѣть кнутъ и огонь, и топоръ, и плаху, и всякую муку, и смерть, а отъ вѣры святой не отречься, и о томъ, что увижу или услышу, никому не сказывать, ни отцу родному, ни отцу духовному. *Не бо врагомъ твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзаніе Ти дамъ, яко Іуда. Аминь.*

Когда онъ кончилъ, усадили его на лавку и сняли съ глазъ повязку.

Онъ увидѣлъ большую низкую комнату; въ углу образа; передъ ними множество горящихъ свѣчей; на бѣлой штукатуркѣ стѣнъ—темныя пятна сырости; кое-гдѣ даже струйки воды, которая стекала съ потолка, просачиваясь въ щели межъ черныхъ просмоленныхъ досокъ. Было душно, какъ въ банѣ. Паръ стоялъ въ воздухѣ, окружая пламя свѣчей туманною радугой. На лавкахъ по стѣнамъ сидѣли мужчины—съ одной стороны, съ другой—женщины, всѣ въ одинаковыхъ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, видимо надѣтыхъ прямо на голое тѣло и въ нитяныхъ чулкахъ безъ сапогъ.

— Царица! Царица!—пронеслось благоговѣйнымъ шопотомъ.

Открылась дверь и вошла высокая стройная женщина въ черномъ платьѣ и съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. Всѣ встали и поклонились ей въ поясъ.

— Акулина Макѣевна! Матушка, Царица Небесная!—шепнулъ Тихону Митька.

Женщина прошла къ образамъ и сѣла подъ ними, сама какъ образъ. Всѣ стали подходить къ ней, по очереди, кланяться въ ноги и цѣловать въ колѣно, какъ будто прикладывались къ образу.

Емельянъ подвелъ Тихона и сказалъ:

— Изволь крестить, Матушка! Новенькій...

Тихонъ сталъ на колѣни и поднялъ на нее глаза; она была смугла, уже не молода, лѣтъ подъ сорокъ, съ тонкими морщинками около темныхъ, словно углемъ подведенныхъ вѣкъ, съ густыми, почти сросшимися, черными бровями, съ чернымъ пушкомъ надъ верхней губой—«точно цыганка, аль черкешенка», подумалъ онъ. Но когда она глянула на него своими большими тускло-черными глазами, онъ вдругъ понялъ, какъ она хороша.

Трижды перекрестила его Матушка свѣчею, почти касаясь пламенемъ лба, груди и плечъ.

— Во имя Отца и Сына и Духа Святаго, крещается рабъ Божій Тихонъ Духомъ Святымъ и огнемъ!

Потомъ легкимъ и быстрымъ, видимо, давно привычнымъ движеніемъ, распахнула на себѣ платье, и онъ увидѣлъ все ея прекрасное, юное, какъ у семнадцатилѣтней дѣвушки, золотисто-смуглое, точно изъ слоновой кости точеное тѣло.

Ретивой подталкивалъ его сзади и шепталъ ему на ухо:
— Цѣлуй во чрево пресвятое, да въ сосцы пречистые!
Тихонъ потупилъ глаза въ смущеніи.

— Не бойся, дитятко!—проговорила Акулина съ такою ласкою, что ему почудилось, будто бы слышитъ онъ голосъ матери и сестры, и возлюбленной вмѣстѣ.

И вспомнилось, какъ въ дремучемъ лѣсу у Круглаго озера, цѣловалъ онъ землю и глядѣлъ на небо, и чувствовалъ, что земля и небо—одно, и плакалъ, и молился:

Чудная Царица Богородица,
Земля, земля, Мати сырая!

Съ благоговѣніемъ, какъ образъ, поцѣловалъ онъ трижды это прекрасное тѣло. На него повѣяло страшнымъ запахомъ; лукавая усмѣшка промелькнула на губахъ ея—и отъ этого запаха, и отъ этой усмѣшки ему стало жутко.

Но платье запахнулось—и опять сидѣла она передъ нимъ, величавая, строгая, святая—икона среди иконъ.

Когда Тихонъ съ Емельяномъ вернулись на прежнее мѣсто, всѣ запѣли хоромъ, по церковному, уныло и протяжно:

Дай намъ, Господи, Ісуса Христа,
Дай намъ, Сударь, Сына Божія,
И Святаго Духа Утѣшителя!

Умолкли на минуту; потомъ начали снова, но уже другимъ, веселымъ, быстрымъ, словно плясовымъ напѣвомъ, притопывая ногами, прихлопывая въ ладоши—и у всѣхъ глаза стали пьяные.

Какъ у насъ на Дону
Самъ Спаситель во дому,
И со ангелами,
Со архангелами,

Съ херувимами, Сударь
Съ серафимами
И со всею Силою Небесною.

Вдругъ вскочилъ съ лавки старикъ благообразнаго, постнаго вида, какимъ пишутъ на иконахъ св. Сергія Радонежскаго, выбѣжалъ на средину горницы и началъ кружиться.

Потомъ дѣвушка, лѣтъ четырнадцати, почти ребенокъ, но уже беременная, тоненькая какъ тростинка, съ шеей длинной какъ стебель цвѣтка, тоже вскочила и пошла кругомъ плавно, какъ лебедь.

— Марьюшка-дурочка,—указалъ на нее Емельянъ Тихону,—нѣмая, говорить не умѣетъ, только мычить, а какъ Духъ накатить, поетъ что твой соловушко!

Дѣвушка пѣла дѣтскимъ, какъ серебро звенящимъ голосомъ:

Полно пташечки сидѣть,
Намъ пришла пора летѣть
Изъ остроговъ, изъ затворовъ,
Изъ темничныхъ заповровъ.

И махала рукавами рубахи, какъ бѣлыми крыльями. Паренъ Парамонычъ сорвался съ лавки, словно вихремъ подхваченный, подбѣжалъ къ Марьюшкѣ, взялъ ее за руки и завертѣлся съ нею, какъ бѣлый мѣдвѣдь со Снѣгурочкой. Никогда не повѣрилъ бы Тихонъ, чтобы эта грузная туша могла плясать съ такой воздушною легкостью. Кружась, какъ волчокъ, заливался онъ, пѣлъ своею тонкой фистулою:

На седьмомъ на небеси
Самъ Спаситель закаталъ.
Ай, душки, душки, душки
У Христа-то башмачки,
Вѣдь сафьяненькіе,
Мелкостроченные!

Все новые и новые начинали кружиться.

Плясалъ, и не хуже другихъ, человекъ съ деревяжкой вмѣсто ноги — какъ узналъ впоследствии Тихонъ — отставной капитанъ Смурьгинъ, раненый при штурмѣ Азова.

Низенькая, кругленькая тетка, съ почтенными сѣдыми буклями, княжна Хованская, вертѣлась какъ шаръ. А рядомъ съ нею долговязый сапожный мастеръ, Яшка Бурдаевъ, прыгаль, высоко вскидывая руки и ноги, кривляясь и корчась, какъ тотъ огромный вялый комаръ, съ ломающимися ногами, котораго зовуть *караморой*, и выкрикивалъ:

Поплясахомъ, погорахомъ
На Сіонскую гору!..

Теперь уже почти всѣ плясали, не только въ «одиночку» и «въ-схватку» — вдвоемъ, но и цѣлыми рядами — «стѣночкой», «уголышкомъ», «крестикомъ», «кораблемъ Давидовымъ», «цвѣточками и ленточками».

— Сими различными круженьями, — объяснялъ Емельянь Тихону, — изображаются пляски небесныя ангеловъ и архангеловъ, парящихъ вкругъ престола Божія, маханьемъ же рукъ — мановенье крыль ангельскихъ. Небо и земля едино суть: что на небеси горѣ, то и на землѣ низу.

Пляска становилась все стремительнѣй, такъ что вихрь наполнялъ горницу, и, казалось, не сами они пляшутъ, а какая-то сила кружить ихъ съ такой быстротою, что не видно было лицъ, на головѣ вставали дыбомъ волосы, рубахи раздувались, какъ трубы, и человѣкъ превращался въ бѣлый вертящійся столбъ.

Во время круженія, одни свистѣли, шипѣли, другіе гоготали, кричали неистово, и казалось тоже, что не сами они, а кто-то изъ нихъ кричить:

Накатилъ! Накатилъ!
Духъ, Святъ, Духъ,
Кати, кати! Ухъ!

И падали на полъ, въ судорогахъ, съ пѣною у рта, какъ бѣсноватые, и пророчествовали, большею частью, впрочемъ, невразумительно. Иные въ изнеможеніи останавливались, съ лицами красными какъ кумачъ, или бѣлыми какъ полотно; потъ лилъ съ нихъ ручьями; его вытирали полотенцами, выжимали мокрѣя насквозь рубахи, такъ что

на полу стояли лужи; это потѣніе называлось «банею пакибытія». И едва успѣвъ отдышаться, опять пускались въ плясь.

Вдругъ всѣ сразу остановились, пали ницъ. Наступила тишина мертвая, и, такъ же какъ давеча при входѣ Царицы, пронеслось благоговѣйнишимъ шопотомъ:

— Царь! Царь!

Вошелъ человекъ лѣтъ тридцати въ бѣлой длинной одеждѣ изъ ткани полупрозрачной, такъ что сквозило тѣло, съ женоподобнымъ лицомъ, такимъ же не русскимъ, какъ у Акулины Мокѣевны, но еще болѣе чуждой и необычайной прелести.

— Кто это?—спросилъ Тихонъ рядомъ съ нимъ лежавшаго Митьку.

— Христось Батюшка!—отвѣтилъ тотъ.

Тихонъ узналъ потомъ, что это бѣглый казакъ, Аверьянка Безпалый, сынъ запорожца и плѣнной гречанки.

Батюшка подошелъ къ Матушкѣ, которая встала передъ нимъ почтительно, и «поликовался» съ нею, обнялъ и поцѣловалъ трижды въ уста.

Потомъ вышелъ на середину горницы и сталъ на небольшое круглое возвышеніе изъ досокъ, въ родѣ тѣхъ крышекъ, которыми закрываются устья колодцевъ.

Всѣ запѣли громогласно и торжественно:

Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненные —
Сударь Духъ Святой покатываетъ.
Подъ нимъ бѣлый конь не простъ,
У коня жемчужный хвостъ,
Изъ ноздрей огонь горить,
Очи камень маргарить.
Накатиль! Накатиль!

Духъ, Святъ, Духъ,
Кати, кати! Ухъ!

Батюшка благословилъ дѣтушекъ—и опять началось круженіе, еще болѣе неистовое, между двумя недвижными предѣлами—Матушкой на самомъ краю и Батюшкой въ са-

момъ средоточіи вертящихся круговъ. Батюшка изрѣдка медленно взмахивалъ руками, и при каждомъ взмахѣ ускорялась пляска. Слышались нечеловѣческіе крики:

— Эва-эво! Эва-эво!

Тихону вспомнилось, что въ старинныхъ латинскихъ комментаріяхъ къ Павзанію читалъ онъ, будто бы древніе вакхи и вакханки привѣтствовали бога Діониса почти однозвучными криками: «Эванъ-Эво!» Какимъ чудомъ проникли, словно просочились вмѣстѣ съ подземными водами, эти тайны умершаго бога съ вершинъ Киѳерона въ подполья замоскворѣцкихъ задворковъ?

Онъ смотрѣлъ на крутящійся бѣлый смерчъ пляски и минутами терялъ сознаніе. Время остановилось. Все исчезло. Всѣ цвѣта слились въ одну бѣлизну—казалось, въ бѣлую бездну бѣлыя птицы летятъ. И ничего нѣтъ—его самого нѣтъ. Есть только бѣлая бездна, бѣлая смерть.

Онъ очнулся, когда Емельянь взялъ его за руку и сказалъ:

— Пойдемъ!

Хотя свѣтъ дневной не проникалъ въ подполье, Тихонъ чувствовалъ утро. Догорѣвшія свѣчи коптили. Духота была нестерпимая, смрадная. Лужи пота на полу подтирали ветошками. Радѣніе кончилось. Царь и царица ушли. Одни, пробираясь къ выходу, шатаясь и держась за стѣны, ползли, какъ сонныя мухи. Другіе, свалившись на полъ, спали мертвымъ сномъ, похожимъ на обморокъ. Иные сидѣли на лавкахъ, понуривъ головы, съ такими лицами какъ у пьяныхъ, которыхъ тошнить. Словно бѣлыя птицы упали на землю и расшиблись до смерти.

Съ этого дня Тихонъ сталъ ходить на всѣ радѣнія. Митька научилъ его плясать. Сначала было стыдно, но потомъ онъ привыкъ и такъ пристрастился къ пляскѣ, что не могъ безъ нея жить.

Все новыя и новыя тайны открывались ему на радѣніяхъ,

Но порой казалось, что самую главную и страшную тайну отъ него скрываютъ. По тому, что видѣлъ и слы-

шалъ, догадывался онъ, что братья и сестры живутъ въ плотскомъ общеніи.

— Мы—херувимы неженемые, въ чистотѣ живемъ огненной,—говорили они. — То не блудъ, когда братъ съ сестрой въ любви живутъ Христовой, истинной, а блудъ и скверна—бракъ церковный. Онъ предъ Богомъ мерзость, предъ людьми дерзость. Мужъ да жена—одна сатана, проклятые гнѣздники; а дѣти—осколки, щенята поганые!

Дѣтей, рожденныхъ отъ мужей невѣрныхъ, матери подкидывали въ бани торговая или убивали собственными руками.

Однажды Митька простодушно объявилъ Тихону, что живетъ съ двумя родными сестрами монашками изъ монастыря Новодѣвичьяго; а Емельянъ Ивановичъ, пророкъ и учитель, съ тринадцатью женами и дѣвками.

— Которая у него на духу побываетъ, та съ нимъ и живетъ.

Тихонъ былъ смущенъ этимъ признаніемъ и послѣ того нѣсколько дней избѣгалъ Ретиваго, не смѣлъ глядѣть ему въ глаза.

Тотъ, замѣтивъ это смущеніе, заговорилъ съ нимъ наединѣ ласково:

— Слушай-ка, дитяtko, открою тебѣ тайну великую! Ежели хочешь быть живъ, умертви, Господа ради, не токмо плоть свою, но и душу, и разумъ, и самую совѣсть. Обнажись всѣхъ уставовъ и правилъ, всѣхъ добродѣтелей, поста, воздержанія, дѣвства. Обнажись самой святости. Сойди въ себя, какъ въ могилу. Тогда, мертвецъ таинственный, воскреснешь, и вселится въ тебя Духъ Святой, и уже не лишишься Его, какъ бы ни жилъ и что бы ни дѣлалъ...

Безобразное лицо Ретиваго—маска фавна—свѣтилось такимъ дерзновеніемъ и такою хитростью, что Тихону стало страшно: не могъ онъ рѣшить кто передъ нимъ—пророкъ или бѣсноватый?

— Аль о томъ соблазняешься!—продолжалъ тотъ еще ласковѣй, что творимъ блудъ, какъ люди о насъ говорятъ? Знаемъ, что несходны дѣла наши многія съ праведностью

вашей человѣческой. Да какъ намъ быть? Нѣтъ у насъ воли своей. Духъ нами дѣйствуетъ, и самыя неистовства жизни нашей суть непостижимый путь Промысла Божія. Скажу о себѣ: когда съ дѣвами и женами имѣю соитіе,—совѣсть моя въ томъ отнюдь не обличаетъ, но паче радость и сладость въ сердцѣ кипятъ, несказанныя. Сойди съ небесъ ангелъ тогда и скажи: не такъ-де живешь, Емельянъ!—и то не послушаю. Богъ мой меня оправдалъ, а вы кто судите? Грѣхъ мой знаете, а милости Божіей со мною не знаете. Вы скажете: кайся, а—я скажу: не въ чемъ. Кто пришелъ, тому не нужно, что прошелъ. На что намъ ваша праведность? Пошли насъ въ адъ—и тамъ спасемся; всели въ рай—и тамъ радости больше не встрѣтимъ. Въ пучинѣ Духа, яко камень въ морѣ, утопаемъ. Но отъ внѣшнихъ таимся: сего ради, индѣ и подуриваемъ, дабы совѣмъ-то не узнали... Такъ-то, миленькій!

Емельянъ смотрѣлъ въ глаза Тихону, усмѣхаясь двусмысленно, а тотъ испытывалъ отъ этихъ словъ учителя такое чувство, какъ отъ круженія пляски: точно летѣлъ и не зналъ, куда летитъ, вверхъ или внизъ, къ Богу или къ чорту.

Однажды Матушка въ концѣ радѣнія, на Вербной недѣлѣ, раздала всѣмъ пучки вербы и святыя жгутики, свернутые изъ узкихъ полотенецъ. Братья спустили рубахи по поясъ, сестры—сзади тоже по поясъ, а спереди по груди, и пошли кругомъ, ударяя себя розгами и святыми жгутиками, одни съ громкой пѣсней:

Богу порадайте,
Плотей не жалѣйте!
Богу послужите,
Марѳу не щадите!

Другіе съ тихимъ свистомъ:

Хлыщу, хлыщу,
Христа ищущу!

Били себя также завернутыми въ тряпки желѣзными ядрами, подобіемъ пращей; рѣзались ножами, такъ что кровь текла, и, глядя на Батюшку, кликали:

— Эва-эво! Эва-эво!

Тихонъ ударялъ себя жгутикомъ, и, подь ласковымъ взоромъ Акулины Моѣвны, которая, казалось ему, глядитъ на него, на него одного, боль отъ ударовъ была, чѣмъ острѣе, тѣмъ сладостнѣй. Все тѣло истаевало отъ сладости, какъ воскъ отъ огня, и онъ хотѣлъ бы истаять сгорѣть до конца передь Матушкой, какъ свѣча передь образомъ.

Вдругъ свѣчи стали гаснуть, одна за другой, какъ будто потушенные вихремъ пляски. Погасли всѣ, наступила тьма—и такъ же, какъ нѣкогда въ срубѣ самосожженцевъ, въ ночь передь Красною Смертью, слышались шопоты, шорохи, шелесты, поцѣлуи и вздохи любви. Тѣла съ тѣлами сплетались, какъ будто во тьмѣ шевелилось одно исполинское тѣло со многими членами. Чьи-то жадныя цѣпкія руки протянулись къ Тихону, схватили, повалили его.

— Тишенька, Тишенька, миленькій, женишокъ мой, Христосикъ возлюбленный!—услышалъ онъ страстный шопоть и узналъ Матушку.

Ему казалось, что какія-то огромныя насѣкомыя, пауки и паучихи, свившись клубомъ, пожираютъ другъ друга въ чудовищной похоти.

Онъ оттолкнулъ Матушку, вскочилъ, хотѣлъ бѣжать, но съ каждымъ шагомъ наступалъ на голыя тѣла, давилъ ихъ, скользилъ, спотыкался, падалъ, опять вскакивалъ. А жадныя цѣпкія руки хватали, ловили, ласкали безстыдными ласками. И онъ слабѣлъ и чувствовалъ, что сейчасъ ослабѣетъ совсѣмъ, упадетъ въ это страшное общее тѣло, какъ въ теплую темную тину—и вдругъ перевернется все, верхнее сдѣлается нижнимъ, нижнее верхнимъ—и въ послѣднемъ ужасѣ будетъ послѣдній восторгъ.

Съ отчаяннымъ усиліемъ рванулся, добрался до двери, схватился за ручку замка, но не могъ отпереть: дверь была заперта на ключъ. Упалъ на полъ въ изнеможеніи. Тутъ было меньше тѣлъ, чѣмъ на серединѣ горницы, и его на минуту оставили въ покоѣ.

Вдругъ опять чьи-то худенькія, маленькія, точно дѣтскія руки, прикоснулись къ нему. Послышался косноязыч-

ный лепетъ Марьюшки-дурочки, которая старалась что-то сказать и не могла. Наконецъ онъ понялъ нѣсколько словъ:

— Пойдемъ, пойдемъ... Выведу...—лепетала она и тащила его за руку. Онъ почувствовалъ въ рукѣ ея ключъ и пошелъ за нею.

Вдоль стѣнъ, гдѣ было свободнѣе, она провела его къ углу съ образами. Здѣсь наклонилась и его заставила нагнуться, приподняла висѣвшую передъ образомъ Еммануила парчевую пелену, нащупала дверцу, въ родѣ люка въ погребъ, отперла, шмыгнула въ щель проворно, какъ ящерица, и ему помогла пролѣзть. Подземнымъ ходомъ вышли они на знакомую Тихону лѣстницу. Поднявшись по ней, вошли въ большую горницу, которая служила для переодеванія Луна глядѣла въ окна. По стѣнамъ висѣли бѣлыя радѣльные рубахи, похожія, въ лунномъ свѣтѣ, на призраки.

Когда Тихонъ вздохнулъ свѣжимъ воздухомъ, увидѣлъ въ окнѣ голубой искрящейся снѣгъ и звѣзды,—такая радость наполнила душу его, что онъ долго не могъ притти въ себя, только пожималъ худенькія дѣтскія руки Марьюшки.

Теперь только замѣтилъ онъ, что она уже не беременна, и вспомнилъ, что на-дняхъ ему сказывалъ Митька, будто бы родила она мальчика, который объявленъ Христосикомъ, потому что зачатъ отъ самого Батюшки, по наитію Духа: «не отъ крови-де, не отъ хотѣнія плоти, не отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родился».

Марьюшка усадила на лавку Тихона, сама сѣла рядомъ съ нимъ и опять съ неимовѣрнымъ усиліемъ начала ему говорить что-то. Но, вмѣсто словъ, выходило бормотаніе, мычаніе, въ которомъ онъ, сколько ни вслушивался, ничего не могъ понять. Наконецъ, убѣдившись, что онъ ея не пойметъ, умолкла и заплакала. Онъ обнялъ ее, положилъ голову ея въ себѣ на грудь и сталъ тихонько гладить волосы, мягкіе и свѣтлые, какъ ленъ въ лунномъ лучѣ. Она вся дрожала, и ему казалось, что въ рукахъ его бьется пойманная птичка.

Наконецъ подняла на него свои большіе влажные глаза, темно-голубые, какъ васильки подъ росую, улыбнулась

сквозь слезы, чутко насторожилась, какъ будто прислушиваясь, вытянула шею, длинную, тонкую, какъ стебель цвѣтка, и вдругъ дѣтскимъ, яснымъ какъ серебро, голоскомъ, какимъ пѣвала на радѣніяхъ, не то зашептала, не то запѣла ему на ухо—и тотчасъ перестала заикаться, слова сдѣлались внятными въ этомъ полупѣніи, полушопотѣ:

— Охъ Тишенька, охъ, Тишенька, спаси меня отъ лишенька! Убьютъ они, убьютъ Иванушку!..

— Какого Иванушку!..

— А сыночекъ-то мой, мальчикъ мой бѣдненькій...

— Зачѣмъ убивать?—усомнился Тихонъ, которому слова ея казались бредомъ.

— Чтобы кровью живой причаститься,—шепнула Марьюшка, прижимаясь къ нему съ безпредѣльнымъ ужасомъ.— Для того-де, говорятъ, Христосикъ и рождается, Агнецъ пренепорочный, чтобъ заклаться и даться въ снѣдь вѣрнымъ. Не живой, будто, младенецъ, а только видѣніе, иконка святая, плоть нетлѣнная—ни страдать, ни умереть не можетъ... Да врутъ они все, окаянные! Я знаю, Тишенька: мальчикъ мой—живенькій. И не Христосикъ онъ, а Иванушка... Родненькій мой! Никому не отдамъ, сама пропаду, а его не отдамъ... Тишенька, охъ, Тишенька, спаси меня отъ лишенька!..

Опять рѣчь ея стала невнятною. Наконецъ она умолкла, склонилась головой на плечо его и не то забылась, не то задремала.

Наступало утро. За дверью слышались шаги. Марьюшка встрепенулась, готовясь бѣжать. Они попрощались, перекрестили другъ друга, и Тихонъ обѣщалъ ей, что защититъ Иванушку.

— Дурочка!—успокаивалъ онъ себя.—Сама не знаетъ, что говорить. Должно-быть, померещилось.

На Страстной четвергъ назначено было радѣніе. По неяснымъ намекамъ, Тихонъ догадывался, что на этомъ радѣніи совершится великое таинство—«ужъ не то ли, о которомъ говорила Марьюшка?» думалъ онъ съ ужасомъ. Искалъ ея, хотѣлъ посоветоваться, что дѣлать, но она про-

пала. Можетъ-быть, ее нарочно спрятали. На него нашло оцѣпенѣніе бреда. Онъ почти не могъ думать о томъ, что будетъ. Если бы не Марьюшка,—бѣжалъ бы тотчасъ.

Въ Страстной четвергъ, около полуночи, какъ всегда, поѣхали на радѣніе.

Когда Тихонъ вошелъ въ Сіонскую горницу и оглянулъ собраніе, ему показалось, что всѣ въ такомъ же ужасѣ и оцѣпенѣніи бреда, какъ онъ. Словно не по своей волѣ дѣлали то, что дѣлали.

Матушки не было.

Вошелъ Батюшка. Лицо его было мертвенно-блѣдное, необычайно-прекрасное, напомнило Тихону видѣнное имъ въ собраніи древностей у Якова Брюса на рѣзныхъ камняхъ и камняхъ изображеніе бога Вакха-Діониса.

Началось радѣніе. Никогда еще не кружился такъ бѣшено бѣлый смерчъ пляски. Какъ будто летѣли, гонимыя ужасомъ, бѣлыя птицы въ бѣлую бездну.

Чтобъ не внушить подозрѣній, Тихонъ тоже плясалъ. Но старался не поддаваться опьянѣнію пляски. Часто выходилъ изъ круга, присаживался на лавку, какъ будто для отдыха, слѣдилъ за всѣми и думалъ объ Иванушкѣ.

Уже приходили въ изступленіе, уже не своими головами вскрикивали: «Накатилъ!»

Тихонъ, какъ ни боролся, чувствовалъ, что слабѣетъ, теряетъ надъ собою власть. Сидя на лавкѣ, судорожно хватался за нее руками, чтобы не сорваться и не улетѣть въ этомъ бѣшеномъ смерчѣ, который кружился быстрѣе, быстрѣе, быстрѣе. Вдругъ также вскрикнулъ не своимъ голосомъ—и на него накатило, подняло, понесло, закружило.

Послѣдній страшный общій вопль:

— Эвâ-эвд!

И вдругъ всѣ остановились, пали ницъ, какъ громомъ пораженные, закрывъ лица руками. Бѣлыя рубахи покрыли полъ, какъ бѣлыя крылья.

— Се, Агнецъ непорочный приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ,—въ тишинѣ раздался изъ подполья

голосъ Матушки, глухой и таинственный, какъ будто говорила сама «Земля—Земля, Мати сырая».

Царица вышла оттуда, держа въ рукахъ серебряную чашу, въ родѣ небольшой купели, съ лежавшимъ въ ней на свитыхъ бѣлыхъ пеленахъ голымъ младенцемъ. Онъ спалъ: должно-быть, напоили соннымъ зельемъ. Множество горящихъ восковыхъ свѣчей стояло на тонкомъ деревянномъ обручѣ, прикрѣпленномъ спицами къ подножію купели, такъ что огни приходились почти въ уровень съ краями чаши и озаряли младенца яркимъ свѣтомъ. Казалось, онъ лежитъ внутри купавы съ огненнымъ вѣнчикомъ.

Царица поднесла купель къ Царю, возглашая:

— *Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяща за всѣхъ и за вся.*

Царь осѣнилъ младенца трижды крестнымъ знаменіемъ:

— *Во имя Отца и Сына, и Духа Святаго.*

Потомъ взялъ его на руки и занесъ надъ нимъ ножъ.

Тихонъ лежалъ, какъ всѣ, ничкомъ, закрывъ лицо руками. Но глядѣлъ однимъ глазомъ сквозь пальцы украдкой и видѣлъ все. Ему казалось, что тѣло младенца сіяетъ, какъ солнце, что это не Иванушка, а таинственный Агнецъ, закланный отъ начала міра, и что лицо того, кто занесъ надъ нимъ ножъ, какъ лицо Бога. И ждалъ онъ съ непомѣрнымъ ужасомъ и желалъ непомѣрнымъ желаніемъ, чтобъ вонзился ножъ въ бѣлое тѣло, и пролилась алая кровь. Тогда все исполнится, перевернется все—и въ послѣднемъ ужасѣ будетъ послѣдній восторгъ.

Вдругъ младенецъ заплакалъ. Батюшка усмѣхнулся—и отъ этой усмѣшки лицо бога превратилось въ лицо звѣря.

«Звѣрь, дьяволъ, антихристъ!..»—блеснуло въ умѣ Тихона. И внезапная, страшная, нездѣшная тоска сжала ему сердце. Но въ то же мгновеніе—словно кто-то разбудилъ его—онъ очнулся отъ бреда. Вскочилъ, бросился на Аверьянку Безпалаго, схватилъ его за руку и остановилъ ударъ.

Всѣ вскочили, устремились на Тихона и растерзали бы его, если бы не послышался громовой стукъ въ дверь. Ее ломали снаружи. Обѣ половинки зашатались, рухнули, и

въ горницу вбѣжала Марьюшка, а за нею люди въ зеленыхъ кафтанахъ и трехуголкахъ, со шпагами наголо: это были солдаты. Тихону казались они ангелами Божьими.

Въ глазахъ его потемнѣло. Онъ почувствовалъ тяжесть въ плечѣ, поднялъ къ нему руку и нащупалъ что-то теплое, липкое: то была кровь; должно-быть, въ свалкѣ ранили его ножомъ.

Онъ закрылъ глаза и увидѣлъ красное пламя горящаго сруба, Красную Смерть. Бѣлыя птицы летѣли въ красномъ пламени. Онъ подумалъ: «Страшнѣе, чѣмъ Красная, Бѣлая смерть» — и лишился сознанія.

II.

Дѣло о еретикахъ разбиралось въ новоучрежденномъ Св. Синодѣ.

По приговору суда, бѣглаго казака Аверьянку Безпалаго и родную сестру его Акулину, колесовали. Остальныхъ били плетью, рвали имъ ноздри, мужчинъ сослали на каторгу, бабъ — на прядильные дворы и въ монастырскія тюрьмы.

Тихона, который едва не умеръ отъ раны въ острожной больницѣ, спасъ прежній покровитель, генералъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ. Онъ взялъ его къ себѣ въ домъ, вылѣчилъ и ходатайствовалъ за него у новгородскаго архіерея, Теофана Прокоповича. Теофанъ принялъ участіе въ Тихонѣ, желая показать на немъ пастырское милосердіе къ заблудшимъ овцамъ, которое всегда проповѣдывалъ: «съ противниками церкви поступать надлежитъ съ кротостью и разумомъ, а не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ». Хотѣлъ также, чтобъ отреченіе Тихона отъ ереси и принятіе его въ лоно православной церкви послужили примѣромъ для прочихъ еретиковъ и раскольниковъ.

Теофанъ избавилъ его отъ плетей и отъ ссылки, взялъ къ себѣ на покаяніе и увезъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ архіерейское подворье находилось на Аптекарскомъ островѣ, на рѣчкѣ Карповкѣ, среди густого лѣса. Въ нижнемъ жильѣ дома помѣщалась библіотека. Замѣтивъ любовь Тихона къ книгамъ, Теофанъ поручилъ ему привести въ порядокъ библіотеку. Окна ея, выходившія прямо въ лѣсъ, часто бывали открыты, потому что стояли жаркіе лѣтніе дни, и тишина лѣса сливалась съ тишиною книгохранилища, шелестъ листьевъ—съ шелестомъ страницъ. Слышался стукъ дятла, кукованіе кукушки. Видно было, какъ на лѣсную прогалину выходитъ чета круторогихъ лосей, которыхъ пригнали сюда съ Петровскаго, тогда еще совсѣмъ дикаго острова. Зеленоватый сумракъ наполнялъ комнату. Было свѣжо и уютно? Тихонъ проводилъ здѣсь цѣлые дни, роясь въ книгахъ. Ему казалось, что онъ вернулся въ библіотеку Якова Брюса, и что всѣ эти четыре года скитаній—только сонъ.

Теофанъ былъ къ нему добръ. Не торопилъ возвращеніемъ въ лоно православной церкви, только указалъ для прочтенія, за недостаткомъ русскаго катехизиса, на нѣсколькихъ нѣмецкихъ богослововъ и на досугъ бесѣдовалъ съ нимъ о прочитанномъ, исправляя ошибки протестантовъ согласно съ ученіемъ церкви греко-россійской. Въ остальное время давалъ ему свободу заниматься чѣмъ угодно.

Тихонъ опять принялся за математику. Въ холодѣ разума отдыхалъ онъ отъ огня безумія, отъ бреда Красной и Бѣлой смерти.

Перечитывалъ также философовъ—Декарта, Лейбница, Спинозу. Вспоминалъ слова пастора Глюка: «Истинная философія, если отвѣдать ее слегка, уводитъ отъ Бога; если же глубоко зачерпнуть, приводитъ къ Нему».

Богъ для Декарта былъ Первый Двигатель первой матеріи. Вселенная—машина. Ни любви, ни тайны, ни жизни—ничего, кромѣ разума, который отражается во всѣхъ мірахъ, какъ свѣтъ въ прозрачныхъ ледяныхъ кристаллахъ. Тихону было страшно отъ этого мертваго Бога.

«Природа полна жизни,—утверждалъ Лейбницъ въ своей *Монадологіи*.—Я докажу, что причина всякаго движенія—

духъ, а духъ—живая монада, которая состоитъ изъ идей, какъ центръ изъ угловъ». Монады соединены предустановленной Богомъ гармоніей въ единое цѣлое. «Міръ—Божьи часы, *hologium Dei*».—«Опять, вмѣсто жизни—машина, вмѣсто Бога—механика», подумалъ Тихонъ, и опять ему стало страшно.

Но всѣхъ страшнѣе, потому что всѣхъ яснѣе, былъ Спиноза. Онъ договаривалъ то, что другіе не смѣли сказать. «Утверждать воплощеніе Бога въ человѣкѣ такъ же нелѣпо, какъ утверждать, что кругъ принялъ природу треугольника, или квадрата. *Слово стало плотью*—восточный оборотъ рѣчи, который не можетъ имѣть никакого значенія для разума. Христіанство отличается отъ другихъ исповѣданій не вѣрою, не любовью, не какими-либо иными дарами Духа Святого, а лишь тѣмъ, что своимъ основаніемъ дѣлаетъ чудо, то-есть, невѣжество, которое есть источникъ всякаго зла, и, такимъ образомъ, самую вѣру превращаетъ въ суевѣріе». Спиноза обнаружилъ тайную мысль всѣхъ новыхъ философовъ: или со Христомъ—противъ разума; или съ разумомъ—противъ Христа.

Однажды Тихонъ заговорилъ о Спинозѣ съ Теофаномъ.

— Оной философіи основаніе глупѣйшее показуется,—объявилъ архіерей съ презрительной усмѣшкой,—понеже Спиноза свои умствованія изъ единыхъ скаредныхъ контрадикцій сплелъ и только словами прелестными и чвановатыми ту свою глупость покрылъ...

Тихона эти ругательства не убѣдили и не успокоили.

Не нашелъ онъ помощи и въ сочиненіяхъ иностранныхъ богослововъ, которые опровергали всѣхъ древнихъ и новыхъ философовъ съ такою же легкостью, какъ русскій архіерей Спинозу.

Иногда Теофанъ давалъ Тихону переписывать бумаги по дѣламъ Св. Синода. Въ присягѣ Духовнаго Регламента его поразили слова: «Исповѣдую съ клятвою крайняго Судію духовныя сея коллегіи быти Самаго Всероссійскаго Монарха, Государя нашего Всемилостивѣйшаго». Государь—глава церкви; государь—вмѣсто Христа.

«*Magnus ille Leviathan, quae Civitas appellatur, officium artis est et Homo artificialis.*—Великій оный Левіаѳанъ, государствомъ именуемый, есть произведеніе искусства и Человѣкъ искусственный», вспомнилъ онъ слова изъ книги Левіаѳанъ, англійскаго философа Гоббса, который также утверждалъ, что церковь должна быть частью государства, членомъ великаго Левіаѳана, исполинскаго Автомата—не той ли Иконы звѣря, созданной по образу и подобію самого бога-звѣря, о которой сказано въ Апокалипсисѣ?

Холодъ разума, которымъ вѣяло на Тихона отъ этой мертвой церкви мертваго Бога, становился для него такимъ же убійственнымъ, какъ огонь безумія, огонь Красной и Бѣлой смерти.

Уже назначили день, когда долженъ былъ совершиться торжественно въ Троицкомъ соборѣ обрядъ муропомазанія надъ Тихономъ въ знакъ его возвращенія въ лоно православной церкви.

Наканунѣ этого дня собрались на Карповскомъ подворьѣ къ ужину гости.

Это было одно изъ тѣхъ собраній, которыя Теофанъ въ своихъ латинскихъ письмахъ называлъ *postes atticae*—аттическія ночи. Запивая соленую и копченую архіерейскую снѣдь знаменитымъ пивомъ о. эконома Герасима, бесѣдовали о философіи, о «дѣлахъ естества» и «уставахъ природы», большею частью въ вольномъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже «аѳейскомъ» духѣ.

Тихонъ, стоя въ стеклянной галлерей, соединявшей библіотеку со столовою, слушалъ издали эту бесѣду.

— Распри о вѣрѣ между людьми умными произойти не могутъ, понеже умному до вѣры другого ничто касается и ему все равно—люторъ ли, кальвинъ ли, или язычникъ, ибо не смотритъ на вѣру, но на поступки и нравъ,—говорилъ Брюсъ.

— *Uti boni vini non est quaerenda regio, sic nec boni viri religio et patria.*—Какъ о происхожденіи добраго вина, такъ о вѣрѣ и отечествѣ добраго мужа пытаться не слѣдуетъ, — подтвердилъ Теофанъ.

— Запрещающіе філософію суть либо самыя невѣжды, либо попы злоковарныя,—замѣтилъ Василій Никитичъ Тащищевъ, президентъ бергъ-коллегіи.

Ученый іеромонахъ о. Маркеллъ доказывалъ, что многія житія святыхъ въ истинѣ оскудѣвають.

— Много наплутано, много наплутано!—повторялъ онъ знаменитое слово Федоски.

— Въ наше время чудесъ не бываетъ,—согласился съ іеромонахомъ докторъ Блюментростъ.

— На сихъ дняхъ,—съ тонкой усмѣшкой заговорилъ Петръ Андреевичъ Толстой,—случилось мнѣ быть у одного пріятели, гдѣ видѣлъ я двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ. Они имѣли между собою большое преніе: одинъ утверждалъ, другой отрицалъ бытіе Божіе. Отрицающій кричалъ: «Нечего пустяки молоть, а Бога нѣтъ!» Я вступился и спросилъ: «Да кто тебѣ сказывалъ, что Бога нѣтъ?» — «Подпоручикъ Ивановъ вчера на Гостиномъ дворѣ!» — Нашель и мѣсто!...

Всѣ смѣялись, всѣмъ было весело.

А Тихону—жутко.

— Онъ чувствовалъ, что люди эти начали путь, который нельзя не пройти до конца, и что рано или поздно, дойдуть они до того же въ Россіи, до чего уже дошли въ Европѣ: или со Христомъ—противъ разума, или съ разумомъ—противъ Христа.

Онъ вернулся въ бібліотеку, сѣлъ у окна, рядомъ со стѣною, уставленной ровными рядами книгъ въ одинаковыхъ кожаныхъ и пергаментныхъ переплетахъ, взглянулъ на ночное бѣлое, надъ черными елями, пустое, мертвое страшное небо, и вспомнилъ слова Спинозы:

Между Богомъ и человекомъ такъ же мало общаго, какъ между созвѣздіемъ Пса и псомъ, лающимъ животнымъ. Человекъ можетъ любить Бога, но Богъ не можетъ любить человека.

Казалось, что тамъ, въ этомъ мертвомъ небѣ — мертвый Богъ, который не можетъ любить. Ужъ лучше бы знать, что совсѣмъ нѣтъ Бога. «А, можетъ-быть, и нѣтъ?» поду-

маль онъ и почувствовалъ тотъ же самый ужасъ, какъ тогда, когда Иванушка заплакалъ, а поднявшій надъ нимъ ножъ Аверьянъ усмѣхнулся.

Тихонъ упалъ на колѣни и началъ молиться, глядя на небо, повторяя одно только слово:

— Господи! Господи! Господи!

Но молчаніе было въ небѣ, молчаніе въ сердцѣ. Безпредѣльное молчаніе, беспредѣльный ужасъ.

Вдругъ изъ послѣдней глубины молчанія Кто-то отвѣтилъ, сказалъ, что надо дѣлать.

Тихонъ всталъ, пошелъ въ свою келью, вытащилъ изъ-подъ кровати укладку, вынулъ изъ нея свой страннической старый подрясникъ, кожаный поясъ, четки, скуфейку, образокъ св. Софіи, Премудрости Божіей, подаренный Софьей; снялъ съ себя кафтанъ и все остальное нѣмецкое платье, надѣлъ вынутое изъ укладки, навязалъ на плечи котомку, взялъ въ руки палку, перекрестился и никѣмъ не замѣченный, вышелъ изъ дома въ лѣсъ.

На слѣдующее утро, когда пора было итти въ церковь для совершенія обряда муропомазанія, Тихона стали искать. Долго искали, но не нашли. Онъ пропалъ безслѣдно, точно въ воду кануль.

III

По преданію, апостоль Андрей Первозванный, прибывшій изъ Кіева въ Новгородъ, приплылъ въ ладьѣ къ острову Валааму на Ладожскомъ озерѣ и водрузилъ здѣсь каменный крестъ. Задолго до крещенія Руси два инока, преподобные Сергій и Германъ, придя на Русь отъ странъ восточныхъ, устроили на Валаамѣ святую обитель.

Съ той поры теплилась вѣра Христова на дикомъ сѣверѣ, какъ лампада въ полуночной тьмѣ.

Шведы, овладѣвъ Ладожскимъ озеромъ, разоряли Валаамскую обитель много разъ. Въ 1611 году разорили ее такъ, что не осталось камня на камнѣ. Цѣлое столѣтіе островъ былъ въ заустѣни. Но въ 1715 году царь Петръ

далъ указъ о возобновленіи древней обители. Построена была маленькая деревянная церковь, во имя Преображенія Господня, надъ мощами св. чудотворцевъ Сергія и Германа, и нѣсколько убогихъ келій, въ которыя переведены были иноки изъ Кирилло-Бѣлозерской пустыни. Лампада вѣры Христовой затеплилась вновь и было пророчество, что уже не угаснетъ она до второго пришествія.

Тихонъ бѣжалъ изъ Петербурга съ однимъ старцемъ изъ толка *бѣгуновъ*.

Бѣгуны учили, что православнымъ, дабы спастись отъ антихриста, подобаетъ бѣгать изъ града въ градъ, изъ веси въ весь, до послѣднихъ предѣловъ земли. Старецъ звалъ Тихона въ какое-то неизвѣстное Опоньское царство на семидесяти островахъ Бѣловодья, гдѣ въ 179 церквахъ Ассирскаго языка сохраняется, будто бы, нерушимо старая вѣра; царство то находится за Гогомъ и Магогомъ, на самомъ краю свѣта, откуда солнце всходитъ. «Ежели сподобитъ Богъ, то лѣтъ въ десять дойдемъ», утѣшалъ старецъ.

Тихонъ мало вѣрилъ въ Опоньское царство, но пошелъ съ бѣгуномъ, потому что ему было все равно куда и съ кѣмъ итти.

На плотяхъ доѣхали до Ладоги. Здѣсь пересѣли въ сойму—утлое озерное суденышко, которое шло въ Сердоболь. На озерѣ застигла буря. Долго носились по волнамъ и едва не погибли. Наконецъ вошли въ Скитскую гавань Валаамской обители. Къ утру буря утихла, но надо было чинить сойму.

Тихонъ пошелъ бродить по острову.

Островъ былъ весь гранитный. Берега надъ водой поднимались отвѣсными скалами. Корни деревьевъ не могли укрѣпиться на тонкомъ слоѣ земли на гранитѣ, и лѣсъ былъ низкій. Зато мохъ росъ пышно, заволакивалъ ели, какъ паутиною, висѣлъ на стволахъ сосенъ длинными космами.

День былъ жаркій, злистый. Небо—молочно-бѣлое, съ едва сквозившею туманною голубизною. Воды зеркально-гладкаго озера сливались съ небомъ, такъ что нельзя было отличить, гдѣ кончается вода и гдѣ начинается воздухъ;

небо казалось озеромъ, озеро—небомъ. Тишина—бездыханная, даже птицы молчали. И тишину нездѣшнюю, успокоеніе вѣчное навѣвала на душу эта святая пустыня, суровый и нѣжный полуночный рай.

Тихону вспомнилась пѣсня, которую пѣваль онъ въ лѣсахъ Долгомшинскихъ:

Прекрасная мати-пустыня!
Пойду по лѣсахъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ...

Вспоминалось и то, что говорилъ ему одинъ изъ Валаамскихъ иноковъ:

— Благодать у насъ! Хоть три дня оставайся въ лѣсу,—ни дикаго звѣря, ни злого человѣка не встрѣтишь—Богъ да ты, ты да Богъ!

Онъ долго ходилъ, далеко отошелъ отъ обители, наконецъ, заблудился. Наступилъ вечеръ. Онъ боялся, что сойма уйдетъ безъ него.

Чтобъ оглядѣться, взошелъ на высокую гору. Склоны поросли частыми елями. На вершинѣ была круглая поляна съ цвѣтущимъ лилово-розовымъ верескомъ. Посрединѣ—столпообразный черный камень.

Тихонъ усталъ. Увидѣлъ на краю поляны, между елками, углубленіе скалы, какъ бы колыбель изъ мягкаго мха, прилегъ и заснулъ.

Проснулся ночью. Было почти такъ же свѣтло, какъ днемъ. Но еще тише. Берега острова отражались въ зеркалѣ озера четко, до послѣдняго крестика острыхъ еловыхъ верхушекъ, такъ что казалось, тамъ внизу—другой островъ, совершенно подобный верхнему, только опрокинутый, и эти два острова висятъ между двумя небесами. На камнѣ среди поляны стоялъ колѣнопреклоненный старецъ, незнакомый Тихону, должно-быть, схимникъ, жившій въ пустыни. Черный обликъ его въ золотисто-розовомъ небѣ былъ неподвиженъ, словно изваянъ изъ того же камня, на которомъ онъ стоялъ. И въ лицѣ—такой восторгъ молитвы, какого никогда не видалъ Тихонъ въ лицѣ человѣческомъ. Ему казалось, что такая тишина кругомъ отъ этой мо-

литвы, и для нея возносится благоуханіе лилово-розоваго вереска къ золотисто-розовому небу, подобно дыму кадильному.

Не смѣя ни дохнуть, ни шевельнуться, онъ долго смотрѣлъ на молящагося, молился вмѣстѣ съ нимъ, и въ безконечной сладости молитвы какъ будто потерялъ сознание—опять уснулъ.

Проснулся на восходѣ солнечномъ.

Никого уже не было на камнѣ. Тихонъ подошелъ къ нему, увидѣлъ въ густомъ верескѣ едва замѣтную тропинку и пустился по ней въ долину, окруженную скалами. Внизу была березовая роща. Въ серединѣ рощи—лужайка съ высокой травою. Невидимый ручей лепеталъ въ ней дѣтскимъ лепетомъ.

На лужайкѣ стоялъ схимникъ,—тотъ самый, котораго Тихонъ видѣлъ ночью,—и кормилъ изъ рукъ хлѣбомъ лосиху съ маленькимъ смѣшнымъ сосункомъ.

Тихонъ глядѣлъ и не вѣрилъ глазамъ. Онъ зналъ, какъ пугливы лоси, особенно самки, недавно отелившіяся. Ему казалось, что онъ подглядѣлъ вѣщую тайну тѣхъ дней, когда человѣкъ и звѣри жили вмѣстѣ въ раю.

Съѣвъ хлѣбъ, лосиха начала лизать руку старца. Онъ осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ, поцѣловалъ въ косматый лобъ и проговорилъ съ тихою ласкою:

— Господь съ тобою, матушка!

Вдругъ она оглянулась дико, шарахнулась и пустилась бѣжать, вмѣстѣ съ дѣтенышемъ, въ глубину ущелья—только трескъ и гулъ пошелъ по лѣсу, должно-быть, учуяла Тихона.

Онъ приблизился къ старцу:

— Благослови, отче!

Старецъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ съ такою же тихою ласкою, какъ только что звѣря.

— Господь съ тобою, дитяtko! Звать-то какъ?

— Тихономъ.

— Тишенька — имечко тихое. Откуда Богъ принесъ? Мѣсто тутъ лѣсное, пустынное, чади мірской маловходное—рѣдко странничковъ Божьихъ видимъ.

— Въ Сердоболь плыли изъ Ладоги, — отвѣчалъ Тихонъ, — сойму бурю прибило къ острову. Вчера пошелъ въ лѣсъ, да заблудился.

— Въ лѣсу и ночеваль?

— Въ лѣсу.

— Хлѣбушка-то есть ли? Голодень, чай?

Ломоть хлѣба, который взялъ съ собою Тихонъ, доѣлъ онъ вчера вечеромъ и теперь чувствовалъ голодь.

— Ну, пойдѣмъ-ка въ келью, Тишенька! Чѣмъ Богъ послалъ накормлю.

О. Сергію, такъ звали схимника, судя по сильной просѣди въ черныхъ волосахъ, было лѣтъ за пятьдесятъ; но походка и всѣ движенія его были такъ быстры и легки, какъ у двадцатилѣтняго юноши; лицо — сухое, постное, но тоже юное; каріе, немного близорукіе глаза постоянно щурились, какъ будто усмѣхались неудержимою, почти шаловливою и чуть-чуть лукавою усмѣшкою: похоже было на то, что онъ знаетъ про себя что-то веселое, чего другіе не знаютъ, и вотъ скажетъ сейчасъ, и будетъ всѣмъ весело. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ весельи была та тишина, которую видѣлъ въ лицѣ его Тихонъ во время ночной молитвы.

Они подошли къ отвѣсной гранитной скалѣ. За ветхимъ покосившимся плетнемъ были огородныя грядки. Въ расщелинѣ скалы — самородная келья: три стѣны — каменные; четвертая — срубъ съ оконцемъ и дверью; надъ нею почернѣвшая иконка валаамскихъ чудотворцевъ св. Сергія и Германа, кровля — земляная, крытая мохомъ и берестою, съ деревяннымъ осьмиконечнымъ крестомъ. Устье долины, выходившее къ озеру, кончалось мелью, нанесенной ручьемъ, который протекалъ на днѣ долины и здѣсь вливался въ озеро. На берегу сушились мережки и сѣти, растянутыя на кольяхъ. Тутъ же другой старецъ, въ заплатанной сермяжной рясѣ, похожей на рубище, съ босыми ногами, по колѣно въ водѣ, коренастый, широкоплечій, съ обвѣтреннымъ лицомъ, остатками сѣдыхъ волосъ вокругъ лысаго черепа, — «настоящій рыбарь Петръ», подумалъ Тихонъ, — чинилъ и

смолилиль дно опрокинутой лодки. Пахло еловыми стружками, водою, рыбой и дегтемъ.

— Ларивонушка!—окликнулъ его о. Сергій.

Старикъ оглянулся, бросилъ тотчасъ работу, подошелъ къ нимъ и молча поклонился Тихону въ ноги.

— Небось, дитятко, — со своей шаловливой усмѣшкой успокоилъ о. Сергій смущеннаго Тихона, — не тебѣ одному, онъ всѣмъ въ ноги кланяется—и малымъ ребяткамъ. Такой ужъ смиреннькій! Приготовь-ка Ларивонушка, трапезу, накормить странничка Божьяго.

Поднявшись на ноги, о. Иларіонъ посмотрѣлъ на Тихона смиреннымъ и суровымъ взглядомъ: *Встѣхъ любви и встѣхъ бѣгай* — было въ этомъ взглядѣ слово великаго отшельника еиваидскаго, преподобнаго аввы Арсенія.

Келья состояла изъ двухъ половинъ — крошечной курной избенки и пещеры въ каменной толщѣ скалы, съ образами по стѣнамъ, такими же веселыми, какъ самъ о. Сергій— Богородица Взыгранія, Милостивая, Благоуханный Цвѣтъ, Блаженное Чрево, Живодательница, Нечаянная Радость; передъ этою послѣднею, особенно любимую о. Сергіемъ, теплилась лампада. Въ пещерѣ, темной и тѣсной, какъ могила, стояли два гроба съ камнями вмѣсто изголовій. Въ этихъ гробахъ почивали старцы.

Сѣли за трапезу—голую доску на мшистомъ обрубкѣ сосны. О. Иларіонъ подалъ хлѣбъ, соль, деревянные чаши съ рубленой кислой капустой, солеными огурцами, грибною похлебкою и взваромъ изъ какихъ-то лѣсныхъ душистыхъ травъ.

О. Сергій съ Тихономъ вкушали въ безмолвіи. О. Иларіонъ читалъ псаломъ:

Вся къ Тебѣ, Господи, чають, дати пищу имъ во благо время.

Послѣ трапезы о. Иларіонъ пошелъ опять смолить лодку. А о. Сергій съ Тихономъ сѣли на каменные ступеньки у входа въ келью. Передъ ними разстилалось озеро, все такое же тихое, гладкое, блѣдно-голубое, съ отраженными

бѣлыми круглыми большими облаками—какъ бы другое, нижнее небо, совершенно подобное верхнему.

— По обѣту, что ль, странствуешь, чадушко?—спросилъ о. Сергій.

Тихонъ взглянулъ на него, и ему захотѣлось сказать всю правду.

— По обѣту великому, отче: истинной Церкви ищу...

И рассказалъ ему всю свою жизнь, начиная съ перваго бѣгства отъ страха антихристова, кончая послѣднимъ отреченіемъ отъ мертвой церкви.

Когда онъ кончилъ, о. Сергій долго сидѣлъ молча, закрывъ лицо руками; потомъ всталъ, положилъ руку на голову Тихона и произнесъ:

— Рече Господь: *Грядущаго ко Мнѣ не измѣню.* Гряди же ко Господу, чадо, съ миромъ. Небось, небось, миленькій: будешь въ Церкви, будешь въ Церкви, будешь въ Церкви истинной!

Такая вѣщая сила и власть была въ этихъ словахъ о. Сергія, что, казалось, онъ говоритъ не отъ себя.

— Будь милостивъ, отче,—воскликнулъ Тихонъ, припадая къ ногамъ его.—Прими меня въ свое послушаніе, благослови въ пустынь съ вами жить!

— Живи, дитятко, живи съ Богомъ!—обнялъ и поцѣловалъ его о. Сергій.—Тишенька—тихонькой, житія нашего тихаго не разоришь,—прибавилъ онъ уже со своею обычною веселою улыбкою.

Такъ Тихонъ остался въ пустынь и зажилъ съ обоими старцами.

О. Иларіонъ былъ великій постникъ. Иногда цѣлыми недѣлями не вкушалъ хлѣба. Дралъ съ большихъ сосенъ кору, сушилъ, толокъ въ ступѣ и съ мукой пекъ, тó и ѣлъ, а пилъ воду, нарочно изъ лужъ, теплую, ржавую. Зимой молился по колѣно въ снѣгу. Лѣтомъ стоялъ голый въ болотѣ, отдавая тѣло на съѣденіе комарамъ. Никогда не мылся, приводя слова преподобнаго Исаака Сирина: «да не обнажиши что отъ удъ твоихъ и аще нужда тебѣ будетъ отъ свербѣнія, обвей руку твою срачицею, или портищемъ

и такъ почеши—никогда же не протирай руки твоей по нагому тѣлу, ни на тайныя уды смотри никакоже, аще и изгнѣютъ». О. Иларіонъ разсказывалъ Тихону о своемъ бывшемъ учителѣ, инокѣ Кирилло-Бѣлозерской пустыни, нѣкоемъ о. Трифонѣ, нарицаемомъ *Похабный*, «иже блаженнымъ похабствомъ прозрѣвать будущее сподобился».—«Сей Трифонъ воды на голову и на ноги не полагалъ во всю свою жизнь, а вшей у себя не имѣлъ, о чемъ вельми плакалъ, что въ томъ-де вѣкѣ будутъ мнѣ вши, аки мыши. Онъ же, Трифонъ, денно и ночью молитву Іисусову творилъ, и въ такомъ обыкновеніи молитвенномъ уста его устроились до того, что сами двигались на всякое время неудержимо, на челѣ отъ крестнаго знаменія синева была и язва; часы ли, утреню ль, вечерню пѣлъ,—столько плакалъ, что въ забытѣ приходилъ отъ многого хлипанья. Передъ смертью лежалъ семь нощенствъ вельми тяжко, а не постонувъ, не охнувъ и пить не просилъ, и ежели кто приходилъ посѣтить и спрашивалъ: «батюшка, неможешь гораздо?»—отвѣчалъ: «все хорошо».—Разъ о. Иларіонъ подошелъ къ нему тихо, чтобъ тотъ не слышалъ,—и увидѣлъ, что онъ «устами маленько почавкалъ, а самъ тихошенько шепчетъ: «Напиться бы досыта!»—«Хочешь, батюшка, пить?»—спросилъ о. Иларіонъ, а о. Трифонъ: «нѣтъ, говорить, не хочу». И по сему уразумѣлъ о. Иларіонъ, что великою жаждой мучится о. Трифонъ, но терпитъ—постится послѣднимъ постомъ.

Несмотря на всѣ эти посты, труды и подвиги, человеку, какъ видно было изъ словъ о. Иларіона, почти невозможно спастись. По видѣнію нѣкоего святого, изъ тридцати тысячъ душъ умершихъ, всего двѣ пошли въ рай, а всѣ остальные въ адъ.

— Силенъ чортъ, охъ, силенъ! — иногда вздыхалъ онъ съ такимъ сокрушеніемъ, что казалось, еще неизвѣстно, кто кого сильнѣе и кто побѣдитъ—Богъ или чортъ?

Порой казалось также Тихону, что если бы о. Иларіонъ довелъ мысли свои до конца, то пришелъ бы къ тому же, къ чему пришли учителя Красной Смерти.

О. Сергій противоположенъ былъ о. Иларіону во всемъ. «Безмѣрное и неразумное воздержаніе, — училъ онъ, — большій вредъ приносить, нежели до сытости яденіе. Мѣру пищи пусть каждый самъ для себя уставляетъ. Отъ всякихъ яствъ, хотя бы и сладкихъ, подобаешь принимать по малу, ибо все чисто чистымъ, всякое созданіе Божіе—добро, и ничто же отмѣтно».

Не въ наружныхъ подвигахъ тѣлесныхъ полагалъ онъ спасеніе, а во внутреннемъ «умномъ дѣланіи». Каждую ночь молился на камнѣ, стоя недвижно, какъ изваяніе. Но Тихону чудилось въ этой неподвижности болѣе стремительный полетъ, чѣмъ въ бѣшеной пляскѣ хлыстовъ.

— Какъ надо молиться?—однажды спросилъ онъ о. Сергія.

— Молчи мыслью,—отвѣтилъ тотъ,—и зри всегда во глубину свою сердечную и говори: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!*—и такъ молись, аще стоя, и сидя, лежа, и умъ въ сердце затворяя, и дыханіе держа, сколько можно, да не часто дышишь. И сначала найдешь ты въ себѣ большой мракъ, жесткость, и въ молитвѣ внѣшней познаешь прегражденіе нѣкое, аки стѣну медяну, между тобой и Богомъ. Но не унывай, молись прилежниѣе, и стѣна медяна падеть. И увидишь внутри сердца Свѣтъ несказанный. Тогда слова умолкнутъ и прекратятся молитвы и воздыханія, и колѣнопреклоненія, и сердечныя прошенія, и вопли сладчайшіе. Тогда—тишина великая. Тогда—изступленіе великое, и человѣкъ уже знаетъ, въ тѣлѣ онъ или безъ тѣла. Тогда — ужасаніе и видѣніе Бога. Тогда человѣкъ и Богъ—одно. Тогда совершается слово пророческое: *Богъ богомъ соединяемъ же и познаваемъ.* То есть молитва умная, чадушко!

Тихонъ замѣтилъ, что у о. Сергія, когда онъ говорилъ это, глаза были такіе же пьяные, какъ у «дѣтушекъ Божьихъ»: только тамъ краткое, буйное,—а здѣсь вѣчное, тихое, какъ бы трезвое пьянство.

О. Иларіонъ и о. Сергій были столь разнаго духа, что, казалось, не могли согласиться ни въ чемъ, а между тѣмъ соглашались.

— О. Сергій — сосудъ избранный! — говорилъ о. Иларіонъ. — Богъ избралъ его для употребленія честнаго, а меня — для низкаго; онъ — кости бѣленькой, а я — черненькой; ему все простится, а съ меня все взыцется; онъ орломъ летаетъ, а я муравьемъ ползаю. Онъ спасенъ уже вѣдомо, а я спасусь ли, нѣтъ ли, Богъ вѣсть. Но ежели погибать буду, ухвачу о. Сергія за полу, — онъ меня и вытащитъ!

— О. Иларіонъ — камешекъ крѣпощій, столпъ православія, стѣна нерушимая, — говорилъ о. Сергій. — Я же листъ, вѣтромъ колеблемый. Безъ него бы давно я пропалъ, отступилъ отъ преданій отеческихъ. Только имъ и держусь. Покойно мнѣ за нимъ, какъ у Христа за пазушкой!

О первой бесѣдѣ своей съ Тихономъ о. Сергій ничего не говорилъ о. Иларіону, но тотъ обо всемъ догадался, учуялъ еретика, какъ овца чуетъ волка. Однажды подслушалъ нечаянно Тихонъ разговоръ его съ о. Сергіемъ:

— Потерпи, Ларивонушка! — умолялъ о. Сергій. — Потерпи на немъ, ради Христа! Сотвори миръ и любовь...

— Съ еретикомъ какой миръ? — возражалъ о. Иларіонъ. — Бранись съ нимъ до смерти, не повинуйся уму его развращенному. Своего врага люби, а не Божія! Бѣги отъ еретика и не говори ему ничего о правовѣрїи, токмо плюй на него. Ей, собаки и свиньи хуже еретикъ! Будь онъ проклятъ. Анаема!

— Потерпи, Ларивонушка!.. — повторялъ о. Сергій съ мольбой безконечной, но бессильной, какъ будто и самъ втайнѣ сомнѣвался въ правотѣ своей.

Тихонъ отошелъ прочь. Онъ вдругъ понялъ, что напрасно ждетъ помощи отъ о. Сергія, и что этотъ великій святой, предъ Господомъ сильный какъ ангель, предъ людьми — слабъ какъ дитя.

Спустя нѣсколько дней, опять сидѣлъ Тихонъ съ о. Сергіемъ на каменныхъ ступенькахъ у входа въ келью, точно такъ же какъ въ первый день. Они были одни. О. Иларіонъ поѣхалъ въ лодкѣ рыбу ловить.

Была знойная бѣлая, но отъ грозовыхъ облаковъ темная ночь. Въ послѣдніе дни все собиралась гроза, но не могла собраться. На землѣ — тишина мертвая. А на небѣ неслись бурныя, быстрыя, но тоже безмолвныя тучи—словно нѣмые великаны бѣжали на бой. Изрѣдка слышался тихій, далекій, точно подземный, громъ, похожій на ворчаніе соннаго звѣря. Вспыхивали блѣдныя зарницы, какъ будто ночь содрогалась отъ ужаса. И при каждой вспышкѣ явственно, четко, до послѣдняго крестика острыхъ еловыхъ вершинъ, выступали на заревѣ бѣлаго пламени всѣ очертанія острова и отражались въ водѣ, точно тамъ, внизу, былъ другой островъ, совершенно подобный верхнему, только опрокинутый, и эти два острова висѣли между двумя небесами. Зарница потухала, и все опять погружалось во мракъ, въ тишину, слышалось только ворчаніе соннаго звѣря.

Тихонъ молчалъ, а о. Сергій, глядя въ темную грозную даль, пѣлъ акаѳистъ Іисусу Сладчайшему. И тихія слова молитвы сливались со звуками грома:

Іисусе, сило непобѣдимая,
Іисусе, милости безконечная
Іисусе, красото пресвѣтлая
Іисусе, любви неизреченная,
Іисусе, Сыне Бога Живаго,
Іисусе, помилуй мя грѣшнаго.

Тихонъ чувствовалъ, что о. Сергій хочетъ ему что-то сказать, но не рѣшается. Лица его во мракѣ не видно было Тихону, но когда онъ взглядывалъ на него въ краткомъ блескѣ зарницъ, оно казалось ему такимъ скорбнымъ, какъ еще никогда.

— Отче, — наконецъ заговорилъ Тихонъ, первый, — я скоро уйду отъ васъ...

— Куда пойдешь, дитяtko?

— Не знаю, отче. Все равно. Пойду, куда глаза глядятъ...

О. Сергій взялъ его за руку, и Тихонъ услышалъ трепетный ласковый шопоть:

— Вернись, вернись, чадушкo!..

— Куда? — спросилъ Тихонъ, и вдругъ стало ему страшно, онъ самъ не зналъ отчего.

— Въ церковку, въ церковку! — шепталь о. Сергій все ласковѣй, все трепетнѣй.

— Въ какую церковь, отче?

— Охъ, искушеніе, искушеніе! — вздохнулъ о. Сергій, и кончилъ съ усиліемъ:

— Во единую святую соборную апостольскую...

Но такая мертвая тяжесть и косность была въ этихъ словахъ, какъ будто говорилъ ихъ не самъ онъ, а кто-то другой заставлялъ его говорить.

— Да гдѣ же церковь та?—простоналъ Тихонъ съ невыразимою мукою.

— Охъ, бѣдненькій, бѣдненькій! Какъ же безъ церкви-то?.. — опять зашепталь о. Сергій съ отвѣтною и равною мукою, по которой Тихонъ почувствовалъ, что онъ понимаетъ все.

Вспыхнула зарница — онъ увидѣлъ лицо старика, дрожащія губы съ безпомощною улыбкою, широко открытые глаза, полные слезами — и понялъ, отчего такъ страшно: страшно то, что это лицо могло быть жалкимъ.

Тихонъ упалъ на колѣни и протянулъ къ о. Сергію руки съ послѣднею надеждою, съ послѣднимъ отчаяніемъ.

— Спаси, помоги, заступись! Развѣ не видишь? Погибаетъ церковь, погибаетъ вѣра, погибаетъ все христіанство! Уже тайна беззаконія дѣется, уже мерзость заустѣнія стала на мѣстѣ святомъ, уже антихристъ хочетъ быть. Возстань, отче, на подвигъ великій, гряди въ міръ на брань съ антихристомъ!..

— Что ты, что ты, дитятко? Куда мнѣ, грѣшному?.. — залепеталь о. Сергій со смиреннымъ ужасомъ.

И Тихонъ понялъ, что всѣ его мольбы напрасны, и что о. Сергій навѣки отошелъ отъ міра, какъ отъ живыхъ отходятъ мертвые. *Всѣхъ люби и всѣхъ бѣгай*, — вспомнилось Тихону страшное слово. — «А что, если такъ? — подумаль онъ съ тоскою смертною. — Что, если надо выбрать одно изъ двухъ: или Богъ безъ міра, или міръ безъ Бога?»

Онъ упалъ ничкомъ на землю и долго лежалъ, не двигаясь, не слыша, какъ старецъ обнималъ и утѣшалъ его.

Когда пришелъ въ себя, о. Сергія уже не было съ нимъ: должно-быть, пошелъ молиться на гору.

Тихонъ всталъ, вошелъ въ келью, надѣлъ дорожное платье, навязалъ на плечи котомку, на шею образъ св. Софіи, Премудрости Божіей, взялъ въ руки палку, перекрестился и вышелъ въ лѣсъ, чтобы продолжать свое вѣчное странствіе.

Хотѣлъ уйти, не прощаясь, потому что чувствовалъ, что прощаніе будетъ для обоихъ слишкомъ тягостно.

Но, чтобы взглянуть на о. Сергія въ послѣдній разъ, хоть издали, пошелъ на гору.

Тамъ, среди поляны, старецъ, какъ всегда, молился на камнѣ.

Тихонъ отыскалъ углубленіе въ скалѣ, какъ бы колыбель изъ мягкаго мха, гдѣ провелъ первую ночь,—легъ и долго глядѣлъ на недвижный черный обликъ молящагося, на ослѣпительно бѣлое пламя зарницъ и безмолвно летящія, бурныя тучи.

Наконецъ уснулъ тѣмъ сномъ, которымъ ученики Господни спали тогда, какъ Учитель молился на верженьи камня и придя къ нимъ, нашелъ ихъ *спящими отъ печали*.

Когда проснулся, солнце уже встало, и о. Сергія не было на камнѣ. Тихонъ подошелъ къ нему, поцѣловалъ то мѣсто, гдѣ стояли ноги старца. Потомъ спустился съ горы и по глухимъ тропинкамъ черезъ лѣсныя дебри пошелъ къ Валаамской обители.

Послѣ тяжелаго сна онъ чувствовалъ себя разбитымъ и слабымъ, какъ послѣ обморока. Казалось, все еще спитъ, хочетъ и не можетъ проснуться. Была та страшная тоска, которая бывала у него всегда передъ припадками падучей. Голова кружилась. Мысли путались. Въ умѣ проносились обрывки далекихъ воспоминаній. То пасторъ Глюкъ, повторяющій слова Ньютона о кончинѣ міра: «Комета упадетъ на солнце и отъ этого паденія солнечный жаръ возрастетъ

до того, что все на землѣ истребитя огнемъ. *Hypothesas non fingo!* Я не сочиняю гипотезъ!» То унылая пѣсня гробо-полагателей:

Гробы вы, гробы, колоды дубовыя!
Всѣмъ есте, гробы, домовища вѣчныя.

То въ пылающемъ срубѣ послѣдній вопль насмертниковъ: *Се, Женихъ грядетъ во полунощи!* То бѣшеный бѣлый смерчъ пляски и пронзительный крикъ:

Эвâ-эвò! Эвâ-эвò!

И тихій плачь Иванушки, Непорочнаго Агнца, подъ ножомъ Аверьянки Безпалаго. И тихія слова Спинозы о «разумной любви къ Богу» — *amor Dei intellectualis*: «Человѣкъ можетъ любить Бога, но Богъ не можетъ любить человѣка». И присяга Духовнаго Регламента самодержцу Россійскому, какъ Самому Христу Господню. И суровое смиреніе о. Иларіона: «Всѣхъ люби и всѣхъ бѣгай!» И ласковый шопоть о. Сергія: «Въ церковку, въ церковку, дитятко!»

На минуту пришелъ въ себя. Оглянулся. Увидѣлъ, что сбился съ пути.

Долго отыскивалъ тропинку, пропавшую въ верескѣ. Наконецъ совсѣмъ заблудился и пошелъ наугадъ.

Гроза опять ушла. Тучи разсѣялись. Солнце жгло. Томила жажда. Но не было ни капли влаги въ этой гранитной и хвойной пустынѣ — только сухіе сѣрые паучьи мхи, лишай, ягели, тощія сѣрыя сосенки, затканныя мохомъ, какъ паутиною; слишкомъ тонкіе, часто надломленные стволы ихъ тянулись вверхъ, какъ исхудалыя больныя ноги и руки съ красноватою, воспаленной и шелушащейся кожей. Между ними воздухъ дрожалъ и струился отъ зноя. А надо всѣмъ — безпощадное небо, какъ раскаленная добѣла мѣдь. Тишина мертвая. И безпредѣльный ужасъ въ этой ослѣпительно-сверкающей полдневной тишинѣ.

Опять оглянулся и узналъ мѣсто, на которомъ бывалъ часто и гдѣ проходилъ еще сегодня утромъ. Въ самомъ концѣ длинной просѣки, можетъ-быть, лѣсной дороги, про-

ложенной нѣкогда шведами, но давно покинутой и заросшей верескомъ, блестѣло озеро. Это мѣсто было не далеко отъ кельи о. Сергія. Вѣрно, блуждая, сдѣлалъ кругъ и вернулся туда, откуда вышелъ. Почувствовалъ смертельную усталость какъ будто прошелъ тысячи верстъ, шелъ и будетъ итти такъ всегда. Подумалъ, куда идетъ и зачѣмъ? Въ невѣдомое Опоньское царство, или невидимый Китежь-градъ, въ которые ужъ самъ не вѣрить?

Опустился въ изнеможеніи на корни сухой сосны, одиноко возвышавшейся надъ мелкою порослью. Все равно итти некуда. Лежать бы такъ, закрывъ глаза, не двигаясь, пока смерть не придетъ.

Вспомнилъ то, что говорилъ ему одинъ изъ учителей новой вѣры, которыхъ называли *нѣтовцами*, потому что на всякое церковное *да* они отвѣчали *нѣтъ*: «нѣтъ церкви, нѣтъ священства, нѣтъ благодати, нѣтъ таинствъ — все взято на небо». — Ничего нѣтъ, ничего не было, ничего не будетъ, думалъ Тихонъ. — Нѣтъ Бога, нѣтъ міра. Все погибло, все кончено. И даже конца нѣтъ. А есть безконечность ничтожества.

Долго лежалъ въ забытіи. Вдругъ очнулся, открылъ глаза и увидѣлъ, что съ востока надвинулась и уже охватила полнеба огромная синяя, черная туча съ бѣлесоватыми пятнами, словно гнойными нарывами на посинѣвшемъ и распухшемъ тѣлѣ. Медленно, медленно, какъ исполинскій паукъ съ отвислымъ жирнымъ брюхомъ, съ косматыми косыми лапами, подползла она къ солнцу, точно подкралась, протянула одну лапу — и солнце задрожало, померкло. По землѣ побѣжали быстрыя-быстрыя сѣрыя паучьи тѣни, и воздухъ сдѣлался мутнымъ, липкимъ, какъ паутина. И пахнуло удушливымъ зноемъ, какъ изъ открытой пасти звѣря.

Тихонъ задыхался; кровь стучала въ виски; въ глазахъ темнѣло; холодный потъ выступалъ на тѣлѣ отъ страшной истомы, подобной тошнотѣ смертной. Хотѣлъ встать, чтобъ какъ-нибудь дотащиться до кельи о. Сергія и умереть при немъ, но не было силъ; хотѣлъ крикнуть, но не было голоса.

Вдругъ далеко-далеко, въ самомъ концѣ просѣки, на черно-синей тучѣ заблѣло что-то, зарѣяло, какъ освѣщенный солнцемъ бѣлый голубь. Стало расти, приближаться. Тихонь вглядывался пристально и, наконецъ, увидѣль, что это старичокъ бѣленькій идетъ по просѣкѣ шажками быстрыми, легкими, какъ будто несется по воздуху — прямо къ нему.

Подошелъ и сѣлъ рядомъ на корни сосны. Тихону казалось, что онъ уже видѣль его, только не помнитъ, гдѣ и когда. Старичокъ былъ самый обыкновенный, какъ будто одинъ изъ тѣхъ странничковъ, которые ходятъ съ иконами по городамъ и селеньямъ, по церквамъ и обителямъ, собирая подаянія на построение новаго храма.

— Радуйся, Тишенька, радуйся! — молвилъ онъ съ тихой улыбкой, и голосъ у него былъ тихій, какъ жужжаніе пчель или дальній благовѣсть.

— Кто ты? — спросилъ Тихонь.

— Иванушка я, Иванушка. Аль не узналъ? Господь послалъ меня къ тебѣ, а за мной и Самъ будетъ скоро.

Старичокъ положилъ руки на голову Тихона, и ему стало покойно, какъ ребенку на рукахъ матери.

— Усталъ, бѣдненькій? Много васъ у меня, много дѣтушекъ. Ходите по міру, нищіе, сирые, терпите холодъ и голодъ, и скорбь, и тѣсноту, и гоненіе лютое. Да не бойтесь-ка, миленькіе! Погодите, ужо соберу я васъ всѣхъ въ новую Церковь Грядущаго Господа. Была древняя Церковь Петра, Камня стоящаго, будетъ новая Церковь Іоанна, Грома летящаго. Ударить въ камень громъ, и потечетъ вода живая. Первый завѣтъ Ветхій — Царство Отца, второй завѣтъ Новый — Царство Сына, третій завѣтъ Последній — Царство Духа. Едино — Три, и Три—Едино. Вѣренъ Господь обѣщающій, Который есть и былъ, и грядетъ!

Лицо у старичка стало вдругъ юное, вѣчное. И Тихонь узналъ Іоанна, Сына Громова.

А старичокъ бѣленькій поднялъ руки свои къ черному небу и воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— И Духъ, и Невѣста говорятъ: Приди! И слышавшій да скажетъ: Приди! И Свидѣтельствующій сіе говоритъ: ей, гряду скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!

— Ей, гряди, Господи! — повторилъ Тихонъ и тоже поднялъ руки къ небу съ великою радостью, подобной великому ужасу.

И засверкала молнія, бѣлая въ черномъ небѣ, какъ будто небо разверзлось.

И Тихонъ увидѣлъ Подобнаго Сыну Человѣческому. Глава Его и волосы были бѣлы, какъ бѣлая волна, какъ снѣгъ; и очи Его, какъ пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану, какъ раскаленные въ печи; и лицо Его, какъ солнце, сіяющее въ силѣ своей.

И семь громовъ проговорили:

— Святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Вседержитель, Который есть и былъ, и грядетъ.

И громы умолкли, и наступила тишина великая, и въ тишинѣ слышался голосъ, болѣе тихій, чѣмъ сама тишина:

— Я есмь альфа и омега, начало и конецъ, первый и послѣдній. И живой. И былъ мертвъ. И се, живъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

— Аминь! — повторилъ Іоаннъ, Сынъ Громовъ.

— Аминь! — повторилъ Тихонъ, первый сынъ Церкви Громовой. И палъ на лицо свое, какъ мертвый, и онѣмѣлъ навѣки. . . . .

Очнулся въ кельѣ о. Сергія.

Весь день тосковалъ старецъ о Тихонѣ, томимый предчувствіемъ, что съ нимъ случилось недоброе. Часто выходилъ изъ кельи, блуждалъ по лѣсу, искалъ его и кликалъ: «Тишенька! Тишенька!» — но только пустынный отзвукъ отвѣчалъ ему въ предгрозной тишинѣ.

Когда надвинулась туча, въ кельѣ стало темно, какъ ночью. Лампада теплилась въ глубинѣ пещеры, гдѣ оба старца молились.

О. Иларіонъ пѣлъ псаломъ:

Гласъ Господень надъ водами, Богъ славы возгремѣлъ, Господь надъ водами многими.

Гласъ Господа силенъ, гласъ Господа величественъ.

Вдругъ, ослѣпительно бѣлое пламя наполнило келью, и раздался такой оглушающій трескъ, что, казалось, гранитныя стѣны, въ которыхъ построена келья, рушится.

Оба старца выбѣжали вонъ изъ кельи и увидѣли, что сухая сосна, которая возвышалась одиноко на краю просѣки, надъ мелкою порослью, горитъ, какъ свѣча, яркимъ огнемъ на черномъ небѣ, должно-быть, зажженная молніей.

О. Сергій пустился бѣжать съ громкимъ крикомъ: «Тишенька! Тишенька!» О. Иларіонъ — за о. Сергіемъ. Подбѣжавъ къ соснѣ, нашли они Тихона, лежавшаго безъ чувствъ, у самага подножія горящаго дерева. Подняли его, перенесли въ келью, и такъ какъ не было другой постели, то уложили въ одинъ изъ гробовъ, въ которыхъ сами спали. Думали сперва, что онъ убитъ громомъ. О. Иларіонъ хотѣлъ уже читать отходную. Но о. Сергій запретилъ ему и сталъ читать Евангеліе. Когда прочелъ слова:

Истинно, истинно говорю вамъ: наступаетъ время и наступило уже, когда всѣ находящіеся въ гробахъ услышатъ гласъ Сына Божьяго и услышавши оживутъ.

Тихонъ очнулся и открылъ глаза. О. Иларіонъ упалъ на полъ отъ ужаса: ему казалось, что о. Сергій воскресилъ мертваго.

Скоро Тихонъ совсѣмъ пришелъ въ себя; всталъ и сѣлъ на лавку. Онъ узнавалъ о. Сергія и о. Иларіона, понималъ все, что ему говорили, но самъ не говорилъ и отвѣчалъ только знаками. Наконецъ они поняли, что онъ онѣмѣлъ — должно-быть, отъ страха языкъ отнялся. Но лицо у него было свѣтлое; только въ этой свѣтлости — что-то страшное, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, воскресъ онъ изъ мертвыхъ.

Сѣли за трапезу. Тихонъ пилъ и ѣлъ. Послѣ трапезы, стали на молитву. О. Иларіонъ въ первый разъ молился съ Тихономъ, какъ будто забылъ, что онъ — еретикъ, и

видимо чувствовалъ къ нему благоговѣніе, смѣшаное съ ужасомъ.

Потомъ легли спать—старцы, какъ всегда, въ свои гробы въ пещерѣ, а Тихонъ въ избѣ на полати надъ печкою.

Гроза бушевала, выль вѣтеръ, лиль дождь, шумѣли волны озера, громъ гремѣлъ, не умолкая, и въ оконце свѣтилъ почти непрерывный бѣлый свѣтъ молній, сливаясь съ краснымъ свѣтомъ лампадки, которая теплилась въ пещерѣ передъ образомъ Нечаянной Радости. Но Тихону казалось, что это — не молніи, а старичокъ бѣленькій склоняется надъ нимъ, говоритъ ему о Церкви Іоанна, Сына Громова, и ласкаетъ его, и баюкаетъ. Подъ шумъ грозы заснулъ онъ, какъ ребенокъ подъ колыбельную пѣсенку матери.

Проснулся рано, задолго до восхода солнечнаго. Поспѣшно одѣлся, собрался въ путь, подошелъ къ о. Сергію, который почивалъ еще въ гробу своемъ, такъ же какъ о. Иларіонъ, сталъ на колѣни и тихонько, стараясь не разбудить спящаго, поцѣловалъ его въ лобъ. О. Сергій открылъ на мгновеніе глаза, поднялъ голову и проговорилъ: «Тишенька!» — но тотчасъ опять опустилъ ее на камень, который служилъ ему изголовьемъ, закрылъ глаза и заснулъ еще глубже.

Тихонъ вышелъ изъ кельи.

Гроза миновала. Снова наступила тишина великая. Только съ мокрыхъ вѣтокъ падали капли. Пахло смолистою хвоей. Надъ черными острыми елями въ золотисто-розовомъ небѣ свѣтилъ тонкій серпъ юнаго мѣсяца.

Тихонъ шель, бодрый и легкій, какъ бы окрыленный великою радостью, подобной великому ужасу, и зналъ, что будетъ такъ итти, въ нѣмотѣ своей вѣчной, пока не пройдетъ всѣхъ путей земныхъ, не вступитъ въ Церковь Іоаннову и не воскликнетъ осанну Грядущему Господу.

Чтобъ не заблудиться, какъ вчера, онъ шель высокими скалистами кряжами, откуда видны были берегъ и озеро. Тамъ, на краю небесъ, лежала грозовая туча, все еще синяя, черная, страшная, и заслоняла восходъ солнечный. Вдругъ первые лучи, какъ острые мечи, пронзили ее, и хлынули

въ ней потоки огня, потоки крови, какъ будто уже совершалась тамъ, въ небесныхъ знаменіяхъ, послѣдняя битва, которою кончится міръ: *Михаилъ и ангелы его воевали противъ Дракона, и Драконъ и ангелы его воевали противъ нихъ, но не устояли, и не нашлось уже для нихъ мѣста на небѣ. И низверженъ былъ великій Драконъ, древній Змій.*

Солнце выходило изъ-за тучи, сіяя въ силѣ и славѣ своей, подобное лику Грядущаго Господа.

И небеса, и земля, и вся тварь пѣли безмолвную пѣснь восходящему солнцу:

— Осанна! Тьму побѣдитъ Свѣтъ.

И Тихонъ, спускавшійся съ горы, какъ бы летѣвшій навстрѣчу солнцу, самъ былъ весь, въ нѣмотѣ своей вѣчной, вѣчная пѣснь Грядущему Господу:

— Осанна! Антихриста побѣдитъ Христось.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Въ примѣчаніи къ XII-й книгѣ журнала «Міръ Божій» за 1900 годъ было указано, что послѣдняя часть трилогіи («Петръ и царевичъ Алексѣй») готовится къ печати и выйдетъ черезъ нѣсколь-ко мѣсяцевъ. Появленіе, однако, въ печати романа задержалось. Онъ началъ печататься лишь черезъ три года и появился въ жур-налѣ «Новый Путь» за 1904 годъ въ книгахъ I-й (стр. 1 — 38), II-й (стр. 112 — 175), III-й (стр. 1 — 18), IV-й (стр. 1 — 32), V-й (стр. 1 — 27), IX-й (стр. 1 — 47), X-й (стр. 1 — 32), XI-й (стр. 1 — 38), XII-й (стр. 186 — 227), при чемъ романъ не былъ оконченъ въ томъ году.

Въ отдѣльномъ изданіи романъ появился впервые въ 1905 г. Второе изданіе относится къ 1906 году.

Въ полномъ собраніи сочиненій Д. С. Мережковскаго, издан-номъ въ 1911 году товариществомъ М. О. Вольфъ, романъ помѣ-щенъ въ томахъ IV и V-мъ.

Романъ переводился на иностранные языки и выдержалъ рядъ изданій, изъ которыхъ укажемъ на слѣдующіе:

НѢМЕЦКІЙ ЯЗЫКЪ.

Mereschkowski, Dmitry.

Peter der Grosse und sein Sohn Alexei.

Leipzig 1905 г.

Mereschkowski, Dmitry Serg.

Peter der Grosse und sein Sohn Alexei.

Historischer Roman aus Russlands grosser Zeit.

Deutsch von Carl v. Gütschow

Leipzig.

Verlagsbuchhandl. Schulz u. Co. 1905.

8°. 1905. 1. 512.

ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Merejkowcky, Dmitry.

Pierre le Grand.

Pierre et Alexis.

Traduit du russe 5-e ed.

Paris.

Calmann-Lévy, éditeurs.

8°. G. a. 1 v. 295.

Merejkowsky, Dmitry.

Pierre et Alexis.

L'antéchrist.

Traduit du russe.

Paris.

Calmann-Lévy, éditeurs.

8° G. a. 1v. 460.

АНГЛІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Merejkowski, Dmitri.

Peter and Alexis.

An Historical Novel.

Sole Authorized Translation from the Russian.

London.

Archibald Constable a. Co. 1905.

8° 1905. 1. 556.

Литература о Д. С. Мережковскомъ—«Библиографическій указатель литературы о произведеніяхъ Д. С. Мережковскаго»—въ XXIV томѣ настоящаго изданія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Книга VI. Царевичъ въ бѣгахъ	5
» VII. Петръ Великій	70
» VIII. Оборотень	107
» IX. Красная смерть	149
» X. Сынъ и отецъ	197
» XI. Христось Грядущій	242
Примѣчанія. — Литература	289
